

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

На правах рукописи

Белоусов Константин Игоревич

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ТЕКСТА

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Оренбург 2005

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ: МЕТОД, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ.....	22
1.1. ПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ БАЗОВЫХ КАЧЕСТВ ТЕКСТА.....	22
1.1.1. Пространственно-временное бытие текста.....	22
1.1.2. Уровневая организация метода позиционного анализа.....	31
1.1.3. Теоретические и прикладные аспекты позиционного анализа текста.....	38
1.2. СИСТЕМОДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕКСТА.....	62
1.2.1. Две интерпретации системного подхода.....	62
1.2.2. Деятельностный подход и текстовая деятельность.....	70
1.2.3. Деятельностный анализ текста.....	84
1.2.4. Системнодеятельностный подход к организации исследования.....	106
1.3. ТЕОРИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ТЕКСТА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА.....	116
1.3.1. Теория и метод в лингвистике.....	116
1.3.2. Теория, «теория» или теории текста?.....	128
1.3.3. Форма как базовый компонент теории формообразования и онтологической схемы текста.....	145
Выводы по первой главе.....	155
ГЛАВА 2. ТЕКСТ КАК МАТЕРИАЛЬНО-ИДЕАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО.....	157
2.1. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА.....	157
2.1.1. Вводные замечания о материальной стороне текста.....	157

2.1.2. Динамика размеров предложения в позиционном аспекте.....	167
2.1.3. Семиозис просодической организации текста.....	193
2.2. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СИМУЛЬТАННОГО	
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА.....	217
2.2.1. Метод семантического картирования текста.....	217
2.2.2. Системно-структурная значимость компонентов семантического пространства текста.....	243
Выводы по второй главе.....	260
ГЛАВА 3. ТЕКСТ КАК СУКЦЕССИВНО-СИМУЛЬТАННОЕ	
ЕДИНСТВО.....	264
3.1. КОНТУР ТЕКСТА КАК СУКЦЕССИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИМУЛЬТАННЫХ СТРУКТУР. ТРЕХМЕРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР.....	264
3.2. МОДЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФОРМЫ ТЕКСТА.....	281
3.3. МЕТОД СИНХРОНИЗАЦИИ КОНТУРОВ КАК СИНТЕЗ РЕЗУЛЬТАТОВ МНОГОПРЕДМЕТНОГО ОПИСАНИЯ ТЕКСТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМЫ ТЕКСТА).....	305
Выводы по третьей главе.....	331
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	334
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	343

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

АСП₁ – первая абсолютно слабая позиция;

АСП₂ – вторая абсолютно слабая позиция;

ГУ – граничные условия;

ГЦ – гармонический центр всего текста;

ГЦн – гармонический центр зоны начала;

ДП – деятельность продуцента;

ДТ – деятельность в тексте;

КА – креативный аттрактор.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа **посвящена** изучению формы текста как интегральной модели разнопредметных текстовых структур и разработке исследовательской программы, направленной на осуществление полиструктурного синтеза текста. Под *полиструктурным синтезом*, рассматриваемым в качестве базиса деятельности-онтологической концепции формообразования текста, понимается построение такой структуры, составными частями которой являлись бы отдельные (прежде автономные) разнопредметные текстовые структуры. Основа же возможного синтеза обеспечивается единством *субстанциальных (онтологических) свойств текста*, что делает значимым его *онтологическое описание* (см.: [Розин-2001; Щедровицкий-1995; Cornman-1995]), направленное на выявление базовых (конститутивных) качеств (свойств, атрибутов), которые создают текст и без которых его бытие невозможно, а также на изучение текста в аспекте выделенных качеств. В этом состоит *онтологическая составляющая* развиваемой нами концепции. Само онтологическое описание текста производится в рамках *системнодеятельностного подхода* (см.: [Губин-1993; Каган-1974; Щедровицкий-1995; Юдин-1997]), являющегося в силу данного обстоятельства системнодеятельностной, или, кратко, *деятельностной составляющей* концепции.

Интерес к онтологии языка, поиску адекватных моделей ее описания и изучения характерен для всех областей языкознания [Адмони-1988; Гак-1998; Гаспаров-1996; Гумбольдт-1984; Ельмслев-2002; Жинкин-1998; Караулов-2002; Кацнельсон-1986; Колшанский-1965; Леонтьев-1974а; Лосев-2004; Николаева-2000; Солнцев-1971; Соссюр-1977; Степанов-2005; Хомский-1972; Щерба-2004; Coirier-1996; Cornman-1967; Greetham-1999; Grigely-1995; New methods...-1984 и мн. др.]. Именно поэтому онтологическое описание *интегральной языковой единицы – текста –* в рамках теоретической лингвистики является **актуальным** и способствует развитию и углублению представлений о языке как материально-идеально-социальном единстве.

К качествам, являющимся базовыми для онтологического описания текста, мы относим *пространственно-временное осуществление текста, его одновременное материальное (физическое) и идеальное (семантическое) бытие, сукцессивно-симультанную организацию, функциональность и целостность*. Поэтому полиструктурный синтез на первом этапе должен охватывать такие аспекты онтологии текста, как материальное (физическое) и идеальное (семантическое) его бытие; процессуальность (сукцессивность, текст как процесс) и результативность (симультанность, текст как результат). По мере достижения полноты описания в полиструктурный синтез могут включаться новые аспекты, например, такие, как фактура текста (устный, рукописный, печатный, электронный и др.), сфера его бытования (учебная и художественная деятельность, бытовое общение и др.), что может являться предметом отдельных исследований.

Сам же текст как исходная реальность гуманитарного знания (С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин) и непосредственная форма существования языка невольно становится таким объектом исследования, предметное пространство которого формируется под влиянием многих научных концепций и направлений (например, дериватологии, психосемантики, когнитивизма; звуко-символизма; представления текста как функциональной системы, самоорганизующейся системы; концептуальной системы и др.) [Белянин-2002б; Дымарский-2001; Москальчук-1998,-2003; Мурзин-1991,-1998; Николаева-2000; Пищальникова-1999; Сорокин-1985; Халина-1997; Чувакин-2000; Шабес-1989 и др.]. Разнообразие подходов к тексту порождает многочисленные варианты его понимания. В зависимости от парадигмальных установок, предметной области, целей исследования изучаемый феномен каждый раз определяется некоторым набором параметров (характеристик, качеств, признаков), каждый из которых в некотором смысле становится уникальным.

Поэтому многообразие подходов к исследованию текста, с одной стороны, открывает все новые и новые его измерения, а с другой – вызывает чувство эпистемологической неуверенности, следствием которой становится

переход от системности (*теория* текста) к разрозненной множественности (*теории* текста). Так, например, современный английский исследователь D.C. Greetham в основу возможного понимания текста кладет плюралистический принцип: «Мои «теории текста» – это теории письма и чтения, интенции и восприятия, теории передачи и искажения информации, теории авторской концепции и ее социального бытования и деформации. То есть это не одна теория, а много теорий текста. Эти теории охватывают многочисленные литературоведческо-критические направления, включая культурологию, феминизм, марксизм, психоанализ, новую и старую историографию (перевод наш. – К.Б.)» [Greetham-1999, p. 1]. В этой связи мнение Т.М. Николаевой о том, что «...необходимо различать работы по теории текста и ту теорию, которая может быть построена на базе этих работ, в свою очередь рассматриваемых как исходный базисный текст» [Николаева-2000, с. 412], расценивается нами как одна из попыток возврата к системности.

Таким образом, в настоящее время вектор развития общей теории текста, на наш взгляд, должен быть переориентирован с анализа полиструктурности (множественности структур) текста на структурный синтез, поэтому мы полагаем, что разработка моделей синтеза текстовых структур является **актуальной** проблемой общей теории текста.

Проводимое исследование **актуально** и в методологическом аспекте, поскольку направлено на разработку *целостной исследовательской программы изучения формы текста* как интегральной модели разнопредметных текстовых структур в аспекте онтологических качеств текста. Исследовательская программа включает в себя: теоретико-экспериментальный подход и специально разработанный для общей теории текста системнодеятельностный подход; базовый метод позиционного анализа текста в совокупности всех его уровней; психолингвистические методы и методики; ряд специальных методов, направленных на реконструкцию симультанного и сукцессивного состояния пространств (предметных проекций) текста и правил перевода симультанных структур в сукцессивные; ряд общенаучных методов,

включая методы вероятностно-статистического анализа и метод моделирования, служащий посредником между эмпирическими наблюдениями и теоретическим прогнозированием.

Включение в проблемное поле работы общенаучных методов и понятий, положений теории функциональных систем и теории самоорганизации, ориентация на количественные методы и моделирование позволяют утверждать междисциплинарную направленность исследования, являющуюся продуктивной для современного языкознания [Белянин-2002б; Воронин-2002; Гаспаров-1974; Дридзе-1984; Жинкин-1998; Залевская-2001; Зимняя-2001; Карпов-2003; Количественная...-2005; Коммуникативная...-2001; Корбут-2005; Кубрякова-1991а; Левицкий-1998; Леонтьев-1979; Москальчук-1998; Основы теории текста-2003; Пиотровский-1996; Пищальникова-1999; Романов-2004; Сорокин-1985; Тарасов-1989; Халина-1997; Черемисина-Ениколопова-1999; Шабес-1989]. В работе последовательно утверждается единство и взаимозависимость методологии и теории, что находит отражение в системной организации развиваемой деятельностно-онтологической концепции формообразования текста, открывающей возможность перехода к модельным исследованиям в области общей теории текста.

Базовым конструктом, обеспечивающим осуществление полиструктурного синтеза, становится *форма текста* – новый объект теоретической лингвистики (о понятии нового лингвистического объекта см.: [Караулов-1981, с. 140; Сахарный-1991, с. 236]). Изучение *формы текста* в общелингвистических исследованиях имеет аспектный и, в целом, фрагментарный характер. Так, в стиховедении были обнаружены связи между метrorитмической организацией стиха, его идейно-тематической направленностью и культурными традициями [Гаспаров-1974,-1999; Гринбаум-2000; Тарановский-2000; Ярхо-2001 и др.]. В лингвистике изучалась связь интонации, семантики и культурных феноменов [Васильева-1990,-1992; Радионова-1986; Черемисина-Ениколопова-1999 и др.], связь длины предложения, размера абзаца со стилем [Акимова-1990; Головин-1970; Кухаренко-1980; Лескис-1963; Москаль-

чук-1998,-2003 и др.]; в психолингвистике – связь звука и семантики [Воронин-2002; Журавлев-1981; Левицкий-1998 и др.]; в эстетике и искусствоведении – связь формы и ее эстетического воздействия [Асафьев-1963; Волошинов-2000; Выготский-1998; Розенов-1982; Сороко-1984; Черемисина-1981 и др.] и мн. др.

Полагаем, что исследование формы текста может быть обращено не на отдельные ее аспекты (стороны, проявления), а на нее самоё, рассматриваемую как *способ организации и организацию языкового субстрата в некоторое функционально завершённое целое*, что является **актуальным** для теории *формообразования текста* [Белоусов-2002б-2005в,д; Блазнова-2002; Ионова-2003; Дорофеева-2004; Корбут-1994,-2004,-2005а; Коржнева-2003; Москальчук-1990,-1998,-2003; Пушкина-2004; Солодянкина-2004]. При таком подходе форма текста и текст понимаются как феномены, объективно, т.е. независимо от нас, существующие и раскрывающиеся для нас в виде предметных проекций – *текстовых пространств*.

Каждый из предметов с помощью операций абстрагирования, анализа, моделирования и др. предстает в виде системы, «наделяется» структурой. Естественно, структуры отдельных предметов объекта могут различаться. Но у данных структур должно быть и нечто общее, поскольку это структуры предметов *одного и того же объекта. Эта общность и есть форма, присутствующая объекту*. Если структура – производная исследовательской деятельности, конструкт, то форма – феномен. Форма организует объект таким образом, что, будучи рассмотренная сквозь призму тех или иных его предметов, она воплощается в их структуры, имеющие поэтому общность своего происхождения. По сути, *структура – это проекция формы на предметную область*. Отсюда следует, что форма может моделироваться только на основании сопоставления ряда ее структур: выявления общего и случайного, т.е. полипредметного и, следовательно, полиструктурного описания объекта. Мы говорим о *моделировании* формы, поскольку в процессе ее реконструкции будет появляться не сама форма, а ее более или менее достоверные аппрок-

симации (ср. с концептами и конструктами в концепции А.А. Залевской [Залевская-2001, с. 30-34]).

Форма текста является предметом теории формообразования текста, наиболее разработанными аспектами которой до настоящего времени оставались «симметрологический», «позиционный» и «оптимологический». «Позиционный» аспект связан с изучением и единообразным описанием позиций текста (его позиционной структуры) [Белоусов-2002б-2005в,д; Блазнава-2002; Ионова-2003; Корбут-1994,-2004,-2005а; Москальчук-1990,-1998,-2003], «симметрологический» аспект направлен на исследование формы с позиции теории симметрии (форма текста как сочетание групп симметрии и асимметрии) [Дорофеева-2004; Корбут-1994,-2004,-2005а; Москальчук-1990,-1998,-2003], а «оптимологический» аспект посвящен анализу оптимальной организации формы текста [Белоусов-2002б-2005в,д; Москальчук-1998,-2003; Пушкина-2004; Солодянкина-2004].

Гораздо менее актуализированным является «деятельностный» аспект (зависимость формообразования текста от вида текстовой деятельности: учебной, художественной, экспериментальной, переводческой, рекламной и др.) [Белоусов-2002б,-2005в,д,е; Коржнева-2003]. Практически неразработанным до недавнего времени оставался «полиструктурный» аспект изучения формы текста, связанный с проблемой синтеза текстовых структур. Отдельные попытки «вхождения» в описываемое проблемное поле предпринимались нами ранее [Белоусов-2002б]. Однако тогда еще не было определено понятие формы в его отношении к структуре, субстрату, способам ее экспликации, а также отсутствовало само понятие полипредметного (полиструктурного) синтеза и, в конечном счете, возможность создания деятельностной исследовательской программы для его осуществления даже не обсуждалась. При этом в отличие от исследований, проводимых ранее в рамках теории формообразования текста, в центре нашего внимания будут находиться не текстовые выборки (обращение к которым особенно характерно для «симметрологического» и «позиционного» аспектов), а единичные тексты. Это

позволит осуществить восхождение от абстрактного к конкретному и сосредоточиться на изучении закономерностей «частной жизни текста».

Объектом исследования является текст как пространственно-временной полионтологический языковой объект, **предметом** – форма текста.

Цель работы заключается в разработке деятельностно-онтологической концепции формообразования текста, направленной на осуществление полипредметного (полиструктурного) синтеза в аспекте онтологических качеств текста: пространственно-временной протяженности, полионтологичности, сукцессивно-симультанной организации, функциональности и целостности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) разработать методологический подход, позволяющий проводить онтологическое описание текста, и рассмотреть конститутивные качества текста в контексте заявленного подхода;

2) установить теоретические и экспериментальные параметры моделирования формы текста с учетом его пространственно-временной протяженности, материально-идеального существования, сукцессивно-симультанной организации, функциональности и целостности;

3) проанализировать возможности и строение базового метода теории формообразования – позиционного анализа;

4) реконструировать предметные проекции текста (просодическую, семантическую, эмоциональную) в аспекте их симультанности и сукцессивности, и создать процедуры, позволяющие осуществлять перевод симультанных структур в сукцессивные;

5) разработать методы, направленные на синтез результатов многопредметного описания, синхронизацию сукцессивных текстовых разнопредметных структур;

6) обнаружить способы модельного изучения формообразования текста;

7) установить критерии оценки функциональной оптимальности формы текста.

Методологической основой исследования являются теоретико-экспериментальный и системнодеятельностный подходы.

Теоретико-экспериментальный подход ориентирует исследование на получение достоверного воспроизводимого знания. Теоретические построения, возникающие в связи с принятием допущений, следствий теории и моделируемые при помощи мысленного эксперимента, посредством эксперимента «реального» проходят необходимый для достоверного знания этап верификации [Кэмпбелл-1996; Рузавин-1999; Сичивица-1972; Степин-2000].

Системнодеятельностный подход, понимаемый как синтез системного и деятельностного подходов [Губин-1993; Каган-1974; Щедровицкий-1995,-1999; Юдин-1997], направлен на применение принципа системно организованной деятельности к изучению текстовой деятельности и организации ее исследования. В рамках системнодеятельностного подхода дается определение текста и текстовых пространств, формы текста и текстовых структур, а также появляется возможность работы с такими качествами, как полионтологичность (одновременное материально-идеальное бытие) текста и кооперативность текстовых пространств.

Методы исследования. Так как в настоящее время не существует общепринятого варианта теории текста (см.: [Болотнова-1999; Валгина-2003; Дымарский-2001; Николаева-2000; Основы теории текста-2003; Филиппов-2003; Coirier-1996; Greetham-1999; Mial-1994 и др.]), а теория формообразования текста только создается, поэтому отдельные фрагменты исследования осуществлялись путем *независимого описания* с опорой на статистические данные, извлеченные из наблюдения над текстами, а также полученными в ходе проведения экспериментальных исследований.

Специфика поставленных задач и методологический базис обусловили использование следующих методов и приемов исследования:

- 1) позиционного анализа текста, предназначенного для исследования текста с позиции его пространственно-временной организации;
- 2) методов семантического картирования текста и семантико-просодического анализа текста, направленных на реконструкцию симультанных текстовых разнопредметных структур; метода графосемантического моделирования, выявляющего системно-структурную значимость компонентов;
- 3) методов построения семантического контура, переводящего симультанную семантическую структуру в сукцессивную, «пошагового восприятия текста» и синхронизации контуров, позволяющего синтезировать результаты многопредметного описания текста;
- 4) психолингвистического метода шкалирования и экспериментальной методики «рассыпной текст», направленной на верификацию основных методов теории формообразования;
- 5) методов филологического анализа текста;
- 6) метода моделирования, методов вероятностно-статистического анализа, включая корреляционные методы, факторный и кластерный анализ;
- 7) аппаратных методов записи и обработки звучащей речи.

Достоверность полученных результатов обеспечивается последовательной методологической организацией исследования, применением разноаспектных методов и установлением процедур их оценки на основе вероятностно-статистического анализа и экспериментальной проверки, ориентацией исследования на количественные методы и метод моделирования, использованием современных компьютерных технологий: специализированных программ Cool Edit Pro, Statistica, Lingvo-7 и др., позволяющих записывать, распознавать и анализировать речь. Многие результаты исследования получены независимыми друг от друга методами. Так, итоговое модельное рассмотрение оптимальности возможных вариантов формы текста верифицировано посредством психолингвистического эксперимента.

Материал исследования. Всего использовано свыше 3100 текстов разных фактур, объемов, различающихся жанрово-стилевой принадлежно-

стью. Привлечение разнокачественного материала обусловлено теоретическим характером и многоаспектностью исследования: наряду с «полиструктурным» аспектом теории формообразования привлекались данные, полученные в рамках «позиционного», «симметрологического», «оптимологического» и «деятельностного» ее аспектов. Таким образом, материалом исследования послужили:

– художественные произведения: «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева (82 текста), произведения И.А. Бунина, Н.И. Гнедича, Л. Енгибаряна, Ф. Кривина, В.П. Катаева, М.М. Пришвина, 18 текстов-басен Л.Н. Толстого, 310 стихотворных текстов, распределенных по тематическим группам *Весна, Лето, Осень, Зима, Утро, Вечер, Ночь, Творчество*;

– сочинения учащихся на темы *Зима, Весна, Грустный день в моей жизни*: школьники 7-10 классов – 150 реакций; 2-3 классов – 54 реакции;

– изложения школьников 5-9 классов по текстам Л.Н. Толстого – 450 текстов);

– тексты-описания студентов по заданным экспериментатором параметрам – 88 текстов;

– 73 фонозаписи чтения испытуемыми текстов *Лето..., Я стою и расту..., Осень..., Я шел..., Старушки*;

– 410 реакций в эксперименте по семантическому картированию 14 текстов; 227 реакций в эксперименте «пошаговое восприятие» 3 текстов; 50 текстов-реакций в эксперименте по шкалированию эмоционального пространства текста; 347 реакций в эксперименте «рассыпной текст»;

– 887 текстов-примитивов (наименований водки сегмента «малый премиум»), созданных в ходе открытой генерации на сайте www.e-generator.ru. В работе над названиями приняли участие 346 человек.

Кроме того, учтены, переинтерпретированы и обобщены некоторые результаты, полученные на материале исследования 906 поэтических текстов [Дорофеева-2004]; 3000 фольклорных текстов (сказки, былички, заговоры – каждая выборка по 1000 текстов) [Корбут-2002]. Полный объем привлечен-

ного к исследованию материала составляет более 7 000 разнообразных и отобранных случайным образом текстов.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые выполнено целостное описание текста в аспекте его пространственно-временного осуществления, одновременного материального (физического) и идеального (семантического) бытия, сукцессивно-симультанной организации, функциональности и целостности, и в рамках данного онтологического описания осуществлен полипредметный (полиструктурный) синтез, направленный на реконструкцию формы текста.

В качестве важнейшей составляющей данного синтеза изучены способы взаимосвязи материальных и идеальных сторон бытия текста, соотнесены ритмические (ритм размеров предложений) и семантические структуры процессов развертывания текста, выявлены сценарии его ритмико-семантического становления. Кроме того, осуществлена реконструкция просодической организации текста, в ходе которой просодические структуры были интерпретированы с помощью структур семантического пространства текста и внетекстовых стереотипных семантических структур.

В рамках экспериментального изучения организация семантического пространства впервые представлена как самоорганизующийся процесс синтеза слов в микротемы (все большей степени общности), проходящий по конкурирующим сценариям, и завершающийся наибольшей общностью – темой текста.

Впервые реализован перевод симультанных текстовых структур в сукцессивные, а также с помощью метода позиционного анализа текста и ряда специальных авторских методов синхронизированы разнопредметные сукцессивные текстовые структуры. Осуществлено моделирование становления эмоционального пространства текста как функциональной системы, состоящей из подсистем, имеющих разную онтологическую природу.

Впервые семантическое пространство текста реконструировано как целостная система с тотальной связностью ее компонентов, определены и соот-

несены друг с другом варианты его графического представления (сетевые, иерархические, пространственные). Выявлены способы оценки системно-структурной значимости компонентов текста и оценки оптимальности формы всего текста.

Осуществлено моделирование семантического контура текста, описывающего плотность семантических связей между лексемами в процессе развертки текста, что позволило, используя три независимых параметра сукцессивной реализации симультанного пространства, обратиться к моделированию всей парадигмы вариантов и оценке оптимальности каждого из них.

Использованы возможности факторного (и кластерного) анализа для изучения организации ритмического, просодического, семантического и эмоционального пространств текста, а также проведено сопоставление интерпретаций результатов факторного анализа разных текстовых пространств.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании деятельностно-онтологической концепции формообразования текста, направленной на осуществление полипредметного (полиструктурного) синтеза в аспекте онтологических качеств текста и поэтому являющейся специальной теорией в рамках общей теории текста. Значимость исследования связана и с разработкой системнодеятельностного подхода, создающего саму возможность проведения полипредметных (полиструктурных) анализа и синтеза, а также определения понятия формы по отношению к структуре, субстрату, текстовым пространствам. Заявленная программа полипредметного синтеза, осуществляемого на уровне онтологии текста, может способствовать созданию системно организованной теории текста.

Разработанные методы реконструкции симультантных и сукцессивных структур разнопредметных текстовых пространств, включающие в себя способы перевода симультантных структур в сукцессивные (семантическое картирование, графосемантическое моделирование, построение семантического контура), верифицированные посредством психолингвистического экспери-

мента, могут быть востребованы в психолингвистике при изучении продуцирования речи и создании достоверных моделей речевой деятельности.

Изучение структурной организации ритмического и просодического пространств (семантико-просодический анализ) раскрыло действие семиотического потенциала физического пространства текста. Исследование же механизмов кооперативного взаимодействия сукцессивных разнопредметных текстовых структур позволило доказать, что текст действительно является функциональной системой, отдельные подсистемы которой стремятся установить единый темпоритм их эволюции, следствием чего становятся конгруэнтные темпоритмические паттерны. Полученные результаты развивают синергетические видение языковой деятельности, представления о тексте как самоорганизующейся системе.

Детальное рассмотрение базового метода теории формообразования – позиционного анализа – выявило три его уровня, области приложения и возможности каждого из них. Созданные деятельностные программы *совместного* применения системнодеятельностного и теоретико-экспериментального подходов, метода позиционного анализа, ряда психолингвистических и аппаратных методов, методов филологического анализа текста, методов вероятностно-статистической обработки данных и метода моделирования направлены на развитие методологического базиса лингвистического исследования текста.

Выявленные три независимых параметра формообразования текста: позиционная локализация, интенсивность процесса и системно-структурная значимость компонентов – позволяют моделировать пространственно-временную развертку текста, реконструировать парадигму возможных его форм и выявлять наиболее оптимальную для восприятия форму. Квантитативный параметр системно-структурной значимости компонентов может применяться в любых исследованиях, посвященных структурной семантике.

Установленные пути реконструкции формы на основе многопредметного описания текста и синхронизации на пространственно-временной оси

интенсивности «волны» (контура) текста и системно-структурной значимости его единиц в сочетании с квантитативными методами и моделированием – все это позволило выйти на уровень модельного изучения семантической организации текста и его формы.

Практическая значимость работы. Работа входит в коллективную тему «Позиционный аспект общей теории текста» (ГР № 01.20.0001437 от 31.01.2000 г.), разрабатывавшуюся Лабораторией междисциплинарных филологических исследований Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина, а также в коллективную тему «Структурная организация текста» (ГР № 0120. 0 502594 от 01.10.2004 г.), разрабатываемую Лабораторией междисциплинарных филологических исследований Оренбургского государственного университета.

Полученные результаты могут использоваться в вузовских курсах филологического цикла: Общего языкознания, Психолингвистики, Методологии лингвистического исследования, Спецкурсах по теории текста, Филологического анализа художественного текста, Теории и практики перевода, Компьютерной лингвистики.

Результаты исследования могут применяться в конструировании обучающих методик, поскольку позволяют применять качественно-количественные оценки оптимизации восприятия речевого сообщения; могут быть критериями для отбора учебных текстов по отдельным дисциплинам в школе, а также применяться в разного рода экспертизах текста, рекламе и пр. Результаты, полученные в нашем исследовании, могут быть полезны в разработке компьютерных программ, предназначенных для оперирования с текстами, поскольку уточняют проблему соотношения формы текста и его проекций; материального и физического бытия текста. Выявленные качественно-количественные параметры и методы перевода симультанных структур в успешивные, а также методы реконструкции и синхронизации успешивных разнопредметных структур могут использоваться в процессах синтеза речи, обладающей правдоподобием.

Положения, выносимые на защиту:

1. Форма представляет собой способ организации и саму организацию языкового субстрата в целостное образование – текст. Текст как объект имеет своими предметами текстовые пространства, форма текста – структуры этих пространств. Структура – это проекция формы на предметную область. Форма текста как феномен может быть реконструирована на основе сопоставительного анализа нескольких сукцессивных разнопредметных структур.

2. Экспликация формы текста осуществляется как процесс полипредметного (полиструктурного) синтеза на уровне онтологического описания текста: пространственно-временного осуществления, одновременного материального (физического) и идеального (семантического) бытия, сукцессивно-симультанной организации, функциональности и целостности.

3. Физическое пространство текста является не только носителем значений, но и образует структуры, обладающие семиотическим потенциалом. Принципы организации текстовой материи связаны со структурированием семантического пространства текста и внетекстовых семантических структур, имеющих конвенционально-культурный характер.

4. Семантическое пространство текста представляет собой самоорганизующуюся систему, в которой одновременно по нескольким конкурирующим сценариям осуществляется процесс синтеза слов в микротемы (все большей и большей степени общности), завершающийся наибольшей общностью – темой текста.

5. Симультанные структуры разных предметных проекций (текстовых пространств) одного и того же текста имеют общие принципы организации, выявляемые в ходе количественного анализа с применением вероятностно-статистических методов и моделирования.

6. Структурные отношения целостных предметных проекций текста в их сукцессивной развертке не могут быть описаны в терминах изоморфизма и гомоморфизма. Сукцессивная развертка текста не производится под действием какой-либо одной эмоции, одного смысла и пр.

7. Сукцессивные текстовые структуры (просодические, семантические, эмоциональные) вступают в кооперативное взаимодействие в процессе развертки текста. Достижение полезного результата функциональной системой-текстом связано с установлением единого темпоритма ее различных подсистем и образованием конгруэнтных друг другу топологически организованных паттернов. Установление единого темпоритма структур, их коэволюция соотносятся с метроритмической организацией текста.

8. В качестве трех независимых параметров изучения и оценки сукцессивных структур любой предметной области текста выступают интенсивность процессов развертки текста, позиционная локализация и системно-структурная значимость его компонентов.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на следующих конференциях:

Международной научно-практической конференции «Мир языка и межкультурная коммуникация» (Барнаул, 16-17 мая 2001 г.). Международной научной конференции «Языковая ситуация в России начала XXI века» (Кемерово, 18-20 октября 2002 г.). Международной научной конференции «Когнитивная лингвистика и лингвосинергетика: проблемы и перспективы» (Москва, 2002 г.). Международной научной конференции «Концепт и культура» (Кемерово, 30 сентября 2003 г.). Международной научно-практической конференции «Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы» (Оренбург, 4-5 ноября 2004 г.). Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного словообразования» (Москва, 1-3 июля 2005 г.). II Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: Лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 22-24 сентября 2004 г.).

Всего по материалам исследования опубликовано 33 работы, включая монографию (Текст: пространство, время, темпоритм: монография. – Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – ISBN 5-86272-011-1), учебное пособие (Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта:

Наука, 2005. – 136 с. – ISBN 5-89349-852-6. – ISBN 5-02-033331–X) и 5 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание степени доктора наук. Общий объем опубликованных материалов – 50,9 п.л.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Библиографический список включает 344 наименований. В тексте 56 рисунков, 26 таблиц.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ: МЕТОД, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ

1.1. ПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ БАЗОВЫХ КАЧЕСТВ ТЕКСТА

1.1.1. Пространственно-временное бытие текста

Если попытаться взглянуть на современное состояние лингвистики со стороны методологии науки, то можно обнаружить, что происходит, на первый взгляд, сильное обновление содержания предмета за счет междисциплинарного контекста. Это касается уже не отдельных лингвистических ответвлений, как то: психолингвистики, социолингвистики, этнопсихолингвистики и др., – а распространяется на всю дисциплинарную область. Такого рода движение внутри науки, в первую очередь, направлено на поиск новых подходов к изучению онтологии языка и принципам ее описания [Белянин-2000б; Богин-2000,-2002; Гаспаров-1996; Залевская-2001; Зубкова-1999; Караулов-2002; Карпов-2003; Кубрякова-1991; Москальчук-1998,-2003; Павленис-1983; Пищальникова-1999; Розенов-1982; Сорокин-1989,-1993; Степанов-2001; Халина-1997,-1998; Чувакин-2000; Шабес-1989; Шаховский-1998 и мн. др.]. Каждая из создаваемых языковых моделей есть семиотическая система с характерными для нее организацией, взаимосвязью между элементами, правилами пользования. Появляющиеся в последние годы «когнитивные», «антропоцентрические» модели, несмотря на весь их критический пафос, так и не могут потеснить самую традиционную из существующих моделей – «язык как система знаков».

Происходит это, на наш взгляд, потому, что *онтологическое описание* языка (термин Г.П. Щедровицкого), проводимое, например, в рамках антропоцентрической парадигмы, или когнитивного подхода, по-прежнему игнорирует материальную сторону объекта изучения, что фактически оборачивается анализом той же языковой системы (точнее, фрагментов системы) в определенных условиях ее функционирования. Невнимательное отношение к

материальной стороне языка не дает возможности рассмотрения его как сложного материального, идеального и социального единства (о значимости звуковой стороны знака см.: [Жинкин-1998; Зубкова-1999; Николаева-2000; Черемисина-Ениколопова-1999; Шпет-2003]). Все чаще обоснованной критике подвергаются доминирующие представления о произвольности знака: «...характер означающего и его связь с означаемым не могут быть произвольными потому, что они формируются всей совокупностью иерархических (конститутивных), синтагматических и в особенности парадигматических отношений, задающих категоризацию языковых знаков в соответствии с их значением и функцией» [Зубкова-1999, с. 211].

Кроме того, в существующих моделях и теориях языка, построенных на базисе слов и предложений, не нашло отражение *реальное необратимое пространственно-временное бытие* как форма его движения, в силу чего функционирование языка не могло быть ни адекватно описано, ни, тем более, объяснено и спрогнозировано. *Ахронотопичность* лингвистических теорий явилась причиной исключения текста из явлений языка, с помощью введения дихотомии «язык-речь». Языковая модель (язык как система знаков) стала восприниматься как реальность, заслоняя собой сам язык (ср. с размышлениями о языке-конструкте и языке-феномене, языке₁ и языке₂, грамматике языка и грамматике лингвиста [Залевская-1999, с. 30-32; Кубрякова-1991а, с. 9-13; Тарасов-1987, с. 127 и др.]). Исходным моментом, с которого следует начинать описание онтологии языка, выступает выбор единицы описания, наиболее полно представляющей объект, – такой единицы, в которой сошлись бы физическое, концептуальное (содержательно-смысловое) и деятельностное измерение языка. Такой единицей, несомненно, является текст – языковая единица, в которой в полной мере и проявляются свойства языка. Текст есть форма жизни языка, что определяет статус текста: «...первичная данность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин-1997, с. 320].

Поэтому для понимания природы текста как *становящейся целостности* необходимо включение в его возможные определения и модели временного или пространственно-временного фактора. О значимости временного фактора для анализа текста писал Б.И. Ярхо, подводя фундамент под методологию точного литературоведения: «Литературное произведение воспринимается во времени, то есть формы его действуют на нас последовательно, сукцессивно... Есть целый ряд литературных форм, сама природа коих основана на порядке... А между тем, порядковый анализ еще находится в зачаточной стадии развития... Анализ сукцессивности можно прямо назвать делом будущего. Сейчас еще ничего не сделано. Речь идет о контрапунктировании, то есть о написании форм всех трех областей (фоники, стилистики и поэтики. – К.Б.) в том порядке, в каком они доходят до сознания, воспринимающего произведение в первый раз» [Ярхо-2001, с. 468]¹. Интерес к сукцессивной природе речевых произведений проявляют и психолингвисты [Выготский-1998; Жинкин-1998; Сахарный-1989 и др.]. Это обусловлено невозможностью охватить текст «единым взглядом» (симультанно, одномоментно), что является следствием его пространственно-временного осуществления в речемыслительной деятельности.

Если обратиться к бытию текста, то можно отметить, что в каждый момент времени в реальной речевой деятельности функционирует (бытийствует) только часть текста. Как целое текст существует в двух случаях:

- 1) ментальной репрезентации (в этом случае и говорится о целостности как о психолингвистическом явлении);
- 2) абстрактного исследовательского конструкта, где текст а) переводится в письменную форму, если до этого он существовал в форме устной, б) предназначается не просто для чтения, а для сопоставления разных единиц, находящихся в нем (исследования).

¹ О значимости фактора времени писал и Ф. де Соссюр: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линия <...> *это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы* (курсив наш. – К.Б.)» [Соссюр, с. 103].

Рассматривая пространственно-временное бытие текста, отметим, что текст закрепляется в письменном виде и воспринимается посредством зрения как пространственный феномен. (Мы говорим о письменной форме текста, поскольку исследователь вынужден иметь дело только с такой формой существования речи. В частности, изучение разговорной речи обязательно проходит фазу графической репрезентации устных форм). Осуществление анализа текста с опорой на его пространственное существование необходимо в силу того, что текст, будучи представленным в письменной форме, воспринимается как вещь, имеющая границы – начало и конец. Тем самым создается иллюзия целостности объекта, необходимая для его анализа. Моделирование целостности заключается в том, что фактор времени мысленно исключается из процесса функционирования текста; исследователь видит перед собой в любой момент времени не какую-либо часть текста, а весь текст, причем, письменный, как пространственный феномен. Расположенный в пространстве, текст, однако, не теряет совсем связи со временем: начало текста может быть отмечено исследователем как предшествующее, середина – как последующее, а конец – как самое позднее во времени (о чем говорил еще Аристотель). Но, по сути, наделение текста пространственным существованием создает условия для обратимости времени.

Поскольку время в письменном тексте становится привязанным к пространственным координатам, то оно обретает свойство равномерной длительности. Взамен темповой неоднородности разговорной речи полагается монотонность говорения, хотя, в принципе, исследователь может приписать тем или иным участкам текста различные темповые и ритмические (и иные) параметры на основе собственных наблюдений над текстом в его реальном функционировании. Этот недостаток моделирования (который легко, как мы видим, преодолим) покрывают многочисленные достоинства, из которых отметим следующие. Очевидно, что, переводя текст в пространственное измерение (в письменную форму), мы создаем условия для его воспроизводимости, для полного проявления формы текста. (Ср. «Становление, развертыва-

ние и проявление формы во всей полноте своих свойств требуют вполне определенного конечного времени. Более того, нельзя говорить о существовании такой формы, если она не является устойчивой, не воспроизводится в одном и том же виде на протяжении существенно большего, чем упоминавшееся, времени» [Сарычев-1996, с. 291]). Другим достоинством видится то, что исследователь может изучать внутрисистемные связи и отношения в тексте с любой (и в любой) его точки и так долго, сколько необходимо. При этом возникает вопрос: изучаются ли в подобном исследовательском режиме именно сущностные качества текста?

Ответ дает теория деятельности, согласно которой текст может рассматриваться как процесс и результат речемыслительной деятельности, как опредмеченная форма ее существования, и при этом он обладает пространственно-временной протяженностью, что и позволяет исследовать процессуальность создания и восприятия текста. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, если текстопорождение и текстовосприятие как деятельности односторонены во времени-пространстве, то исследовательская деятельность, как правило, игнорирует эту направленность и необратимость времени².

В лингвистических исследованиях слишком большое место отводилось и отводится бытию отдельного слова в тексте. При этом дискретизируя континуальное пространство текста на конечный ряд единиц (словоформ), исследователь исключает из проблемного поля пространственно-временной аспект бытия текста, а также его системообразующие связи, которые существуют в рамках целого. В результате исследователь зачастую оперирует стохастическим набором словарных единиц (именуемых ключевыми словами, выделенными, например, в ходе психолингвистического эксперимента), с помощью

² Исключение представляют случаи интерпретации текста, основанные на порядке следования в нем языковых элементов, например, структуральный анализ Р. Барта, структурный анализ В.Я. Проппа, Б.И. Ярхо и др. В ряде случаев временной фактор входит в структуру теоретических конструктов, используемых в анализе, например, фабула / сюжет, композиция и пр. В таком аспекте теория сильных позиций текста может быть осмыслена как теория, изучающая способы пространственно-временной (композиционно-тематической) упорядоченности.

которых он пытается утверждать что-либо о самом тексте, создавая для этого конструкты (так называемые концепты) из самих этих стохастических элементов лексического яруса языка. Работы подобного типа не изучают собственно текст как предельный лингвистический феномен и итог речемыслительной деятельности человека, а экстраполируют конгломерат значений лексических единиц на весь текст, не осознавая их случайную и статическую природу.

Если обратиться к категории *подвижного покоя*, разработанной А.Ф. Лосевым для анализа онтологии числа, где подвижный покой характеризует соединение в сугубо смысловом пространстве свойств движения и покоя, присущих числу, то можно обнаружить наличие подвижного покоя и в смысловом пространстве слова в тексте. По отношению к числу подвижный покой проявляется в том, что в любом числе заложен принципиальный (потенциальный) переход к следующему числу и к предыдущему: «Говоря «десять», мы не переходим к «одинадцати»; но к самому смыслу «десяти» относится то, что за «десятью» следует «одинадцать» <...> хотя десятка и требует перехода к одинадцати и девяти, все-таки фактически она не переходит, и переход ее остается лишь принципиальным. Сама она фактически покоится на одном и том же смысловом «месте» и никуда не переходит» [Лосев-1999, с. 755]. Для нас важно, что движение мыслится А.Ф. Лосевым как сугубо смысловое движение (не движение в пространстве и во времени).

По отношению к слову категория *подвижного покоя* может быть применена только в случае помещения слова в речевой поток. Так, слово в речевой цепи, не переходит непосредственно в другое слово, но оно подразумевает как этот переход, так и тот, что привел нас именно *к этому* слову. Словоформа в таком контексте выражает идею смыслового движения в речи, в то время как лексема (слово в словаре) – статического покоя. Однако существует и различие между подвижным покоем числа и словом в речи, а именно, физическое движение в пространстве-времени, сопровождающее сугубо смысловое движение. Если в «десятке» потенциально присутствуют «девять» и

«одиннадцать», которые выражают ту же самую сущность числа, то в текстовом слове, разве что за исключением устойчивых выражений, нет точного образа того, что предшествовало ему и будет развивать его. Текстовое слово подразумевает смысловое движение, но это движение происходит благодаря движению физическому, перемещению от одного слова в речевой цепи к следующему слову.

Большое значение факторов пространственно-временной организации текста можно обнаружить практически в любом исследовательском аспекте, связанном с бытием текста. Так, например, текст традиционно определяется как линейно организованная последовательность языковых знаков, обладающая сложной структурой. Каждый из знаков в речевом сообщении имеет некоторое значение. Но в таком случае имеет ли текст значение? Если текст имеет значение, то он представляет собой один из типов знаков – тоже знак или метазнак. Поскольку текст не является элементом системы языка, то напрашивается отрицательный ответ. Используя сугубо лингвистическую аргументацию, М.Я. Дымарский доказывает, что «текст сам по себе, как целое, не является знаком ни в каком смысле – ни языковым, ни «речевым», ни каким бы то ни было еще. Под текстом понимается особая, *развернутая вербальная форма осуществления речемыслительного произведения*» [Дымарский-2001, с. 36]. В данном определении текста, на наш взгляд, эксплицирована установка на процессуальность, включение временного фактора (ср. *развернутая форма, осуществление*).

Можно, конечно, предположить разного рода ограничения на высказанное утверждение о «незнаковости» текста, например, переданные следующей фразой: «Значение произведения для современной ему эпохи трудно переоценить». Здесь видно, что понятие значения имеет иной смысл, нежели тот, что вкладывается в понятие значения знака. Так же можно рассуждать и о текстах, которые функционируют в качестве знаков в той или иной культуре. Но такие тексты (которых, кстати, ограниченное количество в отличие от бесконечного числа всех текстов) являются уже *знаками культуры, а не язы-*

ка. Именно количественная ограниченность такого рода текстов и позволяет им выступать в качестве знаков другой семиотической системы. Об этом же, на наш взгляд, пишет Ю.М. Лотман, когда, соглашаясь с А.М. Пятигорским, замечает, что «текст обладает единым текстовым значением и в этом отношении может рассматриваться как нерасчлененный сигнал. «Быть романом», «быть документом», «быть молитвой» – значит реализовывать определенную культурную функцию и передавать некоторое целостное значение» [Лотман-2000, с. 62].

Если же текст не обладает значением, тогда какая же область семантики релевантна его природе? Обычно говорится, что у текста есть содержание. Но чем содержание отличается от значения? Отличие здесь, на наш взгляд, не может быть объяснено лишь ссылкой на принятую терминологию, нужно искать более глубокие причины, по отношению к которым терминологическая конвенция выступает далеким следствием.

Значение существует у знака как моментального образования, для которого, взятого в своей отдельности, пространство и время не являются существенными параметрами. Знак в своей отдельности ахронотопичен, он вне протяженности пространства и течения времени. Поэтому и идеальная сторона знака – значение – также симультанна и ахронотопична. Текст, напротив, целиком и полностью обнаруживает свое бытие через основные формы движения материи, и его содержание также раскрывается посредством этих форм. Содержание текста, в отличие от значения знака, протяженно в пространстве-времени хотя бы по той лишь причине, что для экспликации содержания всякий раз требуется проведение определенных интерпретационных процедур, устанавливающих разного рода взаимосвязи с элементами (компонентами, единицами) структуры (структур) текста. *Содержание текста вырастает из целостной деятельности интерпретатора, сама же деятельность предстает как целенаправленно организованная хронологическая последовательность приемов, действий, операций, объединенных раз-*

*ными методами и подходами к тексту*³. Это обстоятельство обнаруживает еще одно фундаментальное отличие между значением и содержанием: содержание, нуждаясь в интерпретации, выступает как фактор понимания. Значение, касаясь области понимания (например, понимание символов), все же по большей части не нуждается в когнитивном контексте (обязательном для содержания), оно интерпретируется языковой системой.

Заметим, что, выделяя из объекта те или иные предметы и представляя последние как системы, мы тем самым получаем и совершенно разные виды времени в каждой из систем. Так, например, Р.А. Зобов и А.М. Мостепаненко говорят о реальном, перцептуальном и концептуальном времени, где концептуальное и перцептуальное время можно отнести к внутреннему времени системы текста [Зобов-1974, с. 11]. В принципе, можно выявить и другие виды времени (например, конвенциональное и индивидуальное и т.д.), поскольку проблема времени – это проблема определенности системы и часов, которые, по утверждению А.П. Левича, есть «эталонный объект, принадлежащий определенному уровню строения системы» [Левич-1996б, с. 238]. Проблема внутреннего времени системы актуальна, поскольку невозможно подменить внутреннее время объективным (например, астрономическим) временем, ведь о времени можно судить только по тем изменениям, которые происходят в системе. Анализируя процесс изменений в системах, А.Д. Арманд пишет: «Происходящие изменения не могут быть непрерывными и однородными. Их количественные и качественные характеристики должны меняться. Изменения могут служить «метками», позволяющими квантовать процесс и таким образом задавать единицу для сопоставления длительности процессов» [Арманд-1996, с. 204]. Интенсивность же происходящих изменений в системе может зависеть в первую очередь не от хода объективного времени, а от характера внутрисистемных связей, ускоряющих или замедляющих изменения.

³ Мы оставляем в стороне рассмотрение отличий значения и содержания по таким параметрам, как мотивированность / немотивированность значения и содержания языковой формой (очевидно, и здесь имеются различия); конвенциональность / неконвенциональность значения знака и содержания текста; интерпретационная мощь значения и содержания и др.

Отсюда очевидно, что происходящие изменения не могут быть непрерывными и однородными, их количественные и качественные характеристики должны меняться. В этом смысле структура текста негомогенна, и способы преодоления гомогенности должны быть одним из предметов исследования в теории текста. Возникает задача создания шкалы собственного времени системы-текста, которая может быть сконструирована на основе «меток» изменения в нем тех или иных свойств. Проблема, в конечном счете, заключается в том, можно ли обнаружить некий базисный тип внутреннего времени текста?

Интенсивность происходящих изменений в системе, которая является маркером внутреннего времени и зависит от характера внутрисистемных связей, задает ритм движения текста от абсолютного начала к абсолютному концу. Поскольку развертывание (функционирование) текста одновременно выражает процесс, идущий от его становления к завершению (свертке), и поскольку текст представляется в исследовательской перспективе в пространственной плоскости, то логично связать шкалу собственного (внутреннего) времени текста с пространственной шкалой, ведущей отсчет от абсолютного начала текста. Единицей такой шкалы, в частности, может служить словоформа (в качестве альтернативы учеными рассматривались и иные варианты, например, выдвигаемые еще в 1941 г. Б.И. Ярхо, который использовал в качестве единицы счета слово и даже слог [Ярхо-2001, с. 444-445]). Для текстов больших объемов единицей счета могут выступать предложение, абзац, глава и пр., а для циклов и гипертекстов – текст (см., например, анализ пушкинского цикла «Подражание Корану» [Москальчук-1999]).

1.1.2. Уровневая организация метода позиционного анализа

Метод, созданный для изучения пространственно-временной организации текста, получил название *метода позиционного анализа* [Москальчук-1998,-2003 и др.]. Рассмотрение текста как становящегося объекта актуализирует представления о неоднородности его пространственной протяженной

структуры, что сближает позиционный анализ с теорией сильных позиций [Арнольд-1978; Кухаренко-1980; Черемисина-1981 и др.]. Основное различие между позиционным анализом и теорией сильных позиций состоит в том, что предмет позиционного анализа – позиционная структура текста как *неоднородное целое*. С помощью позиционного анализа исследователь стремится не просто обнаружить и описать сильные позиции в тексте (например, начало и конец, заглавие, эпиграф и др.), но представить весь текст как последовательно разворачивающуюся структуру, пронизанную многочисленными связями между предшествующей и последующей позициями. Поэтому в позиционном анализе выделяются не только сильные, но и слабые позиции. Возможно, имеет смысл в дальнейшем ввести в метаязык градуальность и говорить о сверхслабых и сверхсильных позициях, о нейтральных (фоновых) позициях и др. Кроме того, теория сильных позиций опирается в своих построениях на явление текстовой дискретности – в самом понятии *позиции* заложено выделение (вычленение) языкового элемента из последовательности. В позиционном анализе, ориентирующемся на структурирование целостности текста, действие текстовой дискретности уравнивается континуальностью благодаря введению ряда более протяженных по сравнению с позицией конструкций: позиционного интервала и позиционной зоны.

Немаловажно то, что отдельные сильные позиции текста к настоящему времени уже выделены эмпирически и даны в лингвистической литературе списками (например, заглавие, эпиграф, начало, конец, имя собственное, стиховые переносы, метафоры, цитаты, графические средства и т.д., наиболее полный перечень сильных позиций текста представлен в работах И.В. Арнольд, В.А. Кухаренко, Н.В. Черемисиной). Но каждая из позиций описывается с использованием различных терминов и теоретических представлений в силу разнородности самого материала. Поэтому практически невыполнимой становится задача построения интегральной пространственно-временной текстовой модели. В рамках же позиционного анализа преодолевается неоднородность метаязыка, а в соединении с квантитативной направленностью

метода создаются условия для единообразного количественно-качественного описания текста с использованием текстовых массивов.

Метод позиционного анализа, с нашей точки зрения, имеет сложное трехуровневое строение, каждый уровень которого опирается на свои теоретические представления и абстракции [Белоусов-2005д].

Первый уровень отражает существо самого метода, которое состоит в позиционировании интересующих исследователя языковых единиц в линейном ряду всех единиц текста. Поскольку текст имеет границы (начало и конец), постольку начало принимается за «0», а конец за «1» независимо от размера текста. Это позволяет сопоставлять тексты разных объемов. В ряду (от 0 до 1) линейно расположены все языковые элементы данного текста. За единицу счета принимается словоформа. Чтобы локализовать какой-либо элемент на заданном отрезке (0; 1), нужно разделить порядковый номер искомой словоформы на общее количество словоформ в тексте. Этот уровень (вариант) позиционного анализа направлен только на то, чтобы позиционировать, привязать искомые языковые единицы к текстовой оси (от 0 до 1). Универсальность шкалы позволяет сопоставлять (синхронизировать) сценарии развертывания языкового субстрата разной природы [Белоусов-2004б,-2005а,б,в]. Данный уровень наименее абстрактен, приближен к конкретному материалу. В качестве теоретической базы выступают положения о пространственно-временном как конститутивном факторе существования текста. Подход к тексту как симультанному образованию определяется посредством анализа сукцессивной его реализации. Основные понятия, используемые на данном уровне анализа: позиционный срез, координата, вероятность, интенсивность. Позиционная же локализация компонентов текста – один из основных независимых параметров, описывающих динамику становления текста как целостности.

Второй уровень связан с дополнительно вводимыми теоретическими конструктами, в качестве которых выступают: а) постулат о единых принципах формообразования текста и формообразования объектов природы и ис-

кусства; б) признание пропорции золотого сечения в качестве базиса формообразования (о золотом сечении см.: [Белоусов-2005в; Деев-2001; Ковалев-1989; Корбут-1994,-2004; Коробко-1998,-2000; Москальчук-1998,-2003; Розенов-1982; Черемисина-1981; Шафрановский-1985; Шевелев-1990]).

Одной из первых проблема золотого сечения как конститутивного принципа строения текста была поставлена Н.В. Черемисиной. Исследователь определял гармонический центр текста (ГЦ) как синтагму, «которая стоит в «точке» «золотого сечения» и делит предложение на две неравные части в соответствии с гармонической пропорцией, так называемой, винтовой симметрией» [Черемисина-1981, с. 118]. В целом, автор связывал гармонический центр с функцией выделения наиболее важного для восприятия экспрессивно-эмоционального содержания текста, с появлением интонационного пика, который заставляет читателя ожидать выхода из напряжения, то есть, разрешения. Важным является также вывод Н.В. Черемисиной о том, что в пределах абзаца или небольшого стихотворения между гармоническими центрами каждой синтагмы устанавливаются эксплицитные смысловые связи. Гармонический центр может совпадать с мелодической вершиной предложения (с тональным максимумом) или (реже) с самой низкой «точкой» внутри предложения (мелодический минимум). Автор приходит к выводу, что «мелодическое выделение ГЦ – общая особенность художественной речи <...> ГЦ оказывается... конструктивным и эмоциональным «стержнем», вокруг которого объединяются тяготеющие к нему эмоционально менее значимые синтагматическое и... фразовое ударения» [Черемисина-Ениколопова-1999, с. 220]. Автором подчеркивалось также интуитивное выделение гармонического центра пишущим и читающим.

Текст имеет следующую позиционную структуру (в том виде, в котором она изучена на сегодняшний день) [Москальчук-1998,-2003]:

- абсолютное начало (Абс. Н., первая словоформа);
- зачин (Зачин, на расстоянии 0,136 от начала текста);

- гармонический центр зоны начала (ГЦн, на расстоянии 0,236 от начала текста);
- гармонический центр текста (ГЦ, на расстоянии 0,618 от начала текста);
- абсолютно слабые позиции (АСП₁, АСП₂, на расстоянии 0,236 вправо и влево от ГЦ текста);
- абсолютный конец (Абс. К., последняя словоформа).

Абс. Н., Абс. К., ГЦн, ГЦ – называются позициями и в пространстве текста имеют протяженность равную словоформе. Например, Абс. Н – занимает место первой словоформы текста. Зачин, АСП₁, АСП₂ являются срезами и в текстовом пространстве приходятся на «разъем» между словоформами. АСП₁, АСП₂ являются границами позиционных зон текста: зоны начала (Абс. Н. – АСП₁), зоны гармонического центра (АСП₁ – АСП₂) и зоны конца (АСП₂ – Абс. К.).

В позиционной структуре текста выделяется два гармонических центра: ГЦ – гармонический центр всего текста и ГЦн – гармонический центр зоны начала. А.Ю. Корбут полагает наличие гармонического центра в зоне конца текста (расстояние 0,944), что имеет под собой веские основания [Корбут-1994,-2004]. Между позициями (и срезами), маркирующими возраст системы-текста, расположены интервалы, в которых полагается качественная однородность происходящих процессов. Между Абс. Н. и Зачином располагается интервал Зачин; между Зачином и ГЦн – пред-ГЦн; между ГЦн и АСП₁ – пост-ГЦн; между АСП₁ и ГЦ – пред-ГЦ; между ГЦ и АСП₂ – Пост-ГЦ; между АСП₂ и Абс. К – конец (см. рисунок 1).

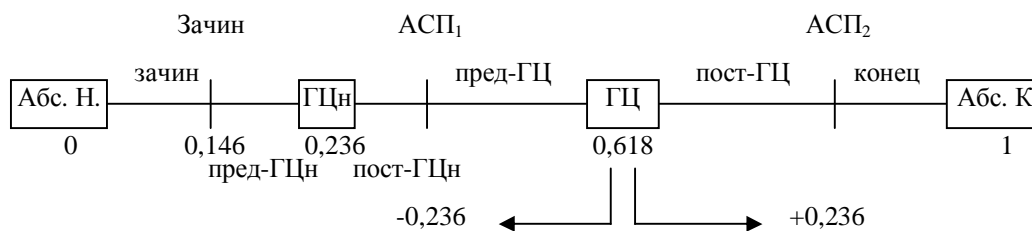

Рисунок 1. Позиционная структура текста

На этом уровне позиционного анализа «время входит в состав структуры целого текста в виде позиционной последовательности, а также межпозиционных интервалов. Прослеживая репрезентанты течения тех или иных процессов в аналогичных позициях текста и интервалах между ними, можно изучать изменения состояний структуры целого с течением внутреннего пространства-времени текста как системы. Анализ возможен как в отдельном тексте, так и в совокупности текстов» [Москальчук-1998, с. 192]. Весь конструкт, который представлен на рисунке 1 и включает в себя: 1) набор позиций и срезов, 2) позиционных интервалов и 3) позиционных зон, – получил название *метроритмической матрицы*.

Метроритмическая матрица, выступающая конструктом базисного типа внутреннего времени текста, является синхронизатором внутреннего времени как разных текстов, так и самых разных систем одного и того же объекта – текста. Ритм изменений концентрации тех или иных релевантных процессу текстообразования компонентов, разворачивается (вероятно!) по сценарию метроритмической матрицы – конструкта, накладываемого на пространство текста. В качестве операциональных понятий на данном уровне используются: позиционный срез, координата, инвариант, метроритмическая матрица и ее составляющие, интенсивность, вероятность.

Третий уровень позиционного анализа не просто более абстрактен, он качественно отличается от нижних уровней тем, что его применение подразумевает не интеллектуальное движение от материала к обобщениям (индуктивный путь), а «примеривание» теоретической схемы к конкретному материалу. Данный уровень анализа дополняется введением ряда понятий и допущений.

Формы движения материи (пространство и время) создают и форму объекта, в частности, текста. Единицей (измерения) пространства-времени текста служит словоформа (элемент его процессуальности). Всякая форма состоит из повторяющихся и неповторимых (в рамках целого) комплексов. Единство и последовательность этих симметро-асимметричных комплексов в

рамках целого задает ритм его формы. По отношению к тексту выдвигается следующее утверждение: всякий текст независимо от его объема, функционально-стилистической принадлежности имеет в своей основе некоторые универсальные сценарии становления его глубинной структуры (формы), которые и выражают взаимодействие ее симметричных и асимметричных комплексов. Движение языковой материи текста относительно позиций-констант и определяет ритм становления его формы. Поскольку каждая из позиций находится в тексте внутри предложения, то последнее членится на равные и неравные отрезки, что и создает ритм внутри целого текста. Членя предложения на равные доли, позиция задает монотонный ритм формообразования. Разделяя же предложения на неравные доли, пропорция создает ритмический рисунок с помощью акцентов на правую (устремленную к концу) и левую (устремленную к началу) долю предложения. Взаимодействие право- и левосторонней асимметрии создает акцентность формы, в которую встраивается монотон равных долей. Взаимодействие противоположных акцентных тенденций и создает все богатство разнообразия (в определенных границах) форм текста. Это отражает известное положение о том, что именно асимметрия и творит явление.

Последним штрихом к созданию теоретической схемы будет введение понятий циклической связи (связи между лево- и правосторонней асимметрией) и плотности циклических связей (суммы циклических связей между теми или иными позициями текста в том или ином интервале текста, который определяется как длительность между двумя соседними позициями). С помощью позиционного анализа, разработанного Г.Г. Москальчук, становится возможным количественное определение концентрации элементов симметрии и асимметрии процессов формообразования в любом интервале текста, как в инварианте, так и в конкретных вариантах (см.: [Москальчук-1998, с. 103-110]). Третий уровень позиционного анализа текста использует в качестве необходимых следующие понятия: координата, инвариант, метроритмиче-

ская матрица и ее составляющие, интенсивность, вероятность, симметрия / асимметрия, цикл (циклическая связь), динамика формы.

1.1.3. Теоретические и прикладные аспекты позиционного анализа текста

Три уровня позиционного анализа активно использовались в ряде исследований текста в последнее десятилетие [Белоусов-2002а,б,-2003,-2004а,б,в,-2005а,б,в,г; Блазнова-2002; Дорофеева-2004; Ионова-2003; Касаткина-2005; Корбут-1994,-1998,-2000,-2002,-2004,-2005аб; Коржнева-2003; Манаков-1999,-2000,-2001а,б,-2004а,б; Москальчук-1990,-1998,-1999,-2000,-2002а,б,-2003; Пушкина-2002; Солодянкина-2004 и др.]. Спектр вопросов, рассматриваемых в данных работах, достаточно широк. Отметим лишь некоторые проблемы, связанные, в первую очередь, с развитием самого метода (о систематизации проблем см. также [Белоусов-2004в]).

Первый уровень позиционного анализа (позиционирование языковых единиц без «привязки» их к позиционной сетке) до сих пор практически не использовался. (В нашей работе позиционный анализ применяется, в том числе, и на этом его уровне при осуществлении семантико-просодического анализа текста.) Целью позиционного анализа после реконструкции позиционной структуры стало единообразное описание ее позиций, интервалов и зон. Любое распределение языковых единиц, в конечном счете, интерпретировалось относительно метроритмической матрицы. Такое положение дел вполне естественно, поскольку позиционная структура, несмотря на весь скепсис, объективно существует, а значит, знания о ней в целом и ее составляющих (позициях, срезах, интервалах) будут прирастать. При выявлении каждого нового распределения это обстоятельство, в свою очередь, потребует проверки уже имеющегося знания о метроритмической матрице и возможном расположении языковых элементов, что актуализирует проведение исследований в рамках второго уровня позиционного анализа.

Поскольку метроритмическая матрица базируется на трех основных утверждениях (пространственно-временном характере текста, его негомогенности и системности), постольку она выражает идею текстуальности и служит одновременно как предметом изучения, так и средством верификации конститутивных единиц, свойств и факторов текста. Так, закономерно возникла проблема определения того, что в пространственно-временной организации текста является собственно текстовым, а что таковым не является. Традиционно посредством структурного анализа по аналогии с уровнями языка в тексте также выделялись соответствующие уровни, что в полной мере было отражено в практике вузовского анализа художественного текста [Лотман-1994,-2000]. Тем самым полагалось, что уровни языковой системы обладают качеством текстуальности. Верификация данных положений, проводимая с помощью описания сильных и слабых позиций текста (ГЦ, ГЦн и АСП1, АСП2 соответственно), стала предметом исследований Н.А. Блазновой и М.Б. Ионовой [Блазнова-2002; ИONOва-2003].

Изучение «поведения» языковых элементов, которые авторы называли языковым субстратом, осуществлялось, в том числе, и на фоне случайно взятых срезов позиционной организации текста. Н.А. Блазновой на материале 227 текстов (18 выборок разной функционально-стилистической и жанровой природы) было доказано, что распределение частей речи в сильных позициях не отличается от распределения частей речи в любой другой позиции текста, а также от имеющихся языковых статистик (см., например, [Головин-1970]). Этот факт был проинтерпретирован как доказательство фрактального (самоподобного) строения текста: «Организация системы частей речи, зарегистрированных в точечных аттракторах, упорядоченная при помощи категорий симметрии и асимметрии, подчиняется принципам подобия и самоподобия» [Блазнова-2002, с. 7]. (Ср. «На основе построения срезовых конструкторов выявлено, что части речи, образующие две системы репрезентантов точечных аттракторов, фрактальны, так как подобны относительно друг друга и относительно общеязыковой матрицы» [Там же, с. 15].)

На наш взгляд, полученный результат единообразного распределения частей речи в пространстве текста свидетельствует не о фрактальной организации, а об отсутствии у морфологических показателей качества текстуальности. Данное утверждение противоречит ряду исследований, посвященных функционированию тех или иных элементов в тексте. Так, например, в работе Е.В. Рыловой утверждается, что в поэтических текстах в позиции гармонического центра, как правило, располагается символ [Рылова-2000]. Такой вывод можно сделать на основании утверждения, что символ константно принадлежит зоне креативного аттрактора в тексте [Там же, с. 10]. (Ср. «...если слово употребляется в символической функции, репрезентирует личностный смысл, синергетически организуется, то оно всегда принадлежит позиции креативного аттрактора структуры текста...» [Там же, с. 13]). При этом креативный аттрактор, с точки зрения автора, совпадает по месту локализации с гармоническим центром: «...символ суть точечные смысловые аттракторы концептуальной системы индивида, явленные как ее гармонический центр» [Там же, с. 13].

В свете сказанного отметим, что в позиции гармонического центра символ, конечно, может встречаться, но с такой же долей вероятности, что и в любом другом месте текста, в позиции ГЦ будут регистрироваться слова, которым при всем желании исследователя поэтического (!) текста трудно приписать символические значения (союзы, частицы, междометия). Этот факт вовсе не отрицает возможности особого распределения встречаемости символа (и др. явлений с более «богатой» семантикой) в тех или иных местах текстового пространства, о чем мы еще будем говорить.

В исследовании М.Б. Ионовой на материале 1306 текстов (4 выборки: русские народные сказки, молитвы, поэзия, прозаические миниатюры) было установлено, что и синтаксические отношения (объектные, атрибутивные, обстоятельственные и др.) распределены в тексте однородно (вывод автора о разнокачественности слабых позиций легко опровергается сугубо статистическими критериями) [Ионова-2003]. Статистическая однородность синтак-

сических и морфологических систем русского языка в любой позиции текста свидетельствует о том, что традиционно определяемая языковая система, ее элементы, подсистемы не обладают качеством текстуальности, не участвуют в процессах спонтанной упорядоченности структуры текста (самоорганизации).

Однако сделанные нами ранее выводы о том, что 1) лексико-грамматические единицы являются лишь субстратом, из которого строится текст как единица высшего порядка, из чего следует 2) искать какие-либо статистически убедительные лексико-грамматические маркеры даже сильных позиций текста и опираться на них в анализе текста теоретически не перспективно [Белоусов-2004а, с. 94] – не совсем соответствуют реальности. Дело даже не в том, что трудно представить себе анализ текста без обращения к его лексическому составу. Отсутствие процессуальности у каждого из этих элементов в отдельности еще не означает невозможности их участия в процессуальной текстовой реализации. В данном случае слова выступают как необходимые моменты статики во временной непрерывности. Так, например, размышляя о сущности времени, А.Ф. Лосев приходит к выводу, что «время есть сочетание вне-временного с собственно временным, недлящегося с длящимся» [Лосев-1999, с. 744-745]. Течение времени требует присутствия чего-то неизменного, поскольку если все «меняется и нет в этом изменении ничего устойчивого, тогда нет и самого изменения» [Там же, с. 745]. Мы можем наблюдать течение времени только тогда, когда вне-временное, погруженное в поток времени, остается самим собою, меняя свои состояния. Причем смена состояний не происходит непрерывно, поскольку в этом случае мы опять не сможем видеть изменения.

Моментом неизменного (вне-временного) в тексте выступает слово-знак (точнее, словоформа), имеющее ахронотопичную природу. Изменения в системе не могут происходить непрерывно. Переход от одного знака (состояния текста) к другому знаку (состоянию того же текста) осуществляется не непрерывно, но только скачкообразно. Поэтому анализ текста как простран-

ственно-временного объекта с опорой на его лексический состав возможен, но при нахождении метода, который бы 1) работал со всем лексическим составом текста как системным объектом, 2) учитывал онтологические свойства текста. Поиск такого пути предпринят в нашей работе.

Другой подход к исследованию текстуальности проводится в рамках изучения феномена повтора. Собственно, в рамках данного подхода и были обнаружены текстовые позиции, создана модель метроритмической матрицы и обозначена большая часть проблем позиционного аспекта общей теории текста (анализ проблем см.: [Белоусов-2004в]). Г.Г. Москальчук на материале фразового повтора в диалектной речи (2327 текстов) была создана позиционная модель текста-инварианта [Москальчук-1990,-1998,-2003]. А.Ю. Корбут, изучая тематический повтор в художественных текстах (729 текстов), получила результаты распределения симметрии и асимметрии в пространстве-времени текста-инварианта, имеющие общую конфигурацию с распределением повторов в диалектной речи [Корбут-1994] (см. рисунок 2)⁴.

Рисунок 2. Распределение повторов в диалектной речи и художественной прозе

На рисунке 2 синхронизированы распределения повторов (элементов симметрии) диалектной речи и художественной прозы с помощью замены

⁴ Данные распределения повторов в диалектном и художественном тексте обсуждались в работах А.Ю. Корбут и Г.Г. Москальчук (см., например, [Корбут-2004, С. 137-139; Москальчук-1998, С. 59-61]). Мы предлагаем свою интерпретацию этих результатов.

абсолютных значений встречаемости повторов на относительные значения (вероятность). Исходные данные были взяты из работы [Москальчук-1998, с. 59]. Шкала, используемая на рисунке 2, сдвинута на 0,618 вправо так, что значение «0» совпадает с гармоническим центром текста, от которого вправо и влево откладываются координаты (положительные и отрицательные соответственно). Такая шкала используется нами, поскольку она применялась самими авторами и все значения распределения повторов отражены с помощью данной шкалы. Мы же в дальнейшем изберем такую шкалу, в которой значение «0» приписывается первому слову текста, а «1» – его конечному слову. На наш взгляд, данная шкала более проста в обращении, и, кроме того, ее шаг везде одинаков (на рисунке 2 видно, что шаг шкалы не отличается единообразием: 0,1; 0,118 и 0,082).

Если обратиться к рисунку 2, то можно отметить, что оба распределения, переданные с помощью графических средств (контуры⁵ повторов текста), имеют схожую динамику, за исключением области (-0,618; -0,5), в которой располагается Зачин текста. Таким образом, интервал зачина есть область схождения путей эволюции текста, обретение устойчивых темпоритмических паттернов формообразования как взаимодействия симметрии и асимметрии.

В позиции -0,4 (располагается гармонический центр зоны начала, ГЦн) заметно увеличение тенденций симметрии (рост вероятности появления повторов). В интервале пред-ГЦн отмечается рост тенденций симметрии (диалектная речь) и их стабилизация (художественная проза), а в интервале пост-ГЦн – синхронное падение вероятности появления повторов вплоть до позиции АСП1. После прохождения первой абсолютно слабой позиции в обоих контурах наблюдается плавное наращивание тенденций симметрии вплоть до позиции гармонического центра. Максимум концентрации элементов сим-

⁵ Под *контуром текста* мы будем понимать графическую фиксацию распределения 1) вероятности появления языковых единиц, 2) значений интенсивности тех или иных процессов, производимую поступательно от абсолютного начала текста к его абсолютному концу.

метрии приходится на позицию ГЦ (координата «0»). В интервале пост-ГЦ отмечается синхронное убывание количественных показателей симметрии (минимум приходится на позицию АСП2). Пик тенденций асимметрии наблюдается в абсолютно слабых позициях текста: АСП1 – на отрезке (-0,3; -0,2), АСП2 – на отрезке (0,2; 0,3). Малая дробность принятой шкалы (шаг 0,1) на рисунке 2 не позволяет точно зафиксировать расположение слабых позиций. Но минимум концентрации элементов симметрии приходится именно на них (см.: [Корбут-1994,-2004; Москальчук-1990,-1998,-2003]).

После прохождения позиции АСП2 наблюдается увеличение концентрации симметрии и схождение контуров в одной точке (Абс. К.). Характер соотношения граничных условий (ГУ): вероятность появления элементов симметрии в начале в целом выше, чем в конце (началостремительная динамика). С позиции восприятия текста следует заметить, что обсуждаемые результаты подтверждают и наличие «эффекта края» (рост симметрии в начале и конце текста), и свидетельствуют о других областях текста, в которых реализуется та же функция (гармонические центры). Кроме того, распределение симметрии обнаруживает и такие позиции в текстовом пространстве, где сосредоточиваются элементы асимметрии (не повторяющиеся, новые компоненты).

Исследование В.А. Дорофеевой, посвященное проблеме структурно-информационной устойчивости текста к деформациям его объема, проводилось на материале сопоставления распределений повторов заглавия в поэтическом тексте (906 поэтических русских текстов) до и после операции деформирования исходного текста [Дорофеева-2004]. Не погружаясь в существо работы, отметим, что на одном из этапов анализа автором были получены схожие распределения повторов в поэтическом тексте.

В исследовании О.Б. Лихачевой верифицировалась метроритмическая матрица на материале 3 выборок русского фольклора: сказок, быличек и заговоров. Каждая выборка включала 1000 текстов. В качестве шага шкалы отрезка (0; 1) было взято значение 0,02 (50 интервалов). Такая дробность ана-

лиза позволила получить более точное распределение элементов симметрии, в качестве которых выступили перечислительный ряд, лексические повторы, инициальные и финальные формулы в тексте. Результаты распределения данных типов элементов симметрии в трех жанрах фольклора подробно обсуждались исследователями [Корбут-2002]. Опираясь на опубликованные данные, представим *интегральную* модель распределения элементов симметрии в русском фольклоре (см. рисунок 3).

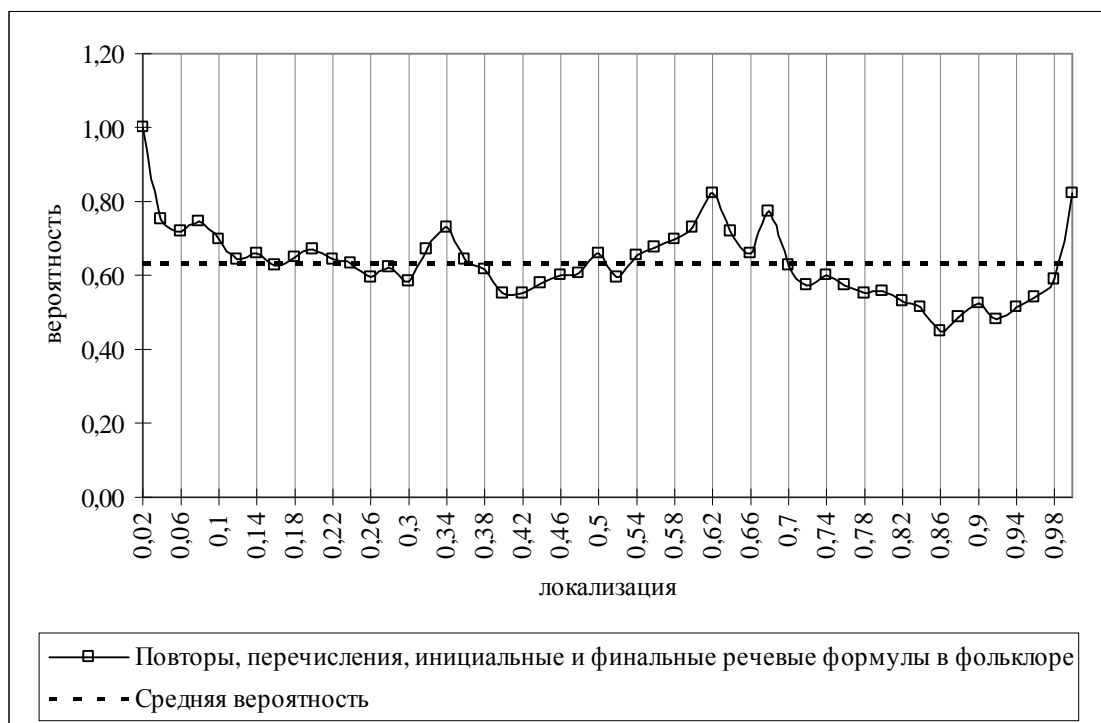

Рисунок 3. Распределение элементов симметрии в русском фольклоре

Интегральная модель интересна тем, что в нее входят как три исследуемых фольклорных жанра, что увеличивает выборку до 3000 текстов, так и три вида повторов, среди которых есть и внутритекстовые (собственно повторы и перечислительные ряды) и межтекстовые (инициальные и финальные формулы). Межтекстовые повторы обеспечивают *связность всей выборки*, поскольку в качестве повтора рассматриваются такие элементы, которые не повторяются в изолированном тексте, но только из текста в текст. При анализе распределения повторов в русском фольклорном тексте мы будем опираться и на среднее значение вероятности появления повтора в любой точке текста, отраженное с помощью пунктирной прямой.

На рисунке 3 видно, что распределение элементов симметрии в фольклорном тексте в целом соответствует позиционной структуре. Максимумы элементов симметрии отмечаются в ГЦ (0,62), в относительной близости к позиции ГЦн также возникает рост показателей тенденций симметрии (0,2). В абсолютно слабых позициях можно отметить уменьшение вероятности появления элементов симметрии (на отрезках (0,38; 0,42) и (0,82; 0,86)).

Соотношение граничных условий также сохраняется: началоостремительная динамика становится даже более заметной. В целом весь контур как бы слегка наклонен вниз своей правой стороной. Рост элементов симметрии наблюдается как в начале, так и в конце текста. Убывание элементов симметрии от абсолютного начала происходит с легкими флуктуациями в сторону роста в интервале Зачина до точки минимума, расположенного на отрезке (0,14; 0,18). После достижения минимума процесс стабилизируется и начинается наблюдаться рост вероятности элементов симметрии, максимум которого располагается вблизи позиции ГЦн. Можно отметить, что интервал пред-ГЦн характеризуется более «спокойной» динамикой, по сравнению с любым другим интервалом. Кроме того, все значения данного интервала располагаются вблизи средних значений вероятности.

В интервале пост-ГЦн, располагающемся между позициями ГЦн и АСП1, наблюдается увеличение флуктуаций, выделение пика концентрации повторов в точке (0,34), не являющейся расчетной позицией. Объяснений такому «поведению» тенденций симметрии, на наш взгляд, может быть три. С одной стороны, вблизи позиции АСП1 должны наблюдаться явления стохастические (вследствие роста асимметрии), значит, можно ожидать то самое явление, которое в синергетике называется «разрастанием малого», когда небольшие флуктуации могут привести к серьезным изменениям в функционировании и строении системы. С другой стороны, возможно, эти «незапланированные» пики отражают особенности распределения типов повторов в структуре текста. Так, например, максимум на отрезке (0,66; 0,7) возникает, в

первую очередь, из-за вклада концентрации элементов симметрии в данной позиции перечислительного ряда.

Что касается распределения собственно повторов, то оно соответствует метроритмической матрице (рисунки см.: [Корбут-2002, с. 87-92]). Тем самым выявляется проблема позиционно-функционального изучения типов повтора. И, наконец, «незапланированные» пики могут возникать вследствие небольшого объема самой выборки, при увеличении которой мы и получим позиционную структуру инварианта. Какая из данных причин послужила появлению «случайных» максимумов, сказать сложно, наиболее правдоподобным ответом будет признание их суммарного действия, то есть 1) объема выборки, 2) зависимости от типа повтора и 3) «разрастания малого» вблизи АСП1.

После прохождения АСП1 вплоть до ГЦ (интервал пред-ГЦ) отмечается последовательный рост тенденций симметрии с незначительной флуктуацией в точке (0,5), располагающейся на прямой средних (фоновых) значений. В интервале пост-ГЦ, располагающимся между ГЦ и АСП2, отмечается противоположная тенденция – разрастание асимметрии, достижение минимума концентрации симметрии в позиции АСП2, которая во всем данном распределении имеет минимальные показатели. Отсутствие значительных флуктуаций вблизи данной позиции вполне понятны: если после прохождения АСП1 (0,382) текст еще только начинает определяться в своих наиболее значимых параметрах, то в позиции АСП2 (0,854) включается процесс свертки текста. Асимметричное должно уже не «раскачивать» структуру, а кооперироваться с симметрией. Сказанное, конечно, справедливо для корпуса текстов; в конкретном тексте все может происходить по другим сценариям.

В интервале конца фиксируется рост повторяющихся комплексов, значимых для организации и понимания текста. Рост тенденций симметрии здесь вполне понятен: повторяется то, что входит в тематический компонент, значимые сюжетные линии и др. Интересен здесь тот факт, что концентрация элементов симметрии в интервале конца меньше, чем в зачине (то же и в по-

зициях Абс. К. и Абс. Н.). Возможно, из всех повторяющихся комплексов, заявленных в начале текста (интервал зачина), отбираются лишь те, что с необходимостью должны входить в уже структурированное к концу текста семантическое пространство. Необязательные повторы игнорируются. В таком случае мы с неизбежностью будем получать нисходящую динамику распределения тенденций симметрии текста-инварианта. Подводя итоги, отметим, что наблюдение некоторого отклонения максимумов / минимумов от теоретически расчетной точки, фиксируемое в ряде случаев, свидетельствует в пользу динамической природы языка и текста, обязательного наличия флуктуаций. Конечно, в инварианте русского текста эти «особенности» снимаются, и позиционная структура проступает еще более отчетливо.

Поскольку аутентичного языка описания графически представленных данных до сих пор не создано, каждый исследователь в процессе интерпретации графических моделей опирается на их интуитивное понимание. Мы предлагаем при описании контуров обращать внимание на следующие факторы.

1. При описании одного контура:

1. Конфигурация контура (одна, две, три вершины; общее возрастание / убывание).
2. Нисходящая / восходящая / стабильная динамика и сочетания (нисх. – восх., восх. – нисх. и др.).
3. Локализация максимумов / минимумов.
4. Точки устойчивости и неустойчивости.
5. Увеличение / падение / сохранение интенсивности в позициях и интервалах.
6. Нахождение описываемого паттерна относительно средних значений вероятности или интенсивности (в зависимости от того, что измеряется), а также относительно среднеквадратичных приращений (коридора значимости).
7. Граничные условия.

8. Хаотизация контура (изучение поведения разброса в значениях вероятности или интенсивности в соседних точках).

II. При одновременном описании двух и более контуров к перечисленным параметрам следует добавить:

9. Схожая / противоположная / индифферентная динамика интенсивности (общность / отличие паттернов) в одних и тех же участках текста,

10. Точки «схождения» (пересечения) контуров,

11. Циклизация контуров («схождения» между двумя точками),

12. Динамика «опережения» / «отставания» контуров относительно друг друга как по оси ОХ, так и по оси ОУ.

Обнаружение позиционного инварианта текста на материале повтора потребовало проведение ряда исследований, направленных на выявление: 1) зависимости восприятия тех или иных языковых элементов в пространстве текста в зависимости от их локализации в позиционной структуре, 2) других сторон бытия текста, обладающих текстуальностью.

Изучение проблемы обусловленности восприятия текста его позиционной структурой проводилось в ряде работ, как в рамках второго уровня позиционного анализа, так и его третьего уровня [Балаш-1999; Белоусов-2002а,б,-2003,-2004а,б,в,-2005а,б,в,г; Доронина-1999; Дорофеева-2004; Корбут-1994,-1998,-2002,-2004,-2005а,б; Коржнева-2003; Манаков-1999,-2000,-2001а,б,-2004а,б; Москальчук-1990,-1998,-1999,-2002а,б,-2003; Пушкина-2002; Солодянкина-2004].

В исследованиях А.Ю. Корбут поднималась проблема психолингвистической сущности метроритмической матрицы [Корбут-1998,-2004]. На материале психолингвистических экспериментов с квазитекстами (1124 реакции), представляющими собой «относительно бессмысленные как для экспериментатора, так и для испытуемого ряды слов, среди которых имелись повторяющиеся слова и/или повторяющиеся значения» [Корбут-2004, с. 69], были получены результаты, подтверждающие гипотезу о влиянии метроритмической матрицы на восприятие информации. Выяснилось, что при формулировании

темы квазитекста информант в среднем на 16 % чаще ориентируется на повторы, расположенные в сильных позициях. При размещении тех же самых повторов в позиции АСП1 и АСП2 обращение информанта к данным повторам при формулировке темы снизилось на 19,3 %. Детальное сопоставление зависимости формулировки темы от расположения повтора позволило исследователю сделать вывод о том, что «сильные позиции действительно выполняют функции смыслоразличения в структуре текста и являются наиболее эффективными точками текста. Информация в этих позициях имеет высокую степень запоминаемости и влияния на формирование содержательной структуры текста» [Корбут-2004, с. 73].

Конечно, данный вывод ни в коем случае не распространяется на единичные реальные тексты, в которых распределение информации относительно позиций и интервалов может принимать разнообразные формы. Это обстоятельство закономерно нашло отражение в следующем суждении: «Вместе с тем далеко не всегда попытки использовать этот метод (метод позиционного анализа. – К.Б.) на практике венчаются успехом: представляется, что в смысловой интерпретации опора на формальные критерии может служить лишь вспомогательным средством» [Болотнова-2003, с. 42]. Однако мы не можем согласиться с утверждением о вспомогательной функции формального метода, а также с тем выводом, который делает автор: «...не все тексты отвечают критерию гармонической организации, многое зависит от творческого метода автора, жанра, стиля и других факторов» [Там же, с. 42]. Тот факт, что в позиции гармонического центра нам не встретилось символа, метафоры или обобщающей сентенции, не означает того, что текст не построен по законам гармонии. Метроритмическая матрица хорошо описывает инвариант и с большой вероятностью проецируется на структуру конкретного текста. Однако в каждом конкретном случае могут наблюдаться такие организации содержательно-смыслового пространства, которые делают значимыми другие (не инвариантные) области текста, устанавливают иные иерархии композиционных зон, интервалов и позиций (кроме того, творческий ме-

тод, жанр и стиль вовсе не отрицают законов гармонии, и, скорее всего, также подчиняются им).

В качестве вариантов решения проблемы формообразования *конкретного* текста можно выделить:

а) создание третьего уровня позиционного анализа, направленного на моделирование формы текста, установление системной организации реконструируемых моделей. В результате была получена типология моделей формы текста (243 варианта) и установлена их иерархия на основе учета вероятности появления каждого варианта в речи. Эти 243 варианта формообразования описывают самые разнообразные сценарии становления текста, в том числе и инвариантный [Москальчук-1998];

б) изучение жанровой специфики распределения симметрии в тексте. Так, были выявлены инвариантные модели распределения элементов симметрии в текстах различной жанровой природы (пословица, заговор, быличка, сказка, объявление, политическая проза, научная проза, поэтическая миниатюра, диалектная речь и др.), обнаруживающие свои спецификации [Корбут-2004];

в) представленная В.А. Дорофеевой модель симметродинамики (поступательной динамики элементов симметрии) текста в ее 4 вариантах [Дорофеева-2004]. Хотя этот вариант наименее разработан, особенно в плане типологии форм, он, на наш взгляд, имеет большие перспективы.

Предложенный Г.Г. Москальчук вариант реконструкции формы конкретного текста определил основной путь эволюции метода, поскольку является одним из редких случаев использования в лингвистике теоретических (в полном смысле этого слова) конструкторов, обладающих прогностическим потенциалом. Вместе с тем, создаваемые с помощью данного метода модели, в целом, реагируя более явно (по сравнению с простым позиционированием элементов относительно позиционной сетки) на конкретику реального текста, все же зачастую огрубляют, а иногда и искажают действительную его организацию. Попытки понять, как связаны формы текста с его содержательно-

смысловым наполнением, предпринимались в ряде работ. В основном, во всех исследованиях, применяющих метод позиционного анализа текста, использовались возможности и второго, и третьего его уровней. Поэтому в нашем дальнейшем изложении состояния проблемы мы во избежание путаницы не будем проводить излишних членений материала.

Среди поисков путей ответа на вопрос: как соотносится модель формы текста с его содержательно-смысловой организацией, использовались и традиционные методы, применяемые в рамках интерпретации текста с опорой на его реконструированную форму [Белоусов-2004а,-2005в; Москальчук-1998,-2003]. Недостатком интроспективных методов в данном случае является заданность самого пути интерпретации, поскольку мы уже знаем, где нам нужно искать наиболее / наименее значимую информацию в тексте. А как показывает повсеместно распространенная практика, интерпретация материала по предварительно заданным параметрам всегда успешна. Именно поэтому возникает необходимость в экспериментальной разработке данной проблемы.

В одном из первых исследований, проведенных с использованием метода позиционного анализа, изучалась, в частности, проблема зависимости деривационного потенциала слова-стимула от его позиции в тексте [Дорони-на-1999]. На материале варьирования расположения 10 слов-стимулов в 10 деривационных контекстах (к сожалению, количество полученных реакций автором не обозначено) был выявлен ряд функциональных спецификаций для отдельных позиций и интервалов текста. В частности, зоной наибольшей продуктивности слова был назван интервал пред-ГЦ (0,382; 0,618). Слово-стимул, расположенное в позиции ГЦ, стимулирует максимальное разнообразие реакций и наибольшее количество неоднословных дериватов. Зона (интервал) пред-ГЦ инициирует, как правило, единообразные реакции, и формально-семантические ассоциации (ассоциации, обусловленные структурой и семантикой слова-стимула и деривационного контекста) «возникают преимущественно на слова, находящиеся в ней» [Там же, с. 15]. При этом наиболее частотной моделью деривационных контекстов является такая модель, в

которой креативный аттрактор совпадает с интервалом пред-ГЦ, являющимся наиболее оптимальным для реализации словом своего деривационного потенциала. Возможно, это обстоятельство, позволило автору утверждать, что интервал пред-ГЦ является: «...структурно-смысловым фокусом текста» [Там же, с. 15].

В работе М.А. Балаш, выполненной в русле фоносемантических исследований текста, поднималась, в частности, и проблема соотношения фоносемантической и позиционной структур текста. В результате экспериментального изучения вопроса (500 испытуемых, 1000 текстов-реакций) было установлено, что в процессах самоорганизации текста участвует фоносемантический уровень, обладающий качеством текстуальности. В различных интервалах текста наблюдается и несхожая динамика употребления звуков относительно нормы, при этом «упорядочивание, гармонизация звучания текста в целом происходит в зоне креативного аттрактора, которая также выделяется реципиентами в качестве смысловой и эмоциональной доминанты текста» [Балаш-1999, с. 18].

В последующих работах, выполненных в рамках лаборатории междисциплинарных филологических исследований БПГУ, в центре внимания оказалась собственно позиционная организация текста в ее разнообразных аспектах [Белоусов-2002а,б,-2003,-2004а,б,в,-2005а,б,в,г; Блазнова-2002; Дорофеева-2004; Ионова-2003; Коржнева-2003; Пушкина-2002; Солодянкина-2004].

В исследовании Е.А. Коржневой на материале 7 серий психолингвистических экспериментов (1299 реципиентов, 9595 реакций), изучались распределения ключевых слов, репрезентация идейно-тематических компонентов в разных (контрастных) формах текста. Было установлено, что в текстах с концестремительной динамикой формы для расположения ключевых слов активны зоны начала и конца текста. Началостремительность текста характеризуется большой концентрацией ключевых слов в зонах начала и ГЦ. Однако, на наш взгляд, поведение ключевых слов в тексте не отличается стабиль-

ностью (см. результаты распределения ключевых слов [Коржнева-2003]). Текст нельзя редуцировать к набору слов, в том числе и ключевых. Ключевое слово, взятое само по себе, очень напоминает слово в словаре. Поэтому мало сказать, что эти слова являются опорными в процессе рецепции, нужно установить их связи друг с другом, выявить структуру их отношений. В таком случае они перестают быть «застывшими» компонентами текста, а отражают его реальное бытие. В этом смысле исследование Е.А. Коржневой очень ярко демонстрирует возможности анализа текста с помощью ключевых слов, изъятых из пространственно-временного потока текста.

Подводя итог экспериментальному изучению интервалов позиционной структуры, актуализирующихся при репрезентации идейно-тематического уровня текста, Е.А. Коржнева отмечает, что в текстах с началостремительной динамикой формообразования идейно-тематические компоненты с большой вероятностью располагаются в интервале ГЦн – АСП1 и реже до ГЦ; в текстах с концостремительной динамикой расположение соответствующих комплексов фиксируется в интервалах АСП1 – ГЦ и АСП2 – Абс. К. Таким образом, в тексте «с концостремительной динамикой формы /22222/ отмечается отклонение от гармонического центра <...> вправо на пропорцию 0,146; в тексте с началостремительной тенденцией, напротив, на пропорцию 0,146 влево» [Там же, с. 155].

Эти выводы согласуются с теми результатами, которые были получены нами в эксперименте, направленном на выявление специфики типов форм, на материале исследования эмоционального пространства текста. В эксперименте использовались экспериментальные тексты, каждый из которых был представлен в двух вариантах, имеющих контрастные модели формы (получено 32 и 23 реакции соответственно на каждую форму). Выявилось, что в текстах с одним и тем же лексическим составом, но противоположной динамикой формы интенсивность эмоционального пространства текста (выявляется в эксперименте с помощью метода шкалирования) заметно различается,

и максимумы интенсивности смещаются в сторону, предсказанную реконструированной формой, хотя и не совпадают с ней [Белоусов-2001].

В исследовании Н.В. Солодянкиной на материале ученических текстов-пересказов (929 письменных текстов учащихся 1-11 классов) был получен ряд интересных результатов, относящихся к проблеме взаимосвязи модели формы и содержания текста. Так, анализируя динамику трансформаций формы первичного текста в текстах-дериватах, автор пишет: «Структурная целостность первичного текста при письменном пересказе трансформируется в результате изменения размера и положения зоны креативного аттрактора как одного из значимых элементов структурной организации текста. При этом базовой трансформацией в текстах школьников является расположение креативного аттрактора в одном позиционном интервале (пост-ГЦн или пред-ГЦ)» [Солодянкина-2004, с. 7]. Тем самым утверждается влияние на продуцируемый текст инвариантной моделью формы, в которой креативный аттрактор располагается в интервале пред-ГЦ.

В эксперименте-экспертизе (в качестве информантов выступили преподаватели-филологи БПГУ и студенты-филологи 5 курса, 69 человек), проведенном нами совместно с Н.В. Солодянкиной на материале трех текстов (описание, повествование и рассуждение), исследовалась проблема значимости пропозиций в целостном пространстве текста от их позиционного расположения [Белоусов-2004а,-2005в; Солодянкина-2004]. Информантам предлагался текст, состоящий из набора пронумерованных карточек, на каждой из которых была представлена одна пропозиция данного текста. Требовалось последовательно (до тех пор, пока это возможно) исключать из таким образом представленного текста карточки-пропозиции, которые менее всего влияют на адекватное понимание данного текста (без которых смысловое пространство текста могло быть восстановлено без значительного ущерба для него самого). В результате была определена значимость каждой пропозиции текста в виде ранговой модели. Обнаружилось, что в креативном аттракторе текста располагаются наиболее значимые пропозиции, при этом наибо-

лее оптимальное расположение креативного аттрактора – интервал пред-ГЦ [Солодянкина-2004, с. 18-20].

В исследовании Е.С. Пушкиной, проведенном на материале 490 текстов-правил школьных учебников по русскому языку и 496 текстов-пересказов правил учащимися, был определен ряд существенных структурно-семантических параметров исходного текста для рецепции его учащимся (длина предложения, длина терминологической цепи, деривационная сложность структуры текста и позиционная локализация компонентов правила). Было установлено, что те компоненты правила, которые расположены в интервалах, расположенных вплоть до ГЦ, воспроизводятся в письменных пересказах учащихся гораздо чаще, чем другие компоненты, несмотря на то, что часто имеют более сложную структуру. В целом, анализ структурных параметров текстов-пересказов позволил автору сделать следующий вывод: «Высокая вероятность воспроизведения микроструктуры объясняется ее локализацией в области до гармонического центра текста <...> сложность микроструктуры компенсирована оптимальной областью ее размещения» [Пушкина-2002, с. 19].

Таким образом, изучение позиционной организации текста и его формообразования, проводимое в рамках самых разнообразных проблем, выявило некоторые общие закономерности, касающиеся уровневой организации текста, его позиционной структуры и языка описания. Мы не считаем методологически верным утверждение о том, что «метаязыки разных уровней описания (текста. – К.Б.) могут быть различными» [Лотман-2000, с. 65]. В этом случае системная целостность объекта никогда не сможет быть изучена в полной мере, и будет постоянно возникать «смещение описаний разных уровней» [Там же, с. 64]. Сложность создания универсального метаязыка понятна: в первую очередь, она обусловлена «урвневой» моделью языка (и текста) и понятийной конкретикой каждого уровня. Между тем, выход из этой ситуации есть: обращение к общенаучному и философскому понятийно-категориальному аппарату, позволяющему единообразно кодировать резуль-

таты уровневых описаний. А это, в свою очередь, делает органичным теоретико-методологическое движение в сторону междисциплинарности лингвистического знания.

Такая установка и была положена в основу метода позиционного анализа и создаваемой на его основе теории формообразования текста. Сведения о языке описания формы *текста* в существующей литературе весьма фрагментарны, поэтому принципы описания формы создавались в процессе ее изучения. На этом примере можно показать, что метод исследования задает не только его путь, но и создает онтологическую картину объекта и язык его описания. Основные характеристики формы текста были сформулированы в работах Г.Г. Москальчук [Москальчук-1998,-2003].

В качестве базовых принципов формообразования рассматривалось взаимодействие комплексов симметрии и асимметрии: полагалось, что форма текста возникает в результате синтеза данных комплексов. Этот аспект изучения формообразования можно назвать *симметрологическим*. На основании динамики порционирования элементов симметрии от начала к концу предлагалось четыре основных характеристики формы (началостремительная, концестремительная, центростремительная, стабильная) и три дополнительных, характеризующих не сам дрейф формы, а динамику распределения плотности симметрии (нисходящая, восходящая, стабильная). Дополнительные характеристики уточняют общее описание формы.

Экспериментальные исследования формы текста, метроритмической матрицы, особенностей восприятия тех или иных единиц в зависимости от их позиционной локализации, с одной стороны, верифицировали модель, а с другой – исследовали оптимальные / неоптимальные процессы формообразования (*оптимологический* аспект). Возникающие на данном этапе характеристики формы текста: оптимальная / неоптимальная / индифферентная.

Вместе с тем уже на «симметрологическом» и «оптимологическом» этапах изучения формообразования текста осуществлялись попытки описания с помощью других критериев, в частности дискретности (и разрывности)

/ континуальности. Хотя явления дискретности и континуальности не являлись предметом исследования в работе [Москальчук-1998], тем не менее, некоторые представленные в ней результаты можно рассматривать в данном аспекте. Так, например, изучение распределения «экспрессивных» по размеру абзацев в прозе В.М. Шукшина свидетельствуют о наличии областей текста, имеющих более и менее дробное абзацное членение. Тенденция к дробности структуры текста отражает явление дискретности (противоположность – континуальность). Возрастание тенденций дискретности приходится на абсолютно слабые позиции текста, усиление влияния континуальности особенно заметно в области гармонического центра (см.: [Москальчук-1998, с. 97-98]).

Изучению дробности текста посвящено также исследование [Москальчук-2002а]. Автором на материале 153 русских поэтических текстов изучалось распределение начинательных союзов *и, а, но*, отражающих действие явления разрывности в тексте. Было установлено, что области появления разрывности структуры текста тяготеют к локализации по границам его композиционных зон. Зона начала, зона гармонического центра, зона конца, обнаруженные в распределениях элементов симметрии (повторов разного рода), выявляются и на материале начинательных союзов *и, а, но* [Москальчук-2002а]. Этот аспект формообразования приводит к появлению терминов, характеризующих, если не форму в целом, то какие-то моменты формы (разрывности на отдельных участках, «неровности» формы). Основные результаты проведенных исследований можно представить в табличной форме (см. таблица 1).

В контексте всех проведенных исследований может показаться странным, что область ГЦ как наиболее вероятный интервал скопления элементов симметрии, то есть избыточности, в то же самое время, является зоной наиболее оптимальной для конденсирования смысла текста. Парадокс снимается тем, что элементы симметрии существуют на структурном уровне текста, репрезентируя его тему в наиболее полном объеме по сравнению с другими зо-

нами текста. Преломляясь же в сознании воспринимающего, они попадают в индивидуальные концептуальные контексты реципиента и становятся частью его субъективного мира. Естественно, эти сугубо языковые явления интерпретируются, и качество интерпретации зависит от концептуальной системы интерпретатора. В то же время, чем сложнее материал интерпретации, тем разнообразнее ее варианты. В этом смысле языковой материал, расположенный в области гармонического центра, более системно организован (выражает тему текста в более полном объеме), а значит, и более сложен, нежели языковой материал в других зонах текста. Структурная симметрия языковой материи, таким образом, является основой концептуальной асимметрии (богатства вариантов интерпретации).

Таблица 1. Характеристики расположения языковых единиц в тексте в аспекте его позиционной организации

ПАРАМЕТРЫ	ОПТИМАЛЬНОЕ	НЕ ОПТИМАЛЬНОЕ
Расположение значимых элементов	пред-ГЦ (0,382; 0,618)	конец (0,854; 1)
Расположение максимумов волны (контура)	зачин (0; 0,146), пред-ГЦн (0,146; 0,236), особенно пред-ГЦ (0,382; 0,618)	пост-ГЦ (0,618; 0,854), особенно конец (0,854, 1)
Протяженность зоны максимума (аттрактора)	локализованный	продленный
Характер динамики волны	центростремительная и началостремительная; сильная динамика быстрый «подъем» (достижение максимума)	концестремительная; слабая динамика, потенциальная яма в пред-ГЦ долгий «подъем» (достижение максимума)
Соотношение граничных условий	интенсивность волны в начале выше интенсивности в конце	интенсивность волны в конце выше интенсивности в начале
Динамика волны в ГЦ и ГЦн	устойчивое равновесие (в этом случае показатели интенсивности близки к средним значениям) максимумы	?
Динамика волны в АСП ₁ и АСП ₂	сильное падение/рост интенсивности между соседними показателями интенсивности; возможность разрывов структуры	?

Исследование обозначенной проблемы взаимосвязи различных сторон текста осуществляется в рамках одного из наименее изученных вопросов организации текста – вопроса о его фрактальности (самоподобия структур его различных предметов). В традиционной лингвистической литературе это явление обычно передается с помощью понятия структурного изоморфизма между уровнями текста. Однако, как таковой, структурный изоморфизм даже в рамках «уровневой» модели текста может и не наблюдаться. Об этом, на наш взгляд, пишет Ю.М. Лотман, вводя в литературоведческую терминологию категорию «дополнительности»: «...между отдельными структурными уровнями может возникать отношение дополнительности. Например, давно было отмечено, что в пределах определенных поэтических структур ослабление ограничений, наложенных на ритм, сопровождается усилением требований к рифме...» [Лотман-2000, с. 84]. Или более конкретная формулировка: «Можно сказать, что в отношении эквивалентности формальные и семантические элементы естественного языка, входя в поэтическую структуру, выступают как дополнительные множества: совпадение одних влечет за собой несовпадение других» [Там же, с. 89].

Подобное же явление возникает и в рамках «пространственной» модели текста, в которой отношения между пространствами (предметами) текста более независимы, нежели в «уровневой» модели. Так, например, в исследовании В.А. Дорофеевой были получены распределения элементов симметрии по 6 интервалам (зачин, пред-ГЦн, пост-ГЦн, пред-ГЦ, пост-ГЦ и конец) для 906 русских поэтических текстов [Дорофеева-2004]. Кроме того, для каждого из исследуемых текстов была определена модель формы и распределение плотности циклических связей в интервалах. Тем самым появилась возможность сопоставления результатов изучения текста, проведенных на 2 и 3 уровнях позиционного анализа. Полученные данные были обработаны нами с помощью метода факторного анализа (о факторном анализе см. 2.1). В результате было установлено, что *формула текста слабо соотнесена с динамикой элементов симметрии на уровне тематического повтора*. Тем самым,

можно утверждать, что паттерны движения элементов симметрии на уровне тематического повтора имеют мало общего с аналогичными паттернами на уровне размера предложения (слово «уровень» используется здесь в силу привычности термина, хотя, конечно, тематический повтор и размер предложения должны описываться иной языковой моделью – пространственной). Этот пример, с одной стороны, свидетельствует о более сложном строении текста, чем простое уровневое самоподобие, а с другой, говорит необходимости углубленного изучения явления.

Практически все сведения о строении и восприятии текста, о формообразовании и метроритмической матрице, полученные в результате применения метода позиционного анализа, были связаны с изучением выборочных совокупностей. Изучение текстовой организации «на выборках» связано с несколькими моментами: 1) выборка репрезентирует генеральную совокупность, а значит, знания, полученные в ходе ее анализа, могут быть распространены на генеральную совокупность; 2) исследование того или иного аспекта с помощью выборочной совокупности позволяет применять количественные методы, что работает на повышение достоверности результатов, на возможность их сопоставления (в разных выборках) по всем показателям и, в результате, – построения модели изучаемой предметной области, и далее – синтеза моделей предметных областей; 3) идея выборочной совокупности отрицает уникальность объектов генеральной совокупности, полагается, что они обладают конвергентными и дивергентными признаками. На основе первых и происходит формирование выборки; 4) изучение объекта на выборках выражает идею того, что исследуются именно конститутивные свойства объекта, поскольку не конститутивные не могут действовать на выборке, но только в единичных случаях. Выборка позволяет разглядеть за самыми разнообразными сторонами объекта и процессами, в которые он включен, закономерное и случайное.

По отношению к тексту сформулируем методологическое правило: *конститутивные свойства текста могут быть обнаружены только при*

изучении корпуса текстов. Сказанное ни в коем случае не отрицает возможность и важность научного изучения единичных текстов. В данном случае действует известное правило восхождения от абстрактного к конкретному. Знания, полученные при изучении множества текстов, нуждаются в их адаптации к конкретной единичной данности, в которой всеобщее находит свое выражение.

Именно поэтому на современном этапе развития метода возникает необходимость исследования «частной жизни» текста. Проведенный анализ большого корпуса текстов, состоящего из разнообразных выборок, позволяет нам сосредоточиться на моделировании организации отдельных текстов. При этом в центре внимания будут стоять проблемы соотношения и взаимообусловленности текстовых пространств, системно-функциональной их организации, успешивной реализации симультанного пространства текста.

1.2. СИСТЕМОДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕКСТА

1.2.1. Две интерпретации системного подхода

Системнодеятельностный подход составляет основу нашего исследования. В самом названии выделяются два компонента, каждый из которых входит в наименование известных методологических подходов: системного и деятельностного. Поэтому синтез компонентов выражает идею синтеза самих подходов. Движение в сторону синтеза системного и деятельностного подходов, конечно же, не является новым. В частности, широко известны такие варианты, как системнодеятельностный подход Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий-1995,-1999] и системно-деятельностный подход М.С. Кагана [Каган-1974; Сагатовский-2001] (см. также [Губин-1993; Резник-2003]).

Системно-деятельностный синтез М.С. Кагана возникает в случае исследования человеческой деятельности, которую философ понимает предельно широко, включая в нее «и биологическую жизнедеятельность челове-

ка, и его социокультурную, специфически человеческую деятельность» [Каган-1974, с. 39]. Обращение к системному подходу, а значит и к *принципу системности* (ср. «в деятельностном подходе акцент ставится <...> на признании роли деятельности как объяснительного принципа...» [Деятельностный...-1990, с. 4]) обусловлено отсутствием естественного критерия для морфологического анализа деятельности, поэтому «системный анализ деятельности, способный представить ее как «организованную сложность», предполагает обнаружение именно такого критерия, который позволил бы рассматривать вычленяемые виды деятельности как *необходимые и достаточные подсистемы целостной системы деятельности* (курсив автора. – К.Б.)» [Там же, с. 51]. Таким образом, системно-деятельностный подход в данном случае предполагает, что исследование любой сферы реализации человеческой активности должно исходить из понимания ее как деятельности, организованной в соответствии с системными требованиями.

Концепция Г.П. Щедровицкого основывается на том, что «*наши представления об объекте, да и сам объект как организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности*. И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на средства и методы нашей собственной МД (мыследеятельности. – К.Б.), *творящей объекты и представления о них*, и состоит суть деятельностного подхода» [Щедровицкий-1995, с. 154] (ср. «...я реализую другой – *деятельностный*, или, точнее, *системодеятельностный*, подход, который в задании основной организационной структуры мышления исходит не из оппозиции «субъект – объект», или <...> оппозиции «исследователь – исследуемый объект», а из самих систем деятельности и мышления...» [Там же, с. 145]).

Видно, что если в концепции М.С. Кагана *системное* и *деятельностное* «измерение» объекта являются относительно свободными (отсюда: *системно-деятельностный*), то в концепции Г.П. Щедровицкого процесс мыс-

ледействования всегда предстает в виде системы (отсюда: *системодетельностный*). Возможно, это объясняется выбором типа системы координат исследователем: *системно-детельностное* описание форм проявления человеческой активности предполагает взгляд извне (когда к тому или иному объекту применяются принципы системного и детельностного типов описания); *системодетельностное* видение объекта, напротив, исходит из того, как тот или иной объект дан сознанию, как он мыслится (в каких понятиях и категориях, с помощью каких мыслительных действий, как структурируется и пр.).

В первом случае объект изучается исследователем-наблюдателем со стороны и полученные знания можно, пользуясь терминологией С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского, определить как *знать-что*, поскольку они «несут осведомленность о событиях, вещах, свойствах и т.д.»; во втором – объект анализируется на основании того, как он представлен в мыследеятельности исследователя, и тогда приобретенные знания – *знать-как*, в силу того, что они говорят о «способах действия, применения, создания и т.д.» [Гусев-1985, с. 17]. Но посредством *знаний-как* создается онтологическая схема самого объекта, т.е. приобретаются *знания-что*, а с ними и понимание *относительности* полученного знания, так как теперь исследователь понимает, что возникшие в процессе изучения объекта структуры, конструкты и пр., не есть только что-то объективно данное, присущее объекту, но с необходимостью приобретает свои формы под влиянием способа, средств и хода осуществления познавательной деятельности (ср. «С позиции теории деятельности объект познания может быть определен лишь относительно некоторой системы деятельности. Познающему субъекту предмет исследования всегда дан в форме практики, и потому у него нет иного способа видения действительности, кроме как сквозь призму этой практики. Поэтому во всех слоях научного знания содержится схематизированное и идеализированное изображение существенных черт практики, которое вместе с тем (а вернее, в силу этого) служит изображением исследуемой действительности» [Степин-2000, с. 168-169]).

Показательна в отношении возможностей синтеза деятельностного и системного подходов концепция В.Б. Губина [Губин-1993]. Автор концепции, исследуя принципы организации систем и их целостность, приходит к выводу: «В нашем подходе очевидно, что <...> системой является любой объект, выделяемый деятельностью, поскольку в другой деятельности он предстает в виде набора элементов, т.е. имеющим структуру» [Там же, с. 192] (ср. «Любой объект <...> есть объект-система...» [Урманцев-1988, с. 45]). *Деятельность, с точки зрения исследователя, является системообразующим фактором.* Эта мысль чрезвычайно важна для понимания целостности системы: в самой системе вне человеческой деятельности нет ничего такого, что придавало бы ей целостность: «Каждому виду деятельности на данном материале соответствует свое целое, без деятельности не существующее и потому не сводящееся к материалу. Конечно, объект строится деятельностью на материале, а не высасывается ею из пальца, но есть не сам материал, как он есть. Деятельность выделяет в материале нечто главное по отношению к средствам и целям деятельности» [Губин-1993, с. 193]. Таким образом, системный анализ должен быть деятельностно осмыслен, погружен в деятельностный контекст. Именно поэтому целостность текста постоянно ускользает от традиционного лингвистического описания (ср. [Сорокин-1985, с. 6-9]), и, на наш взгляд, *целостность как компонент теоретической схемы выражает идею обязательного присутствия наблюдателя в создаваемой им концептуальной действительности.*

Сказанное позволяет рассматривать осуществляющийся синтез системного и деятельностного подходов в области гуманитарных исследований закономерным и целесообразным процессом, а продукт синтеза, на наш взгляд, можно обозначать как *системнодеятельностный* (считаем вариант *системодеятельностный* не совсем удачным, т.к. в данном случае говорится не о системности, а о системе) подход. Реализация системнодеятельностного подхода позволяет рассматривать изучаемый объект в системе исследовательской деятельности, что дает возможность, варьируя саму деятельность, выяв-

лять нечто общее, присущее объекту – его *онтологический* базис. Системно-деятельностное изучение объекта, в конечном счете, направлено на его онтологическое описание, поэтому можно говорить о деятельностно-онтологическом описании объекта (см. 1.3.2). Сейчас же имеет смысл подробнее остановиться на проблеме реализации системного и деятельностного подходов в лингвистике.

И системный, и деятельностный подходы широко применяются в языковедческих исследованиях, хотя их интерпретация с опорой на корпоративное мышление породила два противоположных лингвистических направления: системо- и антропоцентризм. Но в своем размежевании и та и другая парадигмы предельно сузили принципы и системности, и деятельности, и более того, противопоставили их друг другу: «Лингвистике, ориентирующейся на рассмотрение системных отношений в языке, была противопоставлена лингвистика, ориентирующаяся на теорию деятельности» [Хартунг-1989, с. 41] (ср. «Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, – о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Постовалова-1988, с. 8]).

В последнее время наблюдаются попытки синтезировать подходы в виде трактовки отношений между ними в духе принципа дополнительности. В полной мере это обстоятельство находит отражение во многих диссертационных исследованиях, в которых часть работы выполняется в русле традиционного системно-структурного анализа, а в другой части производится экспериментальная «проверка» высказанных положений на небольшом фрагменте, взятом из первой части исследования. Возможно, подобный методоло-

гический прием и примиряет две парадигмы, однако, синтез системности и деятельности лежит совсем в другой плоскости⁶.

Системному подходу в лингвистике «повезло» в неизмеримо большей степени, чем деятельностному. Это отражается хотя бы в том, что с помощью системного (системно-структурного) подхода, в конечном счете, была создана единственная целостная модель языка. Поэтому критика системного подхода (ассоциирующегося у многих с системоцентризмом) должна направляться не на «подрыв основ» модели, а на развитие самого системного анализа, например, с помощью использования средств общей теории систем ([Карпов-2003]).

Проблематика системного движения достаточно широка [Анохин-1978,-1999; Губин-1993; Каган-1974; Казарян-1996; Карпов-2003; Коробко-1998; Левич-1996а,б; Лосев-2004; Мильман-1987; Садовский-1978; Сидоров-1987; Солнцев-1971; Сороко-1984; Судаков-1984; Тюхтин-1988; Урманцев-1974,-1988; Федоров-2000; Федоров-1998; Швырков-1978; Щедровицкий-1995,-1999; Юдин-1997 и др.]. Вместе с тем, системный подход в своих разных интерпретациях обнаруживает много общего. Принципы системного подхода реализуются в *системном анализе*, который представляет собой сложно организованную (иерархически) совокупность исследовательских деятельностей, действий и операций, направленных на необходимую и достаточную степень описания, объяснения и предсказания поведения изучаемого объекта с позиции устанавливающего эту степень (при формулировании цели изучения) субъекта-исследователя. Мы видим, что системный анализ содержит в своем определении три компонента: субъект-исследователь, изучаемый объект и научная деятельность субъекта с объектом. Именно поэтому системный анализ может иметь несколько интерпретаций.

1. Представление изучаемого объекта, явления и т.п. в виде целостной системы, обладающей системными качествами, и проведение определенных

⁶ Одним из вариантов синтеза выступает системомыследеятельностная концепция Г.И. Богина [Богин-2000,-2002].

операций с этим объектом-системой (установление элементов системы, отношений между ними, иерархической организации и т.д.). Именно к подобного рода представлениям о системном анализе относятся утверждения методологов о системообразующем факторе, эмерджентности, взаимодействии системы и среды, кооперативности процессов в подсистемах единой системы, развитии и самоорганизации системы, управляющих параметрах и параметрах порядка, прямой и обратной положительной и отрицательной связи и др. Данная интерпретация системного метода акцентирует внимание не столько на методах изучения объекта, сколько на его организации (структуре), а точнее, на организации не самого объекта, а структуре определенного (исследовательскими процедурами и знаниями) ракурса его рассмотрения, то есть структуре предмета. Общая теория систем, кибернетика, синергетика, теория информации и теория случайных процессов говорят о системном подходе в этом смысле.

2. Многоаспектное описание одного и того же объекта, то есть выделение у него разных предметов, сообразующихся с различными научными областями, и последующий синтез результатов разнопредметного исследования объекта. Выделение же предметов составляет базис деятельностного подхода, и именно поэтому принципиально неизбежен синтез системного и деятельностного подходов. Эта интерпретация системного метода направлена не столько на объект исследования, сколько на разработку разнообразных методов изучения этого объекта. «Системные проблемы возникают тогда, когда мы имеем объект (реально данный или подразумеваемый), зафиксированный в нескольких разных предметах, и мы должны их соединить либо в ходе нашей практической работы, либо теоретически, в предположении, что эти разные предметы описывают один объект изучения» [Щедровицкий-1995, с. 76]. По преимуществу дисциплинарные области совмещают системный метод в той и другой интерпретациях.

Говоря о системном рассмотрении изучаемых объектов, стоит сразу сказать, что такое их представление есть акт познания, который, конечно, ба-

зируется на объективных закономерностях бытия данных объектов. Следует различать сам объект, или объект-феномен, и объект-систему, или модель этого объекта. Действительно, представление объекта в виде системы означает некоторую схематизацию объекта, проведенную по какому-то основанию. Понятие системы и ее компонентов относительно. Их выделение всегда абстрактно, так как любая реальность представляет собой систему лишь по отношению к составляющим ее компонентам. Сами же компоненты (их выделение из целостного объекта) есть продукт исследовательской деятельности, преследующей релевантные этой деятельности цели и использующей при этом адекватные им средства и методы. Очевидно, что при этом *один и тот же объект может быть представлен в виде разных систем.*

Кроме того, любая предметная действительность, рассматриваемая как система, всегда входит компонентом в состав другой, более сложно организованной системы, или метасистемы, (которую можно «выделить» из окружающей действительности, имея более общие (фундаментальные) исследовательские задачи). Естественно, в зависимости от задач исследования такая метасистема может иметь разную структуру и содержать компоненты, выделенные по разным основаниям. Например, в языкознании текст можно рассматривать как сложноорганизованную многоуровневую систему, состоящую из компонентов языковой системы (фонем, морфем, лексем, синтаксем и гиперсинтаксем). Текст можно рассматривать и как систему пропозиций, микротем и др., и как систему, организованную по другим основаниям: сюжета, композиции, мотивов, системы персонажей и мн. др.

Таким образом, любой объект имеет некоторое множество предметных областей. *Системный метод* в целом направлен на то, чтобы 1) представить предварительно выделенные (в процессе исследовательской деятельности) предметные области в виде системно-структурных образований и 2) осуществить интеграцию (синтез) данных предметов-систем.

1.2.2. Деятельностный подход и текстовая деятельность

О деятельностном подходе в различных областях науки сформировался уже свой корпус текстов, существуют многочисленные классификации основных деятельностных концепций [Волков-1987, Иванников-1999; Деятельностный...-1990; Секун-1989; Суходольский-1998]. Но, в основном, попытки распределить все концепции по группам, на основании какого-то критерия обречены на неудачу. Так, например, В.И. Секун пишет: «В литературе обнаруживаются три группы концепций деятельности: философско-методологическая (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.А. Абульханова), структурно-функциональная (В.М. Гордон, В.П. Зинченко, Г.П. Щедровицкий), операционно-технологическая (А.И. Губинский, В.Г. Евграфов, Г.М. Зараковский, Н.М. Рудный, Г.В. Суходольский). Все эти концепции касаются своих специфических вопросов, а в своей совокупности отображают в себе с должной полнотой такое сложное явление, как деятельность» [Секун-1989, с. 10-11]. Однако, например, концепция Г.П. Щедровицкого, несмотря на то, что в ней большое внимание было уделено структурно-функциональному аспекту деятельности, с полным правом может быть помещена в «философско-методологический» раздел. В то же самое время, в концепции А.Н. Леонтьева были разработаны принципы описания структуры деятельности, ее уровни (известное: деятельность – действие – операция; мотив – цель – условия и др.). То же самое можно сказать практически обо всех упомянутых В.И. Секуном деятельностных концепциях.

Анализ различных вариантов концепций деятельности позволяет выделить некоторые общие черты понимания (как самого феномена, так и принципов его описания), необходимые для изучения речевой деятельности. В целом, интегративный взгляд на проблему деятельности сводится к следующему. *Деятельность – универсальная форма существования человека в мире.* Также можно сказать, что все содержание человеческого бытия складывается из сменяющих друг друга деятельностей, каждая из которых занимает вполне определенное положение в общей структуре (системе) деятельности. В этом

смысле осуществление человеком того или иного вида деятельности может быть рассмотрено не как отдельный, единичный акт, а в связи и в зависимости от общей системы деятельности человека (ср. [Каган-1974, Леонтьев-1974,-1975]). Например, речевая деятельность человека может быть рассмотрена в системе практической предметной деятельности (А.А. Леонтьев), в системе мыследеятельности (Г.П. Щедровицкий) или же в системе основных видов деятельности (М.С. Каган) и др.

На этом этапе введем следующий постулат: *вне зависимости от того, осуществляем ли мы практическую предметную деятельность, речевую деятельность, выполняем ли эмпирическую или даже теоретическую деятельность, или, более того, проводим научную рефлексию над ними (осуществляем методологическую деятельность) – в силу универсальности самого строения деятельности – везде мы находим ее единые принципы, инвариантные компоненты.*

Кроме универсальности строения деятельности как объясняющая модель разных сфер человеческой активности имеет и такое важное качество, как *объективация психического*, чему было уделено много внимания в советской (и современной российской) науке. На вопрос о возможности объективного изучения психики и сознания был получен ответ в виде ряда концепций [Брушлинский-1996; Выготский-1996; Гальперин-1999; Леонтьев-1974,-1975; Основы теории речевой...-1974; Рубинштейн-1998 и др.]. Не останавливаясь на них подробно, отметим общие моменты. *Объективное изучение психики (сознания) осуществляется благодаря изучению деятельности, в которой сознание формируется и проявляется.* Вот как пишет об этом С.Л. Рубинштейн: «Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое – не тождество, но единство. <...> Таким образом, единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъек-

та и объекта. Одно и то же отношение к объекту обуславливает и сознание, и поведение, одно – в идеальном, другое – в материальном плане» [Рубинштейн-1998, с. 21-24]. Именно в деятельности и происходит переход или «перевод» отражаемого в субъективный образ, в идеальное; вместе с тем в деятельности совершается также переход идеального в ее объективные результаты, в ее продукты, в материальное» [Леонтьев-1974, с. 7]. В связи с этим и становится возможным объективное изучение психики человека⁷.

Другим моментом, устанавливающим связь между деятельностью и сознанием (шире – психикой), было принятие *допущения изоморфизма структур деятельности и сознания*, высказанного в 40-гг. 20 в. С.Л. Рубинштейном: «Структура сознания принципиально может быть определена по внешнему, объективному протеканию действия» [Рубинштейн-1998, с. 23]. Это допущение вскоре было подтверждено большим количеством работ советских психологов, в центре внимания которых были проблемы интерио- и экстериоризации, мышления, онтогенеза и др., и стало восприниматься как методологический и теоретический постулат (см. работы А.В. Брушлинского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, и С.Л. Рубинштейна и мн. др.)

Между «идеальной» и «материальной» формами существования деятельности происходит постоянный обмен звеньями, при котором и наблюдается принципиально единая структура деятельности. Так, между внутренним (мыслительным) действием и внешним действием не существует непроходимой границы: все, что было представлено во внутреннем плане действия, «разворачивается» во внешнем действии. Но при этом деятельность «материальная», как правило, «наталкивается» на препятствия, а преодоление этих препятствий связано с преодолением их сначала во внутреннем плане деятельности, «в уме». *При переходе из одного плана существования в другой*

⁷ Ср. мнение А.П. Стеценко, который пишет об объективном изучении психики (сознания), возможном «не через анализ процессов, происходящих во внутреннем мире субъекта, а через анализ реальной предметной деятельности, то есть процессов духовно-практического освоения человеком окружающего его мира» [Стеценко-1990, с. 26-27].

действие остается действием – изменяется только форма его существования и перестраивается его структура, а иногда меняется статус.

Изучение процессов, происходящих в поле сознания с помощью деятельности (с опорой на принцип единого строения внешней и внутренней деятельности, а также принцип предметности деятельности (см. ниже)), позволяет решить многие, казалось бы, не разрешимые проблемы. Так, часто можно слышать, что текст нельзя изучать вне процессов продуцирования и рецепции, а процессы его самоорганизации проявляются и выявляются только на пересечении сознания и текста (например, [Залевская-2001]). Видимо, это обстоятельство является причиной того вывода, который делает А.А. Залевская: «...тело текста, взятое само по себе, без означивающего его человека, не несет какой-либо внутренней энергетики, не может самоорганизовываться структурно (курсив автора. – К.Б.)» [Залевская-2001, с. 25]. Сама по себе цитата весьма примечательна. Нам не известен ни один исследователь, занимающийся проблемами самоорганизации текста, который стал бы оспаривать это положение.

И самоорганизация, и все иные аспекты, которые мы можем обнаружить, изучая текст в его материализованном (овеществленном) виде, уже произошли. Но они произошли не бесследно: реальная текстовая деятельность из одной формы существования перешла в другую, овеществленную. И в своем новом, казалось бы, мертвом состоянии эта опредмеченная речевая деятельность отражает (как в аристотелевском примере воск форму перстня) само протекание этой деятельности, те процессы структурирования и самоорганизации, которые имели место (Ср. «Программными для современной лингвистики становятся положения о том, что ключом к познанию языка является изучение языка в действии. Но ведь и изучение текстов как готовых, сложившихся речевых произведений может рассматриваться как изучение языка в действии: текст с этой точки зрения выступает как результат использования системы языка и каких-то ее строевых элементов, и при восприятии этого текста мы наблюдаем, как функционировал язык и как использовался

он тем, кто создал данный текст» [Кубрякова-1991, с. 4-5]. В данном случае имеет место «способ превращения деятельности как процесса в продукт, в котором она объективируется, переходит <...> из формы движения в форму покоя» [Каган-1974, с. 49] (о превращенной языковой форме см.: [Леонтьев-2001; Тарасов-1987]).

Именно поэтому опредмеченная речевая деятельность, которую часто называют телом текста, уже структурирована, самоорганизована. Другое дело, что варианты распредмечивания этой структуры могут быть разными. Но здесь причиной выступает не только структура текста (ниже мы покажем, что нужно говорить о форме текста), но и возможности интерпретирующей деятельности реципиента. Заметим, что в реакциях «наивных» читателей, выступающих обычно в психолингвистических экспериментах в качестве респондентов, отмечается поразительное однообразие, что, на наш взгляд, свидетельствует о весомости высказанных положений.

В таком случае перед исследователем стоит задача, подобно той, что возникает у реципиента: распредметить процесс текстовой деятельности. Средства же для решения этой задачи, конечно, значительно различаются, как в количественном, так и в качественном отношениях.

Характеризуя основания современной теории деятельности (в разных ее концептуальных вариантах), следует остановиться на таком важном ее компоненте, как *предметность деятельности*. Категория предметности деятельности – та категория, которая вошла почти во все концепции деятельности и со стороны философии, и методологии, и психологии. Например, в диалектической логике понимание предмета деятельности рассматривается как исторически сложившийся специфически человеческий способ взаимодействия с объектом (например, [Диалектическая...-1986, с. 211-215]).

В концепции А.Н. Леонтьева понятие предмета противопоставлено понятию вещи как природного объекта, последний становится предметом только в структуре деятельности в качестве ее объекта. В своей работе «Деятельность. Сознание. Личность» исследователь пишет: «Основной, или, как ино-

гда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности является ее предметность. Собственно, в самом понятии деятельности уже имплицитно содержится понятие ее предмета (Gegenstand). Выражение «беспредметная деятельность» лишено всякого смысла. Деятельность может казаться беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета» [Леонтьев-1975. с. 84]. В процессе деятельности человек включает в свое пространство различные объекты. Эти объекты берутся не полностью, а какой-либо одной (или несколькими) своей стороной – той, что релевантна данной деятельности. В этом смысле и говорится о предметной деятельности. (Ср. «Если объект может быть рассмотрен как любой элемент, «момент» действительности, характеризующийся пространственно-временной, физической определенностью, то под предметом в собственном смысле слова следует понимать форму фиксации общественно-исторического опыта человечества. <...> Сущность предмета, функционирующего в социальном процессе, конституируют не его физические свойства, а определенные, познанные в процессах коллективной <...> деятельности связи и отношения, стоящая за ним, «осевшая» на нем деятельность» [Стеценко-1990, с. 24-25]).

Категория предметности всякой деятельности является одной из центральных и в концепции Г.П. Щедровицкого. В частности, свой вариант системного (системодействительностного) анализа исследователь построил на оппозиции объекта и предмета, а сам системный анализ понимал как многопредметное описание объекта с необходимым синтезом [Щедровицкий-1995,-1999].

В категории предметности наиболее отчетливо преломляется опосредующая роль деятельности в процессе освоения действительности человеком, а именно: между действительностью и человеком всегда находится деятельность вне зависимости от сферы активности последнего (можно выделить деятельности практические и теоретические, предметные и художественные, рациональные и ритуальные, познавательные и репродуктивные и

др. [Каган-1974; Суходольский-1998]. Введение третьего звена – деятельности – между субъектом и объектом, то есть актуализация схемы «субъект – деятельность – объект» вместо бихевиористской «стимул – реакция» (субъект – объект), «объясняет различие отображений в психике разных людей одного предмета: внешние объекты так отображаются в психике человека, как они входят в его деятельность, то есть отображаются те стороны объекта, которые открываются человеку в процессе воздействия на этот объект; эффекты внешних воздействий предметов на человека определяются не непосредственно предметами (как это объясняется в бихевиористских схемах), а опосредуются той деятельностью, которая направлена на этот предмет и в структуру которой он включен, как объект» [Тарасов-1987, с. 102].

Не следует думать, что предметность является атрибутом лишь практической деятельности с «материальными» объектами. Предметность наглядно проявляется в любой познавательной деятельности. Сам факт, что в познании человек отвлекается от одних свойств, связей объекта и сосредоточивается на других, есть проявление предметности мыслительной деятельности. Выделение предметов различных объектов и установление пространственно-временных, аксиологических, каузальных, иерархических и т.п. отношений между ними, происходящих в деятельности, создает целостное деятельностное пространство. Сказанное справедливо и в отношении речевой деятельности, где также наглядно реализуется принцип предметности, причем на нескольких уровнях: знак как «заместитель» вещи предметен, поскольку, являясь продуктом предметной познавательной деятельности, он отражает только определенные аспекты бытия вещи. Так, слово *стол* обозначает стол вообще (абстрактный предмет), в котором нет ничего индивидуального. Здесь актуализируется предметность мышления, направленная не столько на обозначение вещи, сколько – класса вещей (столов)⁸.

⁸ Кроме случаев художественного словесного творчества, особенно современного постмодернистского искусства, в котором знаки представляют самостоятельные сущности, могущие не иметь никаких референтов.

Второй уровень предметности речевой деятельности связан уже не с изолированными знаками, а с речью, где предметность проявляется очень рельефно. Во-первых, в речи происходит конкретизация значения слова – всякая многозначность «снимается» контекстом. Во-вторых, в речи знак (в основном) уже не называет классы – его функция меняется – он служит для обозначения конкретных вещей. Если мы слышим фразу *Книга лежит на столе* – то *стол* здесь обозначает не стол вообще, а конкретный объект. В этом случае речевая деятельность оказывается включенной в пространство предметной практической деятельности. В процессе речи те или иные объекты, явления действительности, о которых сообщается, берутся не со всеми своими свойствами, качествами, а только релевантными цели сообщения, причем «отбор определенных черт обозначаемой действительности имеет место не только при формировании лексических обозначений, то есть слов и словосочетаний, но и при образовании высказывания, являющегося целостным обозначением отрезка действительности» [Гак-1998, с. 217]. Слово, лишенное деятельностного контекста (где оно обозначает тот или иной предмет деятельности), обладает автосемантической, связанной с тем, что оно (слово) вследствие употребления может обозначать сразу несколько предметов одного и того же и даже разных объектов. В речи автосеманτικότητα «снимается», предмет максимально проясняется.

На наш взгляд, в таком (предметном) аспекте следует рассматривать и проблему понимания речевых сообщений. Понимание текста, особенно художественного, вырастает из целостной мыслительной деятельности интерпретатора; сама же деятельность, как уже говорилось, предстает как целенаправленно организованная во времени последовательность исследовательских приемов, действий, операций, объединенных разными методами и подходами к тексту. Ясно, что понимание текста зависит от того, какими методами и приемами анализа владеет интерпретатор.

Семантика текста, как производная исследовательской деятельности над ним, обнаруживает многомерность, поскольку, используя разные методы,

методики, приемы анализа, мы каждый раз эксплицируем разные ее уровни, метрики и др. Применяем ли мы биографический метод, метод структурного анализа текста, метод мифопоэтического анализа, метод позиционного анализа или квантитативные методы – мы эксплицируем разные аспекты семантики одного и того же текста, что, несомненно, отражается и на его понимании. Именно поэтому обращение в психолингвистике к «наивному» читателю для разрешения им *широкого спектра вопросов*, посвященных семантике художественного текста, имеет очень сомнительные перспективы⁹. Реципиент на пересечении объекта (текста) и поставленных перед ним задач (сформулированных в соответствии с уровнем лингвистических умений информанта) выделяет предмет и производит его стихийный системный анализ (вычленяет компоненты, определяет их значимость и др.). Однако и предмет, и его анализ большей частью несоизмеримы со сложностью бытия художественного текста. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на концепты художественных текстов, реконструируемых в ходе психолингвистических экспериментов.

В качестве еще одного из наиболее фундаментальных атрибутов деятельности назовем ее *целостную сукцессивно-симультанную природу*. Анализируя сукцессивную природу деятельности, Г.П. Щедровицкий приходит к отрицанию представления ее как простого однонаправленного процесса, состоящего из смены состояний: «Постоянное превращение «сукцессивного», то есть развернутого и протекающего во времени, процесса, в «симультанное», то есть происходящее в полной своей структуре одномоментно, – факт, давно зафиксированный в самых разных исследованиях психической деятельности человека. Он привел исследователей к мысли, что в так называемом сукцессивном процессе в каждый момент времени осуществляется не вся структура изучаемого целого, а только часть ее, причем в различные моменты времени – функционально разные части. Деятельность, взятая в своей

⁹ Не случайно, в психолингвистике проблемы семантики текста редуцируются к проблеме ключевых слов, теме и идее.

минимальной объективной целостности, выступила как «размытая» во времени: разные ее части и элементы реализуются в разное время, и вместе с тем между ними существуют такие связи и зависимости, которые (благодаря какому-то специфическим механизмам) действуют все это время и объединяют все элементы в одну целостную структуру» [Щедровицкий-1995, с. 240]. Сказанное в полной мере реализуется в текстовой деятельности.

Текст является целостным сукцессивно-симультаным образованием. Обычно под сукцессивностью текста понимается его поступательное развертывание в линейном ряду следующих друг за другом языковых единиц. Симультанность же полагается как некоторый мгновенный образ (семантический) всего текста (ср. ментальный образ текста, проекция текста, гештальт, целостность и др.). Основной проблемой видится изучение механизмов, процессов и форм взаимодействия сукцессивности и симультанности как базовых качеств текста. Рассмотрим процесс становления текста в двух плоскостях: физическом и концептуальном. Примерно так (см. рисунок 4) можно представить традиционно понимаемую взаимосвязь физической и концептуальной сторон текста.

Рисунок 4. Традиционное представление взаимосвязи материальной и идеальной сторон речи

В отношении элементов физического бытия текста полагается элементарный линейный порядок следования. Появление каждого нового элемента в концептуальном пространстве человека (отметим, что этому элементу соответствует определенный элемент физического пространства осуществляющего текста) оказывается связанным с предшествовавшими ему элементами, передаваемыми единицами физического пространства, которые осуществи-

лись в процессе продуцирования / рецепции прежде данного элемента. Здесь возникает, в некотором роде, «склейка» этих элементов, когда появившаяся в поле сознания новая концептуальная единица не вытесняет предшествующие полностью, а как бы связывает их с собой. В результате в концептуальном пространстве возникает «рост» концепта осуществляющегося текста. Мы полагаем, что не только единицы концептуального, но и единицы физического пространства находятся в процессе непрерывного структурирования (см. рисунок 5), что будет доказываться в работе.

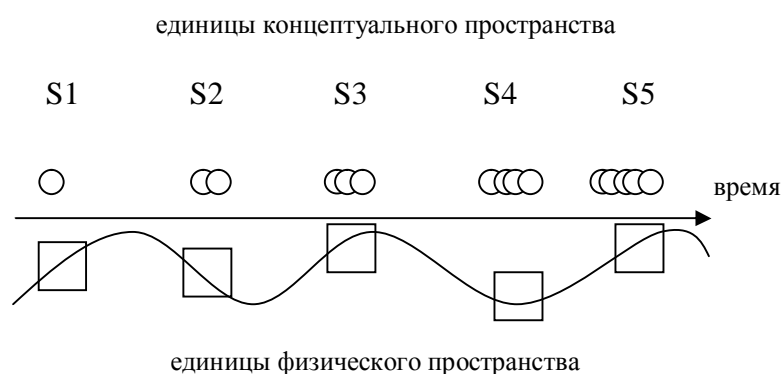

Рисунок 5. Представление взаимосвязи материальной и идеальной сторон речи с опорой на различие их природы

Уже звуковая форма слова имеет сложную иерархическую структуру, вступающую в систему взаимодействия с семантической структурой того же слова. Так, Л.Г. Зубкова, сопоставляя различные аспекты звуковой организации знака (расположение ударения и его подвижность, длина морфем и слова и др.) с его семантикой (категориальной), заключает, что «в совокупности многообразных отношений и межуровневых связей, в которых участвует слово, его звуковая форма, как и любая другая характеристика, оборачивается разными сторонами и разными свойствами, в свою очередь обнаруживающими определенную иерархическую соотнесенность (курсив наш. – К.Б.)» [Зубкова-1999, с. 213]. Рассмотрение же бытия слова в тексте с необходимостью приводит к утверждению билатеральной природы знака [Николаева-2000, с. 417-422].

Если говорить о разрастании концепта текста, то оно происходит не путем простого суммирования всех предшествовавших элементов, а посред-

ством создания и пересоздания (с каждой новой единицей) общей структуры, в которой, как правило, ведущее положение занимает последняя по времени появления единица. Единицы концептуального пространства, будучи связаны с единицами физического пространства и порядком их появления в процессе осуществления текста, также оказываются зависимыми от временного фактора (порядка поступления концептуальных единиц в поле сознания). С позиции каждой новой единицы происходит пересоздание структуры и ее оценка, что можно доказать экспериментальными методами. Но прежде отметим, что описанный механизм позволяет различать текст и стохастический набор словарных единиц. Во втором случае «наращения» концептуальных структур не происходит.

Конечно, сейчас трудно представить существование единства мнений относительно данного предмета. Так, например, о механизмах семантической развертки пишут Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн: «Ведущим универсальным законом глубинного уровня текста является закон, который можно назвать законом инкорпорирования. <...> Суть инкорпорирования текста сводится к тому, что каждое последующее предложение как бы включает в себя предыдущее в качестве особого компонента» [Мурзин-1991, с. 30-31]. М.Я. Дымарский, анализируя концепцию Л.А. Черняховской, замечает: «Идея представить смысловую структуру текста в виде постепенно усложняющихся семантических комплексов, в основе которых лежат элементарные смысловые единицы, комплексов, которые вступают в многоступенчатые связи, последовательно поглощают предшествующие (не инкорпорировать, а именно поглощают, ассимилируют), – эта идея, образующая фундамент концепции Л.А. Черняховской, сомнений не вызывает» [Дымарский-2001, с. 57] (см. также [Жинкин-1998; Зимняя-2001; Леонтьев-2001; Сахарный-1989,-1994]).

Какие точно *единицы* выступают в качестве компонентов *гипотетически* описываемых речемыслительных процессов, сказать сложно; вполне вероятно, что процесс должен опираться на мыслительные единицы – денотаты, которым на языковом уровне соответствуют единицы разной степени

сложности (комментируя высказывание Л.С. Выготского, о несовпадении единиц мысли и речи, Е.С. Кубрякова замечает: «Однако каковы единицы мыслительной деятельности человека мы до сих пор не знаем» [Кубрякова-1991, с. 51]). Еще более категорично высказывается Р. Барт, для которого проблема соотношения означающего и означаемого в протяженной текстовой структуре очень важна в силу предложенного варианта анализа текста [Барт-1980,-2001]. Исследователь производит сегментацию текста на отрезки, названные им лексиями, каждая из которых «представляет собой текстовое означающее» [Барт-1980, с. 309]. Данная процедура требует введения жестких критериев сегментации, однако Р. Барт принимает другие «правила»: «...мы можем обойтись без теоретического обоснования принципов членения текста: когда имеешь дело с речью, а не с языком, трудно рассчитывать на возможность установления строгого соответствия между означающим и означаемым <...> В целом деление повествовательного текста на лексии проводится чисто эмпирически и диктуется соображениями удобства: лексия – это произвольная единица, сегмент, в рамках которого мы наблюдаем распределение смыслов» [Там же, с. 309]. Действительно, проведение сегментации текста, направленной на вычленения единиц его содержания, в каждом случае предполагает множественность; неслучайно, один из наиболее известных образцов денотативного анализа построен на использовании текста технической литературы [Новиков-1983].

Поэтому первичное моделирование развертки семантического пространства текста может строиться с опорой на *минимальную значимую единицу – слово*. Так, в частности, нами было проведено экспериментальное исследование образования концептуальных структур в процессе рецепции. Перед реципиентами (студентами-филологами, учащимися старших классов) последовательно по одному слову (или небольшой группе слов) на доске записывался небольшой текст так, что в конце записи перед ними представал целый текст.

При этом информантам предлагалось на каждом шаге (после появления каждого нового слова или группы слов) отвечать письменно на два вопроса: а) определить, о чем текст (тему текста); б) выписать из всех уже записанных слов те, которые наиболее значимы для понимания темы текста¹⁰. Анализ данных позволяет говорить, что информанты выписывают последнее слово в ответах на пункт «б» с частотностью 0,7 – 0,8, что является статистически достоверным результатом. То есть, с позиции последнего по времени элемента в концептуальном пространстве реципиента, как правило (в пределах статистической достоверности), задается организация и рост концепта текста.

Таким образом, общие принципы деятельностного подхода, основанные на фундаментальных качествах самой деятельности, становятся необходимой частью современного лингвистического исследования. Для нас деятельностный подход будет актуален в следующих его аспектах:

1. Текстовая (как и вообще языковая) деятельность человека есть в полном смысле деятельность, а значит, должна изучаться с опорой на соответствующий теоретический контекст.

2. Форма, в которой протекает анализ языкового материала, есть исследовательская деятельность.

3. Репрезентация действительности в языке (тексте), то есть, по сути, репрезентация действительности в тексте обнаруживает деятельностные принципы организации языкового пространства («деятельность в тексте»).

Деятельностный подход к анализу текста, таким образом, объединяет анализ процессов порождения и восприятия / понимания речи; анализ структуры и семантики текста и анализ самого исследования, что является важным

¹⁰ Описываемый эксперимент осуществлялся и в форме, направленной на моделирование рецепции текста как функциональной системы. Учитывалась не только семантическая сторона воспринимаемого текста, но и его эмоциональное пространство, а также процессы апперцепции и оценки. Реципиентам предлагалось после появления каждого нового слова или группы слов отвечать письменно на пять вопросов: а) определить, о чем текст; б) определить основную эмоцию; в) о чем будет сообщаться дальше; а со второго шага вводился пункт г) что изменилось в ваших ожиданиях и в представлениях, о чем текст и об эмоциональности текста с появлением этих (новых) слов; д) выписать слова, наиболее значимые для понимания темы текста.

источником получения достоверных знаний о языке. Действительно, фактор влияния исследователя-лингвиста на получаемые им результаты часто недооценивается, и происходит это потому, что нет достаточной рефлексии над самими процедурами «измерения» языка. Предполагается, что теоретический и методологический уровни несопоставимы друг с другом, между тем, ход любого исследования, на наш взгляд, свидетельствует об обратном. Более того, в современном исследовании, которое зачастую основывается на нескольких подходах, теориях и изучает одновременно несколько сторон (предметов) одного объекта, проблема единства теоретико-методологического базиса становится первостепенной. Остановимся более подробно на выделенных аспектах.

1.2.3. Деятельностный анализ текста

Рассуждения о том, что язык есть деятельность, давно стали общим местом. Однако признание деятельностной природы языка зачастую не идет дальше простого постулирования. По сути, отсутствует модельное представление такого понимания языка, а сам выделенный предмет пребывает в состоянии неопределенности (неоформленности). Об этом в 1975 г. писал Г.П. Щедровицкий: «Сам принцип, что «речь-язык» есть не что иное, как деятельность, намечал уже Аристотель и очень резко формулировали В. Гумбольдт и его последователи. Они построили много рассуждений для доказательства того, что «язык» есть именно деятельность, а не что-либо другое, но при этом не показали и не могли показать, что же именно следует из этого в отношении самих методов исследования языка, в чем специфика изображения его как деятельности и какими должны быть процедуры анализа. Фактически как предмет исследования, так и процедуры анализа оставались одними и теми же независимо от того, принимали исследователи эту характеристику или отвергали ее» [Щедровицкий-1995, с. 233-234]. Со времен написания этих слов,

в целом, мало что изменилось¹¹. Повсеместно в психолингвистических работах большое внимание в качестве теоретической составляющей уделяется деятельностному подходу, который в самом исследовании вдруг забывается. Введенный Л.С. Выготским и принятый школой А.Н. Леонтьева *принцип «анализа по единицам»* в отношении анализа речевой деятельности (с позиции интересов языкознания) остается, как правило, нереализованным.

Действительно, созданные на основе данного принципа модели порождения речи (о значимости принципа «анализа по единицам» для моделей порождения речи см.: [Леонтьев-1974, с. 24-28; Тарасов-1987, с. 136-137]), представляют большую значимость для психологии, для лингвистики же предлагаемые модели и сам «анализ по единицам» остаются в большинстве случаев вне деятельностного пространства исследователя (как исключение, см., например, концепцию Н.Г. Вороновой. Автором применяется принцип «анализа по единицам» для сопоставления лингвистических и психолингвистических стратегий интерпретации художественного текста [Воронова-2000]). Кроме того, сами утверждения о *модельном* рассмотрении процесса порождения речи в некотором смысле преувеличены, поскольку модель всегда служит средством появления новых знаний. Модель в ее «классическом» смысле понимается как «такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам *новую информацию об этом объекте* (курсив наш. – К.Б.)» [Штофф-1966, с. 19]. Между тем, многочисленные модели порождения речи представляют собой формальную наглядность, гипотетические схемы, удобно представляющие результаты исследований и / или размышлений (см., например, [Зимняя-2001, с. 254; Кубрякова-1991, с. 78]). Такое понимание модели и моделирования типично для филологии в целом. (Ср. с рассуждениями Ю.М. Лотмана о моделировании мира художником [Лотман-1994, с. 46-58]). Очевидно, использо-

¹¹ В качестве исключения см., например, деятельностные концепции Г.И. Богина и В.Я. Шабеса.

вание модели в такой роли несколько принижает ее гносеологические возможности, и, по сути, свидетельствует о метафоризации исходного термина.

Сведение же методологического принципа «анализа по единицам» к возможности только психолингвистического изучения текста (мы говорим здесь о проблемах, выходящих за рамки «лингвистики текста») не является оправданным. На наш взгляд, редуцирование процедур исследования текста до опроса испытуемых может, в ряде случаев, быть неадекватным сложности объекта и целям анализа, о чем уже говорилось. Кроме того, сами психолингвистические методики слабо соотносятся с принципом «анализа по единицам». Так, например, многочисленные исследования ключевых слов (опорных вех и т.п.), по сути, ничего не сообщают нам о тексте как целостности, а только о том, что эти слова очень важны для понимания текста (которое может быть весьма тривиальным!).

Психолингвисты, как правило, мало работают непосредственно с текстом, предпочитая всю ответственность за получаемые результаты «перекладывать» на ничего не подозревающего и ни за что не отвечающего информанта. Сами же интерпретации полученных и обобщенных реакций часто сводятся к формальному описанию того, что доминирует, а что не доминирует. Психолингвистическое исследование нуждается в качественном изменении: 1) создании методов, адекватных сукцессивно-симультанной природе текста; 2) активном использовании методов моделирования, создания моделей, дающих новые знания об объекте; 3) развитию языка описания моделей (особенно графических) и обязательной их интерпретации и 4) методологической рефлексией над своими терминами, алгоритмами анализа и т.д.

Размышляя о судьбе деятельностного подхода в языкознании, Г.П. Щедровицкий замечает: «Так как исходным эмпирическим материалом языковедческого анализа в конечном счете являются знаковые цепочки текстов, остающиеся после речевой коммуникации и мышления, то принцип «язык есть деятельность» требовал от его сторонников либо того, чтобы они «нашли» деятельность в самих текстах, либо же смены эмпирического материала

исследования. <...> При этом попытки и видеть, и выделить деятельность в текстах особым образом повлияли на само понятие деятельности: его начали сводить к представлению о «движении» или «процессе». Тогда моментом, специфичным для деятельности, оказались связи между знаковыми элементами текста; представление текста как деятельности стало равнозначно представлению его как структуры и в результате потеряло всю свою новизну и специфику» [Щедровицкий-1995, с. 234].

Сказанное отнюдь не означает отрицание принципа «анализа по единицам», моделей порождения речи. И то, и другое должно быть наделено конкретным содержанием в виде выработки системы процедур анализа не абстрактной речи, а текста. Деятельностному пониманию текста, таким образом, нужно, говоря словами Г.П. Щедровицкого, «найти деятельность в самих текстах». В качестве варианта решения проблемы нами был предложен анализ деятельностной структуры текста с опорой на его формообразование [Белоусов-2002б]. В предложенной концепции «деятельности в тексте» (далее.— ДТ) мы исходили из следующих обстоятельств. В качестве исследовательского материала на первом этапе нами были взяты тексты-повествования с эксплицитно выраженной в них деятельностной схемой. При этом мы полагали деятельностью в тексте (ДТ) деятельность главного действующего лица (агенса) в тексте [Там же, с. 11]. В качестве структурной модели деятельности была взята фазовая модель [Белянин-2000а; Горелов, Седов; Зимняя-2001; Леонтьев А.А.-1999; Лурия-1998; Тарасов-1987]. В общем виде фазовая структура речемыслительной деятельности может быть условно представлена таким образом: [Мотив (М) + Ориентировка (ОР) + Планирование (ПЛ)] + [Реализация (РЕ)] + [Контроль (КО) и Оценка (ОЦ)]. И здесь структура деятельности может эксплицироваться в виде этапов / фаз реализации. Квадратные скобки указывают, что компоненты (этапы) функционируют в пределах одной фазы. Данная формула обслуживает психолингвистические исследования, сосредоточенные на вопросах речепроизводства, начинающиеся с фазы

замысла, выходящие потом во внешнюю речь (непосредственная вербализация) и заканчивающиеся фазой контроля и оценки.

В качестве иллюстрации распределения этапов ДТ приведем текст Л.Н. Толстого *Баба и курица*.

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что, если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Так и сделала. А курица зажирела и вовсе перестала нестись.

Формула текста Л.Н. Толстого Баба и курица /11212/, плотность циклических связей 4-5-6-6-5-3. Креативный аттрактор текста находится в области максимальной интенсивности циклических связей. В тексте Баба и курица максимальная интенсивность циклических связей равна 6 и локализуется в области [ГЦн – ГЦ], то есть, расположена между двумя сильными позициями текста, его точечными аттракторами. В тексте эту область занимает следующий фрагмент «по яичку. Хозяйка подумала, что, если больше давать корму, курица вдвое будет нестись».

Агенсом всего текста выступает Хозяйка, пациенсом – курица. Хозяйка совершает некоторую деятельность по отношению к курице, стараясь добиться от той нужного Хозяйке эффекта: чтобы птица вдвое больше неслась. Курица испытывает пассивно на себе эту деятельность Хозяйки, выступая в качестве объекта воздействия. Курица с точки зрения Хозяйки ведет себя по схеме «стимул – реакция»: если не будет стимула, то не будет и реакции. Попробуем выделить в деятельности агенса (Хозяйки) фазы. Первое предложение можно отнести к фазе ориентировки: во-первых, у Хозяйки есть нечто, с чем она собирается манипулировать. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что в данной деятельности эксплицитно не выражен ее мотивационно-потребностный базис, то есть отсутствует выражение, детализирующее причины действия персонажа (хозяйки).

Фаза планирования занимает в пространстве текста второе предложение, фаза реализации – третье, фаза оценки и контроля – последнее предложение. Фаза реализации представлена в виде фразы «Так и сделала», которая,

будучи взята изолированно, не несет никакой информации, кроме той, что агенсом выступает существо женского рода, сделавшее что-то. Данное обстоятельство вполне понятно, поскольку автор стремится избежать тавтологии, которая бы могла принять следующий вид: «Хозяйка подумала, что, если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Хозяйка стала давать больше корму, чтобы курица вдвое больше неслась». В контексте фраза «Так и сделала» все же несет избыточную информацию, поскольку в семантике фазы оценки и контроля «А курица зажирела и вовсе перестала нестись» имплицитно присутствует фаза реализации. Союз а в данном случае противопоставляет результат деятельности (фаза оценки и контроля) ее осуществлению (предшествующим фазам), свидетельствуя о противоречии между целями деятельности (закладываемыми на этапе мотивировки и планирования) и ее результатом. Факультативность фразы «Так и сделала» подтверждается тем фактом, что в письменных пересказах школьники с большой частотностью пропускали данное предложение.

Фаза планирования и часть фазы ориентировки «по яичку. Хозяйка подумала, что, если больше давать корму, курица вдвое будет нестись» являются креативным аттрактором текста – местом, наиболее полно репрезентирующим его семантику. Действительно, данный отрывок позволяет реконструировать фазу ориентировки и содержит фазу планирования. Зная же, что текст относится к жанру басни, можно предвосхитить и возможный ее итог: курица либо будет продолжать нести по одному яйцу, либо вовсе перестанет нестись. Если первый вариант указывает на тщетность попыток перестроить естественный ход природы, то второй вариант становится и наказанием за активное вмешательство в ее законы. Учитывая тот факт, что в басне предмет изображения являются пороки людей, вероятней следует ожидать второго варианта концовки текста: порок (жадность) Хозяйки наказывается.

В ученических пересказах (5-6 классы) это обстоятельство часто находит отклик, например, в интерпретациях подобного рода: «У одной старухи курица несла одно яйцо в день. Бабке было мало. И курочка умерла». Здесь

жадность Хозяйки приводит к физической смерти курицы. В тексте же Л.Н. Толстого курица лишается основной своей функции – способности нестись, – что может восприниматься как символическая смерть. Видно, что ребенок по-своему осмыслил данный факт. Креативный аттрактор в тексте позволяет реконструировать его содержание, поскольку является зоной наиболее интенсивного смыслообразования.

Итак, в нашем тексте не представлена фаза мотивировки ДТ. Фаза ориентировки занимает в пространстве текста первое предложение, фаза планирования – второе, фаза реализации – третье, фаза оценки и контроля – последнее предложение. Нанесем границы фаз ДТ на отрезок $(0, 1)$, где (0) – абсолютное начало текста, а (1) – абсолютный конец текста. Расстояние будем измерять в словоформах, при этом, если в данном тексте 27 слов, то (0) обозначим точку, лежащую непосредственно перед первым словом, а (1) – последнее (27-е) слово текста.

Если граница какой-либо фазы начинается на 5 слове, то на отрезке $(0, 1)$ началу фазы будет соответствовать величина равная $5/27$. В данном тексте протяженность фаз следующая: ОР – $(0; 0,222)$, ПЛ – $(0,259; 0,630)$, РЕ – $(0,667; 0,741)$, ОЦ – $(0,778; 1)$. Если объединить фазы планирования и реализации, то протяженность фазы будет: ПЛ+РЕ – $(0,259; 0,741)$. Границы между фазами получаются вследствие того, что, например, одна фаза заканчивается на пятой словоформе (еще содержит ее), а следующая фаза начинается шестой словоформой, что означает, что граница одной фазы находится по формуле: «пять разделить на общее количество слов в тексте», а граница другой проходит в точке: «шесть разделить на общее количество слов в тексте». Кроме того, возможны случаи, когда между фазами находятся словоформы, не относящиеся ни к одной из фаз. К таким единицам принадлежат, например, союзы.

Всего нами было проанализировано 18 текстов-басен Л.Н. Толстого и 43 созданных текстов-описаний студентов 5 курса филологического факультета БПГУ. Перед информантами ставилось задание описать любую деятель-

ность, обязательно включающую мотивировку, ориентировку, планирование, реализацию и оценку полученного результата. Время для создания текста не ограничивалось (в среднем реципиенты создавали текст за 7-9 минут, что говорит о несложности предложенного им задания). Такого рода ДТ была обозначена как одноактантная (один агенс) кумулятивная.

Приведем некоторые тексты, созданные в ходе эксперимента (пунктуация здесь и далее авторская). В скобках обозначены правые границы фаз ДТ.

Э3. *Скоро наступит зима. Если будет также холодно как в прошлом году, то мне необходимы теплые носки. (М+ОР) Однажды я взяла спицы и пуховые нити и начала вязать себе носки. Работа продлилась два дня. (ПЛ+РЕ) Носки получились пушистые и очень мягкие. Зимой мне будет тепло. (ОЦ+КО)*

Э4. *Завтра экзамен по русской литературе, а несколько текстов еще не прочитаны. (М+ОР) Я иду в библиотеку, беру книги и спешу домой, чтобы их прочитать. Времени остается мало, а сделать нужно еще много. Я выбираю только самые коротенькие из произведений, чтобы ответить на большее количество вопросов. (ПЛ+РЕ) Ну вот, все что можно было сделать, сделано. Теперь все зависит от удачи. (ОЦ+КО)*

В тексте Э3 мотивом деятельности является удовлетворение потребности человека в теплой одежде зимой. Эта потребность может быть реализована разными средствами, в том числе и тем, что было выбрано агенсом ДТ («Я»). В тексте отсутствует фаза планирования, которая, с одной стороны, должна была частично (наряду с фазой ориентировки) прояснить выбор агенсом обозначенного им пути деятельности (вязание, а не покупка и др.), а с другой стороны, наметить план последующей деятельности. Вместо фазы планирования сразу же после фаз М и ОР следует фаза реализации «*Однажды я взяла спицы и пуховые нити и начала вязать себе носки. Работа продлилась два дня*», а далее фаза ОЦ и КО «*Носки получились пушистые и очень мягкие. Зимой мне будет тепло*».

В тексте Э4 описывается деятельность «Я» по подготовке к сдаче экзамена. Обращает на себя внимание отсутствие (эксплицитного выражения) фазы мотивации, говорится только о предстоящем экзамене и некоторых произведениях, которые не были изучены агенсом (студентом). Отсутствует и фаза планирования, вместо нее обширно представлена фаза реализации «*Я иду в библиотеку, беру книги и спешу домой, чтобы их прочитать. Времени остается мало, а сделать нужно еще много. Я выбираю только самые коротенькие из произведений, чтобы ответить на большее количество вопросов*». Далее разворачивается фаза оценки и контроля «*Ну вот все что можно было сделать сделано. Теперь все зависит от удачи*».

Обнаружилось, что, как и в текстах Л.Н. Толстого, фаза мотивировки, несмотря на задание описывать всю деятельность, сгруппирована с фазой ориентировки, фаза планирования – с фазой реализации. Данный факт проявляется в том, что в этих группах возможны замены одних фаз другими, например, если присутствует фаза планирования, то может отсутствовать фаза реализации и наоборот.

В приведенном выше тексте Л.Н. Толстого *Баба и курица* фаза реализации представлена в виде фразы: *Так и сделала*, которая, будучи взята изолированно, вне контекста, не несет никакой информации, кроме той, что агенсом выступает существо женского рода, которое произвело в прошлом какое-то действие. Чаще в том случае, когда фаза *планирования* представлена развернуто, фазы *реализации* ДТ вообще нет в тексте. Это вполне понятно: зачем дважды повторять одну и ту же информацию. В речи происходит то же явление: «снимается» степень подробности при описании каких-либо событий действительности (реальных, типизированных, вымышленных и т. п.). Язык позволяет в предельно обобщенной форме представлять те или иные события действительности, увеличивать или уменьшать степень подробности, что, соответственно, приводит к упрощению или усложнению структур ДТ, представляющей в языке те или иные события действительности. Здесь уместно привести слова А.Н. Леонтьева: «Первоначально внутренние психи-

ческие процессы имеют форму внешних процессов с внешними предметами; превращаясь во внутренние, эти внешние процессы не просто меняют свою форму, но подвергаются известной трансформации, обобщаются, становятся более сокращенными [Леонтьев А.Н.-1974, с. 11].

Сейчас же нас интересуют распределение фазовых интервалов ДТ в пространстве текста. Данные, полученные на материале текстов Л.Н. Толстого и текстов, созданных студентами в ходе эксперимента, были обработаны, и в результате был найден инвариант для данного типа текстов. Из таблицы 2 видно, что инвариант фаз ДТ в текстах Л.Н. Толстого и инвариант фаз ДТ в текстах информантов слабо различается, то есть ни жанр, ни даже вид деятельности не является в данном случае определяющим. Это позволяет предположить, что распределение фаз ДТ с легким дрейфом к началу текста соотносится с выделенными Г.Г. Москальчук зонами формы текста: зона начала (0; 0,382), зона ГЦ (0,382; 0,854), зона конца (0,854; 1) [Москальчук-1998, с. 56-64].

Таблица 2. Распределение фаз ДТ в текстах Л.Н. Толстого и экспериментальных текстах студентов

Тексты / Фазы ДТ	Мотивировка (М) + Ориентировка (ОР)	Планирование (ПЛ) + Реализация (РЕ)	Контроль (КО) + Оценка (ОЦ)
Л.Н. Толстой	0 – 0,320	0,347 – 0,730	0,778 – 1
Студенты	0 – 0,330	0,340 – 0,780	0,790 – 1
Среднее	0 – 0,326	0,343 – 0,767	0,787 – 1

В таком случае увеличение количества деятельностных фаз в тексте (при переходе к иному типу текстов) также должно распределяться по форме текста, то есть соотноситься с метроритмической матрицей. Для изучения этого вопроса нами было проведено исследование текстов, с более сложной деятельностной схемой, например, с «удвоением фаз». Эксперимент проводился так же, как и в предыдущем случае. Информантам (аспирантам и студентам-филологам 5 курса) предлагалось создать тексты, которые бы подробно описывали любую их деятельность, но такую, которая проходила бы в два этапа: первый, включающий мотивировку, ориентировку, планирование,

реализацию, заканчивался отрицательным результатом. Второй этап, состоящий из тех же фаз деятельности, был бы посвящен «исправлению» первого этапа деятельности, в результате чего деятельность в целом завершалась достижением положительного результата в соответствии с поставленной целью деятельности. В результате эксперимента было получено 45 текстов, результаты анализа которых, совместно с результатами локализации фаз ДТ текстов с одноактантной кумулятивной деятельностью, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Соотношение локализации фаз кумулятивной и некумулятивной одноактантной ДТ

Фазы ДТ	М + ОР	ПЛ + РЕ	ОЦ + КО	М ¹ + ОР ¹	ПЛ ¹ + РЕ ¹	ОЦ ¹ + КО ¹
Вид ДТ						
Кумулятивная ДТ	0 – 0,326	0,343 – 0,767	0,787 – 1	нет	нет	нет
Некумулятивная ДТ	0 – 0,213	0,225 – 0,498	0,5 – 0,598	0,6 – 0,687	0,698 – 0,9	0,913 – 1

Примечание: Индексами (¹) отмечены фазы некумулятивной ДТ второго этапа деятельности.

Приведем пример, иллюстрирующий *одноактантную некумулятивную* (повторяющуюся) деятельность.

ЭНЗ Я понимаю, что скоро придет голодный муж, так что пора готовить обед. Открываю холодильник. В нем лежит все, что выросло у нас на огороде: картошка, морковка, лук, свекла, капуста. (М+ОР) Почесав затылок, решаюсь варить борщ. (ПЛ) Режу все это дело на кубики и бросаю в воду. Довожу до готовности на среднем огне, бросаю соль, перец, лавровый лист. (РЕ) Под конец пробую. Ну жуткая гадость! (ОЦ+КО) Понимаю, что мой брак под угрозой. Открываю холодильник. Какая удача! В холодильнике затерялся десяток яиц. (М¹+ОР¹) Сделаю я, пожалуй, яичницу. (ПЛ¹) Разбиваю на раскаленную сковородку пять штук, солю и забываю о процессе на пять минут. (РЕ¹) Пробую. Да, яичницу я умею готовить с детства по-царски. (ОЦ¹+КО¹)

В данном тексте описывается деятельность по приготовлению обеда. Деятельность можно условно разделить на две части: в первой результат дея-

тельности оказывается отрицательным, во второй – положительным. В тексте выделяются те же фазы ДТ, что и в случае кумулятивной ДТ. Если теперь определить значение протяженности каждой из фаз ДТ, то получим следующие результаты, представленные в таблице 4.

Величины протяженности фаз некумулятивной и кумулятивной ДТ оказываются связанными друг с другом. Величина протяженности фазы (М + ОР) некумулятивной деятельности равняется величине протяженности фазы (М + ОР) кумулятивной деятельности, помноженной на 0,618 (коэффициент пропорции золотого сечения). Такое же соотношение наблюдается и при корреляции величины протяженности остальных фаз первого этапа некумулятивной ДТ с величиной протяженности фаз кумулятивной ДТ. То есть, происходит компрессия протяженности фаз ДТ по принципу золотого сечения, на основе которого и строится описание формы текста.

Второй этап некумулятивной ДТ обнаруживает «отклонение» от метроритмического варианта, по которому распределяется первый этап некумулятивной ДТ. Второй этап этой ДТ направлен на исправление результатов первого этапа ДТ, в силу этого фаза (М¹+ОР¹) отличается от фазы (М+ОР) и связана с предшествующей ей фазой (ОЦ + КО). Более того, в фазе (М¹ + ОР¹) отсутствует выработка первоначальной мотивировки, ее необходимо только подтвердить (*Пусть сразу не получилось, но сделать это нужно*).

Таблица 4. Соотношение протяженности фаз кумулятивной и некумулятивной одноактантной ДТ

Фазы ДТ	М + ОР	ПЛ + РЕ	ОЦ + КО	М ¹ + ОР ¹	ПЛ ¹ + РЕ ¹	ОЦ ¹ + КО ¹
Вид ДТ						
Кумулятивная ДТ	0,326	0,424	0,213	нет	нет	нет
Некумулятивная ДТ	0,205	0,258	0,109	0,081	0,189	0,084

Данные обстоятельства и влияют на сокращение протяженности фазы (М¹ + ОР¹) по отношению к теоретическому предсказанию, равному величине

протяженности фазы ($M + OP$) кумулятивной деятельности, помноженной на 0,382 ($0,382 + 0,618 = 1$).

Получение отрицательного результата на первом этапе деятельности компенсируется положительным результатом второго этапа деятельности таким образом, что величина протяженности фазы ($OЦ^1 + КО^1$) значительно возрастает. Увеличение протяженности этой фазы ДТ происходит за счет сокращения фазы ($M^1 + OP^1$), поскольку фаза ($ПЛ^1 + РЕ^1$) сохраняется в отношении к теоретическому предсказанию, то есть величина протяженности ($ПЛ^1 + РЕ^1$) приблизительно равна величине протяженности ($ПЛ + РЕ$), помноженной на 0,382. Вывод коэффициентов для фаз ($M^1 + OP^1$) и ($OЦ^1 + КО^1$) нуждается в дальнейшем осмыслении характера протекания этих фаз ДТ. Но в любом случае, протяженность фаз ДТ обнаруживает единый принцип организации с фазами и интервалами формы текста, соотношения фаз ДТ различных типов текстов.

Дальнейшее исследование деятельностной природы текста было связано с анализом зависимости между формой речевой деятельности, ДТ и формообразованием текста. При этом в текстах не выделялись фазы деятельности – полагалось, что ДТ должна отражаться в тенденциях формообразования. В качестве материала, в основном, рассматривались тексты с более сложной структурой, в которой сама ДТ не могла быть связана с агенсом текста в силу его отсутствия (например, тексты-описания природы). Были исследованы следующие выборки текстов: изложения школьников разных классов (450 текстов), 150 текстов-сочинений школьников на темы «Весна», «Зима», «*Грустный день в моей жизни*», 310 стихотворных текстов, распределенных по группам «Весна», «Лето», «Осень», «Зима», «Утро», «Вечер», «Ночь», «Творчество» [Белоусов-2002б].

При анализе взаимоотношения типа и формы речевой деятельности, ДТ и тенденций формообразования мы исходили из следующего. Рассматривая текст как открытую систему, включенную в пространство деятельности продуцента и реципиента, мы должны были учитывать не только референциаль-

ную деятельность (описывающую целостное событие), то есть ту, к которой отсылает нас текст, но и деятельность, в которую непосредственно этот текст включен. В самом деле, референциальная деятельность, отражением которой в тексте есть ДТ, как правило, не совпадает с той реальной деятельностью продуцента, в которую она встраивается. В самом обычном разговоре один человек описывает другому человеку некоторую свою деятельность (практическую, теоретическую, общение с другим человеком и т.п.) или воздействует на слушателя с целью совершения последним той или иной деятельности.

Эта деятельность обычно неизвестна полностью собеседнику (зачем тогда говорить?), в этой описываемой деятельности есть своя мотивация, которая часто эксплицируется говорящим (я хотел (полагал и пр.)...). Описываемая деятельность имеет и свою структуру, цели, условия протекания и др. Но сама коммуникация, в которой происходит описание некоторой деятельности, есть также деятельность со своим невыражаемым прямо мотивом, целью и др. Наконец, если описываемая деятельность может быть практической, художественной и др., то реальная деятельность есть речевое общение (более узко – текстовая деятельность). Деятельность продуцента (далее – ДП) и деятельность в тексте (ДТ) могут принципиально различаться еще и в силу того, что мотиву ДТ *предшествует* мотив реальной деятельности продуцента. Мотив ДП (обычно не эксплицируемый) – это *зачем* я говорю, а мотив ДТ (часто эксплицируемый в тексте) – это *о чем* я собираюсь сказать.

Говорящий субъект как бы дробится: одно его «Я» участвует как субъект той деятельности, которую он описывает, а другое «Я», которое можно назвать «Эго», внимательно следит за ходом реальной коммуникации. Ю.С. Степанов отмечает: «Современные лингвисты справедливо утверждают, что одна из основных линий прагматической интерпретации высказывания – это «расслоение» «Я» говорящего на «Я» как подлежащее предложения, «Я» как субъекта речи, наконец, на «Я» как внутреннее «Эго», которое контролирует самого субъекта, знает цели говорящего и его намерение лгать или говорить правду, и т.д.» [Семиотика-2001, с. 29-30].

Изучение взаимосвязи ДП, ДТ и тенденций формообразования на первом этапе исследовалось в процессе учебной деятельности (на материале текстов-изложений и сочинений). Небольшие по объему тексты (17-35 слов) Л.Н. Толстого прочитывались информантам (учащимся 5-7 классов; 450 реакций) с заданием изложить их письменно наиболее близко к оригиналу. Время проведения эксперимента не ограничивалось.

Созданные школьниками тексты дифференцировались на первом этапе обработки результатов на два типа: адекватные и неадекватные оригинальному тексту. Адекватными тексту-оригиналу мы считали те тексты-изложения, которые сохраняли сюжетно-логический (деятельностный) план текста. При отсутствии одного из компонентов в тексте-изложении или при присутствии в тексте компонентов, им не предусмотренных, данный текст оценивался как неадекватный оригиналу. Тексты, адекватные оригиналу и неадекватные ему, образовали две выборки, в которых подсчитывалась динамика формы.

Проиллюстрируем сказанное на примере текста Л.Н. Толстого *Баба и курица* (авторский текст приводится выше). Например, как неадекватные тексту Л.Н. Толстого *Баба и курица* нами были оценены следующие тексты-изложения.

ТБ25. *Одна курица несла мало яичек. И тогда ее стали хорошо кормить. И она зажирнела.* В тексте наблюдается полное искажение ДТ.

ТБ19. *Курица каждый день несла по яичку. Хозяйка подумала, что если она будет давать больше корма, то она будет нести два яйца в день. Но курица от этого разжирела и перестала нести яйца.* В тексте отсутствует фаза реализации (*Так и сделала*).

Рассмотрим теперь вопрос: что представляет собой процесс написания изложения с точки зрения деятельностного анализа, и чем отличаются адекватные и неадекватные изложения, рассмотренные в этом ключе. Во-первых, обратим внимание на мотивацию такого вида деятельности. Поскольку напи-

сание изложения – один из видов *учебной* деятельности, постольку и мотивацию нужно рассматривать с этой позиции. Мотивация учебной деятельности может варьироваться, но объединяющим и организующим моментом служит ее *успешность*. Написание изложения не может рассматриваться как простое калькирование исходного текста, поскольку 1) текст отсутствует в момент совершения деятельности, 2) учащийся по заданным извне (учителем) параметрам должен суметь организовать свою деятельность таким образом, чтобы результат этой деятельности был успешным. Для достижения такого результата от ученика требуется применение знаний, активизация процессов запоминания представленной информации, умение логически связать отдельные части текста, умение концентрировать внимание, чтобы не допустить ошибок и т.д. Поэтому адекватные изложения отражают такую деятельность продуцентов, которую можно с полным правом считать проблемной деятельностью.

Было установлено, что *во всех выборках*, составленных на основе письменного пересказа четырех оригинальных текстов, действуют одни и те же закономерности: в выборках, составленных из адекватных пересказов, в большей степени действует концестремительность, в меньшей – началостремительность; в выборках, составленных из неадекватных пересказов, – максимальное влияние на формообразование оказывает началостремительность, минимальное – концестремительность

Значит, можно сделать вывод, что характерная для адекватных изложений концестремительность связана с проблемной поисковой деятельностью. Если рассматривать эту тенденцию на уровне «материала деятельности», то мы видим, что концестремительность отражает негэнтропийные тенденции: сохранение устойчивости структуры того объекта, с которым проводилась деятельность. Началостремительность, напротив, есть энтропийная составляющая энергетических процессов в системе: упрощение исходной структуры.

Итак, началостремительность отражает апроблемную учебную деятельность, отрицательное эмоциональное пространство продуцента, энтропийную тенденцию как деятельности продуцента, так и структуры объекта деятельности, то есть энтропийную тенденцию формообразования. Концестремительность, напротив, есть характеристика проблемной, успешной, эмоционально положительной деятельности, с негэнтропийными процессами формообразования текста и деятельности продуцента. Центростремительность – это тенденция гармонизирования концестремительности и началостремительности

Обращает на себя внимание рост симметрии в неадекватных трансформациях исходной формы. Качество неадекватных трансформаций – упрощение сюжетно-логической (деятельностной) схемы текста, следовательно, явление возрастающей симметрии – это продукт апроблемной деятельности продуцента. Рост симметрии в неадекватных изложениях (появление в формулах текстов «0») может рассматриваться в контексте увеличивающейся энтропии, о которой выше уже шла речь.

Распределение стихотворных текстов по названным группам было связано с проявленностью в этих текстах действия космогонического архетипа в своих разных фазах: становления и разрушения. Развертывание в тексте космогонического архетипа и выступало в качестве ДТ. Такой вывод возник в результате анализа природы архетипа в художественном тексте. В общих чертах ход рассуждений может быть представлен таким образом: архетип, безусловно, являясь бессознательным элементом мотивационного компонента любой деятельности (так, как он был необходимым звеном любой деятельности в древности), с другой стороны, сам есть феномен деятельности, имеющий свои мотивационно-целевые установки, которые не осознаются, но диктуются родовыми особенностями человека.

На современном этапе архетипические схемы опосредуются через виды деятельности, генетически связанные с ритуальным действием и через результаты этой деятельности. Так, мы можем наблюдать их в мифах, сказках, дан-

ных в изложении тех или иных авторов, через мифологемы, проявляющиеся во снах, речи, художественных произведениях. В качестве основного мифа, в соответствии с компонентами которого мы осуществляли первоначальную тематическую классификацию исследуемого материала, был взят космогонический миф. Космогоническая схема, опосредованная этим мифом и организующая смысл в анализируемом стихотворном материале, была названа архетипической. При этом космогония понимается во всей ее циклической полноте, то есть как творческий процесс вселенского масштаба, постепенно достигающий своего истощения и превращающийся в эсхатологию.

Выбор космогонической архетипической схемы для анализа был обусловлен тем, что в центре древнего ритуального действия лежало событие сотворения мира. Появление других важных составляющих рожденной вселенной рассматривалось как частный случай первотворения или как его элемент (космогония есть творчество по определению). На современном этапе, когда необходимость ритуала поддерживается лишь бессознательными импульсами, космогонический архетип опять-таки является основополагающим структурирующим началом художественной деятельности.

Традиционно в мифологии процессами, аналогичными космогоническим, очевидно, считались смены естественных природных, годовых и суточных циклов: «зима» – «весна» – «лето» – «осень» и «ночь» – «утро» – «день» – «вечер» [Евзлин-1993]. Поэтому соотношение проявленных фаз космогонического архетипа с глубинными формами текста мы анализировали, опираясь на тематическую классификацию исходного материала, основанием для которой послужили природные, годовой и суточный, циклы. Фазы архетипа в конкретных текстах были представлены в виде своих позиционных вариантов, свидетельствующих о подвижности системы. Помимо природных циклов, в качестве основания для классификации материала мы использовали творческую способность человека, которая также аналогична космогоническому процессу. Мы рассмотрели лишь одну из фаз проявления

данного архетипа – «творчество» (помимо нее в данном тематическом блоке могут проявляться такие фазы, как «разрушение», «завершение» и т.п.).

В качестве примера рассмотрим стихотворение Ф.И. Тютчева *Утро в горах*, в котором реализуется космогонический архетип в фазе становления.

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

Уже в названии стихотворения мы видим два символа, говорящих об абсолютном, никогда не прекращающемся бытии: утро – абсолютное начало; горы – пространство, представляющие собой модель вселенной (мир горний, дольний, подземный). Соединение же обеих пространственно-временных характеристик, по-нашему мнению, изображает состояние мира в одну из наиболее значимых эпох – в начале бытия.

В первой строфе происходит градация элементов, традиционно определяющих светлые, жизнеутверждающие начала: «Лазурь небесная смеется» – помимо мажорной тональности данная метафора указывает на переполненность жизненными силами (смех – символ животворящей энергии, вспомним, например, царевну Несмеяну и мифологические корни этого образа). «И между гор росисто вьется // Долина светлой полосой» – светлые тона, движение переполняют и долину, то есть пространство, вовлеченное в начинающийся жизненный круговорот, охватывает и небо, и землю. В открывающемся перед нами утреннем мире незримо присутствуют и черты родившей его ночи: «Ночной омытая грозой»; «росисто вьется» – с ней связан мотив воды, который здесь из ночного хаотического начала (гроза) превращается в живительную влагу – «росисто».

Первой строфе, представляющей переполненное жизненной энергией пространство, противопоставлена вторая строфа, начинающаяся частицей «лишь». Здесь появляется тема тумана, который автор сравнивает с воздушными руинами, «Волшебством созданных палат». Так появляется еще один мир «высших гор», которые становятся хранителями туманов (тоже причастность к водному хаосу), заключающая в себе остатки прежних миров (руины) и творческой энергии иного порядка (волшебства) и как подтверждение – образ палат, то есть дворец, терем и т.п. – так же символизирует мироздание (дом = мир).

В ходе проведенных исследований тенденций формообразования во всех выборках поэтических текстов были получены следующие результаты:

1) созидательное проявление космогонического архетипа (утро, весна, творчество) характеризуется низкой долей началостремительности и высокой долей концестремительности;

2) разрушительное проявление космогонического архетипа (зима, вечер, ночь, осень) – наибольшей долей началостремительности и наименьшей – концестремительности. Началостремительную тенденцию мы определяем как энтропийную, что отражается в развитии эсхатологической фазы космогонического архетипа, а концестремительную – как негэнтропийную (фаза рождения / появление мира). Центростремительная тенденция определяется как тенденция устойчивости структуры, противопоставляясь по этому признаку началостремительности и концестремительности, каждая из которых направлена на развитие (деэволюцию / эволюцию) системы, обретению ей новой организации: началостремительность – более простой, концестремительность – более сложной.

Таким образом, космогонический архетип как проявление деятельности в тексте, оказывается напрямую соотнесенным с процессами формообразования текста. Началостремительность соотносится с эсхатологической фазой развития архетипа в тексте и связанным с ней эмоциональным пространством отрицательной модальности (как правило, грусть, тоска, скорбь, страх и т.д.).

Концестремительность отражает фазу рождения мира и сопутствующую этому процессу положительную эмоциональную модальность (радость, восторг и др.). Тот факт, что в качестве презентантов фаз (рождения и эсхатологии) были взяты не две выборки, а семь, значительно усиливает степень достоверности результатов (как и в случае с большим количеством выборок школьных тестов-изложений).

С помощью текстов-сочинений исследовалось наличие / отсутствие связи между тенденциями формообразования и эмоциональным пространством учебного текста, создаваемого учеником. В написании сочинений на темы *Зима, Весна, Грустный день в моей жизни* приняли участие школьники 7-10 классов (150 реакций) и школьники 2-3 классов (54 реакции). В результате было установлено, что во всех трех выборках доля начлостремительность занимает 3 ранг (наименьшая частотность), а концестремительность – 1 ранг (наибольшая частотность), что свидетельствует о том, что данные тексты отражают деятельность самих продуцентов независимо от тематики текстов и, соответственно, от репрезентированных в них эмоций. Даже в сочинениях на тему *Грустный день в моей жизни* динамика формы сохраняется, это свидетельствует о том, что деятельность школьника направлена не на выражение своих переживаний, а на создание образцового сочинения, успешного для такого вида деятельности результата.

Продуцент производит некоторую деятельность, результатом которой является текст, но и в самом тексте разворачивается также некоторая деятельность. Сигнализаторами происходящей деятельности являются эмоции, которые сопровождают ее, корректируют и подкрепляют. Эмоции существуют в пространствах деятельности как продуцента, так и текста, и могут не совпадать ни в знаках интенсивности, ни модальности, показателями чего являются, например, тексты изложений и сочинений школьников.

Школьные изложения и сочинения обнаруживают, что от тематики и эмоций текста не зависит динамика формы – она определяется только тем, как протекала деятельность продуцента (ДП). Школьникам следовало ре-

шить некоторую проблему – создать текст, обладающий определенными образцовыми параметрами. Динамика формы реагирует именно на степень решения поставленной задачи, то есть динамика формы коррелирует с ходом протекающей ДП, а не ДТ, поскольку динамика формы не зависит ни от изменяющейся тематики, ни от эмоций текста. Но если динамика формы реагирует на ДП, то, естественно, связывается она с ней через эмоции продуцента, которые сопровождают любую деятельность: успешную – эмоции положительной модальности, неуспешную – отрицательной модальности. Значит, можно сделать вывод, что концестремительность «отвечает» за негэнтропию и положительные эмоции, началостремительность – за энтропию и отрицательные эмоции. По соотношению началостремительности и концестремительности можно определить характер протекшей деятельности продуцента (продуцентов).

В художественных текстах тенденции динамики формы оказываются «метафорически» связанными с аналогичными тенденциями учебных текстов. Началостремительность отражает такие параметры организации художественного пространства, как отрицательная модальность эмоционального пространства текста, связанная с космогоническим архетипом в его эсхатологической фазе. Концестремительность отражает положительную модальность эмоционального пространства текста (космогонический архетип в фазе становления, рождения). С увеличением интенсивности и модальности отрицательных эмоций и нагнетанием эсхатологических тенденций (*вечер* → *ночь*, *осень* → *зима*) растет доля началостремительности, с увеличением интенсивности и модальности положительных эмоций – концестремительности. При этом важна не сама тематика текстов, а ее реализация, связанная с типом и формой деятельности продуцента. Эмоции коррелируют с динамикой формы: в случае со школьниками с эмоциями ДП и самой ДП, в случае с классиками – с эмоциями ДТ, а значит, и с ДТ. На основании сказанного речевую деятельность можно представить в виде схемы (рисунок б).

Рисунок 6. Речевая деятельность учащихся и писателей в аспекте тенденций формообразования

Какие преобразования с формой можно проводить без ущерба для восприятия текста, каким образом можно оптимизировать восприятие, какая эмоциональность может успешно существовать в этих фазовых пространствах? Те же вопросы можно задать и в адрес деятельностному рассмотрению текста: какой вид деятельности релевантен тому или иному фазовому пространству формы текста, какая мотивация, цели, структура деятельности производителя возможны в том ли ином фазовом пространстве формы и т.п.? Ответы на эти и многие другие вопросы пока остаются гипотетическими. Представленный нами деятельностный вариант описания текста является предварительным. В данной работе мы хотели только продемонстрировать саму возможность такого изучения текста. Сами же процедуры деятельностного описания текста также нуждаются как в значительном усовершенствовании, так и в создании принципиально других принципов описания (см., например, [Воронова]).

1.2.4. Системнодеятельностный подход к организации исследования

Исследовательская деятельность также протекает в соответствии с общими свойствами деятельности, и ее анализ производится в зависимости от них. Синтез системного и деятельностного подходов осуществляется в наиболее явном виде как раз при описании исследовательской деятельности над объектом изучения.

Каждый *объект* в соответствии с поставленными целями, проблемами исследования и адекватными им методами занимает некоторую *предметную область*, имеющую собственную возможность реализации. Таких предметных областей может быть выделено несколько (в зависимости от уровня раз-

вития науки и сложности объекта). Каждая из *предметных областей* предстает с помощью методов анализа, синтеза, абстрагирования, классификации, моделирования и др. (уместных в каждом конкретном случае) в виде *системы* иерархизованных, связанных различного рода отношениями элементов. Поэтому, говоря о системе / структуре, мы имеем в виду систему / структуру выделенного *предмета*, а не объекта в целом (см. рисунок 7).

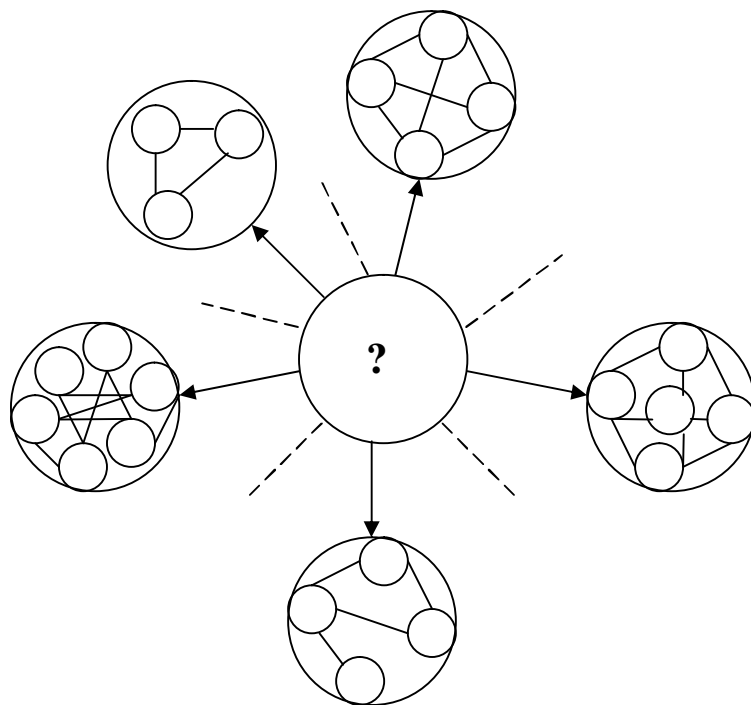

Рисунок 7. Объект и его предметы-системы

Примечание. В центре помещен объект, по разным сторонам которого радиально располагаются предметы-структуры. С помощью пунктирных линий передается возможность существования других (еще не известных) предметов.

Таким образом, термин «предмет-система» отражает интеграцию системного и деятельностного подходов. В рамках заявленного подхода происходит 1) выделение предметных областей (предметов), 2) изучение каждого из актуализованных предметов, 3) синтез результатов многопредметного описания, в котором предпринимается как бы «сборка» объекта. Описанная процедура близка к той, которую предлагают В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий и Э.Г. Юдин [Юдин, с. 87-142] (ср. [Щедровицкий-1995, с. 634-666]). Вместе с тем имеется и ряд различий, относящихся к принципам выделения предметов, их описанию и особенно к операции синтеза («сборки») объекта (о чем см. ниже).

Описанный алгоритм системнодеятельностного анализа объекта содержит в себе ряд серьезных теоретико-методологических проблем. Такова, в первую очередь, проблема синтеза предметов-систем. Синтез результатов многопредметных описаний необходим хотя бы по той простой причине, что его проведение претендует на изучение собственно объекта, а не исследовательских абстракций, его подменяющих (например, «языка в себе и для себя»). Между тем, синтез гораздо сложнее анализа, поскольку в случае с анализом нужно разделить имеющееся целое, а в случае с синтезом – соединить компоненты с необходимыми в таких случаях преобразованиями в некое неизвестное целое (при этом природа компонентов бывает различной).

С анализом дело обстоит проще: компоненты выделяются по одним основаниям, в том числе, и в многоуровневых моделях. Целое с опорой на научный метод, опыт исследователя и имеющиеся представления о предмете анализа задает уровни, единицы уровней и отношения между единицами и уровнями. Синтез же – это уравнение с таким числом неизвестных, при котором нельзя думать об однозначности решения (в качестве аналогии можно привести операции дифференцирования и интегрирования в математике, где операция интегрирования, как правило, требует больше временных и умственных затрат). Самое сложное – это то, что синтез производится на основе как-то интуитивно понятого образа того результата (целого), к которому стремится исследование. При этом объективное целое (то познание объекта, которое должно иметь место) и образ целого, определяющий ход исследования, могут различаться в самих своих основаниях. Кроме того, сложность увеличивается и потому, что 1) единицы предметов-систем, как мы уже сказали, могут иметь различную природу, а также 2) модели описания различных предметов сложно сопоставимы, поскольку их реконструкция проводилась по несопоставимым принципам.

Такого рода проблемы синтеза многопредметного описания возникают в междисциплинарных исследованиях, когда один и тот же объект изучается в рамках разных научных дисциплин и на определенном этапе возникает ин-

интерес к синтезу полученных результатов. Как показывают В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий и Э.Г. Юдин на примере анализа проблемы «мышление и язык», в подобной ситуации знания об объекте механически суммируют, что на методологическом уровне приводит к тому, «что каждое из зафиксированных в знании свойств трактуется как субстанциальная часть объекта, а реальная структура объекта понимается как «сложенная» из этих частей. При этом формальные связи, устанавливаемые в плоскости знаний, просто переносятся «внутри» самого объекта и изображаются как его структурные связи» [Юдин-1997, с. 121]. Такая ситуация характерна не только для работ, выполненных в рамках разных научных дисциплин, но отражает обычное состояние вещей, в частности, в лингвистике.

Так, например, в серии исследований, посвященных структурной организации текста и его функционированию, выполненных в рамках *одной научной школы*, делаются утверждения, синтез которых в принципе невозможен. Это происходит потому, что отсутствует специальный метод, в рамках которого возможно было бы осуществление синтеза всего многообразия аспектов, каждый из которых в противном случае становится доминирующим. Приведем примеры: «Эмоциональная характеристика текста детерминирует характер смысловой цельности и языковой связности текста» [Кинцель-1998, с. 4]; «Реципиенты воспринимают текст прежде всего как набор повторяющихся звуков, составляющих фоносемантическую доминанту...» [Балаш-1999, с. 5]; «...символ как результат информационных обменов есть смысловая константа – креативный аттрактор синергетического процесса речевой деятельности...» [Рылова-2000, с. 5]; «Ритм текста специфически детерминирует характер смысловой эмоциональной доминанты» [Чернышева-2002, с. 6]; «Ритм предопределяет способ репрезентации эмоционально-смысловой доминанты, а, следовательно, – особенности структуры речевого произведения» [Чернова-2002, с. 5]; «Доминантный смысл синхронизирует симметричные и асимметричные компоненты текста» [Герман-1999а, с. 5; Герман-1999б, с. 10] и мн. др.

Во всех приведенных определениях заметно преувеличение значимости тех или иных сторон организации текста, оборачивающейся манифестацией их тотального доминирования и / или детерминирования. Этот пример в очень явной форме показывает *сложность синтеза отдельных предметов описания*, поскольку между ними практически невозможно установить ту иерархическую систему отношений, *которая так легко конструируется в процессе анализа*.

В качестве методологического приема, разрешающего затруднения, возникающие на этапе «сборки» объекта, В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий и Э.Г. Юдин предлагают проведение следующей операции: «По смыслу всех предыдущих рассуждений воссоздать структуру объекта – это значит построить особый новый предмет, причем построить его, имея в виду строго определенную специфическую задачу – осуществить синтез имеющихся знаний» [Юдин-1997, с. 128]. Этот новый предмет будет являться, по мысли авторов, структурной моделью объекта [Там же, с. 129].

С позиции системнодеятельностного подхода понятие структурной модели объекта противоречит самим принципам анализа. Понятие структуры применимо только к предмету (предметам) объекта, но по отношению к самому объекту как вещи объективной действительности не имеет смысла, поскольку на вопрос «Какова структура объекта?», в качестве ответов будут высказываться соображения, основанные на так или иначе понятой природе объекта, то есть его предметах. В самом деле, на вопрос «какова структура текста?» можно получить целый спектр утверждений, сформированных в рамках узкопредметных толкований его природы (см.: [Гальперин-1981; Жинкин-1998; Лотман-1994,-2000; Москальская-1981; Москальчук-1998; Николаева-2000; Новиков-1983; Одинцов-2004; Солганик-1991; Халина-1997; Halliday-1976, и мн. др.]). Мы полагаем, что никакой объективной структуры у объекта нет и не может быть. В таком случае возникают вопросы: что же тогда объективно имеется у объекта (что позволяет нам и выделять структуры в плоскости его предметов); возможно ли объективное исчерпывающее

знание объекта? Ответ на первый вопрос будет изложен в следующем параграфе, здесь лишь заметим, что в качестве объективно присущего объекту атрибута, позволяющего проводить структурный анализ его предметов, выступает *форма* объекта. Что же касается объективно-исчерпывающего знания об объекте, то следует дать отрицательный ответ.

Здесь мы входим в область второй базовой проблемы системнодеятельностного анализа, связанной с онтологическим статусом уровней исследования объекта. Описанный алгоритм системнодеятельностного анализа «работает» на двух уровнях: *уровне выделения предмета (предметов)* и *уровне системного представления предмета*. И если на втором уровне анализа определение компонентов предмета, его структуры (какой бы сложной она не была) с позиции целостности вполне достижимо (например, модель «язык как система»), то выделение самих предметов (первый уровень анализа) производится не системно, а интуитивно. Как замечает Г.П. Щедровицкий: «Задача исследования и объект являются теми двумя факторами, которые определяют (но не детерминистически, а телеологически), как, с помощью каких средств – приемов и способов исследования – будет сформирован необходимый для решения данной задачи предмет» [Щедровицкий-1995, с. 643]. Но объект изучения является величиной неизвестной, к которой еще нужно прийти, поэтому определение объекта покоится на смеси из убеждений, опыта, авторитетных суждений и пр. Недаром, определения языка и его единиц так пестры и сложно согласованы, а споры о сущности практически любой языковой единицы (звук, слово, предложение, текст) большей частью бесплодны. Выход в сферу онтологии объекта оборачивается гипостазированием его предметов (например, выводы о психической сущности фонем), что, в свою очередь, вызывает скептическое отношение ко всяким разговорам об онтологии объекта (видимо, желая обезопасить себя от возможного скепсиса, один из современных философов назвал «свою» онтологию языка «фундаментальной» [Херрманн-2001]).

Таким образом, возникает важнейшая проблема: *возможно ли системное рассмотрение предметов изучаемого объекта, при котором бы каждый из предметов представлял собой единицу, а совокупность предметов – структуру?* В таком случае структура предметов была бы структурой самого объекта. В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий и Э.Г. Юдин дают, как уже было сказано выше, положительный ответ [Юдин-1997, с. 128]. Мы глубоко убеждены в невозможности системного выделения предметов. И дело даже не в том, что вещь неисчерпаема (подобно ленинскому электрону [Ленин-1989, с. 283]), а в том, что исходная неизвестность (непознанность) объекта и порожаемые этим обстоятельством его многочисленные интерпретации, основывающиеся на различающихся принципах, в соединении с так или иначе понятыми задачами, создают всякий раз разную онтологическую картину объекта. Системное выделение элементов и их структуры возможно только в случае целостного видения объекта, при отсутствии этого условия объект остается непознанным феноменом, а определение его компонентов (предметов) – исследовательским интуитивным актом. *Хорошо структурируются лишь предметные области – наши идеализации объекта.* Уровневая модель языка является блестящим тому подтверждением. Сказанное, однако, не имеет целью утверждение феноменологического подхода к изучению объектов действительности. Развитие науки и состоит в обнаружении новых предметов своих объектов, уточняющих и проясняющих их природу. Таково, например, корпускулярное и волновое описания одних и тех же объектов микромира.

Несмотря на то, что рационалистический подход к изучению явлений не может исчерпать всей сложности объекта, все же в существеннейших чертах (таких, какие могут быть получены на данном этапе развития науки) представляет его. В этом смысле, наша модель ни в коем случае не утверждает того, что феноменологическое понимание объекта глубже рационалистического. Подобно рационалистическому, феноменологический подход также есть производное исторического контекста, а значит, и ему доступны не абсолютные знания об объекте, а только те, что могут быть получены в этот ис-

торический срез. Представление же на одной модели и феноменологического, и рационалистического подходов к изучению объекта, обогащают саму модель, показывают границу-разрыв, по которой проходит размежевание подходов.

Обнаружение новых предметов объекта приводит к созданию новых теоретических моделей и конструкторов дисциплины. В науке о языке данный факт находит отражение в появлении *новых лингвистических объектов* (таким, например, «революционным» для своего времени новым объектом была фонема). В этой связи интересно будет привести мнение Ю.Н. Караулова: «Новым лингвистическим объектом я называю такое представление фактов, языковых данных, которое генерирует новую информацию о языке» [Караулов-1981, с. 140]. Заметим, что ученый считает лингвистическим объектом всякий объект, дающий знание о языке (ср. с постановкой проблемы о тексте-примитиве как о новом объекте теоретической лингвистики [Сахарный-1991, с. 236]). По сути, к тому же заключению приходит и В.А. Звегинцев, размышляя о границах лингвистического исследования: «Учитывая <...> постоянный процесс обновления знаний, почти гамлетовский вопрос «лингвистика или нелингвистика» представляется схоластическим и метафизическим, а ответ на него – очевидным. Лингвистическим исследованием является всякое исследование, тем или иным образом служащее целям науки о языке и прямо или косвенно помогающее разрешению ее многочисленных проблем» [Звегинцев-2001, с. 130]. Приведенные цитаты мы хотели использовать в качестве одной из форм аргументации неизбежного расширения аспектов (предметов) исследования объекта. Сама по себе мысль кажется тривиальной, однако тот факт, что еще совсем недавно принцип изучения языка «в себе и для себя» ограждал лингвистику от нелингвистики, говорит о непростом пути ее осознания.

Выделение нового предмета ставит перед исследователем три проблемы: как изучать новый предмет; как соотнести новый предмет с уже имеющимся; возможен ли их синтез. Не останавливаясь здесь на освещении всех

вопросов (ответы на них будут даваться по ходу изложения всей работы), отметим лишь один из аспектов проблемы синтеза. Когда мы говорим о синтезе, по крайней мере, двух предметов, нужно понимать, что *синтез предметных областей существенно отличается от синтеза компонентов одного предмета-системы*. В рамках предмета-системы синтез может осуществляться с помощью введения уровневого описания: например, фонема – морфема – лексема – предложение. На каждом новом уровне возникает образование, полученное путем сложения единиц нижнего уровня в некое целое, с новыми, свойственными верхнему уровню качествами, атрибутами и пр. Этот факт был хорошо понят лингвистикой, и сейчас, пожалуй, нет работ, которые говорили бы об обратном. Данная («уровневая») модель синтеза, работающая в пределах одного предмета, не пригодна к использованию ее в процессе многопредметного синтеза, поскольку об «уровневости» предметов фактически ничего не известно. *Взамен уровневой модели нужно найти другую модель синтеза: в нашей работе она названа «пространственной»*. В принципе, «пространственная» модель не отрицает возможности установления разного рода отношений между предметами-системами. Напротив, она направлена, в конечном счете, на поиск форм и типов отношений между предметами, а значит, между разными знаниями об объекте. При таком подходе структуры, образующиеся между предметами, будут устанавливаться не аксиоматически (что вполне обычно происходит со структурно-системным анализом внутри предметной области, например, в структурализме, генеративизме и др. [Звегинцев-2001, с. 101]), а генетически.

Отрицание системности предметов объекта не отрицает возможности их структурирования. Напротив, структуры, которые с неизбежностью образуют уже изученные предметы, в некоторой степени компенсируют невозможность их целостного системного представления и преодолевают *конгломератный подход* к исследованию объекта, при котором каждая его сторона становится доминирующей. В свете всего сказанного многопредметное описание текста осуществляется с опорой на а) метод позиционного анализа, б)

на количественные методы анализа, существенно облегчающие синтез всех возможных методических процедур, в) корреляционные методы, устанавливающие меру близости выделенных предметов. Любое исследование текста, базирующееся на принципах системнодеятельностного подхода, содержит следующие этапы:

1) выделение тех или иных предметов объекта и представление их в виде абстрактных систем;

2) количественное их описание, содержащее в себе пространственно-временной показатель, маркирующий появление того или иного элемента предмета-системы. Само описание представляет собой изучение интенсивности или вероятности проявления того или иного признака в каждой точке развертывания текста;

3) перевод абсолютных численных значений интенсивности процесса в той или иной пространственно-временной координате во всех актуализованных предметных областях текста в относительные значения¹², то есть значения, находящиеся в пределах от 0 до 1 (для того, чтобы соизмерять результаты описания разных предметов).

4) проведение системной интеграции полученных конструкторов тех или иных предметных областей объекта на основе общности онтологического базиса и единообразного их построения с помощью корреляционных методов математической статистики и методов графической репрезентации полученных результатов.

Видно, что описанная технология исследования состоит из целого ряда операций, таких как идеализация, моделирование, предметная абстракция, а также статистический анализ данных описания предметов, принадлежащих объекту-тексту. Этот анализ в части его корреляционных методов служит и способом интеграции многопредметных описаний объекта-системы. Так, ста-

¹² «... анализ (в принципе) работает с абсолютными числами, а синтез с относительными. Синтез борется с множественностью и изменчивостью при помощи относительных величин. Эти относительные величины... создают соизмеримость между формами разных областей в отношении их веса в данном комплексе» [Ярхо-2001, с. 470].

тус корреляции как исследовательской процедуры приобретает философское значение, поскольку *корреляция выступает средством интеграции различных предметов описания одного объекта.*

1.3. ТЕОРИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ТЕКСТА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

1.3.1. Теория и метод в лингвистике

В своей книге «Язык и лингвистическая теория», посвященной проблемам лингвистической теории, В.А. Звегинцев среди основных методологических проблем отмечает противоречие теории и метода. Делая небольшой экскурс в историю языкознания (при рассмотрении вопроса: каким временем можно датировать возникновение лингвистики), автор говорит о двух типах ученых: «...с одной стороны, озабоченных в первую очередь созданием методов и довольно равнодушных к общетеоретическим основам своей науки (надо сказать, что таких ученых большинство) и, с другой стороны, считающих необходимым всякое исследование проводить на основе определенной теории, а потому и ставящих перед собой задачу построения такой теории» [Звегинцев-2001, с. 19-20].

Критика «теоретического нигилизма», широко распространенного в то время, вполне понятна и обоснованна. Но в то же самое время был распространен и «методологический нигилизм», о чем, например, могут свидетельствовать следующие наблюдения Г.П. Щедровицкого: «Показательным с этой точки зрения (непонимания значимости собственного метода для существования дисциплины как самостоятельной области знания. – К.Б.) был проведенный недавно в Москве симпозиум по структурному изучению знаковых систем <...> Подавляющее большинство докладов, представленных на нем, – это либо традиционно филологические, этнографические и искусствоведческие описания, либо чисто механическое приложение понятий и способов анализа лингвистики к другим знаковым образованиям. Организаторы симпозиума не планировали ни одного доклада по методам семиотического ис-

следования, ни одного доклада по понятиям знака и знаковой системы. И это вполне закономерно, так как они представляли себе семиотику лишь как расширенное приложение понятий и методов лингвистики и математической логики *к новым областям эмпирического материала* (курсив наш. – К.Б.)» [Щедровицкий-1995, с. 519].

Приведенные свидетельства теоретико-методологического состояния науки 50-70-х гг. вызывают ряд вопросов: изменилась ли качественно ситуация на сегодняшний день, почему возможен отрыв метода от теории?

В современной лингвистике, на наш взгляд, вектор начинает меняться в сторону осознания значимости синтеза теоретических и методологических составляющих исследования, однако изменения эти фрагментарны. Покажем типичный теоретико-методологический разрыв на примере использования лингвистикой концептуальных построений теории самоорганизации. Со стороны кажется, что синергетическое понимание языка – это что-то само собой разумеющееся (особенно в контексте размышлений В. фон Гумбольдта и современного антропоцентризма). Действительно, такие явления, описываемые синергетикой, как значимость и разрастание малого, взаимодействие системы и среды, пути эволюции, аттракторы, самоорганизация и др. (см.: [Василькова-1999; Каган-2000; Князева-1992,-2000,-2002; Курдюмов-2000; Крейцер-1998; Ласло-2000; Лоскутов-2000; Майнцер-1997; Николис-1997; Пригожин-2000; Синергетика...-1997,-1999; Синергетическая...-2000, Тарасенко-2000; Чернавский-2004]) вроде бы самой природой предназначены для их использования в языковедческих исследованиях. Видимо, это обстоятельство и послужило толчком к появлению работ в области лингвосинергетики. Обратимся к некоторым исследованиям.

В работах Н.Е. Сулименко [Сулименко-1999а,б] делается попытка приложения теоретического аппарата синергетики к лексикологическим проблемам, а точнее, к тому, что традиционно именовалось как «функционирование слова в тексте». Между тем, автор широко использует понятийный аппарат теории самоорганизации. Так, например, для описания взаимодействия в од-

ном контексте двух слов (полтергейст и домовый) автор прибегает к следующей характеристике: «Наличие лексической единицы в зоне бифуркации дает себя почувствовать в разнонаправленных речевых оценках, металингвистической деятельности, языковой игре...» [Сулименко-1999а, с. 14]. Если обратиться к самому анализу, приводимому в рассматриваемой работе, то нетрудно заметить, что автор использует традиционный лингвостилистический метод. По сути, вся реферируемая работа состоит из иллюстраций положений теории самоорганизации лексическим материалом.

Вывод автора о том, что «зоны неустойчивости, бифуркаций, создающих единство тенденций к самоорганизации и хаосу, катастрофам, охватывают самые разнообразные области современной русской лексики и часто проявляются в причудливом смешении в текстах своего и чужого, старого и нового, высокого и низкого, в построении неожиданных текстовых парадигм» [Там же, с. 15], представляется и неочевидным, и слабо относящимся как к проблемам синергетики, так и стилистики. Так, чтобы говорить о неустойчивости, бифуркациях (и тем более, об их зонах!) нужно рассматривать *целостные системы в их эволюции*. Только в этом случае появляется смысл в привлечении концептуального аппарата синергетики. В исследовании же статичных объектов (разрозненных лексем) все рассуждения о самоорганизации становятся метафоричными.

Психолингвистическое приложение теории самоорганизации так же, в ряде случаев, выглядит искусственным. Например, И.А. Герман и В.А. Пищальникова утверждают: «Синергетический подход позволяет создать целостную концепцию языка, объединяющую дискретно-структурный и континуально-структурный принципы исследования лингвистического и психолингвистического объекта» [Герман-1999а, с. 4; Герман-1999б, с. 9-10]. В этой фразе, по сути, манифестируются новая методология языкознания, однако, смущают два обстоятельства: 1) факт континуально-структурного принципа исследования и 2) отсутствие ведущего метода создаваемой методологии (в

этой связи весьма примечательно, что в цитируемых работах отсутствует всякое упоминание о методах исследования).

Манифестация континуально-структурного принципа исследования вполне понятна, учитывая желание как-то работать с континуально-дискретной природой речевой деятельности. Однако исследование не может само быть континуальным, к тому же континуально-структурным (оксюморон!). Поэтому весь подход можно воспринимать только как метафору. В качестве специального метода используется апробированный ранее в психолингвистических работах *метод концептуального анализа текста* (доминантных личностных смыслов) [Пищальникова-1999]. Но данный метод фиксирует только статичные состояния речевой деятельности в виде мнений реципиентов по поводу тех или иных сторон текста. В случае обращения к выделению ключевых слов анализ материала также предстает как статичное образование. Поэтому то, что успешно применялось в психопоэтике, оказалось нерелевантным лингвосинергетике, хотя и постулировалось в качестве ее составляющих. К сожалению, метод концептуального анализа текста в дальнейшем не развивался в тех работах, авторы которых использовали его в качестве ведущего.

В итоге результаты таких исследований часто оформлялись в виде метафор, а временами становились метафизичными. Так, например, манифестировалось, что в рамках лингвосинергетики «целостность системы есть особое ее состояние, субстанция, отличная от составляющих ее элементов...» [Герман-1999а, с. 4; Герман-1999б, с. 10]. Материализация качества системы – целостности (субстанция – «материя в аспекте единства всех форм ее движения» [Философский...-1983, с. 660]) – это либо утверждение метафизики, подобное признанию эфира, либо проявления наивного материализма. Еще более категорично утверждает М.М. Чернова: «Звуковая субстанция текста, в частности, его ритмомелодическая организация является не чем иным, как *веществом* (курсив наш. – К.Б.), способным воздействовать на процессы восприятия, регулируя протекание смыслопорождения в концептуальной систе-

ме воспринимающего» [Чернова-2002, с. 3]. В процессе речевой коммуникации, конечно же, никакое *языковое / речевое вещество* адресант не передает адресату; с точки зрения формы существования материи речь может идти только о волновых акустических процессах.

Понимание структуры текста при таком подходе: «...структура текста – это локализованный в определенных участках среды процесс, способный перемещаться в среде, перестраиваться в ней» [Герман-1999а, с. 4; Герман-1999б, с. 10] – просто заимствуется из современных концепций синергетики. (Ср. аналогичные определения: «Структура – это локализованный в определенных участках среды процесс. Это процесс, имеющий определенную геометрическую форму, способный, к тому же, перестраиваться и перемещаться в этой среде» [Князева-1992, с. 6]¹³). Однако при таком заимствовании остается совершенно непонятным, что за участки среды имеются в виду (сама среда, видимо, понимается как сознание), какого рода перемещения в этой среде (и ее участках!) происходят, как их отслеживать.

Отсутствие лингвосинергетического метода оборачивается рядом утверждений, которые не могут быть доказаны в рамках подхода, используемого для доказательства: «Доминантный смысл синхронизирует симметричные и асимметричные компоненты текста. Алгоритм восприятия доминантного смысла встроен в текст, в ритм развертывания его субстанции» [Герман-1999а, с. 4; Герман-1999б, с. 10]. Ср. «Система аттракторов каждого языкового яруса предзадает принципы перехода от одного состояния системы (от одного яруса) к другой и осуществляет энергообмен внутри системы, обеспечивая тем самым ее целостность» [Рылова-2000, с. 10]. При этом Е.В. Рыловой делается весьма примечательное заявление: «Язык – это структура иерархическая, где каждый уровень образует определенную целостность, способную к эволюции» [Рылова-2000, с. 9]. По сути, здесь утверждается, что в том гно-

¹³ Более позднее определение тех же авторов: «Структура (в открытой нелинейной среде) – локализованный в определенных участках среды процесс, иначе говоря, процесс, имеющий определенную геометрическую форму и способный развиваться, трансформироваться в среде. Или переноситься по среде с сохранением формы» [Князева, Курдюмов-2002, с. 366].

сеологическом конструкте, который именуется «язык как система знаков», каждый из ее уровней (выделенных в процессе анализа!) обладает реальным существованием и саморазвитием! С таким заявлением можно согласиться только в том случае, если эту целостность и эволюцию рассматривать как происходящую в сознании лингвиста, развивающего те или иные уровневые модели языка.

В ряде случаев делаются заключения, противоречащие настоящему положению дел: «Звуковая материя языка, энергия (эмоциональное содержание) и информация (понятийное содержание) способны образовывать гомоморфные структуры как результат установления гармонического соотношения между ними» [Чернова-2002, с. 14]. Утверждения гомоморфизма структур сильно упрощает взаимоотношения между предметными областями текста. Примеры подобного приложения теории самоорганизации к проблемам лингвистики можно множить, но приведенных иллюстраций достаточно, чтобы увидеть основные проблемы, возникающие в пространстве взаимодействия теории и метода: 1) понимание теории и научного метода, 2) заимствование и ассимиляция теоретических построений и 3) связь теории и метода.

Понимание теории в лингвистике (и шире – в филологии), как правило, специфично. Теорий в настоящее время настолько много, что появление новой теории практически оказывается незамеченной. Теория речевой деятельности, теория речевой коммуникации, теория художественной словесности, теория текста, теория интертекстуальности и пр. – научные области, претендующие на то, что они развиваются как теории. Кроме научных областей, существуют научные направления, оформленные как теория: так, говорится о генеративной теории, структуральной теории, теории речевых актов, об авторских теориях М.М. Бахтина, В. фон Гумбольдта, Л. Ельмслева, Ф. де Соссюра и т.д. и т.п. Возникает закономерный вопрос: если вся языковедческая проблематика теоретически освещена, почему же лингвистика все еще находится в состоянии описательного освоения своего фрагмента действительности?

В качестве ответа можно привести цитату, характерную для филологического понимания теории: «Как в целом теоретическая поэтика в идеале есть лишь перевыражение на языке понятийного знания той реально существующей «поэтики» (системы художественных средств), которая непосредственно растворена в субстанции литературных произведений, так и частные категории данной науки, раз они отражают нечто реальное, суть тоже не головные абстракции, а перевыражение тех категорий, которые (будучи непосредственно «растворены» в самой литературе) «пронизывают наш дух инстинктивно и бессознательно» [Минералов-1999, с. 21]. Исходя из представленной дефиниции (в которой содержится, как минимум три метафоры!), можно сделать следующие выводы о теории в филологии: 1) в реальной действительности априорно существует некая «поэтика» и от теории требуется обнаружить эту поэтику-в-кавычках и приклеить к ней ярлык (или снять одни кавычки и надеть другие); 2) абстракции, получаемые путем обобщения (здесь мы уже основываемся на всей концепции Ю.М. Минералова), являются «головными» и ненаучными.

Такая «классификационная» точка зрения на теорию является очень распространенной. Сюда можно отнести и то автоматическое перенесение концептуального аппарата из других областей научного знания, которое сопровождается «перевыражением» (в терминологии Ю.М. Минералова) уже названного, и то отрицание возможностей модельного изучения языка и текста, столь необходимое для появления подлинной лингвистической теории. Если комментировать подход Ю.М. Минералова, то нужно сразу отметить, что в первичной действительности, конечно, не существует никакой реальной поэтики или «поэтики». В ней выделяются сочетания звуков, слов, предложений, которые в процессе их восприятия можно охарактеризовать как благозвучные, интересные, неожиданные, красивые и пр. Дело же теоретической поэтики понять, что стоит за этими благозвучными, интересными и др. сочетаниями, где пролегают их границы, какова их природа, структура и функции, возможности употребления и самого их появления, в каких отно-

шениях они находятся друг к другу, структуре текста и языковой системе в целом¹⁴.

Таким образом, понимание существа теории крайне важно для того, чтобы делать вывод о теоретическом освоении действительности. С точки зрения В.А. Звегинцева теория выступает «как система гипотез, проверяемых и корректируемых практикой» [Звегинцев-2001, с. 38]. Развивая свою мысль, исследователь пишет: «Понимаемая таким образом теория есть любое научное единство знания, в котором факты и гипотезы связаны в некоторую целостность. Так как теория включает в качестве обязательного компонента систему гипотез, она носит вероятностный характер, и достоверность или недостоверность ее определяется дальнейшими исследованиями. По самому своему замыслу всякая теория предназначена служить основой для исчерпывающего и непротиворечивого описания объекта» [Там же, с. 38]. Такое понимание теории, конечно, неизмеримо более строгое, чем рассматриваемое ранее. Тем не менее, структура теории, состоящая только из фактов и гипотез, вряд ли удовлетворяет требованиям теоретического знания. Подтверждение гипотез приводит к появлению эмпирических законов, но не теоретического знания. (Эмпирические законы – это законы, которые «могут быть подтверждены непосредственно эмпирическими наблюдениями» [Карнап-1971, с. 301]).

Попытка строгого обоснования лингвистической теории была, как известно, предпринята Л. Ельмслевым. Исследователь исходил из невозможности индуктивного пути построения теории: «...индукция ведет <...> от изменчивого не к постоянному, а к случайному. <...> она (индукция) не может

¹⁴ Ср. с высказыванием В.А. Звегинцева, адресованным сторонникам эмпирического познания: «Можно сказать, что здесь (в эмпирическом познании.– К.Б.) мы сталкиваемся с еще большими силами противодействия ввиду того очевидного обстоятельства, что обобщение – основной прием «работы» языка, что язык представляет систему абстрактных сущностей, и лингвисты настолько привыкли к этому, что перестали замечать это и нередко, оперируя такими нематериальными и недоступными никакому восприятию или наблюдению единицами, как фонема, нулевая морфема, значащее отсутствие артикля, да и всякая немаркированная категория, которая выделяется только в противопоставлении с маркированными, продолжают бубнить о конкретно-историческом подходе к изучению языка как единственно возможном» [Звегинцев-2001, с. 15].

обеспечить непротиворечивого и простого описания» [Ельмслев-2002, с. 140]. Такой подход справедлив в силу того, что вывод теоретического знания непосредственно из эмпирических данных невозможен: между эмпирическими и теоретическими законами нет прямого соответствия. Именно поэтому и говорят об эвристичности теорий, поэтому сформулировать нетривиальные правила изобретения теорий вряд ли возможно [Зиновьев-1971, с. 255].

В качестве метода, удовлетворяющего эмпирическому принципу (непротиворечивость, исчерпываемость и простота описания), Л. Ельмслевым был избран эмпирический и дедуктивный метод. Исследователь характеризует отношение теории к эмпирической действительности как произвольные и пригодные: «Теория в нашем смысле сама по себе независима от опыта. Сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным» [Ельмслев-2002, с. 141]. И ниже: «Экспериментальные данные никогда не могут усилить или ослабить теорию, они могут усилить или ослабить только ее пригодность. <...> На основе теории и ее теорем мы можем построить гипотезы (включая так называемые законы), судьба которых в противоположность судьбе самой теории зависит исключительно от их проверки» [Там же, с. 142].

Можно заметить, что понимание теоретического знания Л. Ельмслевым приближается к тому стандарту, который действует в естественных науках. Так, например, Р. Карнап говорит о сущности физической теории, которая состоит «в ее возможности предсказывать новые эмпирические законы» [Карнап-1971, с. 309]. Известно, что теория Л. Ельмслева в отношении описания языка не выдержала испытание на пригодность. Причина этому не только в слишком большом охвате, на который она претендовала (все семиотические системы) [Звегинцев-2001, с. 42], но и в отказе от индуктивного метода. Размышления Л. Ельмслева об индукции справедливы, однако он не учитывал возможности метода, специально предназначенного для обобщения эмпирических данных, служащего и средством связи между эмпирическими и теоретическими законами – *моделирования*.

В одной из первых книг по языковым моделям, принадлежащей И.И. Ревзину, сущность моделирования усматривалась в том, что «строится некоторая последовательность абстрактных схем, которые должны явиться более или менее близкой аппроксимацией данных конкретной действительности» [Ревзин-1962, с. 8]. Создание самой модели представлялось следующим образом: «Из всего многообразия понятий, накопленных данной наукой, отбираются некоторые, которые удобно считать первичными. Фиксируются некоторые отношения между этими первичными понятиями, которые принимаются в качестве постулатов. Все остальные утверждения выводятся строго дедуктивно в терминах, которые определяют, в конечном счете, через первичные понятия» [Там же, с. 9]. Видно, что моделирование при таком подходе напоминает дедуктивно-эмпирический метод Л. Ельмслева, который также понимал свою теорию как логическую (критическое рассмотрение концепции И.И. Ревзина см.: [Лосев-2004, с. 184-210]).

Естественно, нет никакой особой необходимости в создании некоторой копии объекта без решения конкретных задач. Так, например, Г.П. Щедровицкий говорит о гносеологической и предметно-практической функциях модели: «Поскольку именно из этого изображения выводятся потом уже все существовавшие знания об объекте, и оно (вместе с эпистемологическими описаниями произведенных абстракций) либо служит их основанием, либо же заставляет их перестраивать, поскольку именно на его основе строится новое синтетическое знание, которое затем используется в практической работе с реальностью, постольку это изображение является моделью объекта» [Щедровицкий-1995, с. 654]. В том же направлении модель и сам метод моделирования определяет В.А. Штофф: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте»¹⁵ [Штофф-

¹⁵ Ср. «Под моделями понимаются такие материальные системы, которые замещают объект познания (оригинал) и служат источником информации о нем» [Сичивица-1972, с. 44].

1966, с. 19]. Тем самым указывается на основную функцию модели: давать новые знания об объекте-оригинале. «Модель обязательно должна давать информацию о свойствах моделируемых объектов и явлений» [Бургин-1994, с. 90].

Модель, как и теория, создается для описания определенной предметной научной области. Если «свойство отражать действительность (объект), и притом в упрощенной, абстрагированной форме, является общим у теории и модели, то свойство реализовывать это отображение в виде некоторой отдельной, конкретной и потому более или менее наглядной системы есть признак, отличающий модель от теории» [Штофф-1966, с. 15]. В отличие от теории, модель есть непосредственное представление закономерных связей и отношений изучаемой области предметной действительности в виде типичных ситуаций, структур, схем, совокупностей идеализированных объектов, «модель – всегда некоторое конкретное построение, в той или иной форме или степени наглядное, конечное и доступное для обозрения или практического действия» [Там же, с.15].

Метод моделирования в таком случае «есть метод исследования объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений (органических и неорганических систем, инженерных устройств, разнообразных процессов – физических, химических, биологических, социальных и конструируемых объектов для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и т.п.» [Философский...-1983, с. 381].

Именно это понимание модели и моделирования будет принято за основу в нашей работе. Дедуктивный характер построения модели, на наш взгляд, не препятствует ее наполнению эмпирическим материалом. Так, например, в работе будет широко использоваться метод графосемантического моделирования, который сначала описывается в виде абстрактного деятельностного алгоритма с понятиями *компонент*, *связь*, *структура*, *иерархия* и пр. Затем этот алгоритм применяется при изучении конкретного материала.

То же самое производится и с другими модельными методами, применение которых к конкретному материалу сопровождается использованием уже существующих обобщенных данных, статистик и др. (см., например, 3.1. – 3.2.). Моделирование (в нашем понимании) до сих пор остается одним из наиболее «нечастотных» методов в филологии. Обычно построение модели основано на применении системы квантитативных методов (см., например, [Баевский-2001; Белоусов-2005а,б,в; Квантитативная...-2005; Коммуникативная...-2001; Корбут-1994,-2004; Кэррол-1972; Москальчук-1990,-1998,-2003; Новиков-1983,-1989; Осгуд-1972; Петренко-1990,-1997; Сухотин-1990 и мн. др.]).

В нашей работе квантитативные методы используются довольно широко и практически всегда с опорой на графические средства представления данных. При использовании статистических методов наш подход может быть сформулирован следующим образом: *если есть возможность применять более простые и наглядные методы, то их следует использовать в первую очередь.*

После определения ведущих методов можно вернуться к проблеме теоретического знания и структуре теории. Теория представляет собой систему абстрактных (эмпирических) и идеальных (теоретических) объектов, связанных как друг с другом, так и отдельными своими компонентами с действительностью. Таким образом, компоненты теории могут образовывать связи внутри системы – внутритеоретические, и связи, выходящие за пределы системы, – эпистемические. В.С. Степин, анализируя современное состояние теоретического знания, утверждает, что «...в теории существуют абстрактные объекты, которые имеют как внутритеоретические, так и эпистемические связи, и абстрактные объекты, которые имеют только внутритеоретические связи» [Степин-2000, с. 107]. Полагается, что *не все компоненты теории соотносятся с эмпирией, но в структуре теории должны существовать такие компоненты, которые будут иметь проекцию на эмпирическую область.* Именно так преодолевается понимание теории как чего-то совершенно оторванного от действительности (что было, например, в теории Л. Ельмслева).

Строение теории, исходя из современного ее понимания, можно представить в следующем виде: 1) эмпирический базис теории (основные факты, данные, первичные обобщения), 2) базовая теоретическая схема (идеальные и абстрактные объекты, постулаты, допущения, аксиомы, законы и принципы, внутритеоретические и эпистемические связи), 3) «дочерние» теоретические конструкторы, правила их вывода, 4) следствия и утверждения теории (см.: [Рузавин-1999, с. 142-147; Степин-2000, с. 102-126]).

В системе теории можно различать общетеоретические и частнотеоретические конструкторы. Последние «конкретизируют фундаментальную теоретическую схему применительно к ситуациям различных теоретических задач и обеспечивают переход от анализа общих характеристик исследуемой реальности и ее фундаментальных законов к рассмотрению отдельных конкретных типов взаимодействия, в которых в специфической форме проявляются указанные законы» [Степин-2000, с. 126]. Сказанное о природе теории и ее строении рассмотрим по отношению к теории текста.

1.3.2. Теория, «теория» или теории текста?

В последние годы возрос интерес к изучению текста в разных его аспектах: стилистики текста, лингвистики текста, теории текста [Болотнова-1999,-2003; Бялоус-1997; Валгина-2003; Дымарский-2001; Ерчак-1994; Залевская-2001; Каримова-2000; Коммуникативная...-2001; Кубрякова-1994; Лукин-1999; Москальчук-1998,-2003; Николаева-2000; Основы теории текста-2003; Пищальникова-1999; Сорокин-1993; Филиппов-2003; Халина-1997,-1998; Чувакин-2000; Шаховский-1998; Шевченко-2003 и мн. др.]. Полипредметное исследование текста позволило высказать, на первый взгляд парадоксальное замечание о том, что «на современном этапе развития текста и теории текста первый начинает представлять как более сложный, чем язык, лингвистический объект» [Основы теории текста-2003, с. 21].

В действительности дело обстоит именно так, поскольку текст становится таким объектом исследования, предметное пространство которого

формируется под влиянием разного рода научных концепций (например, дериватологии, психосемантики, звуко-символизма; представления текста как функциональной системы, самоорганизующейся системы; концептуальной системы и др.) [Белянин-2002б; Москальчук-1998,-2003; Мурзин-1991,-1998; Петренко-1990; Шабес-1989; Чувакин-2000 и др.]. Разнообразие подходов к тексту порождает многочисленные варианты его понимания. В зависимости от парадигмальных установок и предметной области изучаемый феномен каждый раз определяется некоторым набором параметров (характеристик, качеств, признаков). Однако до сих пор не выработалось единого мнения относительно базовых и производных параметров, а также об их взаимосвязи. Кроме того, перечни категорий текста в одной только лингвистике текста непрерывно пополняются (см.: [Аспекты...-1982; Гальперин-1981; Ильенко-1981,-1988; Матвеева-1990; Москальская-1981 и др.]).

В отношении же языка, в целом, ситуация остается той, что была и прежде: в сознании лингвистов с поразительной стойкостью живет знаково-уровневая модель языка как будто бы единственно возможная. (Здесь можно провести параллель с физикой: даже несравнимо более простые объекты действительности – объекты микромира – имеют *несколько моделей описания*, отношения между которыми рассматриваются как дополнительные.) Представление о том, что «язык – это <...> грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу...» [Соссюр-1977, с. 52] остается неким негласным принципом, из которого исходят представители самых разных лингвистических парадигм¹⁶ (представление о тексте как знаке, метазнаке и др.

¹⁶ Ср. «В нашем представлении о языке, почерпнутом из грамматик, язык предстает как иерархия единиц различных порядков: фонем, морфем, лексем, синтаксических фраз, предложений. Каждая единица высшего порядка складывается из единиц более низкого порядка: фонемы соединяются в морфемы, морфемы – в слова, слова – в синтаксические построения. Мы так свыклись с этим представлением, оно настолько неотделимо от нашей рефлексии по отношению к языку, что даже не задаемся вопросом: действительно ли мы пользуемся в своей спонтанной языковой деятельности именно этими единицами, и именно в таком их иерархическом соотношении? действительно ли то гигантски-неопределенное по своим масштабам и последствиям целое, которое мы называем нашим «знанием» языка, расчленяется на эти единицы, категоризируется в этих параметрах, а не каких-либо других?» [Гаспаров Б.М.-1996, с. 116].

также исходит из знаково-уровневой модели языка). И поэтому, как то ни покажется удивительным, языкознание смогло предложить лишь модель статичного идеализированного состояния своего основного объекта, которая оказывается слабо связанной с реальным (не потенциальным!) бытием языка. Идущее же от В. фон Гумбольдта представление о языке как деятельности, как было уже замечено выше, не оформилось в какую-либо конкретную модель, поскольку исходный тезис не подкреплялся адекватными подобному пониманию процедурами анализа. Модели же речевой деятельности, созданные в рамках отечественной психолингвистики, гипотетически описывая «путь совершения мысли в слове», также не в состоянии выполнить свою основную функцию (замещать объект), что отражается в отсутствии технологий использования данных моделей при анализе процессов и продуктов речевой деятельности.

Не имея цели проводить здесь подробный критический анализ существующих концепций языка, отметим, что основными причинами неадекватности моделей являются, во-первых, объективная сложность самого объекта, существующего одновременно в разных онтологических измерениях (материального, идеального, социального). Во-вторых, упрощенное понимание объекта, чрезмерная редукция его и, как следствие, выработка таких исследовательских программ, основная задача которых состоит в каталогизации того или иного материала (особенно это заметно сейчас, когда целью исследовательской работы зачастую является создание словаря или очередной типологии). И, в-третьих, сосредоточенность лингвистов на единицах, не существующих в своей законченности и отдельности в речемыслительной деятельности, но обнаруживающих свое реальное бытие только в составе больших единиц – текстов. Подход к изучению языковой деятельности, осуществляемый со стороны дискретных языковых элементов в направлении «снизу – вверх» («от фонемы – к тексту»), совершенно не проясняет природы обретения новой целостности при переходе от одного уровня языка к другому. Но,

что более важно в традиционном уровне подходе, растворяется (снимается, редуцируется и под.) проблема онтологии объекта.

Таким образом, признание текста «исходной данностью» филологических дисциплин и его способ существования (непосредственная данность) обусловили многопредметность изучения и ту сложность концептуального пространства – *научного концепта текста*, которая возникла в ходе исследований. Между тем, в настоящее время предпринимаются попытки (правда, единичные) создания принципиально новых моделей языка, к числу которых можно отнести модель «языкового существования» Б.М. Гаспарова. Автор стремится «выработать такой подход к языку, при котором на первый план, в качестве первичного объекта изучения, выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанный с ним мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний, сопровождающих нас повсюду в качестве неотъемлемого аспекта нашего повседневного существования» [Гаспаров-1996, с. 5]. При таком подходе, конечно, знаково-уровневая модель языка подвергается критике, а задачей (по крайней мере, на первом этапе) становится демонстрация того, «как может выглядеть язык в принципиально иной (не знаково-уровневой. – К.Б.) перспективе, при которой основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение с ним, признается не языковая рефлексия, но языковая память» [Там же, с. 117]. Тем самым, знаково-уровневая модель языка признается не единственной, и возможность осмысленного многопредметного изучения языка становится все более реальной.

В исследовательском пространстве, возникшем вокруг текста, уже давно осуществляется многопредметное движение, которое, правда, осознается таковым в разной степени. Например, М.Я. Дымарский в монографии, посвященной проблемам текстообразования русского текста, солидаризируется с цитируемым им высказыванием Г.А. Золотовой 1979 г. [Золотова-1982, с. 319] о том, что современная лингвистика «преждевременно поспешает к глобальной теории текста вообще» [Дымарский-2001, с. 5]. Далее исследователь

противопоставляет лингвистическую модель текста иным моделям, понимая под лингвистическим описанием (анализом, моделью) только то, что формируется в рамках текстообразования (грамматики текста) [Там же, с. 24]. С таким утверждением мы не можем согласиться, поскольку выступаем против всяческих попыток монополизации метода и предмета исследования текста. Подобного рода попытки всегда оборачиваются только одним: отделением лингвистики от нелингвистики и комплексом последствий такого размежевания.

В свете сказанного лингвистическим описанием можно признать не только то, что возникает в рамках знаково-уровневой модели. В очень явном виде элементы неуровневого описания появляются даже в вариантах вузовского лингвистического и филологического анализа текста, несмотря на признание уровневой организации текста (см., например, [Болотнова-2001,-2002; Кайда-2000; Купина-1980; Лингвистический...-1988; Лотман-1994,-2000 и др.]).

Уже в самом основании знаково-уровневого описания (в структуральном подходе) текста просматривалось стремление выйти за пределы языковых уровней: «Только отношение всей совокупности художественных элементов на всех уровнях, в их взаимной соотнесенности и в отношении ко всей совокупности внетекстовых элементов и связей может считаться полным описанием структуры данного произведения» [Лотман-1994, с. 215]. Правда, исследователь говорит и о внетекстовых структурах и уровнях (структура жизненного опыта, культуры и пр.), однако очевидно, что установить однозначные иерархии структур (и выделить сами структуры) во внетекстовой действительности представляется делом неосуществимым и бесперспективным, что осознавалось в полной мере и сторонниками структурального подхода¹⁷. Недаром в 1980-е гг. в самом структурализме происхо-

¹⁷ Вся проблема сводится к следующему: любая структура есть производное человеческой деятельности, таким образом, и иерархия структур напрямую соотносится с определенной системой деятельности. Но стоит нам изменить деятельность, возникают другие структуры с другими иерархиями.

дит движение в сторону более широкого привлечения контекста, а «структура текста», вбирая в себя «контекст», в конце концов оказывается размыта или разрушена множественностью факторов, действующих в окружающей текст смысловой среде» [Гаспаров-1993, с. 282].

Представления о внутритекстовых и внетекстовых структурах находят отражение в разных вариантах филологического анализа текста. Так, например, Н.С. Болотнова говорит о трех составляющих такого анализа: лингвистической, стилистической и литературоведческой, каждой из которых соответствует своя область организации текста. Исследователь определяет принцип их существования как уровневый. Но если с уровневостью лингвистической составляющей (языковые уровни) структуры проблем не возникает, то стилистическая (стиль, жанр, сфера общения, ситуация, функции текста, характер адресата, тип мышления, форма, тип и речи) [Болотнова-2001, с. 80-81] и литературоведческая (род, жанр, тема, композиция, идея, образный строй, основной пафос, художественные особенности и др.) [Там же, с.105-106] составляющие уже не укладываются в уровневую модель.

Структура текста в целом, согласно концепции Н.С. Болотновой, «состоит из информативно-смыслового и прагматического уровней, в рамках которых выделяются подуровни» [Болотнова-2002, с. 3]. Информативно-смысловой уровень состоит из предметно-логического (денотативного), тематического и сюжетно-композиционного подуровней; прагматический уровень – из эмоционального, образного и идейного подуровней. Каждый из подуровней состоит из единиц, его обслуживающих [Там же, с. 3]. Но подобный подход, стремящийся учесть по возможности все, не лишен противоречий. И дело даже не в том, что «основные для названной концепции текстовые единицы (информемы и прагмемы) определяются слишком отвлеченно» [Бабенко-2004, с. 40], а в том, что симметризм и упорядоченность организации уровней, подуровней и единиц существует только на иллюстрирующем всю концепцию графическом изображении (рисунке). Практически о невозможности непротиворечивого выделения уровней и подуровней, особенно в

экстралингвистическом аспекте (в связи с концепцией Н.С. Болотновой), говорят и авторы [Основы теории текста-2003, с. 74-75], хотя и полагают текст «сложным знаком, имеющим иерархическую организацию элементов и уровней...» [Там же, с. 76]. О необязательной иерархичности текста пишет и Н.В. Халина: «Текст являет собой некоторое живое начало, одну из форм отражения, именно духовную форму, жизни, которая организована в несколько иерархических рядов соподчинительных систем <...> *Причем не все системы связаны между собой именно иерархически* (курсив наш. – К.Б.)» [Халина-1997, с. 9]. В этой связи приведем мнение В. Хартунга, который пишет: «В последнее время в лингвистике широко распространилось убеждение, что наряду с традиционно выделяемыми фонологическим, морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим структурными уровнями существуют также и другие, которые не могут быть просто включены в иерархию «уровней языковой системы» в качестве дополнительных уровней, но, напротив, лежат «вне» этой системы уровней и иным, по-видимому, более непосредственным образом соотносятся с моментами экстралингвистической действительности» [Хартунг-1989, с. 55-56]

В качестве попыток выхода из знаково-уровневой системы координат в практике анализа текста можно рассматривать, например, следующие работы [Бабенко-2004; Казарин-2004]¹⁸. (Мы считаем предмет анализа текста не только полигоном для апробации уже известных, но и деятельностным пространством, инициирующим создание новых теоретико-методологических концепций. Кроме того, в процессе анализа текста происходит экспликация исследовательских деятельностных схем и алгоритмов обычно имплицитных в теоретических построениях.) Новизна подхода заключается во введении в процесс анализа такого теоретического конструкта, как *пространство текста*. Само понятие *пространства текста* достаточно часто встречается

¹⁸ Психолингвистические методы анализа текста также исходят из иной реальности – концептуальной, в которой сосуществует в своей одновременности и рядоположенности разнотрансубстратные единицы оперативного сознания (образы, понятия, представления, эмоции и пр.) – см., например, [Залевская-2001; Пищальникова-1999].

в работах, посвященных исследованию текста, и обозначает некоторую реальность (как правило, замкнутую), отличную от другой реальности (см., например, [Новиков-1983]). Несмотря на то, что пространство мыслится как некий знаково-уровневый аналог, все же весьма примечательными видятся те пояснения, которые делают авторы: «Для обозначения содержательной стороны самого сложного языкового знака – текста стал употребляться <...> термин «семантическое пространство», *при этом его употребление отмечено многозначностью и пересекаемостью с другими текстовыми явлениями...* (курсив наш. – К.Б.)» [Бабенко-2004, с. 51].

Многозначность и пересекаемость с другими терминами обусловлены новой системой координат, в которую «помещается» текст. А.И. Новиков, анализируя различные подходы к структуре текста, отмечает, что «из-за многоплановости, многоуровневости своей организации текст представляет довольно сложный объект исследования. В нем могут быть выделены различные элементы, используемые в качестве его структурных единиц. Соответственно могут быть определены и различные системы отношений между этими единицами. Это означает, что одному и тому же тексту может быть поставлено в соответствие несколько различных структур» [Новиков-1983, с. 117]. Закономерно возникает конфликт терминосистем.

В качестве подпространств семантического пространства текста рассматриваются концептуальное, денотативное и эмотивное пространства [Бабенко-2004, с. 49-55] (заметим, что авторы не употребляют термина подпространство, тем самым не актуализируют уровневую модель). В работе Ю.В. Казарина наиболее общими видятся такие пространства, которые включает в себя художественный текст, – культурное, языковое и эстетическое [Казарин-2004, с. 85]. Пространства, в частности, понимаются как структурные макрокомпоненты текста, а все пространство поэтического текста видится как метатекстовое явление, «которое можно определить как комплекс представлений, образов, смыслов, формирующихся по отношению к данному поэтическому тексту и связанных как с его языковыми реализациями, логико-

смысловой структурой, так и с категориями внетекстовыми – такими, как поэтическая графика, «дикция» <...> а также главным образом соотносимых с культурной и эстетической спецификой поэтического текста...» [Там же, с. 86]. Анализ текста в рамках пространственной модели позволяет говорить об относительной независимости текстовых пространств, их кооперативном взаимодействии и о возможности автономного их описания и пр.

На наш взгляд, обращенность к «пространствам» текста и сама *пространственная модель* во многом основываются на представлении о тексте как функциональной системе, отрицающей принцип априорного структурного детерминирования. Заметим, что П.К. Анохин утверждал *онтологическую реальность* функциональных систем [Анохин-1978; Теория функциональных...-1978]. Установление взаимосвязей между компонентами текста возникает под действием не абстрактного механизма (например, языка как знаково-уровневого конструкта), а полезного результата (в терминологическом употреблении П.К. Анохина). Таким образом, мы опять возвращаемся к той простой истине, неоднократно высказываемой Г.П. Щедровицким, что структура отражает наш способ деятельности с объектом [Щедровицкий-1995].

Поэтому, на наш взгляд, Б.М. Гаспаров (в своей деятельностной модели) и полагает отсутствие уровневой организации текста, из чего следует, что «анализ (текста. – К.Б.) невозможно построить в виде предварительно регламентированной иерархии механизмов и уровней его структуры. Связи, из которых вырастает смысловая ткань текста, завязываются между многими разными его компонентами, по многим разным направлениям. Эти компоненты могут быть сколь угодно различными по своему объему, характеру, происхождению, наконец, по положению, занимаемому ими как в самом тексте, так и в пропитывающем его поле подразумеваний и аллюзий. <...> Бессмысленно было бы пытаться как-либо классифицировать все эти компоненты, придать упорядоченность их соотношению друг с другом и порядку их появления в процессе осмысления текста...» [Гаспаров-1993, с. 300-301]. Высказанная мысль, конечно, не означает отсутствие вообще структурности в са-

мом таком исследовании (заметим, что у Б.М. Гаспарова также существуют единицы анализа), оно лишь выражает идею нерелевантности априорных структур.

Принципы организации текста и виды его модельного представления являются, по нашему мнению, исходными, в них наиболее четко прослеживается понимание онтологии объекта, задающее его первичную онтологическую схему. Конкретные наполнения ее (единицы, категории и пр.) всегда вариативны и не рассматриваются нами в силу их подробного описания в ряде работ [Аспекты...-1982; Вербальная...-2004; Гальперин-1981; Дымарский-2001; Ильенко-1981,-1988; Залевская-2001; Мурзин-1991; Новиков-1983; Одинцов-2004; Основы теории текста-2003; Сорокин-1982,-1985; Филиппов-2003 и др.]. Онтологическая схема объекта составляет ядро системы теоретического знания о нем. Таким образом, мы возвращаемся к проблеме статуса и структуры теории, но уже по отношению к тексту.

Существует разное понимание статуса и структуры общей теории текста. Можно вполне согласиться с тем, что «...статус теории текста в науке (в лингвистике? в филологии?) все еще не стабилизировался, что во многом объясняется пограничным, междисциплинарным характером знаний о тексте» [Основы теории текста-2003, с. 5]. Мы же в понимании статуса теории текста делаем акцент на *теории*, считая, что она должна создаваться именно как теория, а не система представлений или, что чаще всего в таких случаях происходит, как конгломерат разноприродных, несопоставимых друг с другом впечатлений (концептов). Показательным в этом отношении является изданный в 2003 г. курс лекций по лингвистике текста [Филиппов-2003]. Эта интересная работа, совмещающая в себе жанры учебника и монографии, показывает и то, насколько сложно систематизировать концептуальные представления, разрабатываемые в разных системах координат, и то, что в создании общей теории текста должны быть заложены системные требования. Общая теория текста не может иметь вид концепта, именно поэтому необходима работа по ее системному представлению.

Первый вопрос, который возникает при анализе данной предметной области, можно сформулировать так: существует ли теория текста? Вопрос отнюдь не тривиальный, поскольку отсутствует единство мнений даже относительно статуса теории текста. Ср. «Теория текста, несмотря на ее ярко выраженный междисциплинарный характер, обладает «собственным онтологическим статусом» [Николаева-1998, с. 508] (то же см.: [Валгина-2003, с. 8]) и «Исследование единиц текста определило формирование новой отрасли науки о языке, которая получила название «лингвистика текста» или «теория текста»...» [Папина-2002, с. 3] с нивелированием во втором случае различий между *лингвистикой текста* и *теорией текста*. Позицию А.Ф. Папиной, как то ни парадоксально, разделяет Н.С. Валгина: «В теории текста еще много дискуссионных вопросов, нерешенных проблем <...> Не установилось и употребление самого термина, названия дисциплины. Изучение текста осуществляется под разными названиями: кроме термина «теория текста», бытуют термины «лингвистика текста», «структура текста», «герменевтика», «грамматика текста», «стилистика текста» [Валгина-2003, с. 8-9]. Отсутствие различий между лингвистической теорией текста и (общей) теорией текста можно отметить и в [Аспекты...-1982], где *общая и частная лингвистическая теории текста* обозначаются как *общая и частная теории текста*, поскольку мыслятся они авторами как отрасли языковедческой науки [Там же..., с. 7].

На наш взгляд, несколько шире (как филологическая) теория текста мыслится в работе Т.М. Николаевой: «Теория текста в основном имеет дело с анализом функционирования и соотношения знаков – элементов текста. Однако в рамках этой теории правомерна постановка вопроса о месте в тексте или совокупностях текстов *понятийных категорий* или отдельных реалий (пространство, время, человек, дом, лес, небо и пр.)...» [Николаева-1998, с. 508] (Ср. [Николаева-2000, с. 417]). Понимание теории текста В.Г. Адмони также шире возможностей лингвистического описания объекта. Исследователь говорит о необходимости создания особой области, посвященной изуче-

нию текстов во всей их многоаспектности и предлагает два варианта наименования такой дисциплины: текстоведение и теория текста» [Адмони-1988, с. 208-209]. Аргументируя свой подход, В.Г. Адмони пишет: «Текст – это в высшей степени многообразная, закреплённая в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивая единица социальной и коммуникативно-когнитивной практики. Текст строится на речевом материале, но как целое в своем построении обладает собственными закономерностями. Поэтому его анализ не может быть проведен чисто языковедческими средствами, а должен строиться на особой методике, которая, естественно, должна учитывать и закономерности языковой материи, используемой текстами [Адмони-1988, с. 214-215].

Филологический статус теории текста определяют и авторы [Основы теории текста-2003], поскольку полагают, что «объектом современной теории текста как науки является коммуникативная деятельность человека посредством текста» [Там же, с. 21], и исходят из того, что «...в структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра существует филологическая теория коммуникации. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека посредством текста» [Там же, с. 23].

В качестве попытки примирения междисциплинарной направленности теории текста с ее лингвистическим толкованием можно рассматривать такое понимание теории текста: «В широком смысле теорию текста можно определить как интеграцию многоаспектных сведений о тексте как объекте изучения разных наук: психологии, философии, социологии, лингвистики, культурологи, прагматики и т.д. Сюда же можно включать стратификацию наук о тексте, определение сферы их влияния и интеграцию полученных знаний о тексте как единице культуры, общения, коммуникации и т.д. В узком смысле к теории текста можно отнести систему теоретических допущений о сущности, признаках и свойствах текста, его типах, структуре, семантике (содержании) и речевой организации (форме), функциях, особенностях текстообразования и восприятия» [Коммуникативная...-2001, с. 7]. Но введение «широко-

го» и «узкого» смыслов противоречит методологическим стандартам, принятым по отношению к содержанию и структуре теоретического знания [Рузавин-1999, Сичивица-1972; Степин-2000 и др.], а сведение теории к системе теоретических допущений ставит под сомнение сам ее статус (теория ли?).

«Западные» образцы теории текста большей частью построены как плюралистические, охватывающие лингвистический, литературоведческий и психологический аспекты [Coirier-1996; Greetham-1999; Le Ny-1979; Miall-1994]. P. Coirier, D. Gaonac'h, J.-M. Passerault полагают, что в процессе изучения текста необходимо проводить его лингвистическое (языковые маркеры, когезия), психолингвистическое (ключевые слова, фразы) и психологическое (возраст испытуемых) описания. Так, в частности, авторы замечают, что «для того, чтобы облегчить рецепцию текста, читатель опирается на структурные и функциональные маркеры, основной из которых является позиция в тексте (перевод наш. – К.Б.)» [Coirier-1996, p. 180]. В этой связи актуализируются проблемы негомогенности структуры текста и связанные с ней вопросы восприятия и понимания текста. Так, в частности, лаборатория Р. Гарнера исследовала проблемы выделения наиболее значимой информации в тексте в онтогенезе. Было установлено, что дети 8-12 лет «редко помещают ключевую фразу в начало текста <...> и в то же время, выполняя задание по нахождению репрезентации в тексте основного смысла, они подчеркивают, как правило, первую фразу (перевод наш. – К.Б.)» [Garner-1986, p. 413].

В связи с сильным влиянием психологической составляющей в западных исследованиях, посвященных теории текста, ряд ученых говорит о необходимости включения в проблемное поле психологически осмысленные эстетические феномены (например, *остранение*). На явлении остранения построена концепция D.S. Miall, D. Kuiken, которые считают, что теории текста большей частью строились априорно (догматически), и что этап эмпирического изучения текста только начинается. В связи с этим, авторы говорят о необходимости исследования связи между «остранением, чувствами и лич-

ностными смыслами, поскольку они <...> являются основными в восприятии литературы (перевод наш. – К.Б.)» [Miall-1994, p. 338].

Обозначенные подходы к определению статуса и задач теории текста свидетельствуют о том, что ее проблемное поле нельзя считать сформированным. В качестве характеристики современного состояния теории текста можно принять следующее суждение: «...необходимо различать работы по теории текста и ту теорию, которая может быть построена на базе этих работ, в свою очередь рассматриваемых как исходный базисный текст» [Николаева-2000, с. 412].

Поскольку еще до конца не оформились представления о том, какой должна быть теория текста, проблема *структуры теории* не подвергалась широкому детальному обсуждению. Возможны, конечно, самые разные подходы к определению структуры теории текста и задач, стоящих перед каждым ее разделом. Одна из первых попыток выявления структуры теории текста исходила из разделения общей и частной теории: «...общая теория текста стремится постичь текст вообще, определить специфические для него категориальные признаки в плане языковедения, тогда как частная теория должна заниматься как особенностями определенных видов текста, так и отдельными правилами их организации» [Аспекты...-1982, с. 8]. Эта точка зрения принимается и сегодня: «Наряду с общей теорией текста, изучающей универсальные особенности текстов разных типов (их сущность и признаки, законы текстообразования и т.д.), выделяется частная теория текста, которая занимается более узкой проблематикой и ориентирована на изучение текстов какого-либо одного типа (например; художественных)» [Коммуникативная...-2001, с. 7].

Другой подход к содержанию теории текста (а значит, и ее разделам) выглядит следующим образом: «Основные направления изучения текста в теории текста таковы: текст в его отношении к говорящему и слушающему; текст как сложный знак; текст в его отношении к действительности и другим текстам; типология текстов» [Основы теории текста-2003, с. 34]. Принцип

строения теории здесь определяется системой отношений *текст – среда* (коммуникативная, семиотическая, языковая (текст в кругу других текстов), действительность). Но изучение знаковой природы текста, по нашему мнению, не должно составлять особого раздела теории текста, поскольку семиотическая модель – одна из возможных моделей текста.

Принципы системного описания объекта, принятые в общей теории систем (см., например, [Урманцев-1974,-1988]), легли в основу следующего понимания теории текста: «Предметом общей теории текста является текст как цельность, а также текст, вписанный в различные среды. Общая теория текста включает 3 раздела: текстообразование, формообразование и функционирование текста. <...> Текстообразование изучает переходы от одного целого предложения к другому, способы объединения отдельных предложений в единицы сверхфразового уровня <...> Теория формообразования дает пространственно-модельное представление целостного вмещающего гештальта, его описание в статических и процессуальных терминах. <...> Функционирование текстов в социуме изучает коммуникативные, стилистические, прагматические и культурологические аспекты общей теории текста» [Москальчук-2002б, с. 519]. Оформление текстообразования (и формообразования) в особый раздел теории текста вызывает возражение, поскольку в каждом случае монополизируется особый взгляд на текст, на принципы его изучения.

Проблема строения общей теории текста только начинает осознаваться как теоретико-методологическая проблема, поэтому отдельные замечания (кроме уже высказанных) о том, какой должна быть такая теория, мы оставляем без обсуждения. Здесь же, на основании всего сказанного, представим свой вариант ее структуры. В структуру общей теории текста должно войти три раздела: онтология текста, функционирование текста и теория анализа текста.

Онтология текста объединяет исследования (языковедческие, психологические, философские и др.), направленные на выяснение сущностных

качеств текста. Текст как материально-идеально-социальный феномен как бы помещается в соответствующую систему координат: материальное, идеальное, социальное. В данной системе выводятся первичные атрибуты текста, устанавливаются их связи друг с другом. Сама система координат может быть заменена другими, более частными системами, например, физические параметры – семантика (информация) – деятельность (функциональность) и пр. Содержанием этого раздела общей теории текста будут являться онтологические схемы, созданные в рамках каждого отдельного типа описания. В онтологические схемы должны включаться только такие компоненты, которые могут быть приписаны именно тексту, а не среде, (хотя среда зачастую и дает возможность существования и выявления этих компонентов).

Функционирование текста изучает бытование текста в социуме и культуре: типы текстов, порождение и рецепция текстов в разных коммуникативных ситуациях и др. Текст, будучи помещен в разные среды, инициирует действие средовых факторов. Параметры среды, а также параметры, возникающие на пересечении текста и среды, входящие в создаваемые схемы функционирования, – все это и составляет содержание данного раздела общей теории текста.

И, наконец, *теория анализа текста* ведает комплексом теоретико-методологических проблем, связанных и с онтологией, и с функционированием, и с типами модельных описаний текста. Теория анализа текста вырастает из двух областей: анализа текста в разных его видах и типов описания текста. В основе теории анализа текста покоится синтез системного и деятельностного подходов, благодаря которому все понятия, алгоритмы, схемы и пр., применяемые в моделях текста, должны быть исследованы на предмет того, что мы делаем, когда пользуемся тем или иным понятием, схемой, алгоритмом. Системнодеятельностная реконструкция понятий, схем, алгоритмов и др. позволит выработать системы соотнесения разных терминосистем, а также создать некоторый необходимый и достаточный минимум теоретических конструктов. Операциональные схемы должны быть максимально по-

нятными и свободными от многозначности. Таким образом, если содержание онтологии и функционирования текста составляют конкретные модели, то теория анализа включает в себя деятельностные схемы, в рамках которых и были созданы данные модели, а также специальный теоретико-методологический блок (ядро теории анализа текста), с помощью которого сами эти схемы детально исследуются и сопоставляются.

В нашей работе основное внимание будет уделено первому разделу общей теории текста (онтологии). В то же время будут использоваться (создаваться) некоторые аспекты теории анализа (онтология текста немыслима без теории его анализа). Проблемы же функционирования текста будут рассматриваться лишь в связи с экспериментальной деятельностью информантов.

Онтология текста являет собой фундаментальную область, и этот статус создает предпосылки для одновременного сосуществования разных типов ее описания (проблемы верификации видов описания, как, впрочем, и сами эти виды, исследуются в теории анализа текста). Наша работа выполняется в русле теории формообразования текста, которая обладает многообразными средствами изучения онтологии текста. Тем не менее, статус теории формообразования определяется ее местом в структуре общей теории и функциональной направленностью. Теория формообразования текста как система подходов, принципов и методов исследования входит в теорию анализа текста. Получаемые же в ходе применения теории формообразования модели уже являются составляющими онтологии текста (попытки создания моделей функционирования текста на основе теории формообразования осуществлялись, и некоторые результаты в данной области обсуждались в предыдущих параграфах).

Мы говорим здесь о теории формообразования как об уже существующей. Конечно, это не так. В настоящее время имеется ряд отдельных представлений о том, что должно входить в теорию формообразования. То есть существует некий образ теории формообразования, от имени которого вы-

страиваются рассуждения (подобная ситуация типична во всех областях науки. Ср. «Принципиальная возможность строить теорию при наличии неполноты оснований в теории аксиоматического типа кажется в науке уже доказана, а это «разрешает» проводить конструирование теории и той или иной дисциплины, не дожидаясь достижения полноты всех ее частей» [Разумовский-1999, с. 28]). Теория формообразования нуждается в структурировании, и в нашей работе будет предпринята попытка системнодеятельностного ее осмысления. Выстраивание теории формообразования будет корректироваться в ходе ее приложения к конкретному материалу. В результате появятся контуры онтологической модели текста. Заметим, что одни и те же понятия (например, понятие *формы*) могут быть рассмотрены и как компоненты теории формообразования, и как компоненты онтологической схемы объекта.

1.3.3. Форма как базовый компонент теории формообразования и онтологической схемы текста

Понятие формы лингвистических объектов является одним из наиболее дискуссионных. И если относительно формы слова ситуация в какой-то мере определена, то диалог о форме основного объекта филологии – текста, кажется, только предстоит. Действительно, операциональные возможности понятия формы применительно к анализу текста зачастую сводятся к декларациям вроде единства формы и содержания. Интересно то, что сегодня, пожалуй, только в стиховедении, обращаются к традиции исследования формы художественного текста, заложенной отечественной формальной школой и ГАХН (см., например, [Гаспаров-1974,-1999; Гринбаум-2000; Розенов-1982; Тарановский-2000 и др.]).

А.Ф. Лосев отмечал, что «вероятно, и в литературоведении, и во всякой другой науке нет термина более путаного, более темного, более противоречивого, чем термин «форма». Можно было бы написать целое исследование об истории термина «форма», и это исследование могло бы занять собою огромный том» [Лосев-1994, с. 179]. Выход из такой сложной ситуации, на наш

взгляд, состоит в обнаружении необходимого контекста употребления понятия формы. Традиционно таким контекстом в филологических работах является *форма – содержание*. Так, например, один из методологических принципов языкознания ярко выражен в следующей критике Л.В. Щербы: «...формальная грамматика <...> впала в другую крайность – забвение смысла за формой. С этой крайностью следует диалектической грамматике бороться всеми силами, ища в первую голову смысла данного выражения» [Щерба-2004, с. 76]. В книге Б.А. Плотникова, посвященной проблеме взаимодействия формы и содержания в языке, в качестве одного из основных следует вывод: «Ведущим назначением языковой формы все же остается внутренняя организация содержания в гибкие и подвижные структуры и модели, как правило, не находящие прямого отражения во внешних формах языка» [Плотников-1989, с. 234].

В целом, можно отметить, что вывод исследователя незначительно отличается от размышлений автора самой оппозиции, который в «Науке логики» пишет: «...форма есть содержание, а в своей развитой определенности она есть закон явлений. В форму же, поскольку она не рефлексирована в самое себя, входит отрицательный момент явления, не самостоятельное и изменчивое, – она есть равнодушная, внешняя форма <...> При рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему» [Гегель-1975, с. 298]. Эта «не бесформенность» содержания оформляется на современном этапе развития науки как его структурная организация.

Таким образом, форма и структура / структуры содержания становятся, по существу, не различимыми. Понимание формы как структуры свойственно, на наш взгляд, и представлениям о внутренней форме слова и о форме слова вообще. Если мы, например, говорим об образовании грамматических форм слова, то с необходимостью актуализируем всю парадигму форм, кото-

рая в части своей организации есть не что иное, как структура. С другой стороны, оппозиция *форма – содержание* для формы мало что дает, поскольку если о форме и можно говорить, то о содержании говорить несравненно сложнее. Есть еще одно непереносимое условие, необходимое для анализа оппозиции *форма – содержание*, – рассмотрение ее возможно только в процессе продуцирования и рецепции текста (мы будем говорить предметно о форме только этого языкового феномена). Данное обстоятельство показывает всю слабость контекста *форма – содержание*, поскольку не рассматривает текст в его потенциальном состоянии. Находясь вне поля сознания, будучи, по сути, физическим сигналом, текст не обладает, и не может обладать содержанием. Сказанное вынуждает нас искать другие контексты для формы.

Интересно, что в структурализме возникло стремление изменить все компоненты оппозиции *форма – содержание*: «Идейное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея невысказана. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры. Измененная структура донесет до читателя или зрителя иную идею» [Лотман-2000, с. 24]. Действительно, если форма и структура одно и то же (по крайней мере, деятельностный алгоритм для создания формы и структуры в проанализированном случае один), а понятие структуры, бесспорно, более операционально, то и нужно использовать термин *структура*. Между тем, конечно, понятие формы не может сводиться к структуре, к которому оно неизбежно приближается в анализируемом контексте.

Следующей оппозицией видится *форма – среда*. В этом контексте выстроено определение формы А.Ф. Лосевым: «Когда мы говорим о форме объекта, это значит, что мы скользим по его границе со всяким другим предметом и обходим эту границу целиком. <...> форма предмета есть то, чем этот предмет отличается от всякого другого предмета и прежде всего хотя бы от окружающего его фона» [Лосев-1994, с. 179-180]. Такое определение фор-

мы рассчитано на пространственные объекты (недаром, автор приводит в качестве иллюстраций графические объекты – кривую, окружность) [Там же, с. 179-180]. Подобное понимание формы характерно для искусствоведения, связанного с изучением формообразования пространственных объектов. И.Ш. Шевелев, например, дает определение формы как *граничной поверхности замкнутого пространства экспансии»* [Шевелев-1990, с. 57], в котором сделаны акценты на геометрической сущности явления и его развитии (росте, экспансии). Такое понимание формы применимо к тексту только в том случае, когда текст мыслится как данность (законченность, результат), существующая в письменной форме (пространстве), где фактор времени исключается. Здесь граница текста – это его начало и конец. Именно в таком виде текст предстает во время исследования (заметим, что в процессе анализа текст становится процессуальным). Между тем, статичное бытие текста – только момент его реального бытия. Момент квазибытия – без говорящего, слушающего, исследующего субъекта. Для текста как процесса понятие граничной поверхности, по сути, не дает ничего. Более того, представление о форме как граничной поверхности и для статичного текста не дает более того, что сказано об определении его начала и конца. В таком случае нужно искать другие контексты употребления формы (интуитивно чувствуется, что понятие формы текста должно быть большим, нежели представленные интерпретации).

Но на данном этапе мы уже пришли к такому факту: для объектов, имеющих разные формы бытия, устанавливаются свои критерии описания и определения формы, которые зависят от материала и способа существования описываемого объекта.

Несмотря на попытку в представленном выше определении внести эволюционный компонент (а это означает, ввести и временной фактор), форма определяется через граничную поверхность, то есть практически не связывается со структурой объекта (его содержимым в широком смысле слова). Это происходит потому, что и объект рассмотрения здесь – статичные скульптурные, архитектурные ансамбли, существующие как целое в пространстве в

каждый момент времени. В музыковедении, напротив, объект существует сукцессивно, поэтому и определения формы включают в себя компонент динамики: *форма рассматривается как процесс*: «музыкальная форма есть процесс обнаружения музыки в закономерном сопряжении интонируемых элементов» [Асафьев-1963, с. 25]. Правда, как это бывает в том случае, когда объект обнаруживает свою целостность в процессе, этот процесс диалектичен. «Форма как процесс и форма как окристаллизовавшаяся схема (вернее: конструкция) – две стороны одного и того же явления» [Там же, с. 23]. В этих определениях *форма понимается как структура целостного процесса, то есть с некоторой вариацией возвращает нас к пониманию формы как структуры*.

Еще одной оппозицией является *форма – материя*. Г.П. Щедровицкий отмечает, что в современной методологии категориальная оппозиция *форма – материя*, введенная Аристотелем, «сейчас все больше возвращается к своему прежнему исходному смыслу благодаря исследованиям деятельности и ее специфических структур» [Щедровицкий-1995, с. 256]. У Аристотеля «телесная вещь есть единство формы и материи, оформленная материя», а форма «есть определенность самих материальных вещей» [Аристотель-1975, с. 453]. Форма как бы «запечатлевается» в материи, создавая тождественность объекта самому себе и обеспечивая его устойчивость. В таком контексте кроме *формы* и *материи* актуализируются категории *структура*, *объект* и *среда*. Действительно, если *материя* существует вне *формы*, то она – все, что угодно; если же она оформилась, то, оформилась как целое (объект). Это означает, что мы можем отделить объект (целое) от неформленной среды, выделить объект из среды. Сама операция проходит при актуализации граничной поверхности, о которой уже говорилось. Оформление объекта как целого свидетельствует о наличии его строения (организации, структуры).

Обозначенные категории нашли отражение в концепции Г.П. Щедровицкого, в которой понятие формы связано с последовательностью определенных операций с такими конструктами, как структура, материал, объект.

Вначале материал противопоставляется структуре, при этом материал понимается как чистая возможность организации. Затем «мы как бы отпечатываем структуру на материале, получаем ее отпечаток, и таким образом превращаем материал в определенную организованность. Сама структура благодаря этой процедуре выступает уже как форма» [Щедровицкий-1995, с. 259]. Данная система действий, однако, не вполне применима к тексту: не известно, какая структура и материал должны быть взяты? В каком виде будет существовать форма как нечто отличное от структуры?

Все сказанное позволяет перейти от каталогизации каких-то проявлений формы текста к конструированию самого понятия формы. При этом наиболее перспективным первичным контекстом обсуждения понятия формы представляется аристотелевское противопоставление *формы – материи*. Само же определение понятия будет проводиться с использованием системно-деятельностного подхода.

Как уже отмечалось, объект можно изучать только посредством выделяемых в нем предметов. Объект в этом случае понимается как феномен, объективно (независимо от нас) существующий; предмет – наше понимание объекта, основанное на тех или иных представлениях. Каждый из предметов с помощью операций абстрагирования, анализа, моделирования и др. предстает в виде системы, «наделяется» структурой. Естественно, структуры отдельных предметов объекта могут различаться.

Но у данных структур должно быть и нечто общее, поскольку это структуры предметов одного и того же объекта. *Эта общность и есть форма, присущая объекту*. Если структура – производная исследовательской деятельности, конструкт, то форма – феномен. Форма организует объект таким образом, что, будучи рассмотренной сквозь призму тех или иных его предметов, она преобразуется в их структуры, имеющие поэтому общность своего происхождения. По сути, *структура – это проекция формы на предметную область*. Именно поэтому форма может моделироваться только на

основании сопоставления ряда ее структур: выявления общего и случайного, – что недоступно в случае однопредметного описания объекта.

Такое понимание формы и структуры имеет ряд принципиально важных следствий. *Форма – это то объективное, что присуще объекту независимо от наблюдателя.* Тогда форма текста как материализованного объекта-сигнала также существует объективно и независимо от включенности / невключенности его в пространство рецепции. В процессе же восприятия текста производится сканирование формы понимающим сознанием с помощью набрасывания на нее языковых и знаниевых структур. Таким образом, в процессе рецепции форма дает возможность построить ее правдоподобное изображение (модель, проекцию). Получаемую проекцию (пользуясь термином Н.А. Рубакина), являющую собой целостное концептуальное образование, можно рассматривать как то, что реципиент вычитывает из данного текста. Сама проекция – динамическое структурированное образование, поскольку воспринимающий не просто распознает и интерпретирует какие-то компоненты формы, он производит эти операции над целостным объектом, и поэтому в силу деятельностного характера рецепции сама проекция всегда будет целостна. Целостность же влияет на характер структуры проекции.

Таким образом, на то, какой будет проекция текста, воздействуют несколько факторов: форма текста-сигнала, способ (метод) сканирования формы, целостность проекции и личностные концептуальные конструкты. Если мы примем неизменными первые три фактора (один и тот же текст, способ работы с текстом), то при привлечении большого числа информантов последний фактор потеряет свою значимость. Фактор целостности также является неоперациональным компонентом схемы, некой обязательной словесно-теоретической «добавкой»: в тех случаях, когда мы видим явление эмерджентности, какую-то не данную в виде компонентов и их связей логику, тогда и говорится о факторе целостности. Но на этом операции с целостностью и заканчиваются. Целостность есть что-то вроде виртуального теоретического конструкта: он как бы необходим, но и его как бы нет. Целостность, как

уже говорилось, выражает идею обязательного присутствия наблюдателя в создаваемой им концептуальной действительности; наблюдатель становится необходимым компонентом теоретической схемы. Поэтому остается только два компонента: форма объекта (текста) и способ (метод) ее сканирования.

К представленным размышлениям о форме текста, его структурах и бытовании из существующих языковедческих концепций ближе всего оказывается библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина [Рубакин-1977; Сорокин-1977]. Ученый, вследствие принятых им теоретических посылок (закон Гумбольдта – Потебни), рассматривал языковой материальный субстрат только как средство возбуждения в воспринимающем сознании (мнеме) психических переживаний. Исследователь пишет: «Каждый читатель в процессе чтения строит собственную проекцию читаемой книги, в зависимости от качественной и количественной стороны своей мнемы, и эту свою проекцию принимает за качества самой книги и называет ее содержанием читаемого им произведения¹⁹. Мы знаем не книги и не чужие речи, и не их содержания, – мы знаем наши собственные проекции их, и только то содержание, какое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил автор или оратор. <...> Сходство содержаний обусловлено не тождественностью книг у разных читателей, а сходством читательских мнем» [Рубакин-1977, с. 59].

Тех же взглядов на природу речевой коммуникации придерживался и Г.Г. Шпет: «Слово, как элемент языка, не содержит в себе законченного понятия, слово только побуждает к образованию понятия самостоятельной силой и некоторым определенным образом. Люди понимают друг друга не потому, что они действительно проникаются знаками, и не потому, что они взаимно predeterminedены порождать одно и то же понятие, а потому, что они касаются одного звена в цепи чувственных представлений и внутреннего по-

¹⁹ Н.А. Рубакин приводит интересный пример значимости индивидуальных мнем в процессе построения собственных проекций тех или иных реалий: «Гольбах (XVIII в.) рассказывает, что, разглядывая луну через телескоп, офицер принял лунные горы за крепостные башни, пастор – за колокольню, а светская дама увидела на луне обнимающуюся влюбленную парочку: всякий отбросил на экран луны свою собственную проекцию, объективируя элементы своей собственной мнемы» [Рубакин-1977, с. 55-56].

рождения понятия, касаются той же струны своего духовного инструмента, вследствие чего в каждом и вызываются соответствующие, хотя и не тождественные понятия. <...> Но когда таким образом затронут член в цепи, задета струна инструмента, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с данным отдельным членом цепи до крайних пределов этой связи» [Шпет-2003, с. 26-27]. (Ср. с современной постановкой проблемы: «В речевом общении коммуниканты транслируют только тела знаков – звучащие и письменно зафиксированные слова <...> Для того, чтобы они стали словами, предложениями, текстами, т.е. чтобы они превратились в языковые знаки и другие знаковые образования, тела знаков должны соединяться в процессе производства и восприятия речи со значениями, которые хранятся в вербальной памяти коммуникантов [Тарасов-1989, с. 13].)

Н.А. Рубакин последовательно делает выводы из принятых допущений, в частности, из закона Гумбольдта – Поттебни: «Это значит что ни вкладывал бы писатель в свои произведения, а оратор в свою речь, их содержание не дойдет до читателя или слушателя, хотя оно в это произведение вложено. <...> Чтобы оно дошло по адресу, читатель и слушатель должны сами создать его из элементов собственных мнем. А это может случиться только тогда, когда мнema слушателя и читателя имеет те же энграммы, как и мнema оратора и писателя. Но такое создавание не есть передача, а возбуждение. Всякий читатель и слушатель всегда видит перед собою только свою собственную проекцию чужой речи» [Там же, с. 61]. Тем самым из теории Н.А. Рубакина следует, что между процессами продуцирования и рецепции покоится неопределенность. Каким образом вообще возможно понимание друг друга, если то, что продуцент вложил в сообщение, остается у него самого, а реципиент в любом случае создает собственную проекцию?

Ответ, предложенный Н.А. Рубакиным, заключается в признании единства (сходства) мнем, в таком виде он вряд ли может быть признан удовлетворительным. Недаром, разрыв между производством и восприятием сооб-

щения, который несомненно имеется в библиопсихологической теории, пытался преодолеть Ю.А. Сорокин с помощью концепции смысла – значения Г. Фреге. В своем критическом очерке, предваряющем собственно сочинения Н.А. Рубакина, исследователь пишет: «Книга, как и всякий другой предмет, обладает объективным содержанием, некоторой сущностью, составляющей ее значение (по Фреге). Смысл книги, как и смысл всякого языкового выражения, составляет, по Фреге, то, что сохраняется неизменным при переводе с одного естественного языка на другой, – при этом имеется в виду не только перевод с одного естественного языка на другой, но и перевод с естественного языка на метаязык – формализованный или неформализованный. Это общее для всех переводов данной языковой структуры в некоторое количество знаковых систем является, очевидно, доступным множеству читателей и его следует отличать от субъективно обусловленного представления о книге или о другом объекте» [Сорокин-1977, с. 10].

На наш взгляд, значение (и вообще содержание) не приложимо к тексту, существующему вне процессов речевой деятельности, то есть к тому, что традиционно именуется его «телом». В рамках же теории Н.А. Рубакина такие теоретические скрепы противоречат ее базовой схеме. Между тем, мы согласны с необходимостью введения такого конструкта, который был бы связан с самим сигналом и являлся отправным моментом построения индивидуальных проекций текста, обеспечивая их общность. Такой общностью в нашей базовой схеме становится форма текста. Форма материального текста-сигнала обеспечивает и потенциальность построения похожих проекций, и возможность влияния автора на их создание. Текст-сигнал совершенно не в случайном порядке, а под действием своей формы возбуждает в читателе психические переживания-проекции; сама же форма текста является результатом целенаправленных (с той или иной степенью осознанности) речевых действий автора.

Выводы по первой главе

Изучение текста, являющегося исходной и непосредственной данностью филологического знания, на современном этапе перерастает рамки узкодисциплинарных интересов. Между тем, для того чтобы движение в сторону междисциплинарности не осуществлялось хаотично (со всем комплексом сопутствующих проблем), возникает необходимость в создании Общей теории текста (ОТТ). В рамках ОТТ будет производиться методологическая и теоретическая рефлексия над а) онтологией объекта, б) его функционированием в социуме и в) самими средствами познания объекта. Такая трехчастность проблемного поля задает и соответствующее строение ОТТ: 1) онтология текста, 2) функционирование текста, 3) теория анализа текста.

Конкретное содержание каждого из выделенных разделов во многом зависит от теоретических допущений, постулатов и пр., а также от того методологии, с которой исследователь подходит к изучению объекта. Поскольку данные компоненты входят в содержание теории анализа текста, этот раздел ОТТ становится центральным, несмотря на то, что только на первые два ее раздела направлен непосредственный вектор исследований. Если содержание онтологии и функционирования текста составляют конкретные модели, то теория анализа включает в себя деятельностные схемы, в рамках которых и были созданы данные модели, а также специальный теоретико-методологический блок (ядро теории анализа текста), с помощью которого сами эти схемы детально исследуются и сопоставляются. Таким образом, теория формообразования текста как система подходов, принципов и методов исследования входит в теорию анализа текста. Получаемые же в ходе применения теории формообразования модели, уже являются составляющими онтологии текста.

Теория формообразования текста исходит из понимания своего объекта как пространственно-временного, сукцессивно-симультанного, полионтологического и целостного. Другие его качества, как кооперативность, связность, способность к самоорганизации и пр. являются дополнительными.

Системнодеятельностный подход, в рамках которого осуществляется применение специальных методов теории формообразования и выработка отдельных компонентов теоретической схемы, исполняет методологические функции. Специальным методом формообразования является метод позиционного анализа текста. Центральным компонентом базовой схемы теории формообразования становится форма текста, понимание которой раскрывается в привлечении других теоретических конструктов: структуры, материи, субстрата, а также понятий, выработанных в рамках позиционного анализа текста. Так, в частности, структура по отношению к форме выступает в качестве проекции на предметной области. Именно поэтому форма как феномен может моделироваться только на основании сопоставления ряда ее структур: выявления общего и случайного, – что недоступно в случае однопредметного описания объекта, и что, наоборот, можно осуществить в рамках системнодеятельностного подхода. В качестве специальных теория формообразования широко использует вероятностно-статистические методы (в том числе, корреляционные, факторный и кластерный анализ), а также метод моделирования.

ГЛАВА 2. ТЕКСТ КАК МАТЕРИАЛЬНО-ИДЕАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

2.1. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

2.1.1. Вводные замечания о материальной стороне текста

Материальности языка в лингвистике, как правило, никогда не уделялось много внимания. В структуралистских концепциях материя была полностью исключена из «реальности» языка (ср. с «реальностью вне языка» Л. Ельмслева, с представлениями Ф. де Соссюра о том, что «сущность языка ... не связана со звуковым характером языкового знака» [Соссюр-1977, с. 45] и др.). Но и в трудах многих российских лингвистов проблемы материи языка, как представляется, поднимались в связи с господствовавшим материалистическим мировоззрением. Так, утверждения о том, что «язык представляет собой функциональную материальную систему семиотического, или знакового, характера...» [Солнцев-1971, с. 4], а также является вторичной материальной системой [Там же, с. 14-17] своим следствием имели отрицание двусторонней сущности языкового знака, то есть переводили проблему материальности языка в русло широко идущих в то время дискуссий. Даже в наиболее масштабной из известных концепций языка – концепции В. фон Гумбольдта, языковая материя была «выведена» за пределы языка, несмотря на то, что ученый исходил в своем понимании формы из первичной оппозиции *форма – материя*: «Форме противостоит, конечно, материя (stoff); но чтобы отыскать материю, соответствующую языковой форме, необходимо выйти за пределы языка» [Гумбольдт-1984, с. 72]. Но какими бы ни были теоретические причины невнимания языкознания к этой стороне бытия языка, в их основе молчаливо покоится тот факт, что в рамках традиционного лингвистического описания обращение к материальности языка не имеет под собой продуктивных методов ее исследования.

Языковая материя была и остается в центре внимания экспериментальной сегментной и суперсегментной фонетики. Изучение психофизических сторон речевой деятельности, освещая многие стороны реального бытия языка (континуальность / дискретность; строение звука; соединение звуков в речевой цепи, звук и фонема, звуковой состав слова; восприятие и распознавание слова и др.), все же остается на периферии языковедческих исследований. (Интересно, что в американской лингвистике, по свидетельству Ю.С. Степанова, за этой сферой исследований закреплен термин «предлингвистика» [Степанов-2005, с. 3-4].) Происходит это не только потому, что экспериментальные исследования нуждаются в дорогостоящем оборудовании – сейчас, с появлением компьютеров и специальных программ по обработке звука (например, Cool Edit Pro), такая проблема более не стоит. На наш взгляд, периферийность экспериментальной фонетики обусловлена тем, что дисциплина 1) слабо связана с семантикой языка, 2) в ряде случаев утверждения экспериментальной фонетики противоречат знаково-уровневой модели и 3) уровень текста остается вне возможностей изучения.

Непосредственный интерес к материи языка проявляется в фоносемантике, в которой осуществляются попытки семантизировать фонетический уровень (см.: [Воронин-2002; Журавлев-1981; Левицкий-1998]). Но, на наш взгляд, гипотеза, что за каждым звуком национального языка закреплены неосознаваемые значения, которые могут быть унифицированы, например, с помощью шкал Ч. Осгуда: легкий / тяжелый, быстрый / медленный и др., представляется сомнительной в силу целого спектра причин.

Во-первых, искусственной видится сама попытка создания априорных семантических шкал и размещения любой языковой единицы в данной системе координат. Во-вторых, фоносемантические значения не имеют универсального характера (разные информанты по-разному оценивают одни и те же звуки) и поэтому фоносемантические таблицы, полученные путем «усреднения» значений, так же отражают действительность, как и известная шутка о средней температуре по больнице. В-третьих, неизвестно, действуют ли фо-

носемантические законы на уровне звука всегда, то есть, всегда ли при произнесении того или иного слова на его основное (лексическое) значение «наслаивается» комплекс фоносемантических значений, передаваемых каждым входящим в это слово звуком. Но поскольку остается неизученным действие законов звуко-символизма на уровне звука, тем более можно поставить под сомнение всяческие проекции фоносемантики на уровни слова, предложения и текста. И, наконец, в-четвертых, между текстом и составляющими его звуками функционируют совсем еще не осмысленные лингвистами процессы межуровневого синтеза: звуки синтезируются в слово, слова – в предложения, предложения – в текст. И процессы синтеза нельзя рассматривать как простую сумму компонентов, входящих в образующуюся систему: так, например, слово «дом» не есть простая сумма [д] + [о] + [м]. Те же самые процессы «наращивания» новых качеств происходят на уровне предложения (предложение не равно сумме входящих в него слов) и текста, не равно сумме составляющих его предложений. Каждый из уровней обладает собственными законами бытия, между звуком и текстом покоится неизвестность, и поэтому попытка семантизировать языковую материю, предпринятая в фоносемантике, является смелой, но не адекватной природе объекта.

Еще одна область, тесно связанная с материальностью языка, – количественная лингвистика, в центре внимания которой стоят задачи количественного описания языка. Исчисление субстрата проводится в самых разных системах координат: исследуются размеры слога, слова, предложения, текста; частотность слов в разных словарях; частота употреблений частей речи в разных функциональных стилях, идиостильях и пр.; частотность отдельных языковых категорий в текстах и мн. др. (см.: [Арапов-1988; Квантитативная...-2005; Кэрролл-1972; Пиотровский-1977; Сухотин-1990; Hilberg-2002; Hrebicek-2002; Meyer-2002; Ziegler-2001 и др.]).

Но количественная лингвистика, несмотря на то, что работает и с физической стороной языка, не имеет целей изучения материальности языка и текста, поскольку основная «задача количественной лингвистики – придать

понятиям, связанным с количеством точный смысл» [Арапов-1998, с. 14]. Ориентируясь на методы точных наук (и номотетический подход), квантитативная лингвистика, как пишет Р. Meyer, направлена на то, чтобы «объяснить эмпирически найденные закономерности (например, закон Ципфа) путем выведения их из общих стохастических лингвистических «законов», которые считаются частью общей теории человеческого языка (перевод наш. – К.Б.)» [Meyer-2002, с. 62]. Собственно говоря, в задачи квантитативной лингвистики не входит изучение тех или иных предметов (сторон) языка и текста, она представляет собой исследовательскую программу, технологическую сторону лингвистического исследования, обеспечивающую получение достоверного знания, относящегося к той или иной стороне языка и текста (ср. с той же функцией экспериментальной лингвистики).

Единственная область современной лингвистики, в которой материальности языка *на уровне текста* уделено первостепенное значение, – теория формообразования текста. Сам позиционный анализ, как специальный базовый метод теории формообразования, на трех его уровнях работает непосредственно с материальным субстратом текста. И простое позиционирование языкового элемента, и исчисление формы текста связаны с физическим субстратом либо посредством порядка словоформы в тексте, либо через размер предложения и позиционные срезы (обладающие универсальной природой) (см.: [Белоусов-2002б,-2004а,-2005в; Корбут-1994,-2002,-2004,-2005а,б; Москальчук-1990,-1998,-2002аб,-2003]).

В нашей работе предпринята попытка многоаспектного изучения физической организации текста, при этом физическое пространство устного и письменного текстов будет соотноситься с семантическим пространством. В письменном тексте предметом изучения станет динамика размеров предложений, в устном – динамика силы звука в процессе сукцессивного развертывания текста.

Внесем уточнения относительно понимания материи языка. Ее мы обнаруживаем во всех сферах проявления языка – от акустического сигнала до

концептуального образования, поскольку идеальное должно быть совершенно свободно от всякого психофизиологического субстрата, то есть от всякого конкретного акта мышления. Категория материи является предельно широкой, обозначающей «бесконечное множество всех существующих в мире объектов и систем, субстрат любых свойств, связей, отношений и форм движения» [Философский...-1983, с. 354], поэтому для обозначения интересующей нас области действительности мы будем говорить о *физических параметрах языка*. Если же мы будем употреблять (или употребляли) термин материя (и его производные), то именно в этом узком его понимании – как физическую сторону языковой деятельности. В работе также используется термин *субстрат*, который понимается как «общая материальная основа явлений; совокупность относительно простых, качественно элементарных материальных образований, взаимодействие которых обуславливает свойства рассматриваемой системы или процесса» [Там же, с. 660]. Возникает вопрос: что считать языковым субстратом? Вопрос этот важен, поскольку именно субстрат, с одной стороны, и образует объект, а с другой, только он и способен участвовать в процессах самоорганизации объекта.

В ряде работ, выполненных в рамках позиционного анализа текста, под субстратом понимается целый ряд сторон, фиксируемых в объекте-тексте: элементы (единицы) языковой системы, например, части речи, грамматические единицы [Блазнова-2002, Ионова-2003]. А.Ю. Корбут говорит о *лингвистическом субстрате* (как синоним употребляется *языковой субстрат*), под которым полагаются «собственно языковые единицы и языковая система» [Корбут-2004, с. 32]. Такой подход объясняется тем, что «особенностью языкового субстрата является его изначальная социально значимая структура с не материальными, не природными свойствами. Объективная материальная природа языка есть в то же время рационально-абстрактная иерархическая система» [Там же, с. 33].

Совершенно соглашаясь с положением о социальной природе языка, заметим, что понятия языковой единицы и языковой системы отражают

только состав языковой модели, причем, не модели вообще, а знаково-уровневой модели. Заметим, что именно в этой модели материальная сторона (в нашем понимании материи) языка была предана забвению. Вследствие чего реальная речевая материя стала наделяться качествами ей не свойственными: «...звуковой облик слов представляется складывающимся из отдельных звуков так же, как на письме слова складываются из отдельных букв» [Зиндер-1981, с. 102]; «Если рассматривать дифференциальные признаки как лингвистические соответствия некоторым реалиям звуковой материи языка, то приходится признать их недостаточность для полной характеристики звуковой системы с точки зрения восприятия ее носителями языка» [Бондарко-1974, с. 147].

Можно согласиться с тем, что единицы языковой системы (знаково-уровневой модели) являются субстратом этой же модели, согласно определению А.Ф. Лосева: «Назовем все <...> разнообразные материалы, при помощи которых строится модель, субстратом модели» [Лосев-2004, с. 26-27]. Но, речь, конечно, идет об ином субстрате, поэтому субстрат модели мы не можем считать субстратом самого моделируемого объекта, то есть текста.

Существует и другое представление, что «субстратом, из которого строится все многообразие осмысленной и коммуникативно целесообразной речи, является конечное для каждого языка число звуков, интоном и мелодем» [Москальчук-2002б, с. 519]. Это понимание субстрата основывается на совершенно ином подходе – не от языковой системы, а от «первичного материала». Однако здесь, на наш взгляд, говорится не о субстрате как таковом, а об абстрактной его модели: понятия интономы и мелодемы представляют собой теоретический конструкт – обобщенный образ (схему) самых разных (бесконечных в пределе) фактов употреблений языка. То же самое относится и к представлению о конечном количестве звуков, которое является конечным только для идеализированного языка, из которого исключили всяческую материю. Действительно, если рассмотреть принятую в фонетике модель сегментного уровня «реальный звук – звукотип – фонема», где «фонема не

есть родовое понятие по отношению к звуку – видовому, а является термом некоторого иного уровня» [Николаева-2000, с. 43], то в анализируемом подходе под субстратом понимается третий член ряда (подобные же идеализации принимаются и на суперсегментном уровне).

И здесь мы можем полагать звуки (идеализированные), интонемы и мелодемы субстратом, но также субстратом своей – сегментной и суперсегментной систем. Можно ли на данном уровне изучать текстуальность – открытый вопрос. Совершенно ясно, что при изучении физической стороны текста, работая с собственно субстратными качествами (реальным звуком, просодией на звуковом уровне), нужно уметь их измерять, обобщать и пр. В таком случае интонемы и мелодемы становятся моделью определенных качеств субстрата, и весь вопрос состоит в том, насколько хорошо эти качества передаются (и передаются ли наиболее значимые качества). В нашем исследовании на уровне звучащего текста строятся иные измерительные модели субстрата, который понимается как *чистая физическая законченная речевая данность* (сфера, которая практически во всех лингвистических концепциях выносилась за пределы языка [Зубкова-1999]). («Звук сам по себе – пассивен, подобно воспринимающей форму материи. Но проникаясь чувством языка и превращаясь в артикуляционный звук, он объемлет в себе интеллектуальную и чувственную силу, и превращается сам как бы в самостоятельный и творческий принцип» [Шпет-2003, с. 28]. Ср. [Гумбольдт-1984, с. 227]).

В данной работе мы попытаемся доказать «не пассивный» характер текстовой материи, проявляющийся в ее имманентной структурированности. Действительно, полагать, что только идеализированный (не реальный!) звук входит в «круг» языка, составляя означающее знака, все-таки не логично. Реальный речевой звук имеет прямое отношение к языку, поскольку человек понимает сообщения, передаваемые посредством не любых звуков, а только звуков речи. В неупорядоченности, субстратности реального речевого звука должно быть нечто, позволяющее воспринимать его именно как звук языка. Именно поэтому, казалось бы, сугубо физическая, природная данность – ре-

альный речевой звук – есть уже социализованный феномен, общественное достояние. Само же структурирование (формообразование) звукового субстрата связано, в первую очередь, с тем мыслительным содержанием, которое «стоит» за ним. Материально-идеальное единство знака, текста, языка в целом свидетельствует о сопоставимости (но не тождественности) процессов формообразования, происходящих и в пространстве звука, и в пространстве смысла. В. фон Гумбольдт так характеризовал данный процесс: «...начиная со своего первого элемента, порождение языка – синтетический процесс. <...> Этот процесс завершается, только когда весь строй звуковой формы прочно и мгновенно сливается с внутренним формообразованием» [Гумбольдт-1984, с. 107]. (Ср. «Выше уже было говорено о соединении внутренней мысленной формы <...> со звуком, как о некоторого рода синтезе, в котором исчезает отдельное существо каждого из соединяемых элементов, и который возможен только благодаря истинно творческому акту духа» [Шпет-2003, с. 27]).

Признание синтезирующей связи между означающим и означаемым, их взаимообусловленности приводит и к утверждению иерархической структурированности звуковой формы слова: «...вопреки представлению о внутренней неупорядоченности и линейной дискретности, но не глобальности звучания в отличие от значения <...> звуковая сторона слова структурирована как единство прерывности и непрерывности и в соответствии с диалектикой формы представляет собой единство внутреннего и внешнего» [Зубкова-1999, с. 212]. И далее: «В совокупности многообразных отношений и межуровневых связей, в которых участвует слово, его звуковая форма, как и любая другая характеристика, оборачивается разными сторонами и разными свойствами, в свою очередь обнаруживающими определенную иерархическую соотнесенность» [Там же, с. 213]. Слово *в реальном тексте*, т.е. словоформа, являясь билатеральной единицей, вступает в многообразные «текстовые переключки <...> по линии смысла и по линии субстанции (звука)...» [Николаева-2000, с. 417]. Данный процесс приводит к корреляции между звуком и смыслом в пределах текста (точнее, звуковыми и смысловыми структура-

ми). При этом «не определяется смысл фоники как таковой, а ищется смысловой коррелят фонической комбинации, т.е. воссоздается языковой знак» [Там же, с. 418]. Развивая мысль, исследователь заключает, что «корреляция звук – смысл выявляется в тексте не только для уже существующих или реконструируемых лексем или лексических связей; но и для контактов, сближающих слово по звуковому или семантическому совпадению окказионально, только в рамках данного конкретного текста. Во многих текстах смысловое объединение происходит не только по корням (близким или отдаленным генетически), но и по звуку или комбинации звуков, не воплощенных в устойчивый билатеральный знак» [Там же, с. 431].

Таким образом, изучение корреляции семантической и звуковой сторон знака, признание возможностей существования в тексте окказиональных знаков, вновь подводит нас к проблеме взаимодействия звуковой и семантической структур целого текста, причем, на наш взгляд, несмотря на большую сложность объекта, путь исследования может быть менее труден. Метод, используемый в работе, позволяет фиксировать один из физических параметров текстового субстрата. Поскольку на уровне *звучащего текста* исследуется не модель субстрата, а сам *физический субстрат*, то наше определение субстрата, его сегментация принимает эвристический характер.

На уровне *письменного текста* ситуация кардинально меняется. Письменный текст представляет собой идеализацию устного текста: в нем преодолено (снято) такое базовое качество звучащей речи, как континуальность. Письменный текст есть последовательность дискретных единиц (букв) и пробелов между ними разной протяженности. Буквы и являются первичным субстратом письменного (и печатного) текста. Пробел свидетельствует об отсутствии субстрата, являясь важнейшим компонентом, обеспечивающим дискретность письменного текста. Кроме того, пробел выполняет еще одну важную роль – если буква как бы обращена к языку, то пробел – к его отсутствию, к чистой материи (бумага), указывая на условность (искусственность, рукотворность) письменного текста.

Протяженность пробелов имеет большое значение для письменного (в широком смысле) текста. В письменном (не печатном) тексте между буквами в слове пробелов вообще может не быть (буквы соединяются друг с другом). Заметим, что в печатном тексте размер пробелов между буквами меньше протяженности пробелов между словами. Отсутствие пробелов между буквами и существование иерархии пробелов позволяет говорить еще об одной субстратной единице письменного текста – графическом слове – совокупности букв, выделенных из фона пробелами. (Мы не будем подробно описывать особенности выделения графического слова во всех контекстах (начало / конец текста, начало / конец предложения, позиция перед знаком препинания в силу их очевидности)). Выясняя характер соположения пробелов, букв, слов и специальных графических знаков, можно выделить в итоге такие субстратные единицы: буква, слово, предложение, абзац, параграф, глава и др. Полагаем только первые три единицы списка обязательными, из которых будем в полной мере использовать слово и предложение.

Субстрат можно выделять не только в физическом пространстве текста, но и в его семантическом пространстве. Как мы уже говорили, форма текста как материального образования целенаправленно создается продуцентом. Будучи объективированной (существующей независимо от продуцента), форма лишена какого-либо содержания. Текст как материальный сигнал способен только служить источником возбуждения смыслов, а не передавать эти смыслы [Рубакин-1977; Сорокин-1977; Шпет-2003]. Но, поскольку форма создается целенаправленно, в ней существует своя (для данного субстрата и текста как целого) логика развития. Эта логика развития становится одним из ведущих факторов в процессе рецепции текста. Понимающее сознание «набрасывает» на форму свою понятийно-категориальную сеть и сканирует при помощи метода, которым владеет, форму текста. В результате образуются структуры-проекции формы, состоящие из компонентов, принадлежащих мнеме (в терминах Н.А. Рубакина) реципиента. Что это за компоненты? Это могут быть разносубстратные единицы сознания: понятия, представления,

ассоциации и др. Но эти компоненты и являются субстратом семантического пространства текста.

Пользователь языка понимает, что существуют звук, слово, буква, значение, смысл, ассоциация и пр., совершенно не догадываясь о существовании языковой системы, ее компонентов, категорий и др. Но для того, чтобы говорить и понимать другого, пользователю вполне хватает его элементарных знаний о языке. Эти элементарные знания и есть знания о субстрате и правилах его упорядочивания (формообразования). Знания состоят здесь не в том, что носитель может точно, непротиворечиво и исчерпывающе определить, что такое звук, слово и пр. (по-своему, конечно, он это сделает), а в гораздо более важном – умении распоряжаться самим субстратом – строить из него тексты. Если обратить внимание на характер деятельностной схемы выделения субстрата, то можно обнаружить, что мы пользовались только теми инструментами, которые даны каждому носителю языка. При усложнении схемы мы будем уже получать не первичный субстрат, а субстрат языковых моделей (языков-конструктов).

2.1.2. Динамика размеров предложения в позиционном аспекте

Размер (длина) предложения – один из значимых первичных текстовых параметров, в котором специфически преломляется много факторов: семантическая и синтаксическая сложность, установка на простоту / затрудненность восприятия, уровень владения языком и пр. В ряде исследований размер предложения соотносился с индивидуальными и функциональными стилями и с такими более частными аспектами, как особенности организации авторской речи и речи персонажей в художественном тексте [Вашак-1974; Головин-1970; Джурюк-2005; Кухаренко-1980; Лесскис-1963; Москальчук-1998; Пушкина-2002 и др.]. Предпринимались отдельные попытки проследить распределение размеров предложений в тексте [Касаткина-2005]. В работе О.Н. Касаткиной, в частности, изучалась динамика распределений среднего размера предложений в 7 позиционных интервалах на материале четы-

рех Евангелий. Исследование выявило особую композиционную значимость отдельных интервалов. Так, например, наблюдается значительный рост размеров предложений в зоне ГЦ, что свидетельствует, на наш взгляд, об усилении действия языковой континуальности (недискретности) [Там же, с. 13]. Между тем, изучение динамики размеров предложений в процессе непрерывного развертывания текста еще не проводилось. Сам же вопрос имеет первостепенную значимость, поскольку в динамике размеров предложения отражается ритм формообразования, а на семантическом уровне – ритм порционирования смыслов. Как пишет Г.Г. Москальчук: «Ощутимые воспринимающим текст субъектом различия и сходства в размерах отдельных порций смысла, их общее соотношение в линейной последовательности дискретных единиц, образующих целое, создает динамику формы» [Москальчук-1998, с. 94].

Размер предложения, соотносясь с размером текста, актуализирует категорию *меры* как единства качественных и количественных характеристик текстовой структуры. Несомненно, композиции сверхкратких, кратких, средних, длинных и сверхдлинных предложений в целом тексте передают и специфические особенности развертки семантического пространства текста, а сами типы предложений исполняют некоторые «семантические роли». Границы же размеров всех обозначенных типов предложений могут быть установлены статистически на основании определения среднего размера предложения ($x_{cp.}$) в тексте и среднеквадратичного отклонения. Таким образом, для каждого типа предложения существует определенный коридор значений, в рамках которого предложение *в тексте* сохраняет свою качественную определенность (оставаясь кратким, средним, длинным и т.д.). В то же самое время количественная граница полагает качественный переход – «предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества и наоборот» [Философский...-1983, с. 360].

Порционирование речевой материи, осуществляемое в рамках целого текста, заставляет обратиться и к таким категориям, как *дискретность* / *кон-*

тинуальность. Остановимся на проблеме взаимоотношения предложение / целый текст – дискретность / континуальность. Размер предложения и текста относится к эмпирической действительности. Дискретность и континуальность как фундаментальные свойства материи, не принадлежат эмпирии; в качестве категорий они включаются в состав теоретических схем. Уменьшение размера предложения в тексте (компонент эмпирической области) связано с усилением дискретности, дроблением речевой материи (компонент теоретической схемы). Аналогично, увеличение размера предложения соотносится с усилением континуальности, с непрерывностью речевой материи. Значит, ритм размеров предложений в тексте может быть осмыслен в терминах взаимодействия двух тенденций: дискретизации и континуализации текстовой материи. *Таким образом, размер предложения как физический параметр интересен тем, что он выступает средством дискретизации / континуализации текста, а динамика размеров предложения, воплощающая борьбу этих тенденций, отражает процесс формообразования текста.*

Так как форма текста понимается нами как способ организации и сама организация языкового субстрата в некоторое целое, являясь необходимой общностью для всех структур одного и того же текста (структура – проекция формы на предметную область текста (текстовое пространство)), поэтому рассмотрение размера предложения в аспекте формообразования актуализирует предельный теоретический контекст.

Нами предлагается метод изучения распределения размеров предложений в тексте, позволяющий исследовать единичные тексты и выборочные совокупности. *В основе метода лежит положение о необходимости рассмотрения размеров предложений только в составе целого текста.* Работы, в которых качественные параметры размеров предложений устанавливаются на основании иных факторов, например, короткие до 10 слов, средние до 30 слов и т.д. (см., например, [Джурюк-2005]), не могут выйти на уровень исследования текста. Так, например, средний размер предложения в прозе А.С. Пушкина будет считаться коротким в сопоставлении со средним размером

предложения в сочинениях Л.Н. Толстого и т.д. Говорить о коротких, средних и больших размерах предложения можно только относительно того целого, в котором эти предложения *содержатся*. В этом смысле априорные шкалы, структуры и стандарты при исследовании ритмов размеров предложений в тексте становятся ненадежными.

Алгоритм построения модели динамики размеров предложений в целых текстах. Исследование проводилось на материале «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева (82 текста).

1. В тексте a_i исследуемой выборки подсчитывается размер всех предложений, и значения размера фиксируются в порядке следования предложений, например, в тексте *Собака* динамика размеров предложений следующая:

$$7-5-8-6-6-13-20-11-8-2-9-9-8-15. \quad (1)$$

2. Полученная динамика размера предложений рассматривается относительно расположения границ предложения в тексте. Поясним мысль. Так, в нашем примере первое предложение состоит из 7 словоформ. Поскольку им начинается текст, постольку его граница находится непосредственно за 7 словоформой. Второе же предложение состоит из 5 словоформ. Так как первое предложение заканчивается на 7 словоформе, второе начинается на 8. Заканчиваться оно в таком случае будет на 12 словоформе включительно. Таким образом, динамика размеров предложений, представленная в пункте 1, примет вид динамики расположения границ этих предложений в тексте:

$$7-12-20-26-32-45-65-76-84-86-95-104-112-127 \quad (2)$$

(в тексте всего 127 слов и 14 (последнее) предложение заканчивается на 127 слове).

3. Высчитывается относительная протяженность предложения и его относительные границы в тексте. Для этого полученные в пункте 2 абсолютные значения расположения границ в тексте переводятся в относительные значения: каждый компонент цепи значений делится на максимальное значение, совпадающее с размером всего текста. Например, правая граница первого предложения будет равна $7 / 127 = 0,055$; правая граница второго $12 / 127 =$

0,094 и т.д. Таким образом, размер всего текста принимается равным 1. В результате значения цепи 2 примут следующий вид:

$$0,055-0,094-0,157-0,205-0,252-0,354-0,512-0,598-0,661-0,677-0,748-0,819-0,882-1,000. \quad (3)$$

4. Вычисляется относительный размер каждого предложения. Для этого все значения цепи 1 (абсолютные значения размеров предложений в словоформах) делятся на максимальное значение размера предложения для всей цепи. В рассматриваемом примере максимальный размер предложения равен 20 словоформам (7-е предложение). Относительный размер первого предложения тогда составит $7 / 20 = 0,35$. Тогда ритм относительных значений размеров предложений примет вид:

$$0,35-0,25-0,40-0,30-0,30-0,65-1,00-0,55-0,40-0,10-0,45-0,45-0,40-0,75. \quad (4)$$

5. Интегрируются соответствующие друг другу значения 3 и 4. Рассмотрим процесс интеграции. Так, например, относительный размер первого предложения 0,35. В то же время первое предложение размещено в тексте на интервале от 0 до 0,055 включительно. В таком случае каждой точке, располагающейся на интервале $(0; 0,055]$, приписывается значение 0,35. Второе предложение имеет относительный размер 0,25 и занимает интервал $(0,055; 0,094]$ – точка с координатой 0,055 входит в первое предложение, второе же начинается с точки, имеющей координату 0,056 (если шаг шкалы принять равным 0,001). Таким образом, каждой точке интервала $(0,055; 0,094]$ приписывается значение 0,25. Процедура выполняется для всех предложений текста. Шаг шкалы принимается равным 0,001, то есть весь отрезок $[0; 1]$ разбивается на 1000 точек (можно брать шаг шкалы крупнее (0,01 или даже 0,1), но от этого будет уменьшаться точность).

6. Интеграция, описанная в пункте 5, производится в отдельной таблице, в которой в первом столбце размещена позиционная шкала, состоящая из 1000 точек. Во второй столбец, в верхней ячейке которого отмечается название текста, заносятся относительные значения размеров предложений в соответствующие этим значениям ячейки.

7. Подобные процедуры производятся с каждым текстом анализируемой выборки. В результате получается таблица размером 82x1000 (82 текста и 1000 точек позиционной шкалы).

8. Отмечается динамика средних размеров предложения вдоль позиционной оси. Для этого суммируются значения относительных размеров предложения каждого текста по каждой координате, и вычисляется их среднее значение (см. таблица 5). Так, например, средний размер предложения в координате 0,1 равен 0,95 (относительный размер предложения текста *Деревня*) + 0,68 (относительный размер предложения текста *Разговор*) + ... = 0,61 (см. таблица 5).

Таблица 5. Фрагмент таблицы (82x1000), фиксирующей относительный размер предложения текстов И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» на позиционной оси [0; 1] с шагом 0,001

Локализация в тексте	Деревня	Разговор	Старуха	Собака	Соперник		Средний размер предложения всей выборки
0,001	0,48	0,11	0,14	0,35	1,00		0,46
0,002	0,48	0,11	0,14	0,35	1,00		0,46
0,003	0,48	0,11	0,14	0,35	1,00		0,46
0,004	0,48	0,11	0,14	0,35	1,00		0,46
0,005	0,48	0,11	0,14	0,35	1,00		0,46
<hr/>							
0,1	0,95	0,68	0,09	0,40	1,00		0,61
0,101	0,95	0,68	0,09	0,40	1,00		0,61
0,102	0,95	0,68	0,09	0,40	1,00		0,61
0,103	0,95	0,68	0,09	0,40	1,00		0,61
0,104	0,95	0,68	0,09	0,40	1,00		0,61
0,105	0,95	0,68	0,06	0,40	1,00		0,61
<hr/>							
0,5	0,86	1,00	1,00	1,00	0,41		0,69
0,501	0,86	0,05	1,00	1,00	0,41		0,69
0,502	0,86	0,05	1,00	1,00	0,41		0,69
0,503	0,86	0,05	1,00	1,00	0,41		0,69
0,504	0,86	0,05	1,00	1,00	0,41		0,69
0,505	0,86	0,05	1,00	1,00	0,41		0,69
<hr/>							
0,995	0,95	0,53	0,26	0,75	0,15		0,50
0,996	0,95	0,53	0,06	0,75	0,15		0,50
0,997	0,95	0,53	0,06	0,75	0,15		0,50
0,998	0,95	0,53	0,06	0,75	0,15		0,50
0,999	0,95	0,53	0,06	0,75	0,15		0,50
1	0,95	0,53	0,06	0,75	0,15		0,50

Примечание. Прерывистой линией отмечается разрыв в таблице 82x1000 по горизонтали (позиционная шкала) и вертикали (тексты выборки И.С. Тургенева).

Средний размер предложения всей выборки, представляет собой среднее значение относительных размеров предложений, поэтому его максимальное значение всегда будет меньше 1 (чтобы его значение было равно 1, нужно, чтобы самые большие предложения во всех текстах располагались в одном и том же месте на позиционной шкале). Поэтому мы привели данные среднего размера предложения всей выборки в соответствие с относительной шкалой, для чего среднее значение размера предложения в каждой точке делилось на максимальное значение среднего размера предложения всей выборки (зафиксированного на отрезке $[0,46; 0,462]$, он равен 0,71). В результате такой операции максимальное значение среднего размера предложения всей выборки на позиционной шкале составило 1 на отрезке $[0,46; 0,462]$. Результаты распределения относительной длины предложения (ритм размеров предложения) инвариантного текста И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» вдоль позиционной оси представлены на рисунке 8.

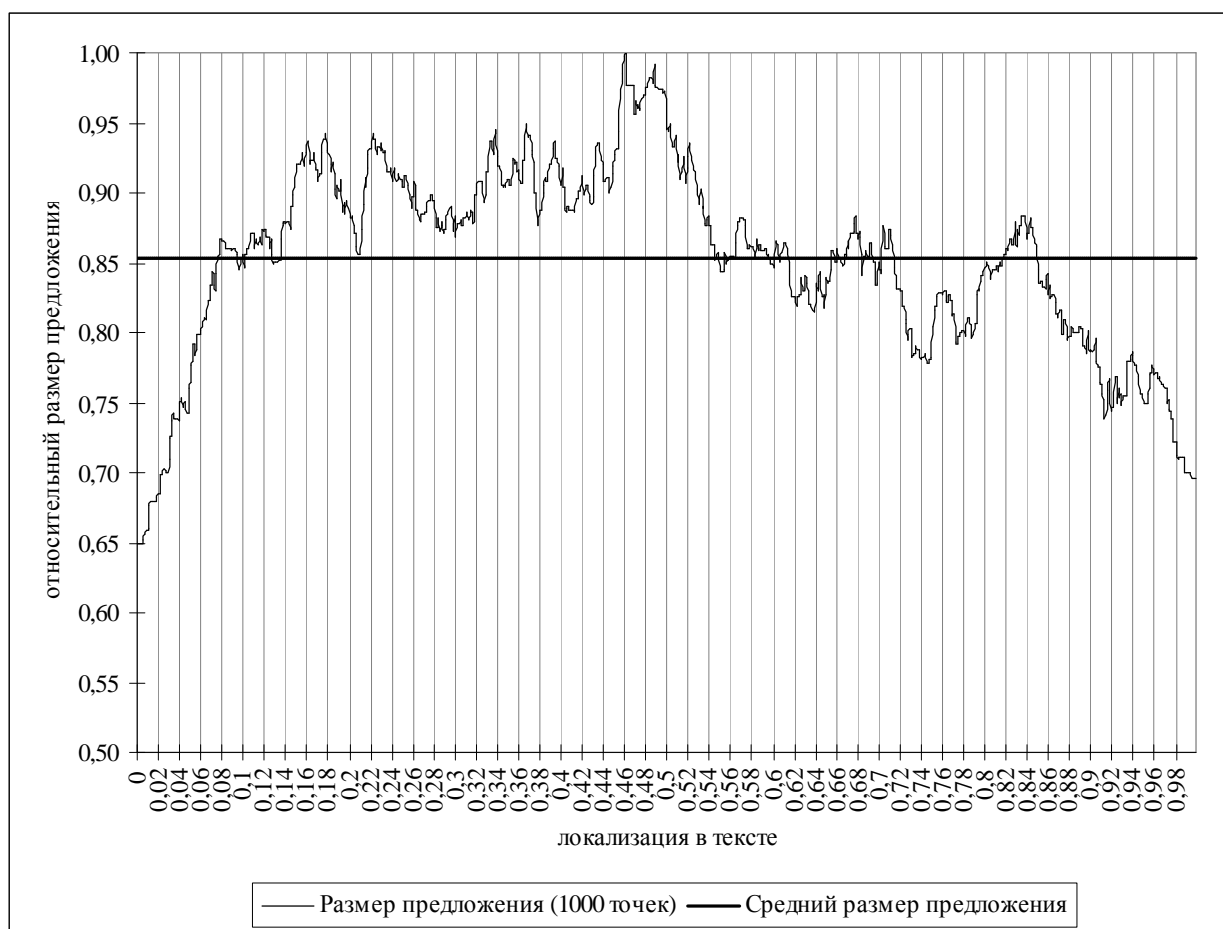

Рисунок 8. Распределение размеров предложений инвариантного текста «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева

На рисунке 8 видно, что распределение размеров предложений на позиционной шкале неоднородно, можно выделить области, характеризующиеся разным поведением размера предложения. На участке (0; 0,08) наблюдается резкий рост размера предложения, вплоть до величины средних значений, затем процесс относительно стабилизируется до координаты 0,13, но после прохождения этой координаты опять фиксируется рост размера предложения вплоть до пика в точке 0,16. Описываемый процесс происходит в интервале зачина (0; 0,146) с небольшой флуктуацией за его пределы. Интервал зачина – один из самых «неспокойных» в тексте, в нем текст только начинает входить в необходимый для себя режим, поэтому могут наблюдаться и резкий рост динамики процессов, и, наоборот, резкое падение их интенсивности. Относительная стабилизация «на средних значениях» – временный фактор, здесь интересно именно то, что система как бы нашла свой средний уровень значений и «примерила» его на себя, что проявилось в стабилизации размера предложения на участке (0,08; 0,13).

Рост размера предложения означает усиление действия континуальности, а уменьшение размера – дискретности текста. В этом контексте *средний размер предложения выражает идею гармонизации тенденций дискретности и континуальности*. Поэтому, на наш взгляд, стабилизация процессов чаще всего проходит «на средних значениях». Сразу же отметим, что области стабилизации размера предложения в анализируемом случае локализуются возле ГЦ (0,55; 0,62). В первом приближении весь участок (0,55; 0,71) можно считать относительно стабильным. По крайней мере, по сравнению с другими областями текста на этом участке отмечается самая «спокойная» динамика размеров предложения (без резких скачков, тенденций роста / падения). Именно поэтому объективно ГЦ можно считать в данном случае областью гармонизации 1) тенденций континуализации / дискретизации (в силу гармонизации «на средних значениях»), 2) ритма размеров, обретающего большую устойчивость (постоянность, одинаковость).

Максимальные размеры предложений фиксируются в области (0,46; 0,5). Здесь центр текста (0,5) имеет важную композиционную роль в силу проявленности в нем действия (доминирования) континуальности. Наибольшая хаотизация наблюдается на участке (0,32; 0,45) – в котором располагается первая абсолютно слабая позиция (АСП1) – 0,382. Как уже отмечалось, в АСП1 и АСП2 с большой вероятностью должно фиксироваться сильное падение/рост интенсивности протекания процесса между соседними позиционными точками, что и наблюдается в АСП1 в анализируемом случае. На участке (0,84; 1) отмечается «свертывание» процесса, приведение его в соответствии с начальными условиями (большая дискретность текстовой материи). Собственно говоря, свертка происходит в районе позиции АСП2 (0,854) с незначительным дрейфом влево от теоретически расчетной точки. В данном случае АСП2 выполняет во многом сходную функцию с зачином: различия состоят в направленности процессов. В позиции 0,21 (область ГЦн текста) наблюдается значение размера предложения, близкое к средним значениям, что соответствует описаниям этой позиции, приведенным в таблице 1. Максимальные значения длин предложений, находящиеся в интервале пред-ГЦ, также являются оптимальными, поскольку для этого интервала характерно сосредоточивать наиболее выраженные, значимые и сложные проявления сукцессивного развертывания текста.

Увеличение длины предложения свидетельствует и о нарастании проявления континуальности, и, одновременно, о более сложной структурной организации отдельных аспектов текста. Так, увеличение длины предложения – это усложнение его структуры на синтаксическом уровне. Но для художественного произведения континуальность означает большее, чем просто синтаксическая усложненность, – *континуальность является, по нашему мнению, средством имитации континуальности реального мира*. Действительность непрерывна, и для писателя (поэта) создание универсума художественного текста возможно, в первую очередь, при условии моделирования непрерывности. Только двигаясь по континууму, можно создать иллюзию

бесконечности ограниченного пространства. В таком контексте действия дискретности и континуальности имеют и свои художественные и коммуникативные функции.

Вхождение в художественную действительность начинается с максимальной дискретности материи текста, которая постепенно и целенаправленно преодолевается, на первый план выдвигается континуальность, которая достигает максимальных значений в интервале пред-ГЦ. Это наиболее оптимальная для восприятия область, в которой желательно располагать значимые элементы текста. И то обстоятельство, что в текстах И.С. Тургенева в этом интервале находятся предложения наиболее сложные со структурной точки зрения и наиболее значимые с точки зрения цельнооформляющей функции (континуальность и цельность с необходимостью взаимосвязаны), не является случайностью. В зоне конца наблюдается процесс усиления действия дискретности текстовой материи, что свидетельствует о подготовке воспринимающего сознания к выходу из художественной действительности.

В целом, в распределении, представленном на рисунке 8, по отношению к области средних значений, можно выделить следующие композиционные области:

- 1) (0; 0,13) – резкий рост значений размеров предложения и стабилизация «на средних значениях» («развертка» текста);
- 2) (0,13; 0,55) – тенденция превышения средних размеров предложения;
- 3) (0,55; 0,84) – тенденция уменьшения средних размеров предложения;
- 4) (0,84; 1) – резкое падение значений размеров предложения («свертка» текста).

Таким образом, инвариант позиционной структуры текста только частично оказался «перекрыт» позиционными областями инвариантного текста анализируемой выборки – это интервалы зачина и конца текста. Однако и позиции АСП1, ГЦн и ГЦ также имеют свои спецификации. На наш взгляд, проблема позиционной организации текста *в разных предметных плоскостях* только начинает осознаваться. Полученные результаты свидетельствуют в

пользу многофакторного подхода к решению проблемы, при котором нет и не может быть однозначных ответов. Вполне вероятно, что позиционная модель должна быть подвижна в том смысле, что отдельные распределения нуждаются во введении дополнительных (факультативных) позиционных срезов. Инвариант позиционной организации текста, полученный при изучении распределения повторов, может частично не соответствовать инварианту распределений других сторон бытия текста. Но это сейчас только область предположений. наших данных, конечно, не достаточно, чтобы обоснованно поддержать выдвинутую гипотезу.

Для сопоставительного анализа распределения длин предложений в тексте была взята выборка, составленная из школьных сочинений (58 сочинений учащихся 5, 6 и 10 классов). Эту выборку мы разбили на две равные части (по 29 сочинений). В первую часть вошли сочинения, написанные старшеклассниками; во вторую – младшими школьниками. В результате мы получили два распределения длин предложений на позиционной оси (шаг составил 0,01, то есть отрезок $[0; 1]$ состоял из 100 точек). Сделано это было для того, чтобы исключить вопросы, связанные с недостоверностью результатов. Действительно, исследуемая выборка имеет небольшой объем, а значит, при распространении имеющихся результатов на генеральную совокупность могли возникнуть обоснованные замечания, касающиеся достоверности самих результатов. Образованные же в результате разбиения выборки распределения можно подвергнуть корреляционному анализу. Если в ходе такого анализа обнаружится корреляционная положительная связь, значит эти две выборки можно считать принадлежащими одной большей выборке, с закономерностью распределения, выполняющегося и в той, и в другой выборках. В силу же случайного характера формирования выборок общим для них контекстом может считаться генеральная совокупность.

Таким образом, если из генеральной совокупности случайным образом составить две выборки (что и было нами сделано), которые имеют *единообразные распределения*, то эти распределения отражают не только сами себя,

но и закономерности распределения того или иного явления (в нашем случае длины предложения) *всей генеральной совокупности*. В исследуемом случае для распределения двух выборок коэффициент корреляции Пирсона, исчисляемый на основании 100 пар значений, составил 0,72, свидетельствующий о том, что результаты могут быть распространены на генеральную совокупность. Заметим, что наличие коэффициента корреляции для 100 пар значений с ничтожной вероятностью может быть случайным.

На рисунке 9 приведено распределение размеров предложений для общей выборки (58 текстов). Распределения двух выборок относительно друг друга представлено на рисунке 10.

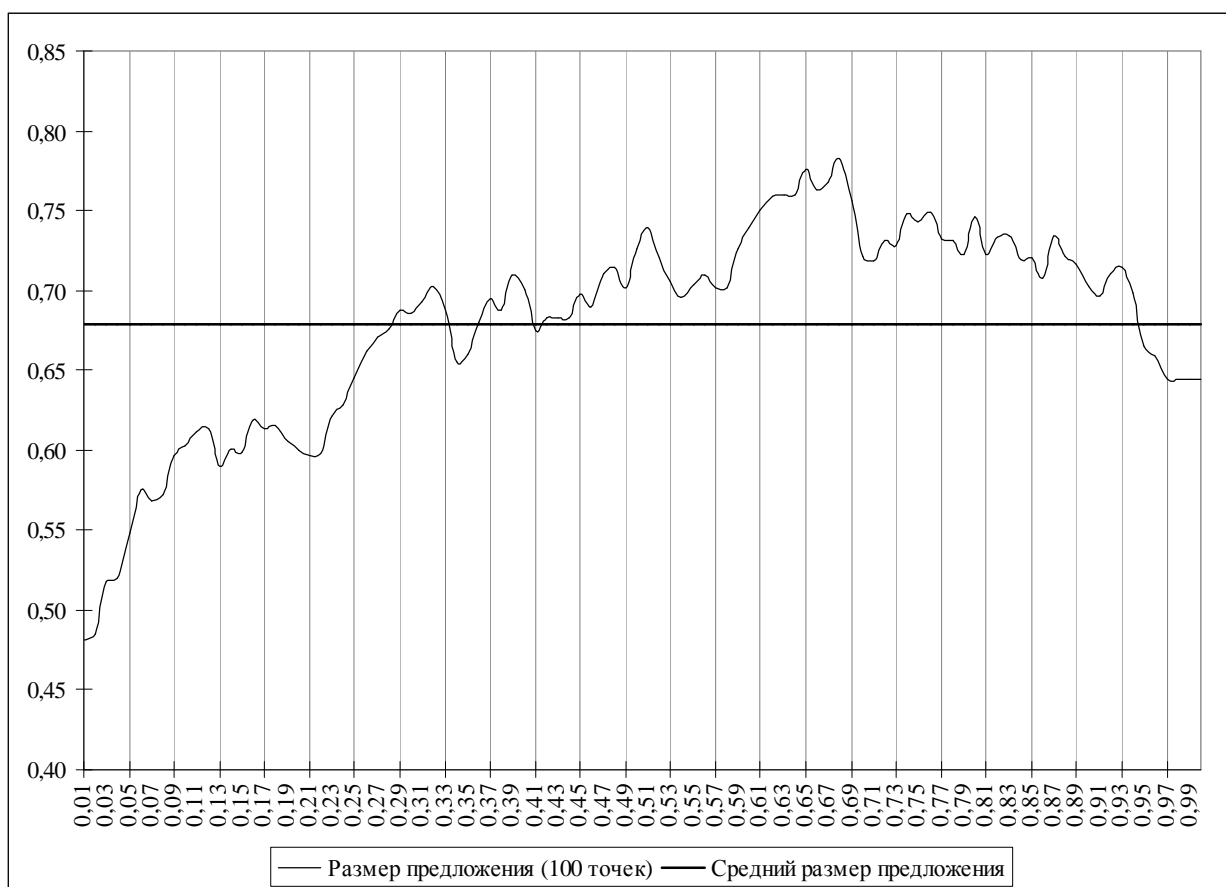

Рисунок 9. Распределение размеров предложений инвариантного текста школьных сочинений (общая выборка)

На рисунке 9 обращает на себя внимание еще большая, чем в текстах И.С. Тургенева, векторность (неслучайность, предзаданность) в распределении длин предложений. По сути, до области ГЦ идет рост размеров предложений с небольшими ослаблениями в отдельных позициях. После ГЦ наблю-

дается постепенное уменьшение размеров, однако разница между длинами предложений в начале и конце текста (граничные условия – ГУ) очень значительна. Мы говорили, что оптимальная организация текста предполагает обратную динамику, но не очень значительную (обратим внимание, что и в текстах И.С. Тургенева длина предложения в конце больше, чем в начале, но превышение менее значительно). Так же, как и в распределении длин предложений текстов И.С. Тургенева, выделяется область зачина (резкий рост длин предложения), затем наступает этап стабилизации – область ГЦн (сама позиция ГЦн – 0,236 расположена в состоянии устойчивого равновесия («потенциальная яма»), что является оптимальным для этой позиции). В ГЦ (с небольшими флуктуациями), напротив, отмечаются максимальные размеры предложения, что также является оптимальным для этой позиции.

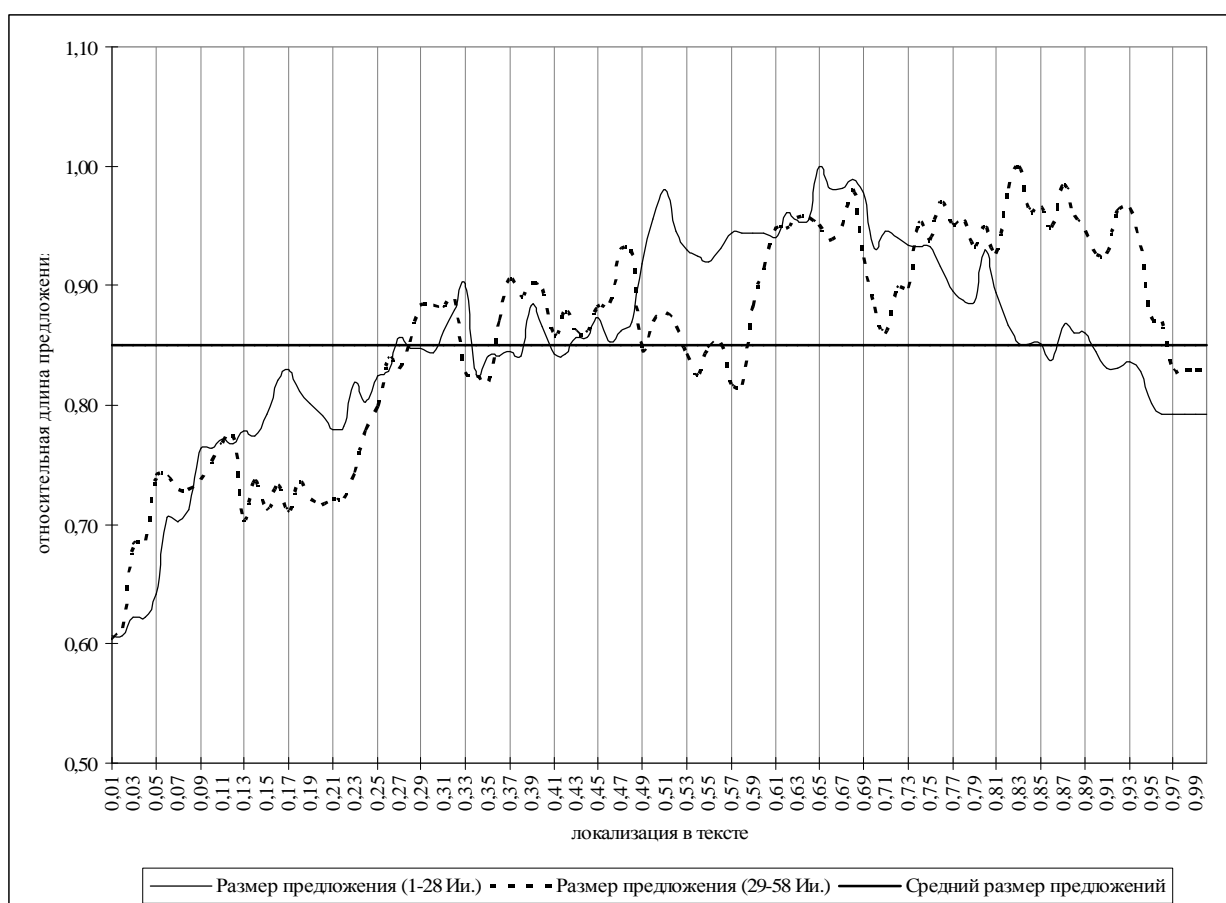

Рисунок 10. Распределение размеров предложений инвариантного текста школьных сочинений (две выборки)

Рисунки 9 и 10 доказательно иллюстрируют высказанные ранее положения о концестремительности учебных текстов [Белоусов-2002б; Солодян-

кина-2004] в силу проблемного характера самой учебной деятельности. Проблемная деятельность – это деятельность, в которой целенаправленно, поступательно нарастает сама сложность ее протекания. В аспекте текстопорождения проблемность учебной деятельности должна отражаться, в том числе, и в поступательном усложнении структурной организации предложения, что опосредованно (через размер предложения) и наблюдается на рисунках 9 и 10. Континуальность в данном случае связана не с виртуальным миром, разворачивающимся в сочинении школьника, а с проблемным характером учебной текстовой деятельности. Таким образом, формообразование школьного текста отражает характер протекания самой учебной речевой деятельности, а не того явления, которое мы ранее обозначили как деятельность в тексте (см. 1.2.3.).

Изучение распределения длин предложений может проводиться и с позиции анализа взаимосвязи между организацией физического пространства текста (что и отражает параметр размера предложения) и его семантической организацией. Для этого, например, можно сопоставить распределение размеров предложений конкретного текста с развертыванием его семантического пространства. Сложность здесь состоит в том, что анализировать придется каждый текст выборки. В случае же случайного отбора текстов результаты, полученные в ходе анализа, невозможно будет подвергнуть обобщению. Поэтому мы предпочитаем другой вариант решения проблемы. С помощью статистических методов из всей совокупности изученных текстов нами формируются (на основе статистических критериев) микровыборки, в которые входят тексты, имеющие близкие друг к другу параметры распределения длин предложений в тексте. Отобранные группы полагаются родственными (считается, что в них действуют одни и те же закономерности), и уже на этих группах изучается взаимосвязь распределения размеров предложения текста с его семантической организацией. Выделение групп родственных текстов основывается на статистическом методе, получившем название *метода факторного анализа*.

Факторный анализ – статистическая процедура, применяемая для выявления относительно небольшого количества глубинных конструкторов, которые можно использовать для представления отношений между многочисленными наблюдаемыми переменными [Митина-2001, с. 5]²⁰. Метод факторного анализа позволяет выделить из общего множества переменных разные их подмножества, коррелирующие между собой и независимые от других переменных (которые также могут образовывать подмножества). Предположим, в ходе исследования были получены какие-то данные, которые были представлены нами в табличной форме (например, в анализируемом случае данные измерения размеров предложения представлены в таблице 82x1000). Обычно таблицы имеют меньшие размеры, но рассматриваемый пример интересен своей крайностью. Самый первый вопрос, который возникает при взгляде на подобную таблицу: как ее упростить? Можно, конечно, усреднить значения и получить некое среднее распределение, что ранее мы и предприняли. Но в ряде случаев интересным представляется обобщение отраженных в таблице данных, которое отвечает на вопрос: стоят ли за этим, казалось бы, случайным разбросом данных (переменных) какие-то внутренние законы, не видимые поверхностному взгляду. Чтобы ответить на этот вопрос, и проводят факторизацию таблицы, в результате чего выделяются факторы, представляющие собой искомые законы (принципы) с виду хаотического распределения (разброса) данных.

Заметим, что в ходе факторизации таблицы производится не соотнесение единичных случайных значений с единичными случайными значениями, а сопоставление совокупности специально отобранных значений с подобными же совокупностями. Например, в анализируемом случае сопоставляются распределения размера предложений всех текстов друг с другом. Технически эта операция выглядит так: поскольку результаты распределений размеров предложений всех текстов отражены в одной таблице и за каждым текстом «закреплен» свой столбец, то сопоставляются друг с другом столбцы табли-

²⁰ См. также: [Гласс-1976; Кэрролл-1972; Лакин-1980; Осгуд-1972].

цы. Это значит, что исчисляется корреляционная связь (ее наличие или отсутствие) между столбцами (а значит, и текстами). Корреляционная связь выражает факт совместного согласованного изменения двух и более изучаемых переменных. Это значит, что распределение параметров одной переменной (например, 1000 значений размеров предложения одного текста) имеет общую динамику с распределением параметров другой переменной (также 1000 значений размеров предложения другого текста).

Таким образом, принцип, который лежит в основе образования подмножества коррелирующих между собой переменных из множества всех переменных, называется *фактором*. Переменные, не вошедшие в выделенный фактор, тем не менее, оцениваются с точки зрения соответствия данному фактору («взвешиваются по фактору»), получая незначимую факторную нагрузку. После того, как был выявлен первый (наиболее значимый) фактор, выделяется следующее подмножество коррелирующих между собой переменных – и процедура повторяется в полном объеме. Процедуру выделения новых факторов можно, на наш взгляд, прекратить тогда, когда образующее данный фактор подмножество переменных не имеет четкой выраженности («взвешивание» переменных всего множества по выделяемому фактору дает незначимые показатели).

Выделение двух переменных в один фактор означает наличие у них корреляционной связи, которая может быть положительной, или «прямой», и отрицательной, или «обратной». В случае обратной корреляции увеличение значений первой переменной сопровождается уменьшением значений второй переменной, и наоборот: уменьшение значений первой переменной влечет за собой увеличение значений второй переменной. «Прямая корреляционная связь» предполагает согласованное однонаправленное изменение переменных. В статистических расчетах направление корреляционной связи передается посредством положительного или отрицательного знака, стоящего перед найденным коэффициентом корреляции. Знак положительной корреляции – это «+», отрицательной – знак «-» (например, 0,2; -0,8 и т.п.).

Третьей характеристикой корреляционной связи между переменными, наряду с формой (линейная / нелинейная связь) и направлением (прямая / обратная связь), служит сила связи, указывающая, насколько ярко проявляется совместная изменчивость изучаемых переменных. Значение силы связи варьируется в пределах значений от нуля (связь не обнаружена) до единицы (совместная согласованная изменчивость во всех парах значений сравниваемых переменных). После проведения необходимых расчетов из всего массива полученных корреляций отбираются наиболее сильные (независимо от знака), имеющие значения по модулю от 0,7 до 1.

Итак, целью факторного анализа является экспликация на основе наблюдаемых переменных явно не наблюдаемых (латентных) факторов, которые, как предполагается, детерминируют поведение наблюдаемых переменных. Применение факторного анализа позволяет сократить число переменных и определить структуру взаимосвязей между переменными. В ходе применения метода факторного анализа возникает вопрос, каким образом интерпретировать полученные факторы. Этот этап работы целиком опирается на опыт исследователя и концептуальный аппарат существующих теорий.

Для выявления факторов (микрогрупп) внутри всей выборки распределения размера предложения текстов И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» была произведена факторизация таблицы 5. В результате проведенной процедуры выделилось два значимых фактора, каждый из которых имеет полюсную организацию (положительные и отрицательные значения). В один из полюсов первого фактора вошли тексты: *Довольный человек, Старик, Что я буду думать, Фраза, Простота, Браммин, Ты заплакал, Попался под колесо*. Динамика размеров предложений для данной группы текстов представлена на рисунке 11.

На рисунке 11 обращает на себя внимание рост размеров предложения к концу текста. На участке же (0; 0,38) распределение предложений не обнаруживает тенденций к увеличению, характеризуясь, скорее, стабильностью. Более того, на участке (0,25; 0,3) заметно усиление процессов дискретизации

субстрата. Данный участок имеет форму потенциальной ямы. После прохождения позиции 0,38 (а это первая абсолютно слабая позиция текста) и вступления в зону гармонического центра, располагающуюся между АСП1 (0,382) и АСП2 (0,854), инициируется рост размеров предложений. После прохождения точки 0,85 размеры предложений начинают уменьшаться. Таким образом, усиление континуальных тенденций происходит в зоне ГЦ, а дискретных – в зонах начала и конца текста. Выход на уровень средних размеров предложения происходит в окрестности 0,5 (середины текста).

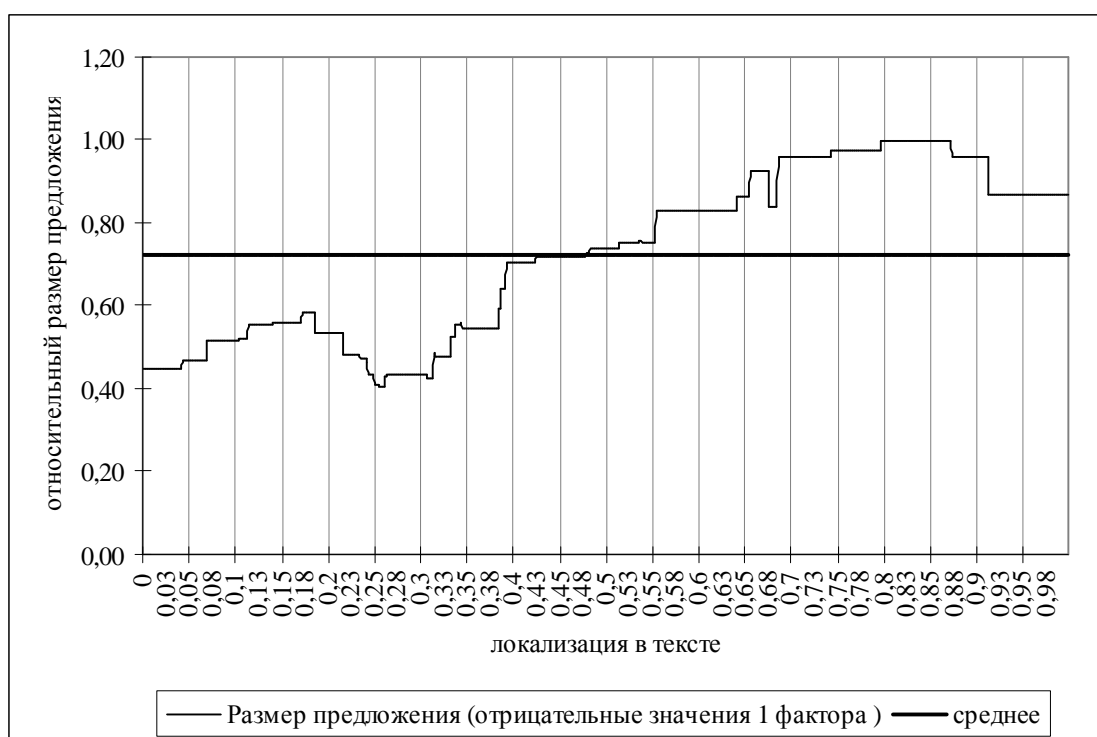

Рисунок 11. Распределение размеров предложения в текстах первого фактора (отрицательный полюс)

Рассмотрим, как соотносится с данными формальными показателями развертка семантического пространства текстов, составивших данный фактор. Конечно, невозможно ожидать какого бы то ни было однозначного соответствия между физической и семантической структурами. Кроме того, наша попытка сопоставления этих сторон текста является в то же самое время и поиском путей осуществления и описания предполагаемого *синтеза физического и семантического пространств, признание за материально-*

субстратным уровнем не только функции транспортировки, но и индуцирования новых значений.

В текстах, составивших данную группу, можно выделить общие семантические черты: в самом начале текста формулируется некоторая ситуация, требующая последующего пояснения, что выражается в вопросе о ее причине, следствии и пр. Иногда в качестве исходного выступает сам вопрос. Например, в *Довольном человеке* к описанию состояния персонажа «По улицам столицы мчится вприпрыжку молодой еще человек. <...> Он весь – довольство и радость» предполагается вопрос о причине радости. Такой вопрос, действительно, следует: «Что с ним случилось?». В *Старике* из заявленной ситуации: «Настали темные, тяжелые дни... Свои болезни, недуги людей милых, холод и мрак старости... <...> Под гору пошла дорога» – предполагается вопрос о следствии: «Что же делать?». В стихотворении *Попался под колесо* исходная ситуация сама представлена в виде вопроса: «Что значат эти стоны?». То же самое в стихотворении *Что я буду думать?»: «Что я буду думать тогда, когда мне придется умирать, если я только буду в состоянии тогда думать?»*

После сформулированного вопроса следует цепь риторических вопросов – возможных ответов на исходную ситуацию. В *Довольном человеке* – это ряд риторических вопросов, как бы говорящих о предполагаемых причинах «довольства» персонажа: «Досталось ли ему наследство? Повысили ли его чином? спешит ли он на любовное свидание?...». В *Старике* цепь риторических вопросов также присутствует, хотя она и короче. На вопрос «Что же делать?» следует «Скорбеть? Горевать?» В тексте *Что я буду думать?* на поставленный вопрос дан большой ряд возможных ответов: «Буду ли я думать о том, что плохо воспользовался жизнью, проспал ее, продремал, не сумел вкусить от ее плодов? <...> Буду ли я думать о том, что ожидает меня за гробом... да и ожидает ли меня там что-нибудь?» В стихотворении *Попался под колесо* за исходным вопросом также возникает ряд новых вопросов (но они в данном случае теряют риторическую окраску). Скопление вопросительных

предложений, как правило, имеющих небольшие размеры (на рисунке 11 им соответствует «потенциальная яма»), способствует росту дискретности текста. Но, что особенно интересно, нагнетание вопросов не приводит к ответу на исходный вопрос (недаром, концентрация вопросительных конструкций сосредоточена в области «потенциальной ямы»).

Выходом из создающейся ситуации становится парадоксальный ответ, не предполагающийся в рамках того проблемного поля, которое было уже почти сформированным. Так, например, причиной радости персонажа в *Довольном человеке* оказалась сочиненная им клевета, а в стихотворении *Что я буду думать?* – в качестве ответа следует фраза, резко контрастирующая с тем постепенным (градационным) нагнетанием трагических образов: «Нет... мне кажется, я буду стараться не думать – и насильственно займусь каким-нибудь вздором...» Парадоксальный финал следует в *Старике* (резкая смена эмоциональности «...и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все еще свежей зеленью и лаской и силой весны!») и в стихотворении *Попался под колесо*, в котором в качестве ответа следует резкое пессимистическое заключение. Парадоксальная развязка приходится на область пост-ГЦ, где расположены предложения наибольшего объема, а значит, и в наибольшей степени проявляется тенденция континуализации текста. Заметим, что в данной группе рост дискретности приводил к ряду возможных путей дальнейшего развития, из которых не было ни одного истинного; континуальный же сценарий предлагал свой парадоксальный путь, но принятый в данной художественной реальности.

Рассмотрим взаимосвязь динамики размеров предложения с разверткой семантического пространства текстов, составивших положительный полюс первого фактора, в который вошли стихотворения *Necessitas*, *Vis*, *Libertas*, *Два богача*, *Стой!*, *Мне жаль*, *К ****, *Гад*, *Дрозд II*, *«О моя молодость! О моя свежесть!»*, *Nessum maggior dolore* (динамика размеров предложения представлена на рисунке 12).

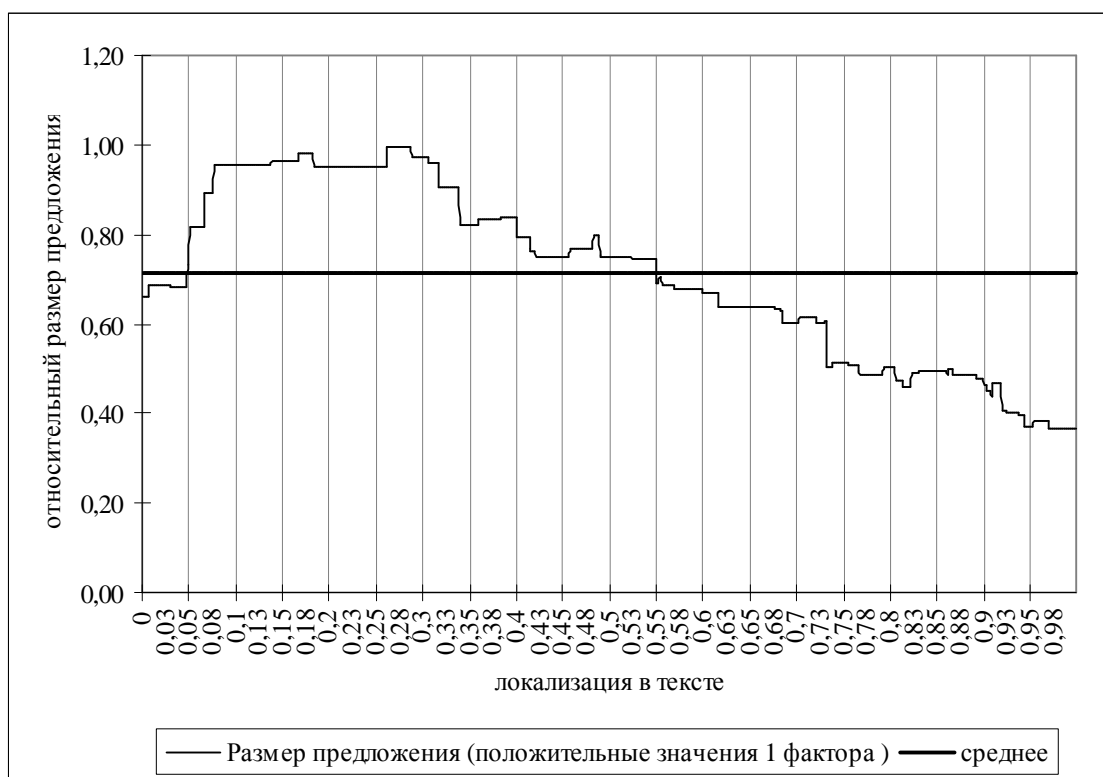

Рисунок 12. Распределение размеров предложения в текстах первого фактора (положительный полюс)

На рисунке 12 видно, что динамика размеров предложения в данной группе текстов имеет противоположную направленность по отношению к распределению рассмотренной ранее группы. Только в зоне начала текста наблюдается увеличение размеров предложения (с максимумом в области ГЦн (0,236), на данном участке отмечается стабилизация режимов развертки текста). После прохождения зоны начала (возле АСП1) начинается процесс постепенного уменьшения длин предложений с минимумом в области абсолютного конца текста. Пересечение же распределения размеров предложения с прямой средних размеров по той же выборке происходит, как и в предыдущем случае, в окрестности 0,5 (середины текста).

Прежде чем обратиться к организации семантического пространства текстов данной группы, нужно заметить, что поскольку анализируемая выборка входит в состав того же фактора, что и ранее исследованная группа текстов, принципы структурирования семантического пространства, рассмотренные со стороны увеличения / уменьшения размеров предложения должны оставаться одними и теми же. Возможна только полная перемена

функций между дискретностью и континуальностью. На наш взгляд, это и происходит. Если в рассмотренной ранее группе в кратких предложениях задавался ряд потенциальных сценариев развертки художественной реальности, из которых все оказывались ложными, а принятый сценарий реализовывался в длинных предложениях, то в рассматриваемом случае ситуация меняется на обратную. С помощью длинных предложений вводится ряд параллельных образов (длина предложений постепенно уменьшается, что отражается в установлении градационных отношений между параллельными образами), развязка же, как правило, тоже неожиданная, передается в кратких предложениях.

Принципы построения текстов данной группы, по преимуществу, следующие. В текст автором вводится ряд параллельных образов (выполняющих в каждом конкретном случае разные функции), а в заключении следует авторское замечание, характеризующее образы в целом. Данное замечание реализуется в сверхкратких (для данного текста) предложениях, несущих дополнительную экспрессивную окраску.

В стихотворении *Necessitas, Vis, Libertas* даются параллельные описания статичного объекта-аллегии, потом приводится наименование аллегии и в заключении следует авторская ремарка («Кому угодно – пусть переводит»). В *Двух богачах* также даются параллельные образы персонажей (Ротшильда и крестьянина), при этом второй образ противопоставлен первому. Развязкой выступает авторская оценка-восклицание: «Далеко Ротшильду до этого мужика!» Стихотворение *Мне жаль* тоже построено как ряд параллельных образов: «Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц... всего живущего. Мне жаль детей и стариков, несчастных и счастливых... <...> Мне жаль победоносных, торжествующих вождей, великих художников, мыслителей, поэтов...». Затем следует риторический вопрос: «Как мне освободиться от этой жалости?» и неожиданный переход к другому объекту описания (скуке), после чего появляется риторическое восклицание с синтезом двух объектов описания: «О скука, скука, вся растворенная жалостью! Ниже

спуститься человеку нельзя». Но в качестве развязки возникает риторическое восклицание с новым (имплицитным) объектом (зависть) и утверждением данного объекта, что является совершенно неожиданным: «Уж лучше бы я завидовал, право! Да я и завидую – камням». Таким образом, дискретность в данных текстах реализует истинную развязку (порой парадоксальную).

В стихотворении *О моя молодость! О моя свежесть!* возникает два параллельных противопоставленных друг другу образа (прошлого и настоящего) с неожиданной развязкой, резко смещающей планы повествования, в сверхкратком предложении: «Эх! лучше не думать! – уверяют мужики». То же в стихотворении *Nessum maggior dolore* (ср. со стихотворениями Стой!, Гад, Дрозд II, К ***), где в качестве неожиданной развязки, противопоставленной ряду параллельных образов «красоты жизни», следует: «Ложка скверного, бесполезного лекарства через каждые два часа – вот, вот что нужно».

Второй фактор (отрицательные значения) составили следующие тексты: *Собака, Воробей, Черепа, Пир у верховного существа, Мы еще повоюем!, Кубок, Любовь* (динамика размеров предложения представлена на рисунке 13).

Второй фактор (положительные значения) образовали стихотворения *Житейское правило, Маша, Памяти Ю.А. Вревской, Камень* (распределение размеров предложения см. рисунок 13). В отличие от распределений длин предложений в текстах, вошедших в первый фактор, где сверхкраткие и сверхдлинные предложения располагались в зонах начала и конца, в анализируемых текстах наблюдается иная динамика. Большой значимостью обладает зона гармонического центра, точнее, интервал пред-ГЦ, и зона начала, в которых происходит скопление сверхкратких и сверхдлинных для данных текстов предложений. В зоне конца отмечается выход ритма размеров предложений на уровень средних значений (гармонизация ритмов). Охарактеризуем в общих чертах семантическую организацию текстов данного фактора.

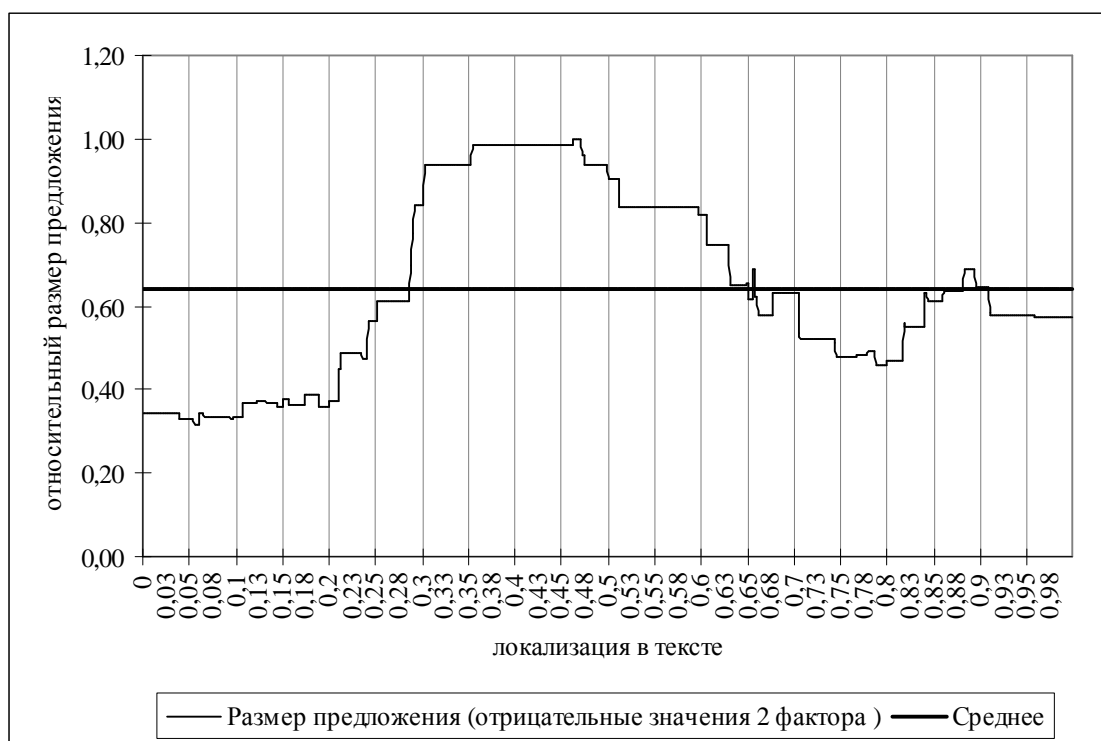

Рисунок 13. Распределение размеров предложения в текстах второго фактора (отрицательный полюс)

Тексты, составившие второй фактор (положительный и отрицательный полюса), имеют ряд общих черт и отличаются от рассмотренных ранее текстов. В данных текстах нет того поиска решения художественной проблемы, который бы предлагал варианты (сценарии), – то, что мы наблюдали в текстах первого фактора. Соответственно, нет и парадоксального варианта решения проблемы (зачастую в данных текстах вообще не предусматривается какого бы то ни было однозначного ответа, решения и пр.).

Основная коллизия заключается в перемене планов повествования – переходе от бытового уровня к онтологическому. Онтологический пласт как раз и реализуется в интервале пред-ГЦ посредством сверхдлинных (рисунок 13) или сверхкоротких (рисунок 14) предложений. Так, например, в *Собаке* (отрицательный полюс второго фактора) персонажи (Я и собака) из исходной бытовой ситуации переносятся на онтологический уровень, в котором происходит их отождествление («Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас светится тот же трепетный огонек»).

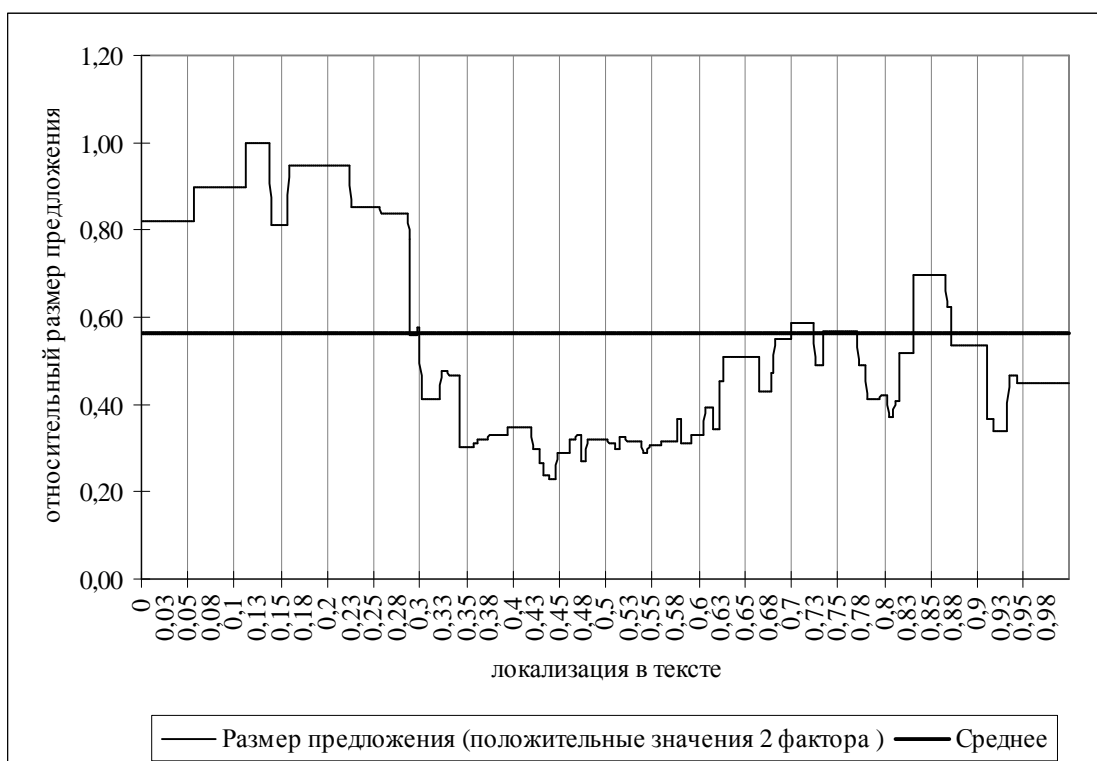

Рисунок 14. Распределение размеров предложения в текстах второго фактора (положительный полюс)

В развязке гармонизация онтологического и бытового уровней производится с помощью смены субъекта повествования: на место «Я» приходит отстраненный повествователь, который «переводит» Я в человека, а собаку – в животное: «Нет! это не животное и не человек меняются взглядами... Это пары одинаковых глаз устремлены друг на друга...». Личное мистическое ощущение единства мира, которое и передается сверхдлинными предложениями, разрешается в философском обобщении (фоновые предложения). Интересно, что действие континуальности связано с выходом на онтологический пласт бытия. В стихотворении *Череп* онтологический уровень становится доступен только повествователю, «увидевшему» истинный смысл происходящей обыденной ситуации (с которой и начинается повествование): «И вдруг – словно по манию волшебного жезла – со всех голов и со всех лиц слетела тонкая шелуха кожи – и мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарыбились синеватым оловом обнаженные десны и скулы. С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти десны и скулы – как поворачивались, лоснясь при свете ламп и свечей, эти шишковатые, костяные ша-

ры – и как вертелись в них другие, меньшие шары – шары обесмысленных глаз». В развязке происходит синтез онтологического и обыденного уровня с саркастической авторской модальностью.

Стихотворение *Воробей* также «начинается» с совершенно обыденной ситуации (прогулки рассказчика), в ходе которой возникает, на первый взгляд, ничем не примечательная коллизия. Однако эта коллизия выводится на онтологический уровень (здесь и начинает действовать континуальность): «Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой – и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой и раскрытой пасти. Он ринулся спасать, он заслонил свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!» Гармонизация ритма размеров предложения, возникающая к концу текста, передает авторскую оценку с торжествующей модальностью (ср. Мы еще повоюем!).

В текстах противоположного полюса второго фактора происходит похожий сценарий, передаваемый, на этот раз, сверхкраткими предложениями. В стихотворении *Памяти Ю.А. Вревской* описание начинается с бытовой сцены смерти героини, онтологический же пласт раскрывает сущность персонажа: «Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала....».

В стихотворении *Маша* причина происходящих событий также раскрывается в сверхкратких предложениях, локализующихся в интервале пред-ГЦ: «...Парень не тотчас отвечал мне. – Есть, барин, есть, – промолвил он наконец. – Да и такое, что лучше бы и не надо. Жена у меня померла...». В *Житейском правиле*, конечно (как и в *Маше*), нельзя говорить о переходе описания на онтологический уровень, на котором происходит осознание сути событий, сущности персонажа и пр. Но и в данном случае происходит осознание *истинных* причин событий (в *Маше*, например, это смерть жены извоз-

чика), а в анализируемом тексте – это разъяснения «старого пройдохи», почему своего противника лучше всего упрекать «в том самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете».

Таким образом, во втором факторе в сверхкратких и сверхдлинных предложениях реализуется выход на онтологический (в том числе и сниженный, просто причинный) уровень описания. На вопрос, в чем же тогда проявляется отличие между использованием сверхкратких и сверхдлинных предложений, можно ответить, что длинные предложения (даже несущие большую экспрессию, как, например, в *Воробье*) стремятся к логичности, рационалистичности (ср. с описанием сцены ужаса в *Черепах*, описанием торжества жизни в *Собаке*, *Мы еще повоюем!* и *Воробье*). Сверхкраткие предложения, напротив, вовсе не стремятся к рациональному логичному описанию (исключение – *Житейское правило*, где напротив, повествование становится подчеркнуто логичным).

Более подробный анализ, который можно проводить, рассматривая не обобщенные параметры распределений размеров предложений (как в нашем случае), а распределения длин предложений единичных конкретных текстов, конечно, позволит и более предметно сопоставлять семантическую организацию текста с ритмической. В случае же исследования группы текстов (особенно в ходе применения статистических методов) становится возможным выход на уровень описания взаимодействия физического и семантического пространств текста в виде первичных обобщений. Проведенный анализ свидетельствует о несомненной связи физического и семантического пространств, и более того, о структурности физического пространства текста.

2.1.3. Семиозис просодической организации текста

В предыдущем параграфе изучение взаимодействия физического и семантического пространств текста осуществлялось посредством соотнесения одной структуры (семантической) с другой (физической). В результате такой операции утверждалось, что 1) физическое пространство текста образует

структуру, в рамках которой может быть интерпретирована организация семантического пространства или наоборот, 2) семантические структуры разворачиваются под влиянием процессов, действующих в физическом пространстве. Выделенные на первом этапе изучения стороны текста (физическая и семантическая), затем синтезировались в некоторое целое. С этой (деятельностной) точки зрения полученное соотнесение в первом приближении очень напоминает *знаковую структуру*, в которой означаемому ставится в соответствие некоторое мыслительное содержание (означаемое). (Ср. с аналогичным описанием: «Таким образом, не определяется смысл фонемы как таковой, а ищется смысловой коррелят фонемической комбинации, т.е. воссоздается языковой знак» [Николаева-2000, с. 418]). Здесь для нас важно не то, как точно понимать означаемое (кустический образ? материальный субстрат? или же идеализированный субстрат?) и означаемое (еще более широкий спектр теоретических конструктов), а то, что здесь *выполняется характерное для знаковой природы соотнесение материального (в какой-то его форме) субстрата и мыслительного (в какой-то его части) содержания*. Поэтому операция сопоставления структур физического и семантического пространств может быть с позиций знаковой языковой модели названа *семантизацией субстратно-материальной организации текста*.

В то же время исследование взаимосвязи физической и семантической составляющих может проводиться и в рамках других исследовательских программ. Так, обращение к семиотическим моделям, встроенным в другие теоретические контексты, оказывается очень продуктивным. Одной из возможных исследовательских программ, синтезирующих теоретико-методологические построения разных языковых моделей, является разработанный нами *семантико-просодический анализ текста*. Цель такого анализа – изучение влияния формы (в нашем понимании) текста на процесс его интерпретации. Гипотеза состоит в том, что структура просодического пространства текста задает обобщенные принципы структурирования семантического пространства того же текста в процессе речевой коммуникации. Са-

ма просодическая структура описывается (интерпретируется) с помощью этих обобщенных семантических принципов. Здесь необходимо сделать некоторые пояснения, касающиеся положений и допущений, на которых основывается само исследование.

Исследование просодической организации текста в нашей работе основано на авторских методиках анализа. Несмотря на, казалось бы, довольно большую историю, экспериментальная фонетика так и не вышла на уровень изучения акустической организации целого текста. Отдельные замечания о суперсегментном уровне [Васильева-1990,-1992; Иванова-Лукьянова-1989,-2000; Жинкин-1998; Зимняя-2001; Кантер-1988; Николаева-2000; Пыж-1981; Черемисина-1981; Черемисина-Ениколопова-1999 и др.] все же не позволяют судить о том, по каким принципам организуется просодическое пространство текста, как оно связано со смыслообразованием и эмоциональностью речевой деятельности.

Вряд ли кто будет оспаривать то утверждение, что эти стороны текста (в данном случае в процессах порождения / восприятия) взаимодействуют, влияют друг на друга. Однако аргументация носит характер дедуктивных умозаключений, не подтвержденных опытом. Поэтому рассуждения о взаимодействии просодики с эмоциональностью и семантикой до сих пор имеют статус гипотез. Особенно нужно отметить, что нас интересует не связь отдельных компонентов разных текстовых пространств друг с другом, а их взаимодействие в рамках целого (текста). Пока в этой области отсутствуют правдоподобные операциональные модели, поскольку не существует метода, способного работать с той высокой сложностью этих разных сторон текста в целях последующего синтеза результатов многопредметного описания.

Говоря о возможном методе, нужно сразу сказать, что он может быть только количественным. Качественные модели обладают гораздо меньшей доказательной базой и возможностями. Но самое главное, *в рамках качественных моделей представляется невозможным осуществить многопред-*

*метное описание текста*²¹. По этой причине концепции просодической организации текста, направленные на создание качественных моделей, нами не рассматриваются. Вектор исследования изначально был ориентирован на создание метода численного моделирования просодической организации текста.

Просодическая организация текста может быть представлена как сложная многофакторная система. В целом, существует единство мнений насчет того, какие характеристики акустической волны включать в систему параметров, описывающих суперсегментный уровень. Интонация рассматривается «как сложный комплекс или структура взаимообусловленных и взаимодействующих характеристик организации звуковой волны, а именно: направления и скорости изменения F_0 (то есть мелодики), интенсивности звучания, темпо-ритмической группировки и сегментно-слоговой длительности» [Зимняя-2001, с. 286]. При этом спектральная (соответственно, тембральная) характеристика «не включена в этот комплекс, так как спектр, будучи основной образующей сегментного уровня, выполняет функцию звукообразования и произвольно для других целей не регулируется. Следовательно, он не может отражать коммуникативное намерение говорящего» [Там же, с. 286-287].

Системный характер интонации, отмечаемый исследователями звучащей речи, отличен от системности, о которой обычно говорят лингвисты, имеющие в виду языковую систему. Лингвист имеет дело с системами или системами систем, строящимися на основе дифференциальных признаков. В таких системах все элементы зависимы друг от друга (обычно говорится о значимости в лингвистической интерпретации данной категории) и образуют закрытые системы. Системность интонации иного рода. Основные компонен-

²¹ В полной мере недостаточность качественного описания ощущается в практике анализа художественного текста. Так, например, оригинальная концепция, предложенная Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным, с ее отказом от уровневой модели (с помощью введения понятия пространства текста) остается анализом в точном смысле этого слова (от греч. *analysis* – разложение, расчленение). В конечном счете, в интерпретации авторов анализ текста сводится к описанию отдельных пространств, следующих друг за другом в виде списка [Бабенко, Казарин-2004].

ты интонации: сила звука, высота основного тона и длительность звучания – не образуют системы в вышеописанном плане. Так, не может существовать фонетического отрезка, не имеющего темпоральных, динамических и частотных параметров, а усиление одного из параметров не означает ослабления других, напротив, как правило, увеличение силы звучания сопровождается повышением частоты основного тона и увеличением длительности звучания [Кантер-1988; Потапова-1990]. В силу различной природы темпоральных, динамических и частотных параметров их следует рассматривать не как простую систему (обычно закрытого типа), а как функциональную систему, вкладывая в это понятие тот смысл, который был сформулирован П.К. Анохиным и развит его школой [Анохин-1978,-1999; Судаков-1984; Теория функциональных...-1978; Федоров-2000; Швырков-1978].

Сказанное о функциональной системности интонации позволяет утверждать, что, изучая «поведение» того или иного параметра интонации, мы затем можем эксплицировать результаты своего наблюдения и на другие составляющие того же явления, то есть говорить об интонации в целом. Это находит подтверждение и в экспериментальных исследованиях. А.А. Потапова, исследуя параметры элементов, попавших в «низкую» зону частоты основного тона, отмечает, что для этого случая «с параметром ЧОТ (частоты основного тона. – К.Б.) коррелируют параметры интенсивности и длительности: от 60 % до 80 % <...> элементов употреблено с низкой и средней степенью интенсивности» [Потапова-1990, с. 204]. Та же корреляция частотных, динамических и темпоральных характеристик наблюдается и на материале элементов, имеющих высотные показатели частоты основного тона [Там же, с. 205].

Экспериментальное исследование взаимосвязи материальной и идеальной составляющих текста проводилось нами с помощью аппаратных методов (применения компьютерной техники и специализированных компьютерных программ Cool Edit Pro и Statistica) в аспекте распределения в тексте значимой информации. Отметим, что везде, где мы говорим о распределении

в тексте каких бы то ни было смысловых, эмоциональных, интонационных единиц, текст рассматривается в процессе речевой коммуникации.

Гипотеза, проверяемая в эксперименте, состоит в предположении структурированности физического (просодического) пространства текста на уровне реального (не идеализированного!) звука и соотнесенности физической и семантической организации текста.

Цель эксперимента: выявить структурную организацию просодического пространства текста и установить ее способы связи с семантикой текста.

Экспериментальные задания. Каждому информанту на карточке предъявлялся текст с заданиями: 1) ознакомиться с текстом, 2) выразительно прочитать текст.

Условия эксперимента. Процесс чтения записывался при помощи компьютера. При записи использовались жестко соединенные наушники с микрофоном, что позволило устранить возможную зависимость силы звука (громкости) от расстояния до звукозаписывающего устройства. Работа с каждым информантом осуществлялась индивидуально. Время проведения эксперимента не ограничивается.

В эксперименте приняло участие 73 студента и аспиранта-филолога (по 8 – 10 испытуемых на каждый текст).

Поскольку информантам предлагалось выразительно прочитать текст, в процессе чтения акцентировалась наиболее значимая информация, то есть создавалась определенная интерпретация данного текста. На уровне звучащей речи интерпретационные акценты (семантические, эмоциональные) передаются усилением силы звука (громкости), повышением основного тона и увеличением длительности звучания. Анализу подвергался только первый параметр в силу системного характера речевой интонации (взаимозависимости трех указанных параметров).

После проведенной записи чтения параметры речи анализировались с помощью специализированных программ Cool Edit Pro и Excel по следующей схеме: 1) визуально представленная с помощью программы Cool Edit Pro аку-

стическая волна (см. рисунок 14) сегментировалась на участки, совпадающие по размеру с протяженностью ударных слогов записанных словоформ; 2) в каждом сегменте выделялись точки максимальной силы звука (максимальной амплитуды) ударных слогов слова, и значения этих максимумов интенсивности акустической волны заносились в таблицу в программе Excel. По этой схеме обрабатывалась каждая реакция (все варианты прочитанного текста), результатом чего являлась сводная таблица, где каждый из вариантов был представлен в виде динамического контура текста (см. таблица 6)²².

С позиции деятельностного подхода предложенная методика интересна тем, что в качестве непосредственно данного материала осуществляется анализ некоторого *звукового (волнового) континуума* (см. рисунок 14). Если обратиться к рисунку 14, можно заметить, что каких бы то ни было четких границ между отдельными, условно (зрительно) выделяемыми сегментами, не существует. Поэтому сегментирование непрерывной звуковой волны осуществляется *произвольно*.

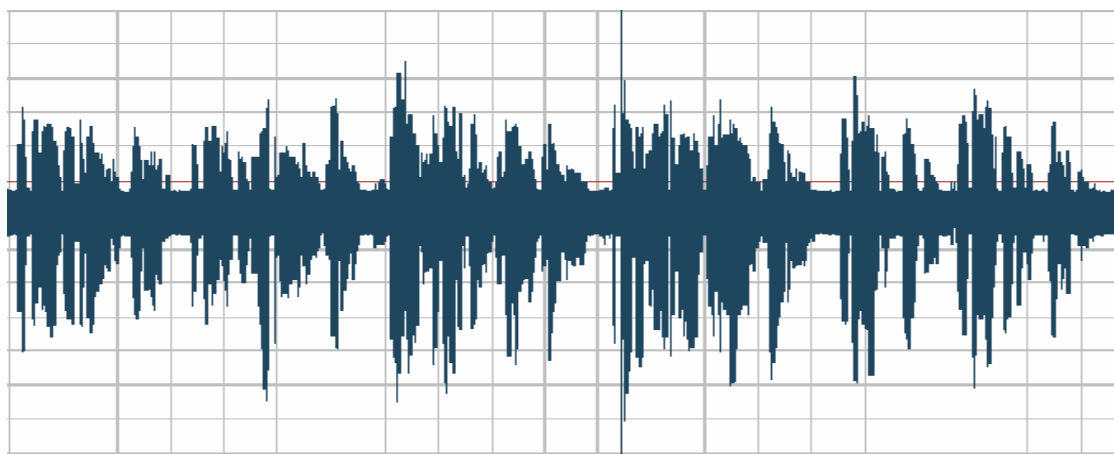

Рисунок 14. Фрагмент записи чтения текста одним из испытуемых

Для этого участок текста, где предположительно находится ударный слог, выделяется и масштабируется (значительно увеличивается). Затем производится прослушивание данного участка и на слух более точно определя-

²² Мы условно опускаем этап, предшествующий получению описываемого рисунка, – записи прочтения текста. Непосредственно дан, конечно, не графический объект, а звуковой. Но собственно исследование и начинается с перевода звукового (временного) объекта в графический (пространственный). Здесь соблюдается тот же самый исследовательский закон: анализ целого может осуществляться только с пространственно представленными объектами.

ются первоначальные границы. В пределах этих границ располагается максимальное значение силы звука, на границах же сегмента амплитуда гораздо меньше. После проведенного сегментирования запрашивается одна из функций программы Cool Edit Pro – обнаружение максимального значения амплитуды выделенного сегмента. Вероятность ошибки, то есть того, что в итоговую таблицу будет занесено другое значение, отсутствует.

Поскольку обработка данных слишком трудоемка (чтобы вывести среднее распределение для десяти вариантов прочтения одного и того же текста в 15 слов, необходимо произвести около 10 000 операций вручную), поэтому мы ограничились в исследованиях текстами, объемом не превышающими 50 слов. В записи акустики каждого текста принимали участие по 10-15 человек (студенты-филологи 2-3 курсов БПГУ). О достаточности такого количества информантов говорит следующее. При разбиении выборки на две части результаты значительно не различаются (коэффициент корреляции достаточно высок).

Представим результаты исследования просодической организации текста В.П. Катаева *Лето...* и М.М. Пришвина *Я стою и расту...* (результаты исследования просодической организации других текстов приведены в приложении 1).

Лето умирает. Осень умирает. Зима – сама смерть. А весна постоянна. Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи, только меняет свои формы.

В.П. Катаев

В качестве информантов выступили 10 студентов-филологов 2 курса. При описании результатов мы опускаем этапы сегментации акустической волны, а приводим уже итоговые табличные данные. Кроме того, максимумы амплитуды, выраженные в абсолютных значениях, для возможности сопоставления вариантов прочтения переведены в относительные значения. Результаты относительных значений силы звука (амплитуды) для всех вариантов прочтения данного текста представлены в таблице 6.

Таблица 6. Относительные значения показателей интенсивности (силы) звука в процессе чтения информантами текста *Лето*

Словоформа /Ии.	С.О.	Д.Л.	Д.Н.	Ф.Н.	Б.Н.	К.Д.	Б.К.	С.Л.	И.К.	У.Т.
Лето	0,81	1,00	1,00	0,95	0,79	0,95	0,58	0,75	0,6	0,8
умирает.	0,71	0,68	0,68	0,64	0,65	1,00	0,66	0,77	0,71	0,85
Осень	0,97	0,72	0,82	0,89	0,75	0,87	1,00	0,81	0,9	1,00
умирает.	0,64	0,62	0,55	0,65	0,79	0,77	0,63	0,52	0,58	0,82
Зима	0,75	0,76	0,61	0,72	0,56	0,86	0,66	0,66	0,64	0,9
сама	0,76	0,64	0,65	0,80	0,65	0,68	0,54	0,5	0,76	0,36
смерть.	0,61	0,60	0,61	0,67	0,49	0,58	0,71	0,55	0,63	0,56
А	1,00	0,70	0,55	0,63	0,52	0,37	0,39	0,77	0,67	0,67
весна	0,80	0,69	0,83	0,75	0,91	0,70	0,50	0,58	0,51	0,89
постоянна.	0,60	0,60	0,69	0,72	0,75	0,52	0,60	0,8	0,43	0,45
Она	0,81	0,99	0,88	1,00	1,00	0,61	0,64	0,67	0,88	0,63
живет	0,59	0,81	0,89	0,62	0,92	0,55	0,97	0,55	1,00	0,72
бесконечно	0,73	0,81	0,69	0,68	0,86	0,68	0,77	0,44	0,55	0,84
в недрах	1,00	0,77	0,89	0,72	0,76	0,66	0,81	0,72	0,74	0,56
вечно	0,63	0,72	0,77	0,55	0,72	0,63	0,48	0,56	0,68	0,48
изменяющейся	0,76	0,77	0,75	0,78	0,71	0,53	0,71	0,68	0,74	0,92
материи,	0,66	0,68	0,71	0,53	0,56	0,52	0,42	0,49	0,71	0,68
только	0,85	0,74	0,78	0,86	0,84	0,98	0,90	0,81	0,46	0,61
меняет	0,83	0,72	0,73	0,89	0,80	0,57	0,70	0,68	0,62	0,56
свои	0,69	0,56	0,81	0,57	0,71	0,51	0,51	0,71	0,55	0,51
формы	0,49	0,67	0,57	0,54	0,72	0,57	0,39	0,56	0,35	0,45

Примечание. В столбцах представлены относительные значения силы звука для каждого из вариантов прочтения текста информантами; в строках – значения силы звука для каждой лексемы текста *Лето*, то есть на пересечении тех или иных строки и столбца наблюдается относительное значение силы звука конкретной лексемы при ее произнесении в процессе чтения конкретным информантом.

После составления таблицы, следующим этапом работы становится ее факторизация. В нашем случае в таблице 6 приводятся данные, полученные при изучении просодической организации текста, на материале коррелирующих друг с другом вариантов его прочтения 10 информантами. Отметим, что большее количество информантов позволяет выделить большее количество факторов, которые отражают разные когнитивные стратегии прочтения тек-

ста, выделения (интонационной акцентуации) значимой и незначимой информации в нем. Тот или иной тип прочтения текста можно рассматривать как определенную его интерпретацию и подходить к ней с позиций семантического анализа – выделения семантических полей, установления ядерных, переходных и периферийных участков поля; установления связей между полями и др. Большой же объем анализируемого текста также расширяет возможности факторного анализа, поскольку в выделяемые факторы «зачисляется» большее количество слов, что позволяет создавать более обоснованные интерпретации. Но в силу того, что описанная процедура просодического анализа крайне трудоемка, мы ограничиваемся анализом небольших текстов.

Подвергнем данные, представленные в таблице 6, факторному анализу «по столбцам» (вариантам прочтения). С помощью применения специализированной статистической программы Statistica было выделено три значимых фактора. Результаты представлены в таблице 7. Из таблицы 7 видно, что десять вариантов прочтения одного и того же текста сгруппировались в три фактора, первый из которых составляют шесть вариантов *С.О.*, *Д.Л.*, *Д.Н.*, *Ф.Н.*, *Б.Н.*, *Б.К.* (близок к включению в первый фактор вариант *К.Д.*). Второй и третий фактор представлены по одному варианту прочтения.

Таблица 7. Факторные структуры вариантов прочтения текста *Лето...*

Ии. / Факторы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
С.О.	0,61	-0,47	-0,15
Д.Л.	0,75	0,34	-0,09
Д.Н.	0,74	0,36	-0,25
Ф.Н.	0,80	-0,09	-0,29
Б.Н.	0,60	0,57	-0,22
Б.К.	0,66	-0,02	0,37
К.Д.	0,52	-0,35	0,21
С.Л.	0,46	-0,64	-0,40
И.К.	0,45	0,25	0,46
У.Т.	0,49	-0,23	0,63

Примечание. В таблице выделены значимые проявления факторов

Данные факторного анализа позволяют определить варианты *С.О.*, *Д.Л.*, *Д.Н.*, *Ф.Н.*, *Б.Н.*, *Б.К.* как структурно изоморфные и составляющие одно множество. Отнесение вариантов в одну группу проводится по тем же принципам, которым мы следовали прежде при отнесении текстов, имеющих сходную динамику в распределении размеров предложений, из «Стихотворений в прозе» в одну группу. В данном случае отнесение двух вариантов прочтения текста в один фактор означает, что параметры силы звука на протяжении чтения всего текста этими информантами имели большую степень близости, то есть просодические контуры похожи друг на друга.

Проведенная статистическая процедура направлена на выделение из всего количества интерпретаций нескольких наиболее значимых групп, каждая из которых состоит из изоморфных (в пределах группы) интерпретаций. Тем самым, с одной стороны, определяются доминантные интерпретационные стратегии, относительно которых функционируют случайные, индивидуальные и пр. (то есть появляется возможность управления «бесконечностью» интерпретаций текста). Возможным следствием при увеличении выборки могло бы стать обнаружение доли той или иной когнитивной стратегии от общего их числа и, возможно, определение когнитивных стилей и типов.

С другой стороны, благодаря факторному анализу характер получаемых результатов относительно самых различных сфер речевой деятельности становится более достоверным. Действительно, взамен простому смешению данных и арифметическому их уравниванию можно получить несколько групп, внутри каждой из которых действуют *разные* закономерности. Они становятся не видны тогда, когда анализируется выборка в целом, без разделения ее на группы. Так как в нашем случае не рассматриваются разные варианты прочтений и мы ограничиваемся анализом наиболее значимого фактора, то результаты распределений можно интерпретировать как относящиеся к доминирующему интерпретационному типу. Например, в описываемом случае в этот тип вошло 60 % всех интерпретаций (6 реакций из 10), что свидетельствует о достоверности результатов.

Рассмотрим теперь множество структурно изоморфных прочтений, составляющих фактор 1. Для этого обратимся вновь к таблице 6, отражающей значения показателей интенсивности звука в процессе вербализации информантами текста *Лето...* Исключим из нее варианты *К.Д.*, *С.Л.*, *И.К.*, *У.Т.* Затем произведем ее факторизацию по строкам («по лексемам»). Результаты факторного анализа представлены в таблице 8. Просодическое пространство текста *Лето...*, созданное полем структурно однородных его прочтений, описывается также с помощью трех (но уже других!) выделенных факторов.

Таблица 8. Интенсивность и факторные структуры просодического пространства текста *Лето*

Лексема / значение фактора	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Сила звука (среднее)
Лето	-0,20	-0,04	0,81	0,86
умирает.	-0,84	-0,43	0,14	0,67
Осень	-0,52	0,70	-0,27	0,86
умирает.	-0,30	-0,65	-0,67	0,65
Зима	-0,89	0,09	0,25	0,68
сама	-0,37	0,79	-0,45	0,67
смерть.	-0,39	0,75	0,33	0,62
А	0,23	0,77	-0,04	0,63
весна	0,69	-0,12	-0,50	0,75
постоянна.	0,76	0,08	-0,43	0,66
Она	0,79	0,17	-0,15	0,89
живет	0,90	-0,38	0,18	0,80
бесконечно	0,66	-0,44	-0,22	0,76
в недрах	0,40	0,62	0,12	0,83
вечно	0,65	-0,45	0,50	0,65
изменяющейся	0,71	0,63	0,06	0,75
материи,	0,52	0,32	0,69	0,59
только	-0,80	-0,24	-0,48	0,83
меняет	0,50	0,67	-0,48	0,78
свои	0,72	0,19	0,01	0,64
формы	0,55	-0,75	-0,03	0,56

Из таблицы 8 видно, что первый фактор определили параметры интонирования, связанные, с одной стороны, с лексемами: *весна*, *постоянна*, *она*,

живет, бесконечно, вечно, изменяющейся, свои (положительное значение фактора); с другой – с лексемами: *умирает, зима, только* (отрицательное значение). В качестве основы фактора, определяющей то, какие лексемы будут включены в него и в каких связях они будут находиться по отношению друг к другу, выступает противопоставление явлений *жизни* и *смерти* как семантических коррелятов. Семантическое поле «жизни» в наибольшей степени отражает глагол «живет», который имеет и наибольшую факторную нагрузку среди других значений положительного знака данного фактора. Противоположное семантическое поле «смерти» концентрируется вокруг глагола «умирает». Количественные показатели также свидетельствуют о том, что глагол *умирает* доминирует в своей группе так же, как и глагол *живет* – в своей.

В семантике слов лексико-семантического поля «жизни»: *весна, бесконечно, вечно* – присутствуют семы «жизни» из-за влияния семантики текста в целом: *весна* противопоставляется всем другим «умирающим» временам года, а *бесконечность* и *вечность* – *смерти*. Местоимения *она, свои* соотносятся с «весной», поэтому также входят в данное семантическое поле. Лексемы *постоянна* и *изменяющейся* характеризуют качества весны, противопоставляясь не *постоянна / изменяющейся*, а *постоянна / смерть* (*Зима сама смерть. А весна постоянна*). Отсутствие противопоставления *постоянна / изменяющейся* и сближение этих лексем является фактором контекста.

Семантика лексем «умирает», «зима», «только», несущих наибольшие факторные нагрузки, образует ядро лексико-семантического поля «смерти», куда входят и лексемы, имеющие меньший факторный вес (например, «лето», «осень», «сама» и др.). Очевидно также, что это поле структурируется под влиянием целого: лето, осень, зима в рамках данного текста обладают одним общим качеством – *смертностью*. Лексема *сама* относится к *зиме* и имеет отрицательное значение по тем же причинам, которые обусловили рассмотренное выше положительное значение лексемы *свои*, определившее ее вхождение в поле «жизни». Союз *только* имеет противительную семантику.

Данный союз находится после фразы: *Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся матери*, передающей сущность весны-жизни, – поэтому он, вследствие особенностей значения, противопоставляется «жизни» и присоединяется к противоположному семантическому полю. Таким образом, первый из факторов, описывающих особенности интонирования данного текста, можно проинтерпретировать как *контекстуально-семантический фактор*, складывающийся под влиянием семантики самого текста.

Второй фактор также объединяет два полюса интонирования: с одной стороны, это интонирование лексем «осень», «сама», «смерть», «а», «в недрах», «изменяющейся», «меняет», с другой – «умирает», «форма». Здесь принципы, конституирующие фактор, будут иными: трудно найти сугубо семантические признаки, распределяющие в две противоположные группы данные лексемы. На наш взгляд, основанием для данной группировки выступает не семантика, а просодика. Если сравнить показатели значений второго фактора с показателями силы звука, регистрируемыми на одних и тех же лексемах, то можно отметить их схожую динамику (см. рисунок 16).

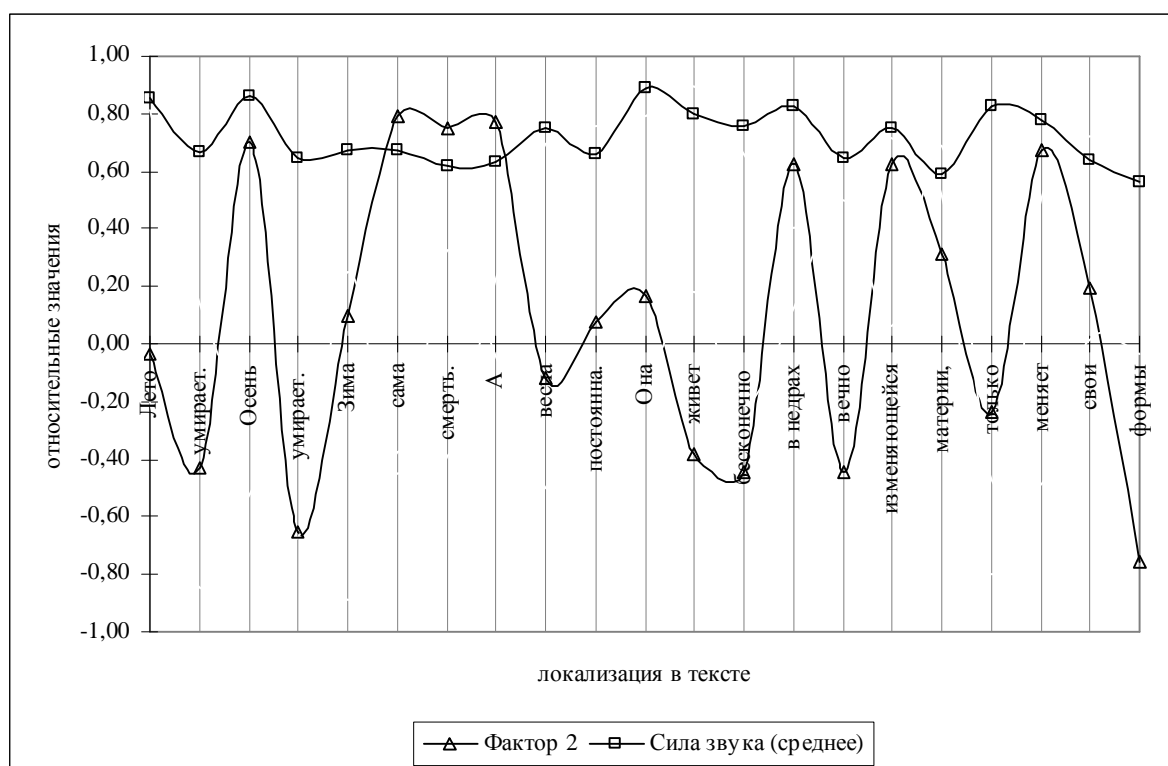

Рисунок 16. Значения показателей силы звука и второго фактора просодического пространства текста *Лето...*

На рисунке 16 видно, что оба значения показателей силы звука и второго фактора имеют конгруэнтные конфигурации. Исключения составляют области *весна постоянна* и *только меняет*, где факторные значения в обоих случаях возрастают, а показатели силы звука уменьшаются. Стоит отметить, что в данных областях должно быть сделано логическое ударение. Закономерно было бы ожидать на данных участках текста рост значений интенсивности. Но об этом свидетельствуют не регистрируемые показатели силы звука, а значения второго фактора. Поэтому его можно интерпретировать как *интонационно-нормативный*.

Третий фактор также имеет два полюса: «лето», «материи» / «умирает». Этот фактор, по нашему мнению, отражает конвенциональные представления, и может быть назван *конвенционально-семантическим фактором*. Действительно, несмотря на то, что в тексте *лето*, *осень* и *зима* объединены в одну группу, противопоставленную *весне* (это обстоятельство отражается в первом факторе), в структурах третьего фактора *лето* противопоставляется *смерти*, что презентует не текстовые, а конвенциональные влияния (*весна* противопоставлена не *лету*, а *осени*, тогда как *лето* – *зиме*). *Материя* противопоставлена *смерти* по принципу бытие / небытие: *материя* выражает идею бытия, отсутствие материи есть небытие.

Итак, в результате факторного анализа показателей текстовой интонации было установлено, что особенности интонирования связаны с тремя факторами, наиболее значимым из которых является контекстуально-семантический. Немаловажную роль, однако, играют интонационно-нормативный и конвенционально-семантический факторы.

Как мы видим, языковая материя выполняет функцию не только носителя информации – она образует собственные структуры, способные к семиозису. Последний из этапов семантико-просодического анализа текста основывается на знаковой модели языка. Полагается, что сегментированные цепочки означающих связаны с соответствующими означаемыми, и те операции, которые производятся с материальным субстратом и в результате кото-

рых выявляется структура языковой материи, опосредованно производятся и над означаемыми. Выявленные структурные отношения между означающими в силу соотнесенности каждой субстратной единицы с мыслительным содержанием автоматически становятся структурными отношениями, в которые оказываются «втянуты» означаемые. Именно поэтому полагается, что физическая организация текста является не просто «носителем» информации: она образует структуры, мотивирующие сами принципы отношений между означаемыми в рамках целого. Эти принципы одновременно становятся и интерпретацией структуры материального субстрата.

В структурной организации просодического пространства исследуемого текста выделилось три фактора (в доминантной группе испытуемых). Количество факторов, конечно, зависит и от анализируемого текста. В исследованных текстах отмечается и увеличение количества факторов, и уменьшение их. Рассмотрим случай увеличения числа факторов. В эксперименте использовался текст М.М. Пришвина *Я стою и расту...*:

Я стою и расту – я растение.

Я стою и расту, и хожу – я животное.

Я стою и расту, и хожу, и мыслю – я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь, и надо мною небо, все небо мое.

И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое.

В результате 1) записи вариантов прочтения текста, 2) сегментации акустической волны каждого варианта прочтения с 3) последующим переводом абсолютных значений максимумов амплитуды ударных слогов лексем в относительные значения, 4) представление их в таблице Excel и 5) факторизации таблицы (по типу информантов) была выделена доминантная группа. Эта группа включает шесть родственных вариантов прочтения данного текста (результаты прочтения представлены в таблице 9).

Таблица 9. Относительные значения показателей интенсивности звука в процессе чтения информантами текста *Я стою и расту...*

Слово/Ии.	Н.В.	Е.Д.	Е.Е.	О.П.	С.Ф.	Е.Ц.	и	0,68	0,56	0,47	0,64	0,55	0,45
Я	0,82	0,87	0,76	0,63	1,00	0,84	чувствую	0,58	0,47	0,57	0,52	0,47	0,49
стою	0,57	0,69	0,53	0,48	0,53	0,59	земля	0,81	0,83	0,77	0,76	0,72	1,00
и	0,56	0,67	0,50	0,56	0,57	0,56	под моими	0,40	0,60	0,47	0,40	0,46	0,60
расту	0,45	0,43	0,53	0,43	0,48	0,47	ногами	0,45	0,50	0,50	0,44	0,56	0,51
я	0,65	0,68	0,71	0,74	0,72	0,83	вся	0,83	0,80	1,00	0,59	0,73	0,51
растение	0,44	0,49	0,41	0,48	0,72	0,53	земля	0,40	0,45	0,44	0,42	0,55	0,46
Я	0,66	0,79	0,78	0,80	0,81	0,68	Опираясь	0,90	1,00	0,86	1,00	0,94	0,98
стою	0,48	0,54	0,76	0,61	0,67	0,82	на землю	0,53	0,83	0,74	0,46	0,82	0,95
и	0,68	0,50	0,50	0,69	0,66	0,75	я	1,00	0,85	0,74	0,61	0,74	0,80
расту	0,54	0,52	0,43	0,56	0,49	0,51	поднимаюсь	0,49	0,76	0,65	0,45	0,59	0,67
и	0,47	0,50	0,47	0,45	0,35	0,57	и	0,61	0,69	0,67	0,55	0,48	0,60
хожу	0,49	0,38	0,50	0,38	0,44	0,43	надо мною	0,74	0,77	0,72	0,59	0,66	0,74
я	0,65	0,57	0,51	0,67	0,70	0,58	небо	0,59	0,72	0,55	0,56	0,60	0,59
животное	0,47	0,44	0,41	0,48	0,45	0,61	все	0,73	0,65	0,74	0,51	0,71	0,71
Я	0,61	0,73	0,80	0,78	0,74	0,87	небо	0,68	0,89	0,73	0,53	0,72	0,51
стою	0,47	0,48	0,49	0,48	0,52	0,65	моё	0,35	0,45	0,43	0,36	0,41	0,40
и	0,64	0,53	0,73	0,56	0,52	0,65	И	0,54	0,66	0,68	0,45	0,48	0,75
расту	0,58	0,44	0,55	0,44	0,56	0,56	начинается	0,60	0,84	0,68	0,78	0,74	0,64
и	0,49	0,63	0,54	0,37	0,49	0,49	симфония	0,50	0,62	0,70	0,45	0,54	0,78
хожу	0,51	0,54	0,52	0,46	0,46	0,60	Бетховена	0,51	0,58	0,53	0,44	0,51	0,57
и	0,51	0,56	0,48	0,55	0,49	0,58	и	0,38	0,39	0,41	0,31	0,48	0,39
мыслю	0,39	0,71	0,70	0,50	0,54	0,62	тема	0,74	0,78	0,72	0,59	0,95	0,69
я	0,71	0,68	0,71	0,51	0,65	0,65	её	0,54	0,43	0,40	0,40	0,46	0,39
человек	0,34	0,55	0,39	0,35	0,42	0,47	всё	0,56	0,78	0,70	0,38	0,65	0,56
Я	0,58	0,76	0,91	0,65	0,68	0,66	небо	0,49	0,79	0,66	0,39	0,54	0,49
стою	0,71	0,66	0,56	0,66	0,56	0,55	моё	0,29	0,40	0,39	0,30	0,36	0,41

Примечание. В столбцах представлены относительные значения силы звука для каждого из вариантов прочтения текста информантами; в строках – значения силы звука для каждой лексемы текста *Я стою и расту...*, то есть на пересечении тех или иных строки и столбца наблюдается относительное значение силы звука конкретной лексемы при ее произнесении в процессе чтения конкретным информантом.

В результате факторизации таблицы 9 на основе специализированной статистической программы Statistica было выделено четыре значимых фактора. Результаты факторизации представлены в таблице 10 (для удобства в таб-

лице 10 в последнем столбце приведены также и усредненные относительные значения силы звука).

Таблица 10. Интенсивность и факторные структуры просодического пространства текста *Я шел...*

Лексема / Фактор	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Сила звука	Лексема / Фактор	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Сила звука
Я	0,50	0,24	-0,19	0,82	1,81	чувствую	-0,36	0,47	0,64	0,52	-0,61
стою	0,68	0,08	-0,49	0,57	-0,21	земля	0,43	-0,68	0,21	0,82	1,79
и	0,29	-0,05	-0,90	0,57	-0,19	под моими	0,85	-0,42	-0,26	0,49	-0,83
расту	0,36	0,26	0,77	0,46	-1,02	ногами	0,65	0,06	-0,05	0,49	-0,78
я	0,19	-0,88	0,33	0,72	1,03	вся	0,23	0,91	0,18	0,74	1,20
растение	0,05	-0,16	-0,28	0,51	-0,64	земля	0,33	-0,06	-0,19	0,45	-1,11
Я	0,03	0,19	-0,46	0,75	1,28	Опираюсь	-0,06	-0,70	-0,71	0,95	2,83
стою	0,45	-0,51	0,58	0,64	0,41	на землю	0,89	-0,27	0,00	0,72	1,04
и	-0,47	-0,64	0,25	0,63	0,30	я	0,22	0,42	0,06	0,79	1,57
расту	-0,62	-0,32	-0,52	0,51	-0,67	поднимаюсь	0,98	-0,02	-0,21	0,60	0,08
и	0,39	-0,52	0,19	0,47	-1,00	и	0,55	0,20	0,00	0,60	0,07
хожу	0,11	0,59	0,78	0,44	-1,25	надо мною	0,77	0,24	0,01	0,70	0,88
я	-0,71	-0,09	-0,31	0,61	0,15	небо	0,51	0,07	-0,80	0,60	0,08
животное	0,06	-0,87	0,21	0,48	-0,93	все	0,56	0,41	0,52	0,67	0,65
Я	0,39	-0,72	0,26	0,75	1,29	небо	0,48	0,72	-0,49	0,68	0,69
стою	0,41	-0,77	0,32	0,52	-0,61	моё	0,88	0,09	-0,28	0,40	-1,56
и	0,18	0,12	0,89	0,60	0,09	И	0,84	-0,24	0,30	0,59	0,01
расту	0,12	0,19	0,78	0,52	-0,56	начинается	0,10	-0,05	-0,85	0,71	0,96
и	0,84	0,39	-0,28	0,50	-0,74	симфония	0,85	-0,33	0,39	0,60	0,05
хожу	0,71	-0,36	0,26	0,51	-0,63	Бетховена	0,93	-0,02	-0,06	0,52	-0,57
и	0,16	-0,81	-0,37	0,53	-0,50	и	0,49	0,35	0,10	0,39	-1,60
мыслью	0,84	-0,09	-0,13	0,58	-0,13	тема	0,34	0,45	-0,23	0,75	1,23
я	0,62	0,62	0,29	0,65	0,46	её	-0,31	0,61	-0,05	0,44	-1,26
человек	0,81	-0,23	-0,53	0,42	-1,37	всё	0,83	0,51	-0,20	0,60	0,10
Я	0,60	0,30	0,18	0,71	0,91	небо	0,77	0,46	-0,36	0,56	-0,25
стою	-0,53	0,28	-0,46	0,62	0,20	моё	0,96	-0,21	0,03	0,36	-1,88
и	-0,81	0,33	-0,36	0,56	-0,26						

Примечание. Жирным шрифтом обозначены значения, имеющие факторную нагрузку более 0,7 (менее -0,7), а курсивом – значения, факторная нагрузка которых приближается к пороговым значениям. Показатели значений силы звука центрированы.

Первый фактор отражает развитие темы «Я / мир» в аспекте эволюции «Я» от биологического (синкретического) состояния к культурному (структурному, антропоцентричному). Дуальность передается посредством положительного и отрицательного значений фактора. На отрицательном полюсе располагаются лексемы, презентующие биологическое чувственное начало

(эволюции): лексема *расту* относится к «животной» стадии эволюции (*Я стою и расту, и хожу – я животное*), местоимение *я* также относится к «животному» состоянию «Я». «Растительная» фаза эволюции представлена имплицитно посредством глагола *расту*, который является однокоренным с *растением*. Адресация к «растительной» фазе эволюции усиливается и за счет синтаксического параллелизма. Однако «растительная» фаза оказывается снятой более высокой эволюционно «животной» фазой, которая эксплицирована в данном полюсе первого фактора. Союз *и* указывает, с одной стороны, в силу своей функциональности на присутствие последующей стадии. С другой стороны, располагаясь в том месте текста, в котором описывается «человеческая» фаза эволюции, он связывает разные состояния «Я»: от растительного до человеческого. Союз *и*, связанный с глаголом *чувствую*, актуализирует в «человеческом» состоянии чувственное начало, которое генетически восходит к «животной» фазе эволюции.

Фактор 1 составили слова:

положительные значения фактора

отрицательные значения фактора

(Я) *стою* (растение)

расту (животное)

и (хожу, и мыслю)

я (животное)

хожу (и мыслю)

и (чувствую)

мыслю

(я) **человек**

под моими (ногами)

(опираясь) **на землю**

поднимаюсь

надо мною (небо)

(небо) **моё** (и)

И (начинается)

симфония (Бетховена)

(симфония) **Бетховена**

(тема ее) **всё** (небо)

небо (мое)

(небо) **моё**

Примечание. Жирным шрифтом обозначены лексемы, имеющие факторную нагрузку более 0,7 (менее -0,7), а курсивом – лексемы, факторная нагрузка которых приближается к пороговым значениям. В скобках представлен ближайший контекст словоформы.

На отрицательном полюсе первого фактора делается акцент на биологической потенции «Я», связанной с внутренним движением (рост биологического «Я», его чувствование как внутреннее переживание внешнего мира).

Положительный полюс дает представление о качественных этапах эволюции: пассивно биологическое – разумное – духовное состояния «Я». «Биологический» этап эволюции представлен глаголом *стою*, относящимся к «растительной» фазе. «Животный» этап эволюции переместился на другой полюс, в силу того, что он отражает внутреннее движение «Я». Логика же качественных эволюционных переходов связывается с процессом самоопределения, с движением «Я» во внешнем мире. Так как для процесса самоопределения необходимо обладать сознанием, поэтому практически все лексемы, составившие положительный полюс первого фактора, относятся к «человеческой» фазе «Я». С этой точки зрения «растительный» этап необходим как фиксация начала отсчета своей истории. Стоит отметить, что данный этап присутствует скорее имплицитно, поскольку факторная нагрузка лексемы *стою* не превышает необходимое пороговое значение (0,7).

Движение «Я» в мире начинается с процесса физического перемещения в нем осознающего себя человеческого «Я» (*и хожу...мыслю я – человек*), что, в свою очередь, приводит к обретению своих границ и, как следствие, к постижению предметного мира вокруг себя. Происходит разделение всего пространства на землю (*опираясь на землю*) и небо (*надо мною небо*). На этом этапе движение переходит в вертикальную плоскость и одновременно качественно преобразуется: на смену физическому и мыслительному приходит духовное движение. Здесь моделируется архетипическая ситуация творения мира, однако, в отличие от описания создания мира в мифологиях, творческая активность «Я» совпадает только с открытием (=созданием) неба (*все небо мое*), а не мира в целом. Данный процесс сопровождается появлением музыки, которая в романтическом каноне (*симфония Бетховена*) символизировала «чистое творчество» (отсюда – исключение земного, животного). Первый фактор, в силу сказанного, определяется нами как *контекстуально-семантический*, отражающий развитие темы.

Легко видеть, что положительный полюс *второго фактора* составили слова, обозначающие мир, окружающий «Я»: *вся* (земля) и *(все) небо*. Отри-

цательный полюс образовали лексемы, описывающие эволюционирующее «Я» (растение – животное – человек) и его отдельные действия, выражающие отсутствие движения. Конструктивным принципом данного фактора является конвенциональное противопоставление космоса и единичного «Я». *Стою* (отрицание движения), *опираясь* (обретение устойчивого состояния = отсутствие движения), *и*, выполняющий функцию «размыкания» фактора, расширяющий его проблемное поле до конвенционального противопоставления мысли и действия. Поэтому данный фактор можно определить как *конвенционально-семантический*.

Фактор 2 составили слова:

положительные значения фактора	отрицательные значения фактора
(под моими ногами) вся (земля)	я (растение)
(надо мною небо, все) небо (мое)	(я) животное
	Я (человек)
	стою (человек)
	и (мыслью)
	Опираясь (на землю)

Третий фактор эксплицирует механизм развития темы: столкновение циклической модели эволюции, свойственной архаическому сознанию (положительный полюс) с исторической моделью (отрицательный полюс). Так, из всех возможных действий «Я» на каждом этапе его развития в положительный полюс третьего фактора вошли только начальные его действия – рост (как биологического существа) и способность перемещаться – хожу (тоже как биологического существа, поскольку хожу, вошедшее в данный фактор, относится к «животной» стадии).

Фактор 3 составили слова:

положительные значения фактора	отрицательные значения фактора
расту (растение)	и (растение)
хожу (животное)	Опираясь (на землю)
и (человек)	(надо мною) небо
расту (человек)	начинается (симфония Бетховена)

Из «человеческой» фазы актуальным оказалось только расту, замыкающее круг: расту – хожу – расту... Отрицательный же полюс фактора структурируется иначе. Интерес представляет союз *и*, относящийся к «растительной» стадии – с помощью него имплицитруется некая стадия, предшест-

вующая «растительной». Логика развития данного полюса может быть представлена так: дорастительная фаза – растительная фаза – «земная» человеческая фаза – «духовная» человеческая фаза – «творческая» человеческая фаза. Циклическая и историческая модели эволюции сложно взаимодействуют друг с другом. Именно таким взаимодействием можно объяснить некоторую неполноту творения мира в семантическом пространстве первого фактора. Данный фактор определяется нами как *конструктивно-тематический*.

Фактор 4 составили слова:

положительные значения фактора	отрицательные значения фактора
(я) растение	и (хожу – животное)
<i>Я</i> (животное)	<i>стою</i> (и чувствую)
(под моими) ногами	и (надо мною)
(вся) земля	
<i>и</i> (тема)	
<i>тема</i> (ее)	

На наш взгляд, основанием для данной группировки (*четвертый фактор*) выступает не семантика, а просодика. Если сравнить показатели значений четвертого фактора с показателями силы звука, регистрируемыми на одних и тех же лексемах, то можно отметить их схожую динамику. На рисунке 17 представлена динамика параметров четвертого фактора и силы звука в процессе линейного развертывания текста.

Значения четвертого фактора и показатели интенсивности звучания центрированы для того, чтобы появилась возможность их сопоставлять. Для удобства графического восприятия все значения (четвертого фактора и силы звука) сдвинуты по оси «Y» вверх на одну и ту же величину (равную «2»).

На рисунке 17 видно, что области максимальных факторных нагрузок соотносятся либо с началом предложения, где (за определенными исключениями) рост силы звука нормативен, либо с той частью предложения, где может быть сделано логическое ударение. Так, начало первого предложения *Я стою и расту – я растение* характеризуется высокими показателями силы звука и параметрами фактора на первом слове текста – местоимении «я» (ср. с остальными «Я» – началами предложений). Затем наблюдается закономер-

ное падение интонации. Пик показателей фактора приходится на лексему *растение*, которая находится в позиции ремы, «Я – растение».

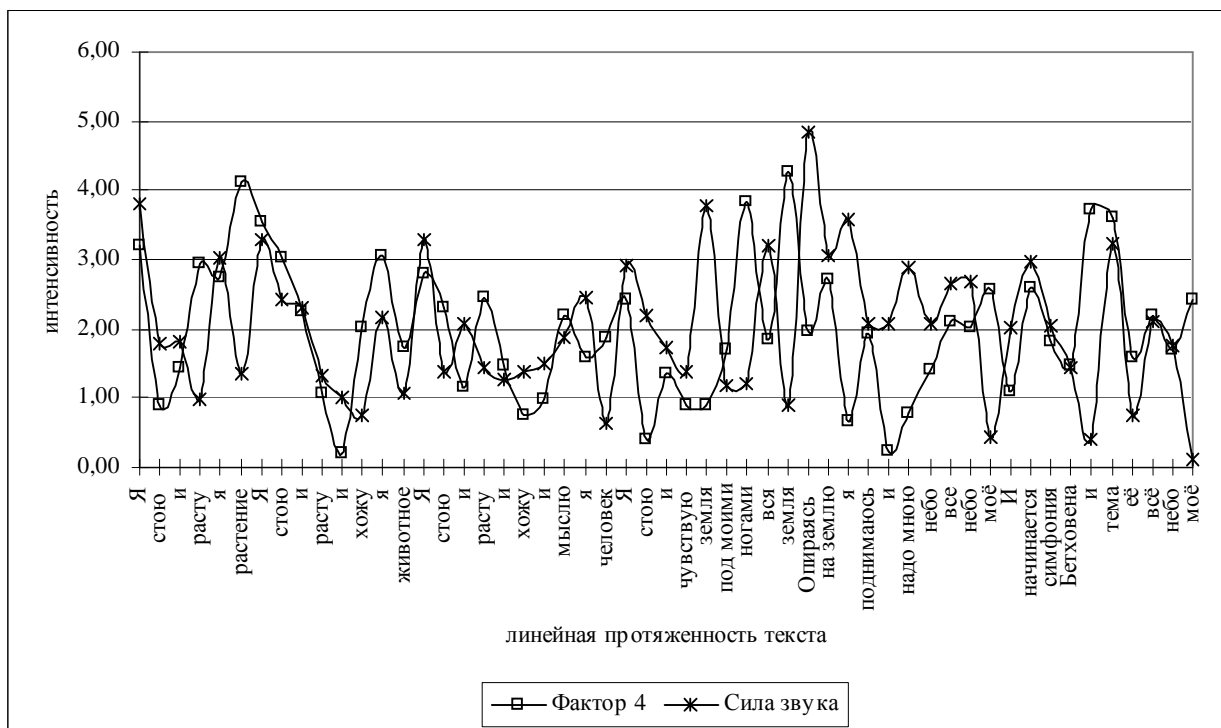

Рисунок 17. Взаимосвязь параметров силы звука и значений четвертого фактора в процессе развертывания текста

Минимальные показатели факторной структуры приходятся, как правило, на многочисленные союзы *и*, не имеющие интонационно высокого статуса (они часто не образуют самостоятельную фонетическую единицу, что хорошо видно в процессе обработки звука). Этот факт становится причиной низких факторных нагрузок первого союза *и* в предложении *И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое*, где максимальная нагрузка, связанная с передачей начинательной интонации, приходится на глагол *начинается*, по отношению к которому союз *и* является проклитикой. Обилие союзов *и* в тексте актуализирует такую фигуру, как полисиндетон, при помощи которого «подчеркивается целеустремленность и единство перечисляемого» [Квятковский, с. 161]. Полисиндетон создает ощущение особой патетики (ср. появление *симфонии Бетховена*), которая становится полностью осознаваемой к концу текста. Целеустремленность текста и единство разворачивающегося мира усиливаются за счет союзов, когда они начинают связывать уже не однородные члены, а предложения в составе сложного. Имен-

но поэтому на второй союз *и* в связи с его большой значимостью может быть сделано логическое ударение.

В предложении *Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля* минимальная (значимая) факторная нагрузка приходится на *стою*, что можно объяснить двумя причинами: регулярным падением интонации, приходящимся на это место в предложении, и многократными повторами глагола, благодаря которым он теряет какую бы то ни было семантическую перспективу. Максимальная факторная нагрузка приходится на предидирующее *под моими ногами* и на уточняющий повтор *вся земля*, который позволяет качественно переосмыслить «землю» как часть мира. Сказанное позволяет интерпретировать данный фактор как *интонационно-нормативный*.

Итак, в результате факторного анализа показателей текстовой интонации было установлено, что особенности интонирования связаны с четырьмя факторами, наиболее значимым из которых является контекстуально-семантический. Немаловажную роль, однако, играют конвенционально-семантический, конструктивно-тематический и интонационно-нормативный факторы. Их взаимодействие позволяет говорить о функциональном сосуществовании в одном речевом акте физической стороны речи с ее потенциальной структурностью (интонационно-логический фактор), области значений слов (контекстно-семантический фактор), концептуальных представлений реципиентов (конвенционально-семантический фактор). Можно заметить, что во второй из рассмотренных просодических структур выделяются те же факторы, что были выделены и в процессе интерпретации первого текста. Отличие состоит во введении дополнительного фактора, связанного с особенностями формирования темы текста.

Таким образом, предложенный метод семантико-просодического анализа текста создает модель взаимодействия материальных и идеальных сторон его бытия. Видно, что материальный (физический) уровень текста является сложной структурой, несущую информацию самого разного рода. Отдельные единицы передают лексико-грамматические значения (те, что всегда

были предметом лингвистического анализа). Сама же структура в своей целостности отражает механизмы развития концептуального пространства текста, которые могут быть представлены в виде функционального взаимодействия семиотических систем разного рода: содержательно-тематической, концептуально-конвенциональной воспринимающего сознания, интонационно-нормативно-логической. Структурные паттерны физического уровня текста обеспечивают не только само его существование, но и создают возможность осмысленного целостного прочтения текста, синтезируя сугубо языковые, текстовые, конвенциональные, интонационные системы в общем функциональном пространстве. Вследствие этого появляется возможность выйти на уровень описания инвариантного и вариативного, установить пределы изменчивости в структурировании текстовых пространств. Но, что не менее важно, создаются предпосылки для решения вопроса об обусловленности содержания текста его материальной основой (точнее, *формой* субстрата), что невозможно осуществить на уровне знака.

2.2. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СИМУЛЬТАННОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

2.2.1. Метод семантического картирования текста

Предметом теории формообразования текста является его *форма как базовый компонент онтологической схемы*. Между тем, изучение формы текста отнюдь не означает, что теория формообразования сосредоточена только на исследовании субстратно-материального пространства текста, свидетельством чего выступает предпринятый в предыдущем параграфе анализ просодического и ритмического аспектов физической организации текста. Обнаружилось, что физическая организация текста как целостного объекта непосредственно соотнесена с его семантическим пространством, и уже в самих физических структурах заложены обобщенные принципы, с которыми человек подходит к интерпретации текста. Тот факт, что физический субстрат является не просто «носителем» значений (смыслов, концептов), а об-

разует собственные структуры, в рамках которых может проводиться интерпретация текста, и выражает идею материально-идеального единства текста.

Кроме изучения формы с позиции анализа организаций субстратно-материального пространства текста, возможен и другой путь – исследование структурных образований семантического пространства текста, которые возникают под влиянием формы физического сигнала. Мы говорили о том, что семантическое пространство конструируется в процессе сканирования физического сигнала знаниево-языковыми структурами, с необходимостью имеющимися у пользователя языка. Поэтому семантические структуры всегда являются проекцией формы текста (что, конечно, не мешает проекции иметь вид, крайне непохожий на свой прообраз). Но индивидуальные особенности могут быть легко преодолены с помощью экспериментального метода, при обращении к массовому интерпретатору. Анализ того, как структурируется семантическое пространство, описание его структуры как целостной системы в аспекте теории формообразования является необходимым звеном для реконструкции формы объекта. *Структуры семантического пространства как проекции формы материально данного объекта-текста становятся неотъемлемой частью онтологической схемы объекта, тем самым отражая подход к тексту как материально-идеальному единству.*

Таким образом, исходные теоретические принципы задают вектор деятельностиной схемы (теории формообразования), в результате реализации которой возникнет онтологическая схема объекта. Поэтому на данном этапе движения к онтологической схеме актуальным становится выработка такой деятельностиной схемы изучения семантического пространства текста, которая бы обладала следующими качествами:

- 1) результаты ее применения, состоящие в реконструкции семантического пространства текста, были бы сопоставимы с результатами изучения физического пространства текста;

- 2) проводимая реконструкция должна быть ориентирована на отражение целостности текста;

3) создаваемая модель должна отражать не только и не столько статику текста, но и динамику структурной организации текста («структура как процесс» [Москальчук-1998,-2003]; хроноструктура [Каган-2000]).

Для того чтобы модель обладала свойствами 1-3, а) она должна быть количественной, б) в качестве компонентов модели должны выступать не единицы семантики, а отношения между такими единицами, в) поскольку производится моделирование семантического пространства текста, постольку использование интроспективных методов для создания количественной модели практически невозможно; г) отношения между семантическими единицами должны определяться, по возможности, с минимальным использованием культурологического и произвольно-субъективного контекста.

Культурологический контекст, как необходимый атрибут литературоведческого исследования, переводит взгляд с изучения текста на исследование иных проблем. Произвольно-субъективный контекст, характерный для психолингвистического исследования, внедряет в создаваемую модель широкий пласт субъективно-личностных переживаний. Заметим, что от таких переживаний совершенно избавиться невозможно, поэтому в деятельностной схеме реципиента не должно быть ничего такого, что специально бы провоцировало его на широкое привлечение своего собственного мнения в качестве варианта ответа на предлагаемые экспериментатором вопросы.

Назовем схему работы информанта с экспериментальным материалом (текстом), при которой субъективно-личностный контекст входит в снятом виде в создаваемую интерпретацию текста, *деятельностной*. Схему, при которой субъективно-личностный контекст входит в явном виде в реакции информанта на материал, назовем *ассоциативной*. Поскольку известные нам семантические модели, к сожалению, не обладают заявленными свойствами, созданию такой (экспериментальной количественной деятельностной неконтекстуальной семантической) модели и описанию ее возможностей будет посвящен данный параграф.

В связи с тем, что нас интересует структурная организация семантического пространства текста как целостности, и при этом фактор влияния контекста на структуру должен быть минимизирован, то логично обратиться к такой интегративной семантической единице (предельная семантическая единица необходима), какой является *тема*. О *теме* существует значительный пласт научной литературы в самых разных филологических областях. Лингвистика текста, стилистика, анализ текста, литературоведение, психолингвистика и др., так или иначе, используют это понятие. И, несмотря на широкое поле применений *темы*, ее понимание, в целом, не обнаруживает серьезных расхождений.

В стилистике текста *тема* определяется как некая компрессия содержания; содержание при этом становится конкретным решением темы – «содержание – материал действительности, использованный для раскрытия темы, те факты, явления, которые подверглись обработке в речи» [Одинцов-2004, с. 42]. Тема при таком подходе становится некоторой абстракцией от фактологической конкретики текста. «Тема – это предмет повествования, описания, рассуждения, исследования, обсуждения и т.п. Иными словами – тема это то, что описывается, или то, о чем говорится (пишется) в тексте» [Горшков-2001, с. 109]. Тема – это то обобщенное содержание, которое непосредственно растворено в тексте и может быть синтезировано из него без обращения к средовым факторам (культуре, биографии и др.). Такое понимание темы текста характерно и для практики анализа художественного текста (см., например, [Казарин-2004; Шанский-1999 и др.]).

Подобным же образом, на наш взгляд, определяют тему А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов, чей подход особенно интересен, поскольку понятие темы положено в основу создаваемой ими концепции *поэтики выразительности*. Тема, по мысли авторов, это «семантический инвариант всей совокупности его уровней, фрагментов и иных составляющих» [Жолковский-1996, с. 292]. При этом тема «ни в коем случае не может <...> претендовать на статус абсолютного утверждения об «идейном» или каком-либо ином «содержании»

данного произведения» [Там же, с. 18]. Не вдаваясь в детали концепции (видов тем, подтем и пр.), отметим, что и в данном случае тема целиком растворена в тексте и может быть синтезирована из него без влияния контекста, действие которого на тему выражает идею прочтения (интерпретации) текста.

С позиции денотативного анализа выявляется следующая иерархия элементов содержательной структуры: тема – подтемы – субтемы. Субтемы, являясь компонентами денотативной структуры, раскрывают содержание подтем, которые полагаются «ключевыми» денотатами, раскрывающими содержание предмета описания – темы текста [Новиков-1983, с. 127-151]. В рамках психолингвистического исследования текст «расчленяется на иерархическую сеть тем, подтем, субтем и микротем» [Жинкин-1998, с. 168]; см. также [Андрющенко-1989]. Предложенная Н.И. Жинкиным концепция в дальнейшем была детализирована с помощью введения таких конструктов, как макро- и микроструктуры текста (см., например, [Дридзе-1984, с. 87-88]). Психолингвистический подход к теме текста связан с понятием замысла, реализация которого в тексте производится на уровне темы и идеи текста. К.К. Жоль полагает, что «замысел, воплощающийся во «внешней речи» (устной или письменной), может быть рассмотрен как тема дискурса» [Жоль-1982, с. 178]. Тема дискурса – явление более объемное, чем тема текста, она должна вбирать и тему текста, и отношение автора, коммуникативной ситуации, знаний и др. к теме. Тематическое единство – единство предмета описания (референта) – в этой связи является сигнализатором цельности текста и его тождественности себе (см., например, [Жинкин-1998; Мурзин-1991; Новиков-1983 и др.], в то время как *тема дискурса* и такое традиционное для филологического анализа понятие, как *идея произведения* «запускают» средовые механизмы функционирования текста.

В лингвистике текста *тема* понимается как «смысловое ядро текста, конденсированное и обобщенное содержание текста» [Москальская-1981, с. 17]. При этом функция темы текста состоит в организации его смысловой це-

лостности [Там же, с. 17]. Тема целого речевого произведения есть продукт синтеза микротем, каждая из которых представляет собой тему ССЦ (СФЕ, строфы) [Дымарский-2001; Лосева-1980; Москальская-1981; Солганик-1991; Тураева-1986]. Полагается, что если микротема непосредственно выводима из ССЦ (монотематичность ССЦ), то и тема текста также выводима из текста без обращения к средовым факторам. А так как ССЦ следуют друг за другом в пространстве текста, то и микротемы следуют в порядке поступления новых и завершения старых ССЦ. Микротемы оказываются локализованными в пределах ССЦ: «...сверхфразовое единство монотематично. Объединение всех составляющих его предложений вокруг одной темы есть проявление его смысловой целостности или семантической изотопии текста. Переход от одной темы к другой есть пограничный сигнал, знаменующий конец одного сверхфразового единства и начало следующего сверхфразового единства» [Москальская-1981, с. 19]. При таком подходе к выявлению микротем и темы текста возникают некоторые проблемы. Получается, что тема текста все-таки является слагаемой из микротем (конечно, не по принципу $1+1+...$, реализацию которого в процессе интерпретации конкретного текста вообще сложно себе представить), поскольку движение осуществляется «снизу вверх». Неслучайно, М.Я. Дымарский, определяя отношение каждого из микрофрагментов к общей теме текста, отмечает, что «эти отношения не выходят за рамки набора стандартных логических отношений расщепления, включения, сопоставления, противопоставления. Иначе говоря, микротема каждого микрофрагмента должна прямо выводиться из гипертемы, которой подчинен весь фрагмент» [Дымарский-2001, с. 94]. Тема как бы делится без остатка на составляющие ССЦ (СФЕ) микротемы, что парадоксально, поскольку в лингвистике текста была обоснована невозможность безостаточного деления текста на ССЦ (см., например, [Там же, с. 98-108]).

Но основной проблемой, на наш взгляд, является игнорирование значимых для семантики *целого текста* микротем, не локализующихся в каких-то одиночных ССЦ, а распределяющихся по всему тексту. Такие микро-

темы, входя в состав большого количества ССЦ, зачастую не оказывают определяющего воздействия на формирование микротемы отдельного ССЦ. В качестве подобных «текстовых» микротем могут выступать, в частности, *мотивы*, рассредоточенные по всему текстовому пространству и выявляемые только на уровне целого [Гаспаров-1994], *ассоциативные цепи текста*, создающие «многомерное содержательное пространство текстовых переключек» [Николаева-2000, с. 418], *ассоциативно-смысловые поля*, материализованные лексически, связанные парадигматически и синтагматически, соотносящиеся с одним концептом текста [Болотнова-2001, с. 130] и др. Кроме того, мы должны исходить из возможности репрезентации в тексте всякой *двуплановости* его содержания [Гальперин-1981, с. 40-42], для которой предложение или ССЦ являются контекстуально недостаточными (требуется знание всего текста). Слова и сочетания слов, являясь репрезентантами семантической двуплановости текста, в составе ССЦ могут раствориться в ее теме, потерять приобретенные на уровне целого текста дополнительные смыслы. Подход «от ССЦ» не может учесть процессов многообразного «врастания» концепта в ткань текста (*textus* – ткань, сплетение, соединение). Именно поэтому подход к семантической целостности текста «от ССЦ» реализует синтагматическое (горизонтальное, сукцессивное) направление в процессе становления темы, не учитывая парадигматическое (вертикальное, симультанное) ее становление.

Сказанное позволяет считать, что процесс выделения микротемой текста должен опираться на такую единицу, как *слово*, поскольку, во-первых, репрезентация собственно «текстовых» микротемой может осуществляться дискретно по всему тексту без четкой и однозначной локализации. ССЦ или даже предложение оказываются слишком большими для таких репрезентаций. Во-вторых, ничто не мешает микротеме локализоваться в тексте через цепочку слов, которой на синтаксическом уровне соответствуют предложение и ССЦ. В-третьих, при подходе «от слова» микротема приобретает форму лексико-семантической группы, состоящей из входящих в нее лексем текста. Так как

одна и та же лексема может входить в разные микротемы, то возникает суперпозиция (наложение) микротем на одном текстовом отрезке. В случае же подхода «от ССЦ» такая суперпозиция микротем невозможна (ср. с монотематичностью микротем ССЦ). Между тем, в тексте под влиянием его герметичности возникает процесс индуцирования смыслов в результате взаимодействия отдельных компонентов: «В этой своего рода семантической «камере» (тексте. – К.Б.) каждый попадающий в нее элемент вступает в непосредственную связь с множеством таких элементов, с которыми он никогда бы не вступил в контакт вне данной, неповторимой и уникальной конфигурации данного, неповторимого и уникального целого. Происходит тотальная фузия смыслов, в результате которой каждый отдельный компонент вступает в такие связи, поворачивается такими сторонами, обнаруживает такие потенциалы значения и смысловых ассоциаций, которые он не имел вне и до этого процесса» [Гаспаров-1994, с. 284]. Возможно, признание необходимости учета фактора суперпозиции микротем скорректировало и подход «от ССЦ» с введением понятий моно- и политематичности: «Политематичность <...> предполагает сосуществование, интерференцию двух и более (микро) тем на протяжении одного фрагмента текста» [Дымарский-2001, с. 150]. (Ср. «...монотематическое целое (ССЦ) отличается единством макротемы <...> с появлением ассоциативных тем (и рем) [Папина-2002, с. 51]). Однако в данном случае ни политематичность, ни ассоциативные темы не отражают того процесса суперпозиции микротем, который, по нашему мнению, с необходимостью присутствует в каждом текстовом сегменте.

Вследствие тотальной (глобальной) связности текста («...нет такого компонента (текста. – К.Б.) который бы не был связан хотя бы с одним другим компонентом текста...» [Мурзин-1991, с. 11]), каждый его компонент вступает в многообразные и подчас противоречивые связи с другими компонентами. Объединение хотя бы двух компонентов текста, в результате чего появляется простейшая семантическая структура, может быть названо *микротемой*. При таком подходе семантическое пространство текста предстает в

виде *статистически* возникающих организованностей большей и меньшей степени общности. При этом, чем больше общность (больше число компонентов, входящих в микротему, сложнее ее структура), тем меньше вероятность ее появления. Но вместе с тем растет вероятность возникновения *отдельных* сложных образований за счет, во-первых, низкой вероятности других сложных структур, и во-вторых, действия цельности текста. Семантическое пространство текста как целостность структурируется (информантами!) в виде нескольких вероятностно предпочитаемых сценариев (мод) синтеза. Между такими статистическими образованиями идет борьба за доминирование, включение в себя новых и новых более элементарных (а значит, и более устойчивых) образований. Синтез побеждающих в этой конкуренции наиболее масштабных общностей и может быть назван темой текста. Таким образом, для того, чтобы определить тему текста необходимо установить достоверно возникающие связи между компонентами от элементарной до предельной общностей и интерпретировать реконструированную предельную общность.

Заметим, что определение темы зависит от типа представления семантических структур (см. 2.2.2). *Кластеризация семантического пространства* представит его как единую предельную общность и тогда тема текста – это результат интерпретации этой *единой* предельной общности. *Факторизация семантического пространства* того же текста «расположит» его в пространстве ортогональных факторов и тема текста в данном случае должна возникать вследствие интерпретационного синтеза предыдущих интерпретаций отдельных общностей, распределенных по факторам. Определение темы текста на основе *графосемантического моделирования* является результатом интерпретации графосемантической структуры текста, которая может быть единой и раздробленной (подробнее см. 2.2.2).

Может показаться, что при подходе «от слова» микротемы определяются слишком субъективно и отвлеченно. Но отвлеченность присутствует и в процессе определения микротемы ССЦ, поскольку всегда для того, чтобы

сконденсировать (обобщить) содержание, требуется отвлечься от его конкретики. Что же касается субъективного фактора в процессе выделения микро-тем, то в его минимизации и заключается задача исследователя. На наш взгляд, вариант ее решения может состоять в экспериментальном характере исследования, когда «много субъективностей творят объективность». Обязательным же условием вычленения микро-тем с помощью такой единицы анализа, как слово, является *не атомизация* слова, а постоянное рассмотрение его с позиций всего текста, т.е. обращение к *словоформе*.

Можно утверждать, что все интерпретации такой единицы семантического пространства текста, как темы, свидетельствуют об отнесенности ее к непосредственно текстовому, не контекстуальному (средовому) пространству. Именно поэтому тема в нашем исследовании выступает в качестве интегративной семантической единицы, компонентами которой является микро-темы (различия между субтемами, подтемами и микротемами в данном случае не актуализируются, хотя вполне возможны). Единицей анализа становится слово, рассматриваемое со стороны целостности текста. Экспериментальный метод, созданный для количественного моделирования семантической организации текста, получил наименование *семантического картирования текста*.

Гипотеза, верифицируемая в эксперименте, состоит в том, что семантическое пространство текста может быть представлено как самоорганизующееся в том случае, если за основу (единицу) системы принять не вес (значимость, частотность) слова в тексте, а семантическую связь между словами.

Цель эксперимента: реконструировать систему семантических связей между словами текста в аспекте их статистической значимости, т.е. избираемости их информантами.

Экспериментальные задания. Перед информантами ставятся задачи: 1) прочтите текст, определите его тему; 2) выделите микро-темы текста и назовите их; 3) к каждой микро-теме выпишите слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах произвольно.

Условия эксперимента. Задания выполняются каждым испытуемым индивидуально. Текст подбирается объемом не более 150-200 словоформ²³. Время проведения эксперимента не ограничивается.

Аудитория. В качестве реципиентов выступают студенты-филологи. Нижний порог количества испытуемых установлен эмпирически и составляет 25 человек, что обусловлено появлением осмысленных структур в результате факторизации семантической карты, реконструируемой на основе 25 реакций.

Таким образом, информанты-филологи работают с текстом, предложенным исследователем, определяя в тексте тему, микротемы, каждая из которых затем выступает наименованием лексико-семантической группы, составляющих ее лексем. То есть после того, как информант выделил микротемы, производится распределение слов данного текста по найденным группам (количество слов, которые реципиент использует в данном процессе, произвольно).

В процессе работы подготовленный информант, производя распределение слов текста по микротемам, опирается как на значения слов, так и на их контекстуальные связи. Этому способствуют начальные задания: определения темы текста, с помощью чего осуществляется первичный синтез его содержательно-смыслового пространства, позволяющий начать интеллектуальное движение в сторону анализа целостности, определения структурных ее единиц – микротем, синтез которых приводит к теме.

Микротемы становятся единицами, с одной стороны, аналитической деятельности испытуемого (ее элементами являются слова), а с другой стороны, цельности текста. В такой одновременности нет ничего удивительного, так как структура объекта по природе своей указывает на конкретную деятельность исследователя, ход которой запечатлен в данной структуре. Производя анализ цельности на ряд субцельностей (термин Л.В. Сахарного), ин-

²³ Размер текста определяется нами исходя из количества времени, затрачиваемого на выполнение задания (15-20 минут).

формант структурирует цельность, распределяя же слова по выделенным группам, он тем самым выявляет сферу активности каждой из субцельностей. Сам же принцип отбора слов информантом базируется не на сукцессивности текста (существующей в процессах продуцирования и рецепции), а на его конструируемой симультанности: 1) в процессе анализа информант уже хорошо знает текст, 2) текст представлен информанту в письменном законченном виде (весь дан в своей завершенности, одновременности и отдельности), 3) фактор времени перестает быть значимым, поскольку информант: а) уже не опирается (как при первичном восприятии) в процессе анализа на последовательность единиц в самом тексте, б) имеет достаточно времени, чтобы перечитывать в какой угодно последовательности отдельные фрагменты текста и соотносить их с другими фрагментами.

Поскольку, таким образом, в любую из создаваемых групп могут включаться лексемы, находящиеся в самых разных местах текста, *постольку та или иная субцельность (микротема) не может обрести четкой локализации, распределяясь по всему текстовому пространству. Тем самым, возникают суперпозиции субцельностей: их наложения и пересечения уже в сукцессивном осуществлении текста.*

Полученные реакции (интерпретации) состоят из лексико-семантических групп, в основе каждой из них лежит некоторый принцип (микротема). Лексемы, находящиеся в одной лексико-семантической группе, семантически связаны между собой тем принципом (гиперсемой), ради которого они и образовали данную группу.

Семантическая связь между двумя лексемами в тексте вытекает из самой его природы. Слово, становясь компонентом некоего ограниченного целого, уже не принадлежит само себе, оно теряет множество степеней свободы (возможных, но не актуализованных в данном контексте значений) ради нового синтеза – текста. Однако слово не только теряет: переходя из сферы виртуального бытия (словарь) в сферу бытия реального (речь), слово вплетается в сложную систему отношений со всеми другими словами. Вся эта сис-

тема как целое, с одной стороны, сужает область конвенциональной семантики слова, но, с другой стороны, – заметно расширяет область семантики контекстуальной. Вступая в разные связи с другими словами в рамках целого, каждое слово тем самым становится компонентом разнообразных семантических подсистем, которые можно назвать микротемами, субцельностями и др. Исходя из того, что разные интерпретации порождают разные сценарии синтеза, каждое слово, в принципе, может стать компонентом довольно широкого поля микротем, что и показывают наши эксперименты.

Понятие же силы семантической связи между двумя словами в тексте означает то, насколько часто эти два слова являются компонентами одной и той же микротемы данного текста.

Привлечение к процессу анализа текста большого числа информантов позволяет выявить доминантные внутритекстовые связи. Кооперируясь друг с другом, внутритекстовые связи образуют группы разной степени общности: от отдельных лексем (самый нижний уровень) до групп лексем (уровни, находящиеся выше). Вся древовидная иерархия внутритекстовых связей разной степени общности, выявляемая с помощью факторного и /или кластерного анализа, представляет собой структурированную цельность текста.

Совокупность лексико-семантических групп всех интерпретаций отражает меру семантической связи каждой лексемы с остальными лексемами текста, что фиксируется с помощью семантической карты текста. Она представляет собой таблицу, в которой первый столбец и первую строку занимают лексемы данного текста. В ячейке, находящейся на пересечении k -ой строки и p -го столбца отмечается значение семантической связи между данными лексемами в изучаемом тексте.

Возможности метода. Метод позволяет оценивать не только степень связности лексических единиц текста друг с другом – здесь эксперимент в целом подтверждает тезис Л.Н. Мурзина о связности всех элементов текста между собой [Мурзин, Штерн, с. 11]. Этот метод дает возможность: 1) представления семантического пространства текста как континуального благода-

ря действию механизмов тотальной семантической связности в деятельностном рецептивном пространстве; 2) обнаружения значимых и случайных связей между отдельными участками текста (мера значимости определяется статистически); 3) определения факторов, конституирующих семантическое пространство (в результате использования факторного анализа), изображения его в виде семантических кластеров; 4) нахождения зон наибольшей / наименьшей семантической интенсивности текста в процессе его сукцессивного развертывания (эта сторона анализа нуждается в проведении ряда действий с полученной семантической картой), то есть изображения «семантического контура» текста; 5) сопоставления семантического контура с данными описания других предметов того же самого текста (эмоционального, просодического пространств текста и др.), представления текста как функциональной кооперативной многоонтологичной пространственно-временной системы [Белоусов-2002,-2005].

Несомненным достоинством метода является деятельностный характер реакций информантов. В отличие от ассоциативных реакций, результатом которых становится построение ассоциативно-семантических сетей текста, здесь выявляются гносеологические паттерны его понимания. Деятельностное пространство испытуемого ограничено текстом, что имеет ряд важных следствий. Так, реципиент не просто сугубо произвольно соотносит элементы текста со своими разрозненными представлениями, как это происходит в ассоциативном эксперименте или шкалировании, где каждый элемент оценивается или ассоциируется отдельно от целостности (последняя становится просто конгломератом языковых единиц)²⁴. В нашем случае испытуемый, оказывается в ситуации *работы с текстом*: анализирует целостность, ее составляющие и репрезентации субцельностей на лексико-семантическом уровне.

²⁴ Если же в таком режиме ассоциируется или шкалируется текст в целом (текст как знак), то при этом теряется его процессуальность.

Производимые операции придают реакциям информанта качество мотивированности: он уже осуществляет то или иное действие не только потому, что ему так видится и чувствуется, но и потому, что сам *процесс анализа над цельностью задает параметры деятельности*. Определив микротему, необходимо соотнести ее с темой и с другими микротемами (актуальными становятся парадигмальность и значимость единиц в одной системе). Приписав какой-либо микротеме ту или иную лексему, необходимо в дальнейшем соотносить с этой лексемой остальные лексемы той же лексико-семантической группы, то есть контролировать процесс с позиции общей для всех слов гиперсемы (которая будет постоянно стремиться к изменению). Именно поэтому в процессе группировки слов часто меняются наименование микротем (принцип группировки), а также перераспределение слов по микротемам. Информант таким образом постоянно соотносит единицы разных уровней как друг с другом, так и с превышающими их цельностями: лексемы – с лексемами и микротемами; микротемы – с микротемами и темой. Именно поэтому испытуемый совершает то или иное действие не только вследствие субъективного произвола, но и по причине ориентации на объективную организацию предлагаемого текста. Наложение этих моментов позволяет говорить о том, что экспериментальные реакции получают статус интерпретаций текста, а их совокупность становится его гносеологическим пространством, отражающим как паттерны понимания, так и текстовую организацию (мы исходим из того, что организация текста «задает» его восприятие и понимание).

Семантическая карта дает представление о силе семантической связи между лексемами текста. Очевидно, что связь между словами может иметь либо закономерный, либо случайный характер. Семантическая связь становится закономерной в том случае, когда две лексемы очень часто включаются информантами в одну микротему. Порог значимости может быть установлен только статистически.

Алгоритм анализа полученных данных.

1. Все слова исходного текста ставятся в начальную форму. Порядок слов в списке оставляется таким же, как и в исходном тексте. В случае повтора лексемы она исключается. В результате мы получаем некоторый перечень слов, представляющий собой лексический состав исходного текста.

2. В программе Excel составляется таблица размером $M \times M$, где M – количество оставшихся неповторяющихся слов в тексте. В ячейке N первой строки таблицы помещается N слово перечня. В ячейке M первого столбца таблицы помещается M слово того же перечня.

3. Пусть имеется реакция i информанта P . Данная реакция включает в себя какое-то количество лексико-семантических групп, объединенных некоторым принципом (микротемой). Пусть в нашем случае таких групп k . Каждая из k групп состоит из некоторого набора включенных в нее слов. Например, при анализе текста И.С. Тургенева *Череп* из цикла «Стихотворений в прозе» информант Н.С. выделил четыре микротемы: *Образ невицы*, *Фон до «ужасающих превращений»*, *Фон после «ужасающих превращений»*, *Образ автора*. Каждая из микротем содержит определенное информантом количество словоформ этого текста.

4. Рассмотрим r -ую группу из всего набора k групп. Она может быть представлена в виде цепочки слов, взятых из перечня, например, $a_k a_s a_t a_z$, где k, s, t, z – номер слова в перечне. Например, в реакции информанта Н.Л. при анализе текста В.П. Катаева «Лето...» была выделена микротема *вечность*, в которую вошли словоформы *она*, *вечно*, *изменяющийся*, *недра*.

5. Поскольку слова данной группы встречаются совместно, можно разбить цепочку $a_k a_s a_t a_z$ на комбинации, состоящие из пары слов. В нашем случае это будут следующие комбинации: $a_k a_s$, $a_k a_t$, $a_k a_z$, $a_s a_t$, $a_s a_z$, $a_t a_z$. Комбинации $a_i a_j = a_j a_i$. В приведенном примере 4 словоформы дают 6 парных комбинаций: *она вечно*, *она изменяющийся*, *она недра*, *вечно изменяющийся*, *вечно недра*, *изменяющийся недра*.

6. Наличие той или иной комбинации отражается в составленной ранее таблице. Возьмем, например, комбинацию $a_k a_s$. В первой строке таблицы на-

ходим лексему a_k . Она расположена в k -ой ячейке первой строки. В первом столбце таблицы находим лексему a_s . Она расположена в s -ой ячейке первого столбца. В ячейке, находящейся на пересечении k -го столбца и s -ой строки, отмечается наличие комбинации $a_k a_s$ цифрой 1. В случае если цепочка состоит из одного слова, например a_h , этот факт отмечается цифрой 1 в ячейке, находящейся на пересечении $h+1$ столбца и $h+1$ строки (данная ячейка располагается на диагонали таблицы). Поскольку в таблице предусматриваются не только сочетания $a_k a_s$, но и $a_s a_k$, полагаемые нами как идентичные, постольку в нее необходимо занести также и наличие комбинации $a_s a_k$ по вышеприведенному алгоритму.

Рассмотрим, например, комбинацию *вечно недра*. Для того чтобы зафиксировать эту комбинацию в таблице, необходимо в первой строке найти слово *вечно*, а в первом столбце слово *недра*. На пересечении столбца, в верхней ячейке которого располагается лексема *вечно* (будем называть его столбец *вечно*), и строки с лексемой *недра*, находящейся в первой ячейке (строка *недра*), размещается искомая ячейка, в которую заносится значение «1». То же самое значение помещается в ячейку симметричную найденной, которая расположена уже на пересечении столбца *недра* и строки *вечно*.

7. Процедура, описанная в пунктах 4-6, производится со всеми лексико-семантическими группами во всех реакциях информантов.

8. Поскольку парные комбинации в реакциях информантов могут совпадать, факт их существования отмечается в одной и той же ячейке.

9. В каждой ячейке таблицы производится сложение всех отмеченных случаев наложения парных комбинаций. В результате мы получаем семантическую карту текста, в которой отмечается интенсивность семантических связей в нем между всеми словами.

Рассмотрим использование метода семантического картирования текста. В эксперименте приняли участие 25 студентов-филологов 3 курса. Им был предъявлен использованный ранее (в 2.1.2) текст В.П. Катаева:

Лето умирает. Осень умирает. Зима – сама смерть. А весна постоянна. Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи, только меняет свои формы.

В результате описанного алгоритма обработки реакций испытуемых (пункты 1-9) была составлена таблица 11.

Таблица 11. Семантическая карта текста В.П. Катаева *Лето...*

Слово/ слово	лето	умирать	осень	зима	сама	смерть	а	весна	постоянна	она	жить	бесконеч-	недра	вечно	изменяю-	материя	только	менять	свои	формы
лето	0	5	10	8	0	3	0	5	0	0	2	2	2	0	0	0	1	1	1	0
умирать	5	1	7	4	0	7	0	0	0	1	2	1	1	0	0	3	0	4	0	1
осень	10	7	1	9	1	5	1	3	0	1	0	1	0	0	0	0	0	3	0	1
зима	8	4	9	0	2	8	1	4	0	1	0	2	0	1	1	0	0	1	0	0
сама	0	0	0	2	0	3	6	3	2	8	0	2	4	3	2	1	2	0	7	3
смерть	3	7	4	8	2	0	1	0	0	1	2	3	1	1	1	2	1	2	1	0
а	0	0	1	1	6	2	1	3	2	6	1	0	1	1	2	3	5	1	5	1
весна	5	0	4	4	3	0	2	0	8	3	7	4	2	4	2	2	1	2	1	2
постоянна	0	0	0	0	2	0	2	8	0	2	6	5	2	7	2	1	2	2	0	1
она	0	1	1	2	8	1	6	4	2	0	2	1	3	3	3	4	2	4	6	2
жить	2	1	0	0	0	2	2	7	6	2	0	6	3	5	2	2	2	2	1	1
бесконеч- но	2	2	1	2	2	3	0	5	5	1	6	1	1	7	1	3	2	2	1	2
недра	2	1	0	0	3	1	1	2	1	4	3	2	0	3	3	6	5	1	4	6
вечно	0	0	0	1	3	1	2	4	7	3	5	7	4	0	3	5	2	2	2	2
изменяю- щийся	0	0	0	1	2	1	1	2	1	3	1	1	3	2	0	5	1	7	4	5
материя	0	2	1	0	0	2	3	2	1	4	2	3	6	4	6	1	2	3	2	6
только	1	0	0	0	2	0	5	1	2	2	2	2	5	2	1	1	0	1	5	5
менять	1	3	3	1	0	2	1	2	2	4	3	2	2	2	7	3	0	0	2	4
свои	1	0	0	0	7	0	5	1	0	7	1	1	3	3	4	2	6	2	0	6
формы	0	0	1	0	2	0	1	2	1	2	1	2	7	2	5	5	4	7	5	1

Примечание. На пересечении k -ой строки и p -го столбца располагается ячейка, в которой отмечается сила семантической связи между k -ой и p -ой лексемами. Например, в ячейке, находящейся на пересечении строки «весна» и столбца «жить» зафиксировано значение «7». Это означает, что данные лексемы были отнесены информантами в одну лексико-семантическую группу (микротему) семь раз (из 21 возможного по числу информантов).

Из таблицы 11 видно, что между лексемами существуют неоднородные связи: одни более сильные (*лето-осень, осень-зима, смерть-зима, весна-постоянна*), другие эпизодические, или же вообще отсутствуют (*зима-жить, недра-осень*). Отсутствие связей не говорит о том, что их вообще не может быть, а свидетельствует об их случайном характере. В случае увеличения количества реакций вероятность появления таких связей возрастает. Однако особого смысла в тиражировании результатов эксперимента по данному тексту нет, поскольку факторизация семантического пространства, проведенная на основе данных таблицы, выявила четкую его структуру (см. таблица 12).

Таблица 12. Факторные структуры семантического пространства текста В.П. Катаева *Лето...*

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Лето	0,74	0,06	0,06
Умирать	0,80	0,12	0,08
Осень	0,76	0,06	-0,01
Зима	0,73	0,10	-0,13
Сама	-0,42	0,24	-0,21
Смерть	0,71	0,18	0,19
А	-0,56	0,22	0,45
Весна	0,02	-0,58	0,20
постоянна	-0,28	-0,65	-0,11
Она	-0,60	0,29	0,47
Жить	-0,15	-0,71	-0,23
бесконечно	-0,13	-0,78	0,07
Недра	-0,62	0,03	-0,03
Вечно	-0,43	-0,57	0,19
изменяющийся	-0,59	0,00	0,16
Материя	-0,53	0,06	-0,70
Только	-0,64	0,19	-0,05
Менять	-0,12	0,19	-0,76
Свои	-0,59	0,40	-0,07
Формы	-0,64	0,28	0,19

Примечание. В таблице выделены значимые проявления факторов

Первый фактор составили слова *лето, умирать, осень, зима, смерть* (положительное значение фактора) и *а, она, недра, изменяющийся, материя, только, свои, формы* (отрицательное значение фактора). Положительные и отрицательные значения свидетельствуют только о противоположных тенденциях, которые обнаруживает семантика той или иной лексемы в окружающем ее контексте, «взвешиваясь» по данному фактору. Лексема является значимой для фактора, когда она имеет большую (независимо от знака) факторную нагрузку. Первый фактор отражает развитие микротемы «природная смерть и метафизические изменения». Дуальность передается посредством положительного и отрицательного значений фактора. На положительном полюсе располагаются лексемы, презентующие «пространство смерти»: сюда включаются лексемы *умирать* и *смерть*, а также *лето, осень, зима* – номинации, напрямую соотносимые (в тексте) с обозначенным пространством.

Отрицательный полюс первого фактора «переводит» тему смерти из природной плоскости в метафизическую. В результате появляются предельно

абстрактные номинации *материя, формы*, в которые трансформируются природные явления. В метафизической реальности *смерть* предстает *изменением форм* одной и той же *материи*. Противопоставление полюсов фактора усиливается за счет союза *а*, который в тексте имеет значение противопоставления. Интересен тот факт, что из фактора исключен глагол «менять», а присутствует причастие «изменяющийся». *Менять* относится к *весне* (*весна ... меняет свои формы*), а *изменяющийся* характеризует *материю* (*изменяющейся материи*). Кроме того, метафизическое изменение должно быть «очищено» от сиюминутного, временного, – того, что всегда присутствует в «природном» мире. Это обстоятельство создает дополнительную асимметричную полюсность.

Метафизичность бытия является причиной исключения из фактора самой *весны*, которая являет собой «природное» начало. *Весна* не может относиться к положительному полюсу фактора, так как выражает противоположную ему идею бесконечной жизни; но исключается и из отрицательного полюса, имеющего значение метафизического бытия, которое, будучи скрыто (ср. *недра*), таит суть природных явлений. Противоречие, в котором оказывается *весна*, разрешается особенно интересно: вместо *весны* появляется местоимение *она*. Само явление отсутствует, но есть указание на него, его «отчужденная» проекция. Тем самым *весна* оказывается в ситуации инобытия и имеет совершенно особый статус среди *времен года*: она асимметрична им, выходит за их пределы и пределы времени вообще, становясь «принципом жизни», «самой жизнью», «необъяснимым Нечто», что, в частности, отражается в реакциях информантов, которым сложно определить тему текста²⁵. Существование (жизнь) *весны* в *недрах материи* (то есть в глубине, внутри нее) позволяет видеть в *весне* уже не что-то просто природное, а духовное,

²⁵ Ср. Текст о том, что весна – вечна. Текст о том, что весна не только время года, это нечто большее. Текст о том, что весна – сама жизнь. Текст о том, что весна не умирает, она живет... только меняет свои формы. Текст о формах, которые мы, глупые люди, считаем разными временами года. Текст о смерти времен года и вечной жизни весны. В тексте глубокий философский смысл: жизнь в полном смысле чередуется со смертью. Текст о бесконечности изменчивой весны-творца.

раскрывающееся посредством оппозиции Дух / Материя. Идею ограниченно-го (не «природного») присутствия *весны* в метафизическом пространстве подкрепляет вхождение союза *только* в отрицательный полюс фактора, где он не имеет значения противопоставления, а уточняет качество *бесконечности (жизни весны)* как бесконечности ее изменяющихся форм.

Во второй фактор вошли лексемы *весна, постоянна, жить, бесконечно, вечно*, что позволяет интерпретировать его как фактор «весны и ее атрибутов». Факторные нагрузки остальных лексем по этому фактору совершенно незначимы. Это обстоятельство является следствием уже обсуждаемой особенности *весны* среди других *времен года*, ее одновременной духовности и природности. Третий фактор (в силу небольшого размера текста) состоит из двух лексем: *материя, менять*, – выражающих синтез изменяющейся материи и изменений весны. Действительно, глагол *менять* относится к *весне*; кроме того, факторную нагрузку, приближающуюся к пороговому значению, имеет местоимение *она*, относящееся тоже к *весне*. Таким образом, семантическое картирование текста с помощью процедуры факторного анализа позволяет выявлять стратегии интерпретации текста в процессе анализа его цельности. Тем самым одновременно анализируется и синтезируется цельность текста из обнаруженных субцельностей, их значимости в целом тексте.

Рассмотрим применение семантического картирования к уже использовавшемуся в экспериментах тексту М.М. Пришвина *Я стою и расту...*

Я стою и расту – я растение.

Я стою и расту, и хожу – я животное.

Я стою и расту, и хожу, и мыслю – я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь, и надо мною небо, все небо мое.

И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое.

Семантическая карта (фрагмент) анализируемого текста представлена в таблице 13. В результате факторизации семантической карты (полного ее варианта) были выявлены следующие факторные структуры (см. таблица 14).

Таблица 13. Семантическая карта текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...*

	расту	хожу	животное	мыслью	человек	чувствую	земля	поднимаюсь	небо	мое	начинается	Бетховена
42 Ии.												
Я					13					14		
стою	22	24		17		15		15				
и												
расту		25		19		16		18				
растение			19		14		11		11			
хожу				19		16		17			12	
животное					15							
мыслью						23		18				
чувствую								15				
земля									26			
опираясь								11				
поднимаюсь											12	
симфония												13

Примечание. Таблица отражает только значимые связи между лексемами данного текста. Выделенные жирным шрифтом значения характеризуют связи, которые отмечали испытуемые более чем в 60 % случаев, курсивом – более чем в 40 %. Остальные значения превышают 25 % рубеж. Например, сила связи между лексемами *земля* и *небо* равна 26. Это означает, что 26 испытуемых из 42 отнесли данные лексемы к одной микротеме.

Таблица 14. Факторные структуры семантического пространства текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...*

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Я	0,15	-0,58	0,09	0,00
Стою	-0,83	0,08	0,15	0,12
И	0,38	0,48	0,26	0,36
Расту	-0,83	0,06	0,13	0,13
Растение	0,33	-0,72	0,11	0,12
Хожу	-0,79	0,10	0,18	0,09
Животное	0,32	-0,73	0,13	0,09
Мыслью	-0,82	0,12	0,18	0,07
Человек	0,25	-0,72	0,02	0,10
Чувствую	-0,88	0,10	0,15	0,13
земля	0,33	-0,52	0,09	0,05
ноги	-0,04	-0,78	-0,24	-0,11
вся (все)	0,03	-0,50	-0,33	-0,39
опираясь	-0,86	0,13	0,14	-0,02
поднимаюсь	-0,82	0,15	0,17	0,13
небо	0,38	-0,51	0,03	0,04
мое	0,03	-0,44	-0,36	-0,26
начинается	-0,90	0,20	0,09	0,06
симфония	0,29	0,11	0,02	-0,91
Бетховена	0,23	-0,02	-0,93	0,14
тема	0,35	0,13	-0,81	-0,19
ее	0,29	-0,29	-0,57	-0,47

В отличие от факторов, презентующих просодическую организацию данного текста (см. 2.1.3), в семантических факторах отсутствует полюсность концентрации смыслов: все показатели факторной нагрузки лексем здесь обладают знаками одной корреляционной направленности (отрицательной). Объясняться это может тем, что просодическое акцентирование информации может осуществляться только при помощи интонационных контрастов, область же смыслов выступает в данном контексте в качестве синтезирующего пространства, в котором реализуются наиболее актуальные для текста семантические тенденции.

Фактор 1 составили слова:

отрицательные значения фактора

Стою, расту, хожу, мыслю, чувствую, опираясь, поднимаюсь, начинается

Если интерпретация первого просодического фактора обнаруживает контекстуальное противопоставление природно-биологического начала человеческому «Я», последовательно эволюционирующему в сторону духовности, то первый семантический фактор объединяет все этапы становления форм жизни от пассивно-материального состояния (растения) до активно-духовного (творчество). Синтезирующее действие смысла подчеркивается тем, что слова, вошедшие в этот фактор, представляют собой предикативы. Они не членят мир на предметы, имеющие границы, а значит, противопоставленные друг другу, они обнаруживают те функции, состояния, действия, которые способны соотноситься с достаточно большими классами предметов, объединяя их таким образом.

Так, предикаты *стою, расту, хожу* в рамках текстового пространства произведения М.М. Пришвина соотносят *растение, животное* и *человека* как разные формы проявления вселенской витальности, каждая ступень развития которой отличается от другой только количеством и разнообразием характеризующих их предикативов. «Скрепляющая» роль лексем первого семантического фактора подтверждается также тем, что, повторяясь в параллельных конструкциях, они обеспечивают преемственность темы текста и создают ус-

ловия для ее усложнения через постепенное наращивание смысла при каждом новом повторе.

Лексемы первого фактора не только четко определяют этапы эволюции всего живого, актуализирующиеся в данном тексте, не только указывают на то, чем качественно отличается каждый этап на эволюционной лестнице (между *растением* и *животным – хожу*; между *животным* и *человеком мыслю, чувствую, опираясь, поднимаюсь*), но и обнаруживают имплицитный конфликт, связанный с неопределенностью, проблемностью эволюционного перехода *человек – творец*. Принципиально новое для *человека* состояние творчества маркируется одним предикатом *начинается*, который исключает одушевленное существо из позиции своих возможных актантов и требует обязательного смыслового уточнения. Присутствующие в тексте распространители: «*И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое*» – переводят текст в иную эмоциональную и, соответственно, просодическую тональность, но не снимают наметившегося философского конфликта, так как содержат конкретизацию, в контексте заявленной проблематики совсем не обязательную. В данной связи первый фактор интерпретируется нами как *контекстуально-семантический*, отражающий конфликт, заложенный на уровне подтекста.

Фактор 2 составили слова:

отрицательные значения фактора

Я, растение, животное, человек, земля, ноги, вся (все), небо

Примечание. Жирным шрифтом обозначены лексемы, имеющие факторную нагрузку менее -0,7, а курсивом – лексемы, факторная нагрузка которых приближается к пороговым значениям.

Второй семантический фактор так же, как просодический, имеет *конвенционально-смысловую* природу. Однако принцип нейтрализации противоположностей действует и здесь. Противопоставленность человека и мира трансформируется в данном случае в единство всех частей космоса как целого, то есть актуализируется естественно-природный порядок с гармоничным соположением вещей и существ, а не антропоцентричное устройство с традиционной для него дихотомией человеческое «Я» / космос. Всеобъемлющее

действие естественно-природного единства более рельефно обнаруживается при привлечении для интерпретации лексем, факторная нагрузка которых приближается к порогу значимости. Так, местоимение *Я* выполняет функцию объединения слов *растение, животное, человек* (ср. в тексте: *я растение; я животное; я человек*) в рамках феномена *разные формы проявления жизни*, органичного именно для космоцентрической модели мира. Лексемы *земля* и *небо*, а также *вся / все*, соответственно относящиеся к *земле* и *небу*, задают пространственное членение мира, в котором развивается жизнь. Заметим при этом, что отмеченная дифференциация задана исключительно природной, а не социальной логикой. В контексте отмеченного пространства понятным становится факторный акцент на лексеме *ноги* (*земля под моими ногами*), которая, очевидно, подчеркивает естественную связь человека (так же, как растения и животного) с землей, то есть с естественно-природным миром.

Фактор 3 составили слова:
отрицательные значения фактора
Бетховена, тема, ee

Третий фактор, судя по всему, содержит лексем, выражающие разрешение общей темы произведения в соответствии с композиционной логикой (развязка). Фамилия немецкого композитора призвана здесь персонифицировать новое качество человека как становящегося существа – способность к творчеству. Причем, выдвигая на первый план творящего субъекта, данный фактор переориентирует смысловую направленность самого текста, в котором акцент делается на результате творческого процесса: «И начинается *симфония Бетховена...*». Этот результат попадает в фактор в виде местоимения *ее*, факторная нагрузка которого не достигает, но приближается к -0,7. Местоименная замена «снимает» конкретику определенного результата, трансформируя его в любой результат любого творческого процесса или творческого процесса вообще. Центральное же место в факторе, наряду с творческой личностью (*Бетховен*), занимает *тема*, олицетворяющая собой смысловую концентрацию всего эволюционного процесса, который был представлен в тексте (*и тема ее: все небо – мое*). В силу того, что в третий

фактор выделились слова, указывающие на возможное разрешение заявленной в произведении темы и «снятие» наметившегося в первом факторе конфликта, мы определяем его как *концептуально-гармонизирующий*.

Четвертый фактор выражается только одним словом: *симфония*. Очевидно, что данных для полноценной интерпретации этого фактора не достаточно. Однако попробуем предположить, что указанная лексема отражает особенности смысловой организации текста, подчиненной четырехчастному (то есть симфоническому) принципу: растение – животное – человек – творец.

Таким образом, метод семантического картирования, представляющий структуру текста как систему тотальной связности его лексических единиц, позволяет, используя современные статистические процедуры, моделировать процесс становления цельности текста. Данный подход является нетрадиционным, поскольку вместо обычного постулирования связности и цельности текста как одной из многочисленных лингвистических дихотомий предлагаются пути исследования цельности текста со стороны его связности. Выделенные в ходе применения факторного анализа структуры позволяют, в свою очередь, устанавливать иерархии семантических структур и сопоставлять их с теми структурами, которые были реконструированы в ходе факторизации просодических параметров физического пространства текста.

Между тем, в ходе семантико-просодического анализа текста и интерпретаций результатов факторного анализа семантической карты текста выявилась основная проблема: сопоставление результатов факторизации параметров разных пространств текста и разных текстов. Возникает вопрос: возможна ли выработка алгоритмов анализа, позволяющих без особого труда осуществлять данные процедуры. Пути решения указанной проблемы будут предложены в последующих параграфах.

2.2.2. Системно-структурная значимость компонентов семантического пространства текста

В предыдущем параграфе была отчасти затронута очень важная проблема: как представлять семантическую структуру текста. В подавляющем большинстве работ в качестве модели используются древовидные структуры. Полагается, что данный тип структур лучше всего отражает аналитико-синтетические механизмы текстовой деятельности. В конечном счете, именно такие модели семантического пространства текста лежат в основе работ Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, Л.Н. Мурзина, А.И. Новикова, Л.В. Сахарного, В.Д. Тункель и др.

Так, А.А. Леонтьев, характеризуя психолингвистическую природу цельности текста, замечает: «Суть феномена цельности – в иерархической организации планов (программ) речевых высказываний, используемых реципиентом при восприятии данного текста» [Леонтьев-2003, с. 136]. Иерархичность программ при восприятии текста опирается на структурированную автором сообщения систему смыслов, отраженную в структуре текста.

Л.В. Сахарный также полагал, что цельность «может быть представлена в виде древовидной иерархии смысловых компонентов текста (субцельностей). Между такими субцельностями устанавливаются тема-рематические отношения, где цельность более высокого порядка является темой для цельности более низкого порядка» [Сахарный-1998, с. 7]. Сквозь призму тема-рематических отношений говорится о синтезе текста (законе инкорпорирования) в концепции Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн [Мурзин-1991].

Смысловая организация текста может быть описана и моделью иерархии смысловых предикатов, разработанной Н.И. Жинкиным, В.Д. Тункель и Т.М. Дридзе. Н.И. Жинкин отмечает, что «всякая речь может быть сведена к системе предикатов, которые, последовательно дополняя друг друга, раскрывают состав и соотношение признаков неизвестного ранее предмета действительности» [Жинкин-1956, с. 148]. Система предикатов представляет относительно собой жесткую структуру, на разных уровнях которой находятся цен-

тральные («основная мысль», «предикация первого порядка») и периферийные (предикация второго, третьего, n-го порядка) смысловые компоненты текста. Таким образом, данная модель также является дендроструктурой.

В ряде работ А.И. Новикова [Новиков-1982;-1989], а также А.И. Новикова и Е.И. Ярославцевой [Новиков-1990] последовательно разворачивается концепция о денотативной структуре текста. Характеризуя его семантическую организацию, А.И. Новиков пишет: «Результатом <...> смысловой переработки текста является совокупность денотатов, которые образуют систему, способ организации которой имеет принципиальное отличие от организации текста на уровне языковых единиц. Это отличие в том, что структура денотатов соотносится с логикой предметных отношений, которые лежат в основе ее организации, а не с логикой изложения этого содержания. Система денотатов формируется по иерархическому принципу. Ее иерархия определяется не композиционно-логическими закономерностями строения текста, а характером отношений между предметами, существующими в реальной действительности» [Новиков-1982, с. 20]. При таком подходе содержание текста – это система его денотатов, которая представляется в виде графа (древовидной структуры), вершину которой занимает тема текста. Подобное же понимание структуры текста характерно и для работы [Андреева-2001].

Кроме иерархических дендроструктур при описании семантического пространства используются сетевые, связанные, в первую очередь, с понятием ассоциативно-вербальной сети, и пространственные модели, стремящиеся учесть многомерность семантики текста (изучение многомерности особенно характерно для психосемантики) [Артемьева-1999; Белянин-2000а,б; Залевская-2001; Коммуникативная...-2001; Леонтьев-1990; Петренко-1990; Серкин-1990 и др.]. Необходимо заметить, что когда мы говорим о типах моделей семантики текста, то семантикой текста полагаем родовое понятие. Отдельными проявлениями его могут быть: семантика текста в процессах восприятия / понимания (тема, микротемы, смыслы, концепты, проекции, ассоциативные сети и др.), структуру которых с большей или меньшей степенью об-

разуют компоненты, привнесенные концептуальной системой индивида (средой); семантика, связанная с деятельностью самого исследователя в процессе анализа текста (тема, микротемы, тема-рематические иерархии, денотаты и пр.). В семантическое пространство текста включаются также значения (слов, устойчивых выражений), ключевые слова и др.

Дендроструктуры и др. типы структур зачастую полагаются атрибутом семантического пространства текста, между тем, *в рамках системнодеятельностной методологии нужно принять известные положения, что базовые теоретические конструкты всегда являются взаимозависимыми от используемого метода, а модели объектов в снятом виде содержат информацию о способах и алгоритмах их построения.* Применительно к нашему случаю, это означает, что дендроструктуры текста являются производными от исследовательского метода, вектор которого направлен на такое структурирование текста, в основе которого лежит принцип «от частного к общему» и, наоборот, «от общего к частному». Кроме того, полагается, что каждый текст с необходимостью обладает цельностью, которая и становится синтезирующей все единицей. Но стоит нам изменить принципы структурирования, как одновременно изменятся и структуры и модели.

Так, например, семантическая структура текста в нашем исследовании может быть представлена в виде семантической карты. Одновременно, с применением метода факторного анализа модель организации семантического пространства текста представляется в виде объекта, расположенного в *n*-мерном факторном пространстве, где мерность пространства задается количеством факторов, сами факторы не зависимы друг от друга, ортогональны. Мы не приводили графического изображения семантического пространства текста на осях выделенных факторов в силу громоздкости и сложности рисунка, ограничившись интерпретацией численно выраженных структур. Если же мы применим к полученной в ходе эксперимента семантической карте операцию кластерного анализа, направленного на представление системы пе-

ременных в виде дендрограммы, то получим модель семантического пространства текста в виде дендроструктуры²⁶ (см., например, рисунок 18).

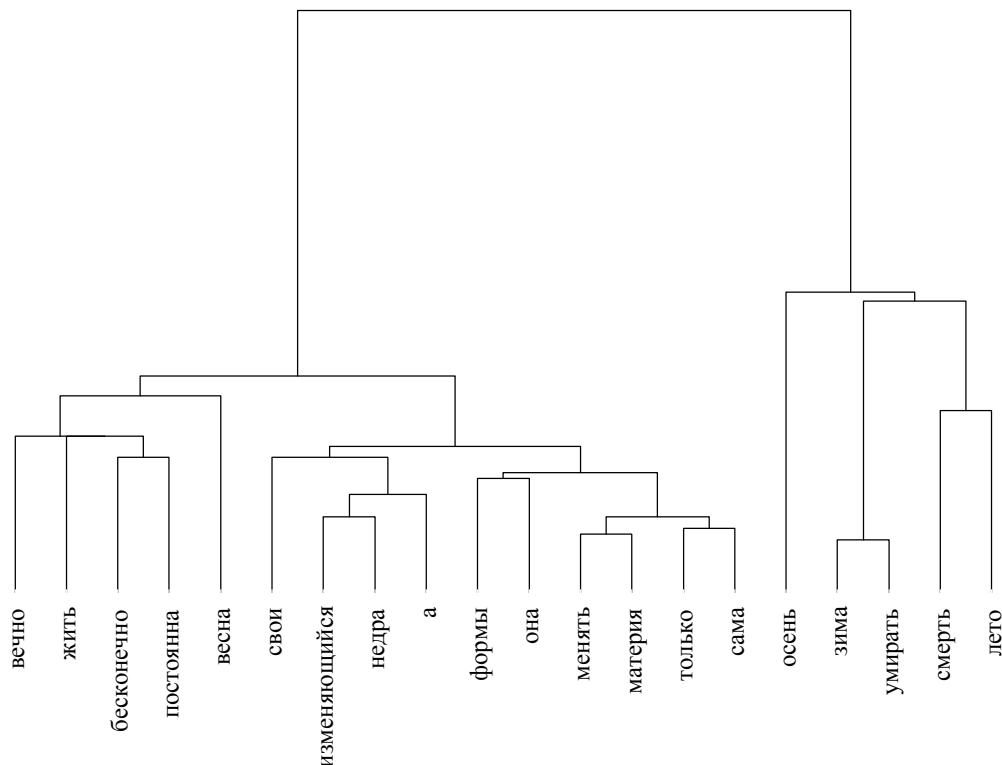

Рисунок 18. Дендроструктура текста В.П. Катаева *Лето...* (получена в ходе кластеризации семантической карты данного текста)

Примечание. Кластер-анализ выполнен с помощью специализированной статистической программы Statistica. Наименование объектов (слова) даны на горизонтальной оси. Вертикальная ось показывает расстояние между объектами. Два объекта являются наиболее близкими друг другу тогда, когда расстояние между ними наименьшее.

На рисунке 18 видно, что в рамках всей структуры можно выделить кластеры (группы) слов, имеющие разную степень общности. На первом этапе анализа выделяются два больших кластера: 1) *лето, смерть, умирать, зима, осень* и 2) *сама, только, материя, менять, она, формы, а, недра, изменяющийся, свои, весна, постоянна, бесконечно, жить, вечно*. Первый кластер связан с «пространством смерти», о котором уже говорилось в 2.2.1.

²⁶ Кластерный анализ – это классификация данных в наглядные структуры-кластеры. Вначале объединяются слова, которые семантически ближе всего друг к другу, потом эти пары вновь объединяются с теми парами, что стоят ближе к ним и т.д. Появляются ряды кластеров, организующие материал на разных уровнях семантической близости. В результате получается своеобразное дерево кластеризации – дендроструктура.

Тем самым, в рамках разных моделей мы получаем сходные результаты. Что же касается второго большого кластера, то он, в свою очередь, распадается на ряд более мелких кластеров: 1) *вечно, жить, бесконечно, постоянно, весна*, который можно назвать *весна и ее атрибуты* и 2) *сама, только, материя, менять, она, формы, а, недра, изменяющийся, свои*, связанный с *атрибутами материи*. В каждом из данных кластеров, в свою очередь, могут быть выделены более мелкие кластеры – и так до тех пор, пока в процессе анализа в качестве составляющих не будут выделены отдельные слова. Если же идти «от частного к общему», то процесс синтеза сводится к установлению переходных структур, в которые объединяются слова; затем структур, в которые синтезируются объединения слов (микротемы) и т.д.

Таким образом, тип структуры семантического пространства полностью мотивирован методом и принципами исследования. Возникает вопрос: какие модели лучше использовать в процессе анализа текста. Конечно, тип модели напрямую соотносится с задачами исследования, например, дендроструктура лучше подходит для изучения иерархических отношений, пространственные модели – в случае разнопорядковых (разноприродных) компонентов и т.д. Тем не менее, у этих моделей (особенно дендроструктур), несмотря на кажущуюся формализацию, возможности не так велики.

Достаточно обратить внимание на то, что очень часто изучение текста с помощью дендромоделей заканчивается на этапе их построения: *реконструкция дендроструктуры становится целью работы* (см., например, [Андреева-2001]). Действительно, после проведенной реконструкции текста в виде такой структуры (и ее интерпретации), становится совершенно непонятно, что делать дальше. Сопоставлять дендроструктуры разных текстов практически невозможно, значит, и классификационные задачи в рамках такого подхода не могут быть решены, и вообще какое бы то ни было обобщение проблематично.

По сути, то же самое происходит (каждый текст становится уникальным) и с просто сетевыми, и с пространственными многофакторными моде-

лями. В последнем случае основная сложность – сопоставление выделенных факторов. Поскольку в каждом конкретном случае принципы факторизации индивидуальны, соотнесение пространственных моделей затруднительно. Выход, предложенный Ч. Осгудом (унификация факторов: сила, активность, оценка) и широко используемый в психосемантике [Артемьева-1999; Леонтьев-1990; Осгуд-1972; Петренко-1990; Шмелев-1990], на практике выглядит крайне искусственным. Именно поэтому возникает необходимость в разработке новых типов моделирования семантических структур текста. Вариантом решения проблемы является *метод графосемантического моделирования*, разработанный нами совместно с Н.Л. Зелянской. Преимущества данного метода проявляются в его меньшей искусственности по сравнению с факторным анализом и ориентацией на относительно простые графические модели.

Метод графосемантического моделирования является методом, разработанным для анализа языковых, литературных и культурных объектов и применялся при исследовании функционирования системы литературоведческих категорий в рецептивных пространствах учительского и филологического микросоциумов [Зелянская-2005], в маркетинговых исследованиях, посвященных языковым аспектам продвижения продукции [Белоусов-2005д]. Во втором случае, выполняя заказ креативного агентства e-generator, мы проанализировали 887 текстов-примитивов (наименований водки сегмента «малый премиум»), созданных в ходе открытой генерации на сайте www.e-generator.ru. В работе над названиями приняли участие 346 человек. Используемый метод в данном случае позволил «создать целостную концепцию восприятия разных названий и групп названий данного вида продукции» [Там же, с. 102]. *Графосемантическое моделирование* представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества и включает в себя определение системно-структурной значимости каждого компонента множества. В качестве такого множества, как правило, выступает либо принципиально незамкнутая сово-

купность данных, либо некоторая целостность, состоящая из конечного набора компонентов. Основное условие, позволяющее использовать описываемый метод – наличие связей между компонентами. Характер связей, конечно, может заметно различаться.

Метод графосемантического моделирования позволяет представить набор данных (выборку, целостность) в виде системы, в которой каждый из компонентов имеет иерархическую и топологическую определенность по отношению к другим компонентам и системе в целом. Эта структурная контекстуальность и позволяет интерпретировать каждый компонент системы.

Само построение семантического графа из уже имеющихся (предварительно выявленных) семантических связей состоит из ряда простых операций: 1) необходимо расположить компоненты на графической плоскости, 2) определить из всего набора обнаруженных связей значимые (главным образом, учитывая статистические закономерности), 3) с помощью соединительных стрелок отметить наличие установленных связей между компонентами. После построения семантического графа мы переходим к следующему этапу – определению роли компонентов и структур в рамках всей системы. Нередко возникает ситуация, когда система распадается на ряд автономных структур. Каждую из них можно считать самостоятельным графом. Но, как правило, в рамках всей системы один из графов (с наибольшим числом компонентов) становится доминирующим. Таким образом, анализ построенной модели предполагает выявление автономных структур и образующих их подструктур, определение их статуса (доминантная, периферийная). Затем исследуются компоненты, входящие в каждую из структур. В целом, все компоненты можно разделить:

1. По степени принадлежности к той или иной подструктуре:

- а) принадлежащие одной подструктуре; б) принадлежащие нескольким подструктурам одновременно.

2. По роли в подструктуре:

а) *ядерные компоненты* (группирующие вокруг себя некоторое количество зависимых от них компонентов, но не имеющие непосредственной связи с другими ядерными компонентами); б) *второстепенные компоненты* (образующие какое-то количество связей помимо связи с ядерным компонентом подструктуры, но не имеющие связи с другими ядерными компонентами); в) *компоненты-посредники* (связывающие две автономные подструктуры); г) *тупиковые компоненты* (связанные только с одним компонентом (ядерным, второстепенным, посредником)).

Рассмотрим в аспекте графосемантического моделирования тексты В.П. Катаева *Лето...* и М.М. Пришвина *Я стою и расту...*

Лето умирает. Осень умирает. Зима – сама смерть. А весна постоянна. Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи, только меняет свои формы.

В.П. Катаев

Семантический граф исследуемого текста приведен на рисунке 19. Количество информантов было увеличено до 52. Жирными линиями обозначены семантические связи, которые встречались в реакциях более чем 60 % информантов. Тонкими линиями – семантические связи силой от 40 % до 60 %.

На рисунке 19 видно, что семантическое пространство текста является собой *единую структурированную целостность* (выделенное курсивом словосочетание не является плеоназмом, поскольку встречаются случаи, когда в пределах семантической системы выделяются обособленные структуры). Периферийную подструктуру образуют компоненты *лето, зима, осень, умирает, смерть, весна*; ядерную подструктуру – *весна, вечно, живет, бесконечно, постоянно, формы, менять, изменяющийся, материя*. В рамках всей структуры можно (на первом этапе) выделить ядро – *весна*. Кроме ядерной *весна* выполняет и посредническую функцию – связывает две подструктуры, из которых одна является доминантной (по числу входящих в нее компонентов). Поскольку же в каждой из подструктур компонент *весна* не исполняет ядер-

ных функций, поэтому будем считать, что данный компонент играет посредническую роль.

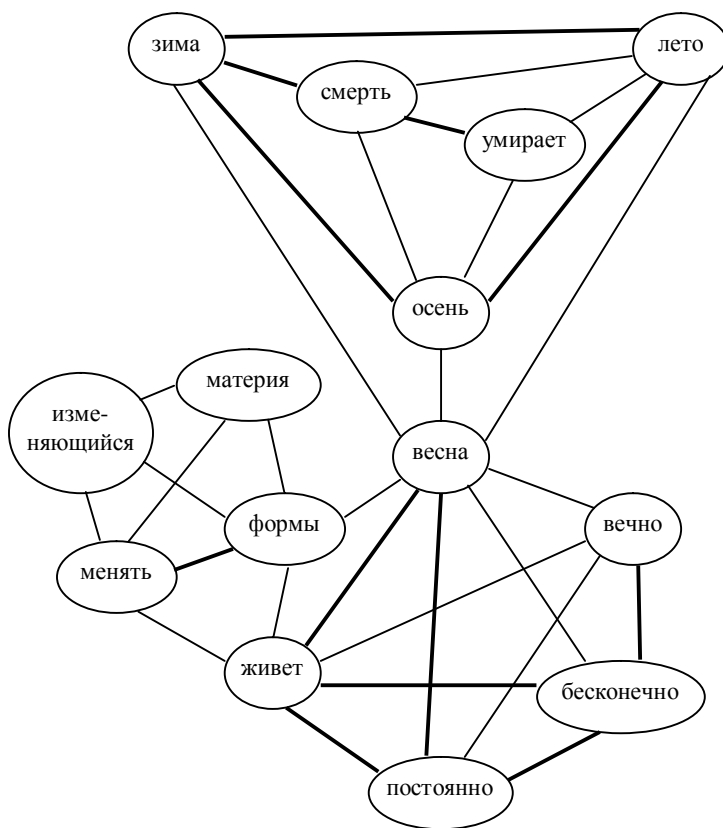

Рисунок 19. Графосемантическая модель текста *Лето...*

В периферийной подструктуре, образованной компонентами *зима*, *лето*, *осень*, *умирает* и *смерть*, названную ранее «пространство смерти» (см. параграф 2.2.1.) отсутствует ядро, поскольку *лето* и *осень* имеют равное количество связей, *зима* же, несмотря на то, что связана с меньшим числом компонентов, имеет более сильные связи с ними. Здесь, как нам представляется, проявляется действие тенденции дискретизации текста, которая также отражена и в синтаксической его организации: первые однотипно построенные предложения связаны друг с другом параллельной связью, что делает их относительно свободными, не создающими более сложные организованности. Появление союза *а*, который имеет значение противопоставления, также способствует росту дискретности, поскольку членит языковую материю на две части. Подобную роль играет и союз *только*, хотя он и не имеет значения противопоставления, а уточняет качество *бесконечности жизни весны* как

бесконечности ее изменяющихся форм. Континуальность же как явление, преодолевающее дискретность, в наиболее явном виде реализуется в синтагме *Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи*. Здесь, на уровне предложения, текст впервые обретает синтаксическую глубину, в отличие от плоскостных отношений с сугубо координационной связью, реализованной в первых предложениях.

Периферийная подструктура «пространства смерти» связана лишь опосредованно с доминантной подструктурой, ядром которой является компонент *живет* (большее количество связей; связанность практически со всеми компонентами подструктуры; более сильные связи). Сама подструктура может быть названа «пространство вечной / бесконечной жизни». В этой связи становится интересным тот факт, что *весна* является важным структурным компонентом, как первой, так и второй подструктуры. Таким образом, *весна* и входит в «пространство вечной / бесконечной жизни», и исключается из него, поскольку является составляющей «пространства смерти». Здесь наблюдается то же самое явление, какое было отмечено нами при интерпретации данных факторного анализа, где *весна* также исключалась из структуры, презентующей «пространство вечной / бесконечной жизни». Особый интерес представляет компонент *формы*, стремящийся к тому, чтобы стать альтернативным ядром для компонентов *менять, изменяющийся, материя*. Компоненты *материя, изменяющийся* соотносятся со всей структурой только благодаря данному компоненту, кроме того, он стремится «перетянуть» на себя связь и с компонентом *менять*. Таким образом, эта часть доминантной подструктуры, связанная с семантическим полем «изменения материи», находится в сильной зависимости от компонента *формы*, что позволяет определить его статус как посреднический. Проведенная интерпретация графосемантической модели текста, конечно, не является единственно возможной.

Но в любом случае, графосемантическая модель, созданная с использованием семантической карты текста на основе показателей силы связи между лексемами, позволяет выявить семантические доминанты текста, определить

наиболее продуктивные связи и с указанных позиций интерпретировать данный текст. Используя графосемантическую модель, можно определить меру значимости каждого элемента в системе. В качестве одного из вариантов расчета меры системной значимости компонентов мы предлагаем следующую формулу:

$$C_i = s_i \sum p_{ij}, \quad (1)$$

где C_i – значимость i -го компонента системы, s_i – статусный коэффициент i -го компонента, p_{ij} – сила связи i -го компонента с j -ым компонентом системы.

Статусный коэффициент компонента системы устанавливается как:

- 1, если компонент тупиковый
- 2, если компонент второстепенный
- $s_i = 3$, если компонент ядерный периферийной структуры
- 4, если компонент посредник
- 5, если компонент ядерный доминантной структуры

Для определения силы связи i -го компонента с j -ым компонентом системы также предлагается ранговая модель, в основе которой положен принцип достоверности связи:

- 1, если уровень достоверности меньше 0,4
- $p_{ij} = 2$, если уровень достоверности больше 0,4 но меньше 0,6
- 3, если уровень достоверности больше 0,6

Системная значимость каждого элемента, рассмотренная с позиции всей совокупности, является еще одним (наряду с позиционной локализацией) *независимым параметром*, характеризующим поведение системы в целом. Графосемантическое моделирование при исследовании текста позволяет перевести количественные значения силы связи между элементами, представленные семантической картой текста, в качественно-количественные показатели системно-структурной значимости каждого элемента. Таким образом, метод графосемантического моделирования выполняет *основную функцию модели* – генерирование новых знаний об объекте. Используя графосемантическую модель и ее интерпретацию, в ходе которой проясняется роль

каждого элемента в структурной организации текста, можно определить меру системной значимости всех лексем исследуемого текста (см. таблица 15).

Таблица 15. Значимость лексем в структуре текста В.П. Катаева *Лето...*

<i>Слово</i>	<i>Значимость</i>	<i>Слово</i>	<i>Значимость</i>
лето	24	живет	75
умирает	14	бесконечно	22
осень	24	в недрах	0
зима	22	вечно	18
сама	0	изменяющейся	12
смерть	20	материи	12
а	0	только	0
весна	72	меняет	18
постоянна	22	свои	0
она	0	формы	44

Из таблицы 15 видно, что значимость лексем данного текста имеет существенные колебания от нулевых значений (*сама, а, она* и др.) до значений, достигающих 75 (*живет*) и 72 (*весна*), между которыми с большим отрывом располагаются остальные показатели (среди них выделяется значение 44 (*формы*)). Естественно, на этом этапе сложно сказать, что стоит за конкретными значениями: необходимо измерить предложенным методом большое число текстов, сопоставить полученные результаты и пр. Но уже и сейчас ясно: показатели системно-структурной значимости компонентов можно использовать в процессе анализа текста, особенно в аспекте оценивания оптимальности / неоптимальности формы конкретного текста. Системно-структурная значимость компонентов отражает их иерархию в *симультанном* семантическом пространстве. Поэтому представляет особый интерес то расположение элементов (а значит, развертка структурной иерархии), которое будет осуществлено в процессе сукцессивной реализации целостности. Поднятые проблемы будут рассмотрены в третьей главе, здесь же для сопоставления обратимся к графосемантическому анализу текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...* (его семантическая карта приведена в таблице 14).

Я стою и расту – я растение.

Я стою и расту, и хожу – я животное.

Я стою и расту, и хожу, и мыслю – я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

*Опираясь на землю, я поднимаюсь, и надо мною небо, все небо мое.
И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое.*

М.М. Пришвин

Графосемантическая модель текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...* приведена на рисунке 20.

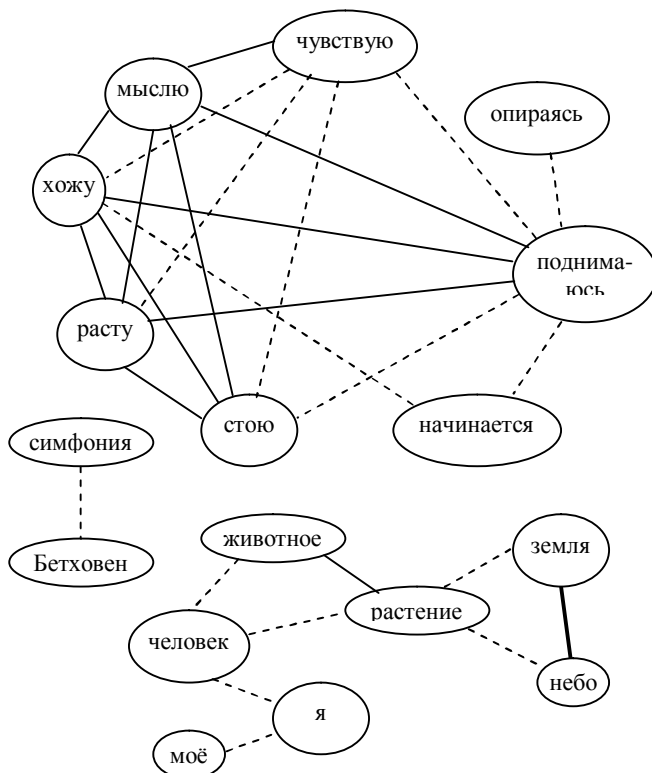

Рисунок 20. Графосемантическая модель текста *Я стою и расту...*

Представленная графосемантическая модель отражает смысловую динамику текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...* Так, три автономные структуры соответствуют трем смысловым блокам, одновременно присутствующим в тексте, взаимодополняющим и взаимообъясняющим друг друга. В целом смысловая динамика, обнаруженная моделью, может быть соотнесена с интерпретацией факторного анализа семантической карты (см. 2.2.1.) данного текста. Действительно, лексемы *стою, расту, хожу, мыслью, чувствую, опираюсь, поднимаюсь, начинается*, образующие первую структуру, полностью повторяют слова, вошедшие в первый фактор, и, соответственно, презентуют идею эволюции всего живого. Вторая структура (в ней оказались слова *мое, я, человек, животное, растение, земля, небо*) воссоздает разные формы эволюционирующей жизни и космическое пространство, в котором они взаимодействуют. Третья же структура (*симфония, Бетховен*) выражает

высшую ступень развития, на которой становится возможным творчество. Однако в отличие от факторного анализа графосемантическая модель воссоздает реальные связи между лексемами, позволяющие нам уточнить некоторые смысловые нюансы.

Магистральные связи (то есть более 40 %) в первой структуре образуют лексемы *стою, расту, хожу, мыслю, чувствую, поднимаюсь* – то есть предикаты, непосредственно выражающие эволюционные этапы. Действительно, как мы показывали ранее, глагол *начинается* демонстрирует переход к принципиально новому для человека состоянию, непосредственно не относящемуся к поступательной эволюции форм жизни, а связанному уже с творческой активностью самого человека. Что же касается деепричастия *опираясь*, то оно примыкает к *поднимаюсь* и грамматически, и семантически, поэтому не имеет прямой значимой связи с другими лексемами. Определенной смысловой зависимостью обладает и глагол *чувствую* (у него только одна связь более 40 %). В контексте произведения он требует обязательного распространения, поясняющего его семантическую роль: *Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля* – акцент смещается с процесса чувствования на то, что чувствуется, поэтому нельзя говорить о самостоятельности и значимости этапа *чувствовать* в эволюционном процессе.

Среди глаголов, образующих в первой структуре сильные связи особо выделяется *мыслить*, так как все его пять связей превышают 40 %. Можно сказать, что в тексте данная лексема является знаковой, она знаменует поворотный в эволюционном процессе момент – появление человека. Однако в структуре *мыслить* все-таки не занимает ядерной позиции. Если принимать во внимание общее количество связей, то ядром первой структуры, несомненно, является лексема *поднимаюсь*, она связана со всеми остальными членами структуры. На наш взгляд, семантическая значимость данного глагола объясняется явной его символизацией в контексте всего произведения. Сильные связи с *расту, хожу, мыслю* указывают на имплицитное присутствие символического смысла глагола *поднимаюсь* в их семантике, так как на

каждом новом этапе развития жизнь как бы поднимается над собой, преодолевает себя и переходит на новую ступень. Непосредственному появлению глагола *поднимаюсь* (который одновременно заключает в себе и прямое, и переносное значение) контекстуально предшествует полное «прозрение» я в свою чувственно-человеческую природу. Фраза *Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля* соединяет все предшествующие этапы в одно конституирующее ощущение – связи с землей. В преодолении (в прямом и символическом смысле) этой связи и состоит следующий этап эволюции, презентирующийся словами *поднимаюсь* и неопределенным *начинается*.

Анализ второй структуры дает представление о тех формах жизни, которые появляются в процессе эволюции, и конфликте их соотношения. Ядром данной структуры является лексема *растение*, представляющая собой первую актуализировавшуюся в тексте форму жизни, начало эволюции. Однако нельзя сказать, что *растение* здесь фокусирует все имеющиеся смысловые связи, то есть несет на себе функцию ядра в чистом виде. Данное слово скорее совмещает роли ядерного и посредующего компонентов: об этом свидетельствует разделение структуры на две неявные подструктуры: *растение, земля, небо* и *растение, животное, человек, я, мое* – структурно и семантически соединяющим членом в которых становится *растение*. Наименьшая подструктура характеризуется действием наибольшей силы связи: корреляция между лексемами *земля* и *небо* – более 60 %. Как мы уже отмечали, эта пространственная вертикаль символизирует первоначальную космическую гармонию, единство всех форм жизни. *Растение* как первая форма дифференцирующейся жизни размыкает это единство, но еще не теряет связи с ним.

Лексемы *растение, животное* и *человек* семантически предполагают друг друга, так как в тексте они соотношены как разные формы эволюционирующей жизни. Но *животное* и *человек* не имеют связи с единством *земля – небо*; будучи более сложными проявлениями витальности, они уже никак не репрезентируют первоначальное единство. Постепенное отклонение более

сложных форм жизни от естественно-природной логики обнаруживается в ослаблении связей между ними: если связь *растение – животное* превышает 40 %, то корреляции *человек – растение* и *человек – животное* уже не достигают сорокапроцентного барьера. Компонент второй структуры *человек*, кроме того, образует собственные независимые связи, призванные показать личностную эволюцию человека (*человек – я*), логически завершающуюся уже сугубо социальной дифференциацией мира по принципу свое / чужое (*я – мое*). Данный эволюционный апогей предполагает не только полное отторжение естественно-природных законов и утверждение человеческих, но и в контексте наивно-нарциссического *...и надо мною небо, все небо мое* – обнаруживает богоборческие мотивы.

Графосемантическая модель, как и предшествующие интерпретации данного текста, открывает проблемность и неоправданность развязки, рисующей оптимистический исход эволюции человека, утверждающего свое господство, в человека-творца. Третья структура, презентирующая чистую возможность творчества, в контексте всей системы носит случайный характер: она абсолютно не встраивается в общую семантическую логику. Если первая и вторая структуры взаимодополняют друг друга, развивая общую тему, то третья структура сложно соотносима с остальными, и ее интерпретация – это плод наших герменевтических допущений. Оба компонента этой структуры необязательны, что подчеркивается еще и слабой связью между ними (не достигает 40 %). Таким образом, неразрешимость финала и семантическая неопределенность предложенной в произведении развязки становится очевидной при построении динамической системы смыслов, репрезентированных в графосемантической модели.

Из таблицы 16 видно, что наибольшей системно-структурной значимостью обладает компонент *поднимаюсь* (40), остальные компоненты имеют гораздо меньший вес. Что касается компонента *поднимаюсь*, то он, как уже говорилось, выполняет структурообразующие функции. Обращает на себя внимание и крайне низкая значимость компонентов *симфония* и *Бетховен*,

что опять-таки свидетельствует об их случайном присутствии в пространстве текста.

Таблица 16. Значимость лексем в структуре текста М.М. Пришвина
Я стою и расту...

Слово	Значимость	Слово	Значимость
Я	4	ноги	0
стою	16	вся (все)	0
и	0	опираясь	1
расту	18	поднимаюсь	40
растение	20	небо	8
хожу	20	мое	1
животное	6	начинается	4
мыслю	20	симфония	2
человек	6	Бетховен	2
чувствую	12	тема	0
земля	8	ее	0

Если сопоставить показатели системно-структурной значимости двух текстов (то есть данные, представленные в таблицах 15 и 16), то можно заметить, что в тексте *Лето...* в гораздо большей степени выражена лидирующая роль ядерных компонентов и компонентов-посредников. Значимость же второстепенных элементов примерно одинакова. Видимо, большой отрыв в значениях системно-структурной значимости между ядерным и периферийными элементами в данном случае необходим для того, чтобы система существовала в виде одной структуры (как в тексте *Лето...*), а не распадалась на ряд автономных структур (как в тексте *Я стою и расту...*). Высказанную гипотезу мы будем проверять в дальнейшем на других текстах.

В заключение необходимо отметить, что приведенный анализ графосемантической структуры призван показать, что, несмотря на множественность интерпретаций, информанты (квалифицированные филологи или же рядовые читатели) устанавливают некоторые иерархии интерпретационных стратегий. Статистически значимые презентанты данных стратегий, представленные в виде графосемантической модели, отражают доминантные смыслообразовательные тенденции в тексте, а потому обладают интерпретационной силой универсального характера. Графосемантическая модель, с опорой на допол-

нительно вводимые теоретические конструкты, позволяет количественно определить системно-структурную значимость всех компонентов симультанного семантического пространства, которая является еще одним (наряду с позиционной локализацией) независимым параметром, характеризующим поведение системы в целом. Найденные значения, в дальнейшем можно использовать для поиска оптимальных форм организации текста.

Выводы по второй главе

Исследование текста как материально-идеального единства основывается на системнодеятельностном рассмотрении текста и формы текста, результатом чего становится выделение предметных проекций текста – текстовых пространств и текстовых структур. В силу общности текстовых структур (все структуры – проекции одной и той же формы на предметные плоскости) создается теоретическая предпосылка рассматривать текст в единстве его предметных реализаций. Эта теоретическая предпосылка была подвергнута специальному изучению в данной главе. Композиционно глава членится на две части, связанные с исследованием организации физического и семантического пространств, и установлением их взаимообусловленности.

Физическая организация текста исследовалась в двух формах его бытования: 1) ритмической – в аспекте анализа ритма размеров предложения (на уровне письменного текста) и 2) просодической – в аспекте изучения интенсивности акустической волны (на уровне устного текста).

Поскольку размер предложения является одним из значимых первичных параметров текста, в котором специфически преломляется семантическая и синтаксическая сложность, установка на простоту / затрудненность восприятия, уровень владения языком и пр., представляло особый интерес изучение динамики размеров предложений в целом тексте и соотнесение ее с деятельностным контекстом, а также разверткой семантического пространства текста. Для художественных текстов вхождение в создаваемую в них действительность начинается с максимальной дискретности материи текста, ко-

торая постепенно и целенаправленно преодолевается; на первый план выдвигается континуальность, являющаяся одновременно континуальностью художественного мира. Сопоставительный анализ с распределением длин предложения в текстах школьных сочинений выявил концестремительную природу учебных текстов, связанную с проблемным характером учебной деятельности. Континуальность в данном случае связана не с виртуальным миром, разворачивающимся в сочинении школьника, а с проблемным характером учебной текстовой деятельности. Таким образом, формообразование школьного текста отражает характер протекания самой учебной речевой деятельности, а не процесса становления виртуальной действительности, что происходит в художественных текстах.

Изучение распределения длин предложений в дальнейшем было связано с анализом взаимосвязи между организацией физического пространства текста и его семантической организацией. Для этого на основании полученных распределений длин предложений в 82 текстах «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева с помощью метода факторного анализа выявлялись группы, имеющие однородные параметры распределения размеров предложений. В обнаруженных группах исследовались сценарии развертки семантического пространства текста, которые и соотносились с динамикой размеров предложений. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о несомненной связи физического и семантического пространств, и более того, о *структурности* физического пространства текста.

Изучение просодической организации текста и взаимосвязи его с семантическим пространством проводилось с опорой на аппаратные методы анализа (применения компьютерной техники и специализированных компьютерных программ Cool Edit Pro и Statistica) и разработанный нами *семантико-просодический анализ текста*. В результате применения факторного анализа к системе показателей текстовой интонации было установлено, что особенности интонирования конкретного текста связаны с тремя факторами: организацией семантического пространства данного текста, внетекстовыми

конвенционально-семантическими структурами и нормативно-интонационными структурами. Способность языковой материи выполнять функции не только материального носителя, но и актуализировать различные уровни текстовой и, что особенно важно, внетекстовой конвенциональной семантики свидетельствует о социально выработанных способах организации языковой материи в целом тексте. Видно, что материальный (физический) уровень текста являет собой сложную структуру, несущую информацию самого разного рода. Структурные паттерны физического уровня текста обеспечивают не только само его существование, но и создают возможность осмысленного целостного прочтения текста, синтезируя сугубо языковые, текстовые, конвенциональные, интонационные системы в общем функциональном пространстве.

Структурирование семантического пространства в аспекте теории формообразования осуществляется в результате сканирования формы текста знаниево-языковыми структурами. В результате в силу деятельностного характера интерпретации всегда будут создаваться целостные семантические проекции формы текста, однако их конкретное содержание может очень сильно различаться. Содержание семантических проекций определяется, в первую очередь, широтой привлечения культурологического (характерно для литературоведения) и / или субъективно-личностного (характерно для психолингвистики) контекстов. Большое использование внетекстовых реалий в процессе интерпретации текста переводит изучение организации собственно семантического пространства текста в исследование бытования текста в среде (культурной, психологической и др.) и функционирования элементов среды в тексте. Именно поэтому анализ семантической организации текста как целостности осуществлялся с минимальным привлечением средовых факторов.

В результате применения метода семантического картирования, представляющего семантическую структуру текста как систему тотальной связности его лексических единиц, появилась возможность 1) соотнести факто-

ры, определяющие способ структурирования и содержание самой структуры семантического пространства с найденными ранее факторами структурирования просодического пространства одних и тех же текстов, 2) рассмотреть процесс становления цельности текста. Выявление того, что все пространство семантических связей между лексемами членится на три группы: случайные, неслучайные и промежуточные (лежащие в интервале от 25 % до 40 % встречаемости в реакциях информантов), позволило утверждать динамическую становящуюся природу семантического пространства текста.

Изучение структур семантического пространства напрямую соотносится со способом их репрезентации. В связи с этим анализировались возможности некоторых видов моделей (дендроструктур (сетевых и иерархических) и пространственных) и делался вывод, что тип структуры семантического пространства полностью мотивирован методом, целями и принципами исследования. Применение метода графосемантического моделирования позволило выявить второй независимый параметр формообразования (первый параметр – это позиционная локализация языковой единицы в тексте) – системно-структурную значимость компонентов текста, которая отражает их иерархию в симультанном семантическом пространстве.

ГЛАВА 3. ТЕКСТ КАК СУКЦЕССИВНО-СИМУЛЬТАННОЕ ЕДИНСТВО

3.1. КОНТУР ТЕКСТА КАК СУКЦЕССИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИМУЛЬТАННЫХ СТРУКТУР. ТРЕХМЕРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР

В предыдущей главе проблемное поле исследования формировалось вокруг понимания текста как материально-идеального единства. Изучая данные стороны (пространства) текста, сопоставляя их друг с другом, мы отвлекались от других важнейших его свойств, в первую очередь, сукцессивности и симультанности. Конечно, так или иначе, данные свойства были задействованы в процессе анализа, например, сукцессивность – при изучении ритма размеров предложения и в процессе реконструкции просодического контура, симультанность – в ходе семантико-просодического анализа текста, семантического картирования и графосемантического моделирования. Но все же данные свойства текстовой организации специально не рассматривались. Между тем, возникает необходимость изучения сукцессивно-симультанной организации текста, моделирования процессов перехода целого, существующего в своей одновременности, в становящееся целое. Эти аспекты бытия текста должны быть представлены в онтологической схеме объекта. Методы же их экспликации входят в структуру теории формообразования текста.

Если просодическая или ритмическая (ритм размеров предложений) организации текста предполагают сукцессивность текста и особых сложностей в процессе их моделирования с помощью позиционного анализа не возникает (см. 2.1.2. и 2.1.3.), то модельное представление сукцессивной реализации семантического пространства текста требует создания дополнительных методов и теоретических конструктов. Таким методом явился разработанный нами *метод построения семантического контура текста*, напрямую связанный с семантическим картированием, подробно рассмотренным в 2.2.1.

Метод построения семантического контура текста моделирует интенсивность семантических связей между словами текста *в поступательном*

линейном процессе его развертывания. Для этого осуществляются следующие процедуры.

1. Необходимо обратиться к исходному тексту и все лексемы (в том числе и повторяющиеся) расположить в порядке их поступления друг за другом в отдельных ячейках в программе Excel.

2. В семантической карте следует оставить только неслучайные показатели связей между словами, определяющиеся статистически (лексемы, между которыми устанавливаются неслучайные связи, входят в структуру графосемантической модели текста).

3. Оставшиеся неслучайные значения семантической связи между словами заносятся во все ячейки, находящиеся между этими лексемами. Например, значение семантической связи между словами a_s и a_z равно m . Если эти слова в тексте следуют друг за другом и не повторяются, тогда в двух ячейках, расположенных под этими словами, ставится значение m . В том случае, если между словами a_s и a_z в тексте располагаются другие лексемы, во всех ячейках, находящихся в строке от ячейки под лексемой a_s до ячейки под лексемой a_z , ставится значение m . Тем самым утверждается, что семантическая связь между двумя словами в тексте как линейризованном объекте с неизбежностью проходит по всему пространству, располагающемуся между лексемами. В случае повтора слов процедура повторяется.

4. После того, как процедура будет завершена, суммируются показатели значений семантических связей. Суммирование осуществляется в пределах каждого отдельного столбца, в верхней ячейке которого находится то или иное слово текста. Таким образом, мы получаем возможность отслеживать плотность семантических связей, приходящуюся на тот или иной момент линейного развертывания текста в процессе его восприятия.

Представленный алгоритм построения семантического контура позволяет увидеть сделанные теоретические допущения. Во-первых, предполагается, что интенсивность семантических связей между лексемами, выявленная в процессе семантического картирования, сохраняется неизменной и не зави-

сит от расстояния между лексемами (понятия контактной и дистантной связи становятся неактуальными). Во-вторых, считается, что интенсивность семантических связей между лексемами сохраняется и в случае повторов. В-третьих, полагается, что связь между лексемами в сукцессивном пространстве проходит по всему пространству, находящемуся между лексемами, то есть «втягивает» в сферу своего влияния и те лексемы, которые располагаются между этими двумя. И, в-четвертых, выявление интенсивности семантических процессов осуществляется как суммирование значений семантических связей в каждом сегменте (пространстве между двумя словоформами) текста. Выявленные допущения, в общем, не могут быть «приняты на веру», и должны быть подвергнуты специальному изучению, однако, данный комплекс проблем не является настолько простым, чтобы быть разрешимым по ходу исследования. Поэтому метод семантического картирования будет применяться с теми допущениями, которые мы сформулировали. Критерием возможности использования метода в этом его состоянии будет являться эксперимент.

Рассмотрим применение метода построения семантического контура текста на материале текста Н.И. Гнедича *Одни несчастные сострадательны...* В качестве информантов выступили 52 студента-филолога.

Одни несчастные сострадательны.

Сердце человека подобно тем древам, которые не прежде испускают целебный бальзам свой, пока железо им самим не нанесет язвы.

Только несчастный может судить несчастного.

Сердце загрубелое в счастья не в состоянии понимать злополучного.

Н.И. Гнедич

Напомним, что для построения семантического контура необходимо произвести семантическое картирование текста и получить его семантическую карту, с помощью которой и производится реконструкция семантического контура, и осуществляется графосемантическое моделирование (включая алгоритм определения системно-структурной значимости компонентов

текста). Результаты семантического картирования текста Н.И. Гнедича представлены в таблице 17.

Таблица 17. Семантическая карта текста Н.И. Гнедича (фрагмент)

	сострадательны	Сердце	древам	не	целебный	бальзам	железо	язвы	судить	загрубелое	в счастья	в состоянии	понимать	злополучного
52 Ии.														
несчастные	23	17							28	17	15			16
Сердце			13	15	15	19		15		33	20		23	25
древам						15								
не										15		19	24	13
испускают					17	18								
целебный						33		21						
бальзам							13	22						
железо								16						
нанесет								16						
может									15					
загрубелое											22		13	17
в состоянии													20	
понимать														13

Примечание. Таблица 17 отражает только значимые связи между лексемами данного текста. Выделенные значения характеризуют связи, которые отмечали испытуемые более чем в 40 % случаев. Остальные значения превышают 25 % рубеж. Например, сила связи между лексемами *целебный* и *язвы* равна 21. Это означает, что 21 испытуемый из 52 отнес данные лексемы к одной микротеме.

Прежде чем переходить к построению семантического контура текста, осуществим его графосемантическое моделирование, которое позволит получить и проинтерпретировать модель симультанного семантического пространства текста, которое в дальнейшем получит сукцессивную реализацию в виде семантического контура.

Семантический граф исследуемого текста Н.И. Гнедича приведен на рисунке 21. Жирными линиями обозначены семантические связи, которые встречались более чем 60 % информантов. Тонкими линиями – семантические связи силой от 40 % до 60 %. Пунктиром – ассоциативные связи между лексемами (не достигающие 40 %).

На рисунке 21 видно, что семантическое пространство текста представляет собой единую структурированную целостность. Ядром этой структуры,

к которому стремятся все остальные компоненты, является лексема *сердце*. В структуре можно выделить три подструктуры (основным показателем для выделения подструктур становится наличие связей, превышающих 40 %, ассоциативные же связи являются факультативными). Доминантная (по количеству компонентов) подструктура формируется вокруг компонента *бальзам*: *целебный, древо, язвы, железо, испускают, нанесет*. Ядром второй подструктуры становится компонент *сердце*: *загрубелое, злополучный, понимать, не, в состоянии*. Третья, периферийная, подструктура образуется вокруг компонента *несчастные*: *сострада- тельны, судить, может*. Особой автономно- стью в тексте обладает компонент *счастье*. Он имеет связь с двумя под- структурами, но все связи ассоциативны, поэтому нельзя точно определить, к какой из структур можно его отнести. Основной функцией этого компонента в тексте, очевидно, становится посредническая функция.

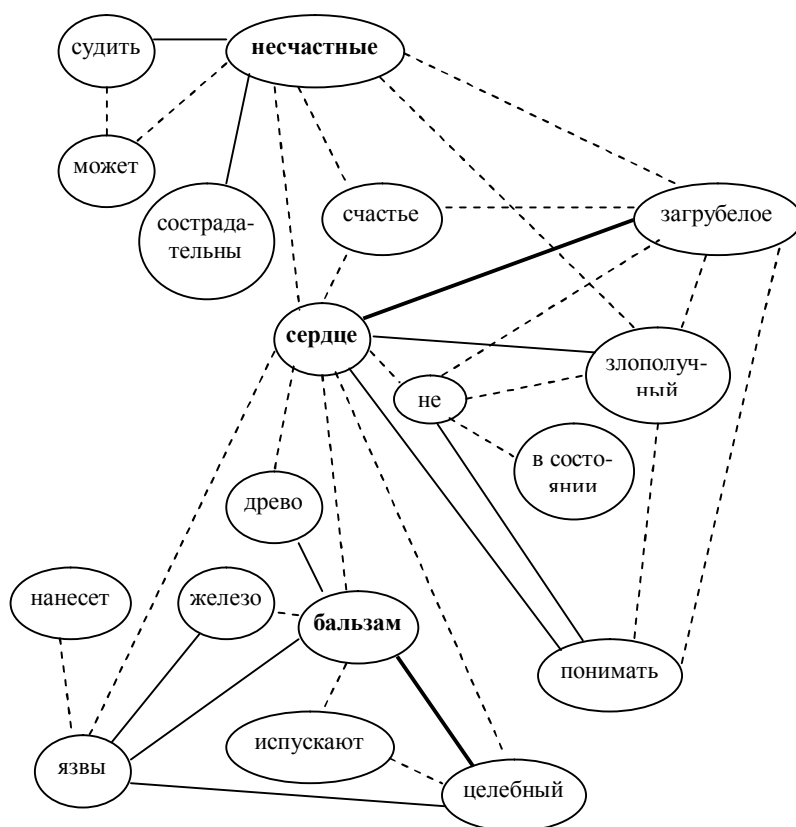

Рисунок 21. Семантический граф текста Н.И. Гнедича

Доминантная структура, в основном, состоит из компонентов, входящих в предложение-иносказание (*Сердце человека подобно тем **древам**, которые не прежде **испускают целебный бальзам** свой, пока **железо** им са-*

мим не нанесет язвы). Поскольку само иносказание реализуется в формах развернутого сравнения, оно может быть представлено в следующем виде: предмет сравнения (*сердце*) + связка + образ сравнения (*древа*). На уровне семантических связей обособление предмета сравнения приводит к ослаблению связи с другими компонентами иносказания, что способствует «вытеснению» его в другую подструктуру. Образ же сравнения, как мы видим, напротив, увеличивает интенсивность связей с распространяющими его элементами (придаточные предложения усиливают иерархичность информации, обеспечивают ее непрерывность). Поэтому ядром доминантной структуры становится не *сердце*, а *бальзам*: *бальзам* и *сердце* связаны друг с другом ассоциативно (ср. с *бальзам на сердце*), что выдвигает на первый план тему *сочувствия*. Центральным положением этой темы объясняется и слабая роль глаголов в доминантной подструктуре, поскольку в семантике лексем *испускают* и *нанесет* не присутствуют семы «сочувствия».

Естественно, тема *сочувствия* становится как бы «привязанной» к *сердцу* – «органу чувствования», что обуславливает особое место этого компонента во всей структуре. Но, очевидно, кульминации эта тема достигает в иносказании, где соотносится с *целебным бальзамом* (поэтому *бальзам* и является ядром своей подструктуры). Компонент *бальзам* имеет значимые связи с *целебный* (более 60 %), что можно объяснить устойчивостью словосочетания *целебный бальзам*, характеризующего основное свойство *сочувствия*.

Значимой также оказывается связь ядерного компонента с лексемой *древа*, так как она в иносказании занимает место образа сравнения и рассматривается в качестве источника возникновения *бальзама* (сочувствия). Интересно, что *древа* соотнесено только с *сердцем* и *бальзамом*. Возможно, отсутствие связей с другими компонентами обусловлено, в том числе, синтаксической организацией предложения: *древа* оказывается в непосредственном соседстве с *сердце* (предметом сравнения) и связкой *подобно*, образующими сравнение (*подобно древам*). С другой стороны, *древа* в сочетании с указательным местоимением *те* определяется посредством придаточного предло-

жения, в котором проясняется природа объекта. *Бальзам* же в этом придаточном является семантической доминантой (подлежащим), а более дальние связи становятся ослабленными. Также достаточно явно основной компонент соотносится с *язвами*, что обнаруживает контекстуальную соотнесенность темы *сочувствия* с темой *страдания*, объединяющего адресата и адресанта сочувствия. Микротема, которая репрезентируется доминантной подструктурой, может быть определена как *целебность сочувствия*.

Во второй подструктуре тема сочувствия раскрывается и через микро-тему *отрицание самое себя (бесчувственность)*: связь *сердце – понимать* (точнее, *не понимать*, поскольку частица *не* имеет значимую связь только с компонентом *понимать*). Понимание здесь (*Сердце загрубелое в счастье не в состоянии понимать злополучного*) – это иррациональное думанье-вчувствование. Такая репрезентация темы подкрепляется значимыми связями *сердце – загрубелое* (более 60 %), *сердце – злополучный*. Компоненты данной подструктуры реализуются в последнем предложении текста.

Семантическая связь *сердце – злополучного* сложным образом отражает развитие темы. *Сочувствие*, как отмечалось, – это духовный акт, дар (отсюда и его «целебные свойства»). Если в *несчастном* значение формируется негативно посредством отрицания ‘счастья’, то семантика *злополучного* структурируется позитивно *зло + получать*. Из синонимов *несчастный / злополучный* только в структуре последнего присутствует компонент, связанный с *дарением (получать)*. Конечно, значения обоих слов обнаруживают явные признаки эмерджентности. Тем не менее, наличие во внутренней форме таких компонентов, как *зло* и *получать* крайне важно для понимания развития темы через связи ядерного компонента всей семантической системы. В подструктуре, формирующейся вокруг ядра *сердце*, компонент *злополучного* играет роль пациента, на который воздействует поле *неспособности к сочувствию*.

Последняя из подструктур с ядром *несчастные* состоит из трех компонентов: *сострадательны, судить, может*. Несмотря на структурную маргинальность в рамках всей системы, реализация темы посредством *этих компо-*

нентов занимает в тексте два предложения (первое и третье). Слабая позиция подструктуры обусловлена тем, что в рамках небольшого по размерам набора лексем, входящих в эти предложения, три из них (*несчастные*) повторяются. Кроме такого явного повтора, в предложениях есть и синонимичный повтор: *одни – только*, так как в структуре их значений есть компоненты, выделяющие и обособляющие какие-либо элементы из общего множества родственных элементов (*одни* из всех возможных = *только* эти). Сближению предложений способствует и анафора: *одни несчастные – только несчастный*. Возможно, именно вследствие такой структурной и семантической спаянности предложения обособляются и образуют собственную подструктуру в рамках семантической системы текста.

Тема *сочувствия* реализуется в данной подструктуре в наиболее простой форме: сначала утверждается *сострадательность несчастных* и затем говорится о *сострадательном суде несчастного* над *несчастливым*. Заметим, что *судить* здесь понимается в значении ‘выносить суждение о поступках, давать им оценку’. Таким образом, тема реализуется посредством микротемы *выражение сочувствия*.

На основании проведенной интерпретации и алгоритма выявления системно-структурной значимости компонентов графосемантической модели (см. 2.2.2.) были получены данные о системно-структурной значимости компонентов исследуемого текста Н.И. Гнедича (см. таблица 18).

Так, например, значимость компонента *бальзам* равна произведению 5 (ядро доминантной структуры²⁷) на сумму (1 (слабая связь «бальзам – сердце») + 3 (сверхсильная связь «бальзам – целебный») + 1 (слабая связь «бальзам – выпускают») + 2 (сильная связь «бальзам – язвы») + 1 (слабая связь «бальзам – железо») + 2 (сильная связь «бальзам – дерево»)). Таким образом, $S_{\text{бальзам}} = 5 \times 10 = 50$.

Из таблицы 18 видно, что центральными компонентами системы являются: *сердце* (56), *бальзам* (50). Все остальные компоненты имеют гораздо

²⁷ См. рисунок 21 и его интерпретацию.

меньшую значимость, поэтому при анализе вариантов композиционной локализации лексем необходимо, в первую очередь, отслеживать расположение наиболее значимых языковых единиц и их контекстов. Так, например, лексема *сердце* повторяется в тексте в двух контекстах: *сердце человека подобно тем древам* и *сердце загрубелое в счастии не в состоянии понимать злополучного* – из которых второй контекст более значим (см. таблица 18).

Таблица 18. Значимость лексем в структуре текста Н.И. Гнедича

Слово	Значимость	Слово	Значимость	Слово	Значимость
Сердце	56	Пока	0	понимать	12
человека	0	Железо	6	злополучного	12
подобно	0	Им	0	Только	0
тем	0	Самим	0	несчастный	27
древам,	6	Не	12	может	6
которые	0	нанесет	1	судить	4
не	12	Язвы	16	несчастного	27
прежде	0	Сердце	56	Одни	0
испускают	4	загрубелое	16	несчастные	27
целебный	14	в счастии	6	сострадательны	2
бальзам	50	Не	12		
свой	0	в состоянии	1		

Таким образом, опираясь на методы позиционного анализа, графосемантического моделирования и учитывая данные интенсивности семантического контура текста в каждый момент его линейного развертывания, можно предложить анализ оптимальности сукцессивной реализации симультанной целостности. Для этого вводится три независимых друг от друга параметра (или оси): *OX* – локализация языковой единицы в тексте, *OY* – интенсивность семантической «волны» (контура) в каждой точке, *OZ* – значимость той или иной единицы в организации семантического симультанного пространства текста. Отметим, что показатели значимости той или иной единицы и интенсивности волны, приходящейся на участок локализации данной единицы, могут сильно различаться. Неоптимальность (с позиции редкой встречаемости и слабой избираемости таких моделей информантами) локализации единицы часто возникает под влиянием позиционной структуры текста.

Семантический контур исследуемого текста Н. Гнедича, построенный посредством использования описанного выше алгоритма, представлен на рисунке 22. Заметим, что интенсивность семантических связей, приходящаяся на каждый локализованный участок текста, является *третьим независимым параметром*. *Первым независимым параметром* является позиционная локализация, *вторым независимым параметром* – системно-структурная значимость компонентов.

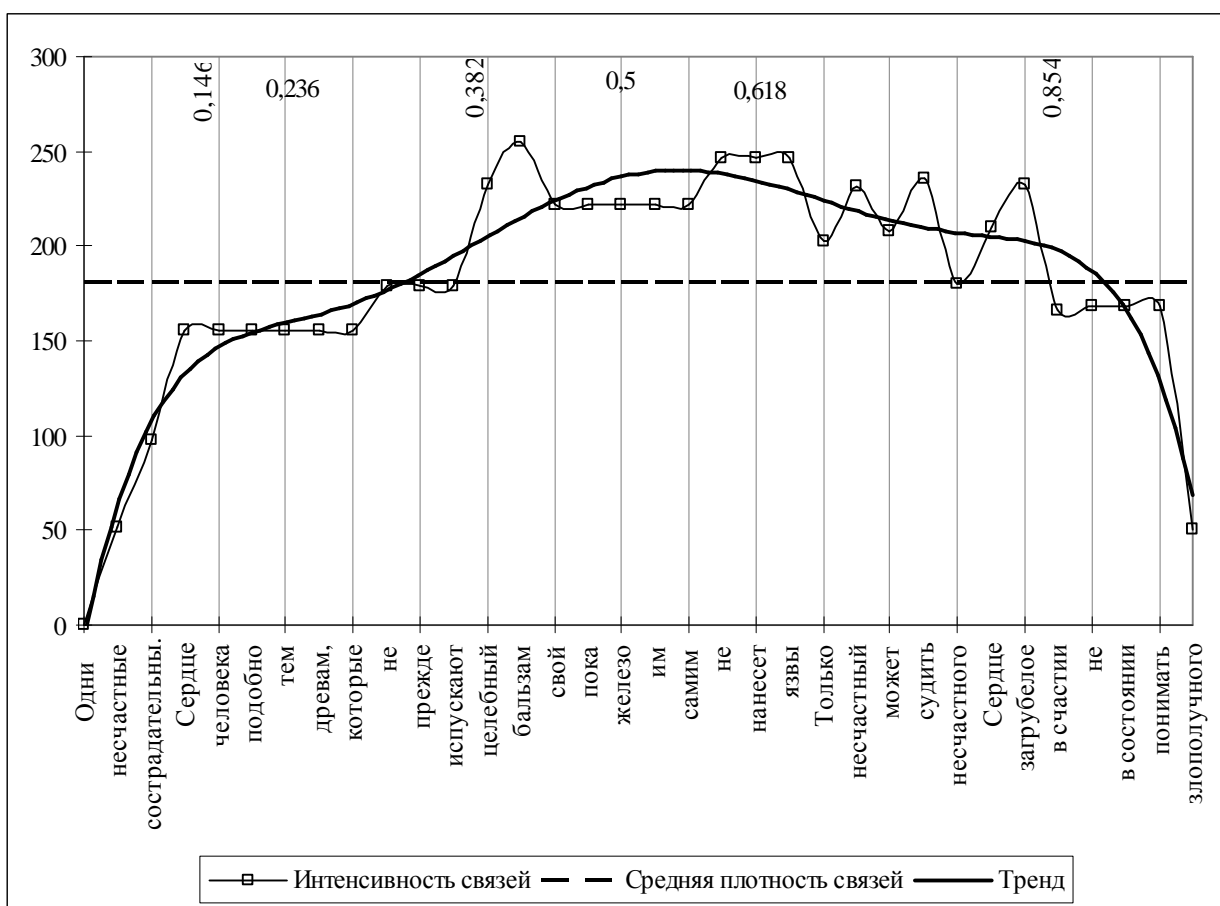

Рисунок 22. Интенсивность семантических связей (семантический контур) текста Н.И. Гнедича

Анализируя семантический контур текста Н.И. Гнедича, можно отметить, что интенсивность семантических процессов обладает как оптимальными, так и неоптимальными с точки зрения позиционной структуры характеристиками. Максимум волны приходится на область пред-ГЦ, кроме того, в этой области находятся и наиболее значимые компоненты текста, входящие в доминантную структуру графосемантической модели, а именно, *целебный*

бальзам, железо, испускают (примыкает к этому участку и лексема *язвы*)²⁸. Компонент *сердце* (в наиболее значимом контексте), несмотря на расположение в области пост-ГЦ, также занимает значимую позицию, поскольку в этой области интенсивность семантических связей еще достаточно высока, хотя и стремится к спаду (см. линию тренда).

Таким образом, локализация максимума интенсивности волны и место расположения наиболее значимых элементов структурной организации текста совпали и пришлись на наиболее оптимальную область позиционной структуры текста. Креативный аттрактор (максимум интенсивности семантической волны), располагающийся в данном тексте в интервале пред-ГЦ, состоит из компонентов доминантной семантической структуры. Среди других оптимальных характеристик волны отметим: 1) центростремительность контура, 2) большой перепад показателей интенсивности волны между соседними словоформами в позициях АСП1 и АСП2, 3) точки устойчивого равновесия в позициях ГЦн и ГЦ.

Однако можно выделить и неоптимальные параметры волны: 1) интенсивность волны в конце выше интенсивности в начале, 2) слабая динамика волны, 3) тенденция к продленному состоянию аттрактора (серия колебаний с высокими значениями в максимумах в интервале пост-ГЦ). Все это может свидетельствовать о том, что структурная организация данного текста не является оптимальной и с позиции воспринимающего текст сознания. Предпринятый анализ сукцессивной реализации симультанного пространства и возникшие в процессе исследования суждения об оптимальности / неоптимальности текста не имеют своей целью утверждение или отрицание художественных достоинств произведения. Действительно, в рамках некоторых направлений в искусстве, в частности, в классицизме, была изначальная установка на затрудненность восприятия текста, подчеркнутая искусственность (искусственность). В творчестве Н.И. Гнедича заметно стремление к архаизации

²⁸ См. системно-структурную значимость компонентов данного текста в таблице 18.

речи, что также своим следствием имеет усложненность письма (этот факт в наиболее выпуклой форме предстал в переводе «Илиады»).

Таким образом, наши утверждения об оптимальности / неоптимальности организации семантического пространства имеют отношение только к процессам восприятия и понимания текста. Возможно, что в ходе исследования могут возникнуть предположения, относящиеся и к эстетической стороне бытия текста, однако, эти предположения будут иметь только статус гипотез.

Обратимся к анализу сукцессивной реализации симультанного семантического пространства исследованных ранее (глава 2) текстов В.П. Катаева *Лето...* и М.М. Пришвина *Я стою и расту...*

На рисунке 23 представлен семантический контур текста В.П. Катаева *Лето...*

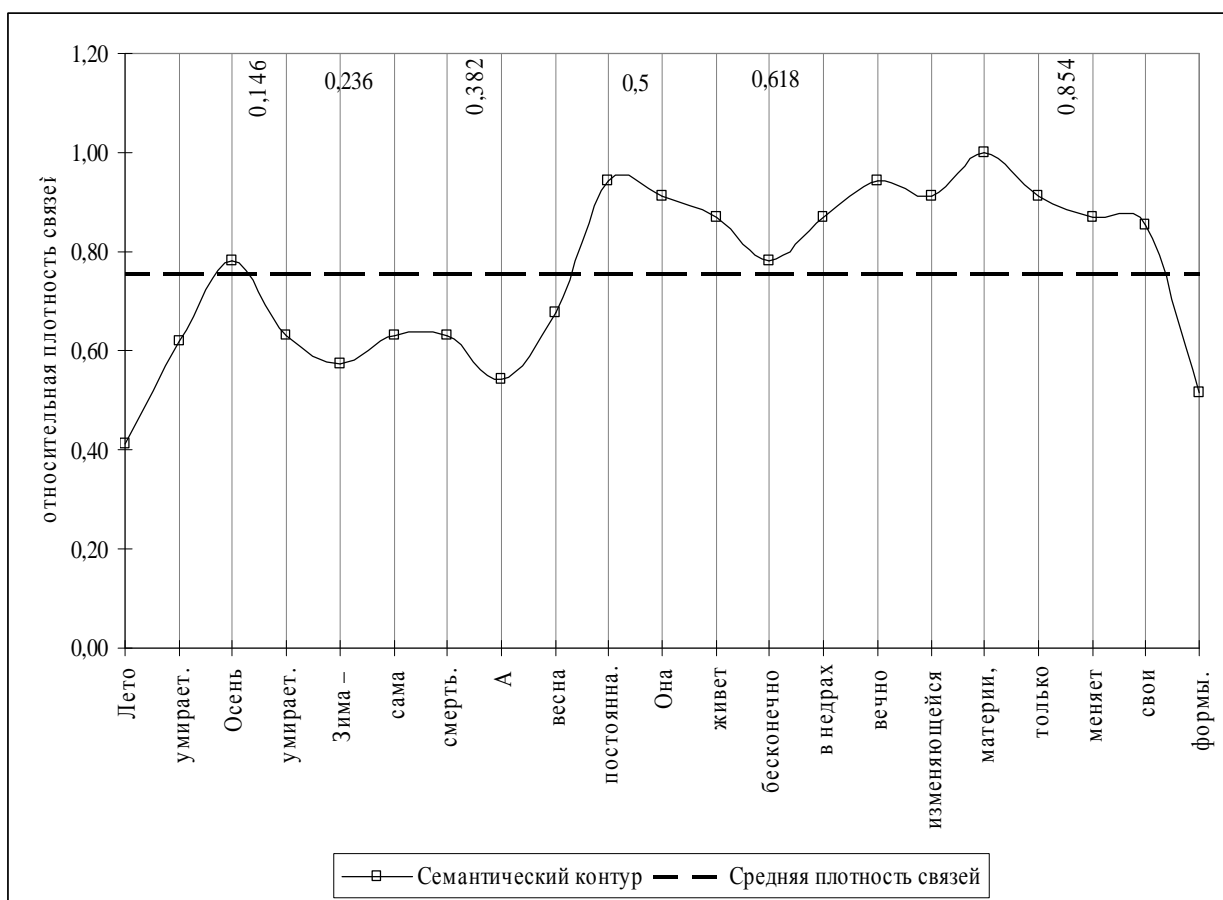

Рисунок 23. Семантический контур текста В.П. Катаева *Лето...*

Обращает на себя внимание трехчастное деление текста: три семантических максимума, расположенных между семантическими минимумами:

осень – между *лето* и *а*, *постоянна* – между *а* и *бесконечно*, *материя* – между *бесконечно* и *формы*.

На рисунке 23 видно, что гармонический центр текста занимает лексема *бесконечно*, ГЦн – *зима*; АСП₁ приходится на разъем между *смерть* и *а*, АСП₂ – между *только* и *меняет*. Позиция *зачина* – между *осень* и *умирает*. Креативный аттрактор располагается в интервале от ГЦ до АСП₁ (*бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи, только*). Отмеченная выше трехчастность текста отчасти согласуется с позиционной сеткой: зона начала текста (от Абс.Н. до АСП₁) отмечается минимумом семантических связей как слева (первое слово), так и справа (позиция между *смерть* и *а*), то есть выделяется из общей структуры; зона же конца текста (от АСП₂ до Абс. К.) маркируется не так четко. Оптимальным для Абсолютно слабых позиций является значительное падение интенсивности семантических связей, поскольку основная их функция (в инварианте) – членение структуры текста. Это выражается в уменьшении значимости тенденций симметрии (резкое падение количества повторов) в данных позициях, что на уровне текста оборачивается снижением связности его лексико-грамматического субстрата.

Нечто похожее наблюдается в позиции АСП₁, между тем, в позиции АСП₂ не видно действия механизмов разрывности. Возможно, в силу инертности субстрата, граница выделенных в инварианте позиций должна варьироваться: в данном случае значительное падение плотности семантических связей приходится на последнюю лексему, и АСП₂ в таком случае должна располагаться между лексемами *свои* и *формы*. Но это только область предположений.

Позиция креативного аттрактора совмещается с интервалом максимума интенсивности семантических связей. В данном случае аттрактор отражает наиболее плотное пересечение всех семантических связей – это участок в наибольшей мере отражающий цельность текста. Если обратиться к таблице 12, то можно увидеть, что слова, входящие в область креативного аттрактора, представляют все три выделенных фактора (субцельности). Ни в одной дру-

гой области такого наложения факторов не существует. Однако не во всех текстах действуют такого рода процессы. Видимо, креативный аттрактор может отражать не только содержательно-смысловые сгущения, но и передавать совершенно другие сценарии взаимодействия подсистем текста. Несмотря на значительный рост интенсивности семантических связей в креативном аттракторе и присутствие в нем компонентов трех факторов, все же наиболее значимые с позиции системно-структурной организации текста компоненты, а именно *весна* и *живет* (см. графосемантическую модель текста (рисунок 19)) не входят в содержание креативного аттрактора. Но, тем не менее, видимо, говорить о неоптимальности сукцессивной структуры не стоит, поскольку эти компоненты составили другой пик интенсивности контура (аттрактор второй степени), располагающийся на участке между лексемами *весна* и *бесконечно*. С *весны* вообще и начинается рост плотности семантических связей.

В качестве оптимальных параметров выступают: 1) интенсивность контура в ГЦ соответствует средним значениям; 2) в позициях ГЦн и ГЦ наблюдается устойчивое равновесие («потенциальная яма»); 3) в АСП1 отмечается падение интенсивности (а сама позиция располагается вблизи точки минимума плотности семантических связей). Среди неоптимальных параметров (кроме названных) следует отметить расположение креативного аттрактора (в интервале пост-ГЦ) и большую интенсивность контура в позиции Абс.К, чем в Абс.Н.

На наш взгляд, вся ситуация с выделением четко зафиксированных позиций, интервалов и др., рассмотренная не со стороны инварианта, а в аспекте его конкретных проявлений, значительно сложнее, чем инвариантная модель. Если обратиться к формообразованию природных объектов и объектов искусства, то можно увидеть, что золотое сечение в его чистом виде редко является основным и единственным принципом организации формы. Гораздо чаще при формообразовании единичных объектов присутствуют разные модификации золотого сечения, образуя очень пеструю систему, что должно

также отражаться в процессах формообразования конкретных текстов. Очерченные проблемы приводят к необходимости в процессе анализа текста как пространственно-временного объекта опираться на метод позиционного анализа в его *общем варианте* (первый уровень, см. 1.1.2.), который нацелен только на позиционирование искомым языковых единиц на текстовой оси (от 0 до 1). Между тем, процесс интерпретации полученных результатов (пространственных распределений тех или иных аспектов бытия текста), в первую очередь, уместно начинать с выделенных позиций, поскольку в отношении них накоплен значительный эмпирический материал, фактически они представляют собой базовые компоненты теории формообразования текста.

Семантический контур текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...* представлен на рисунке 24 (семантическую карту, графосемантическую модель и значимость компонентов см. рисунок 20 и таблицы 13, 16).

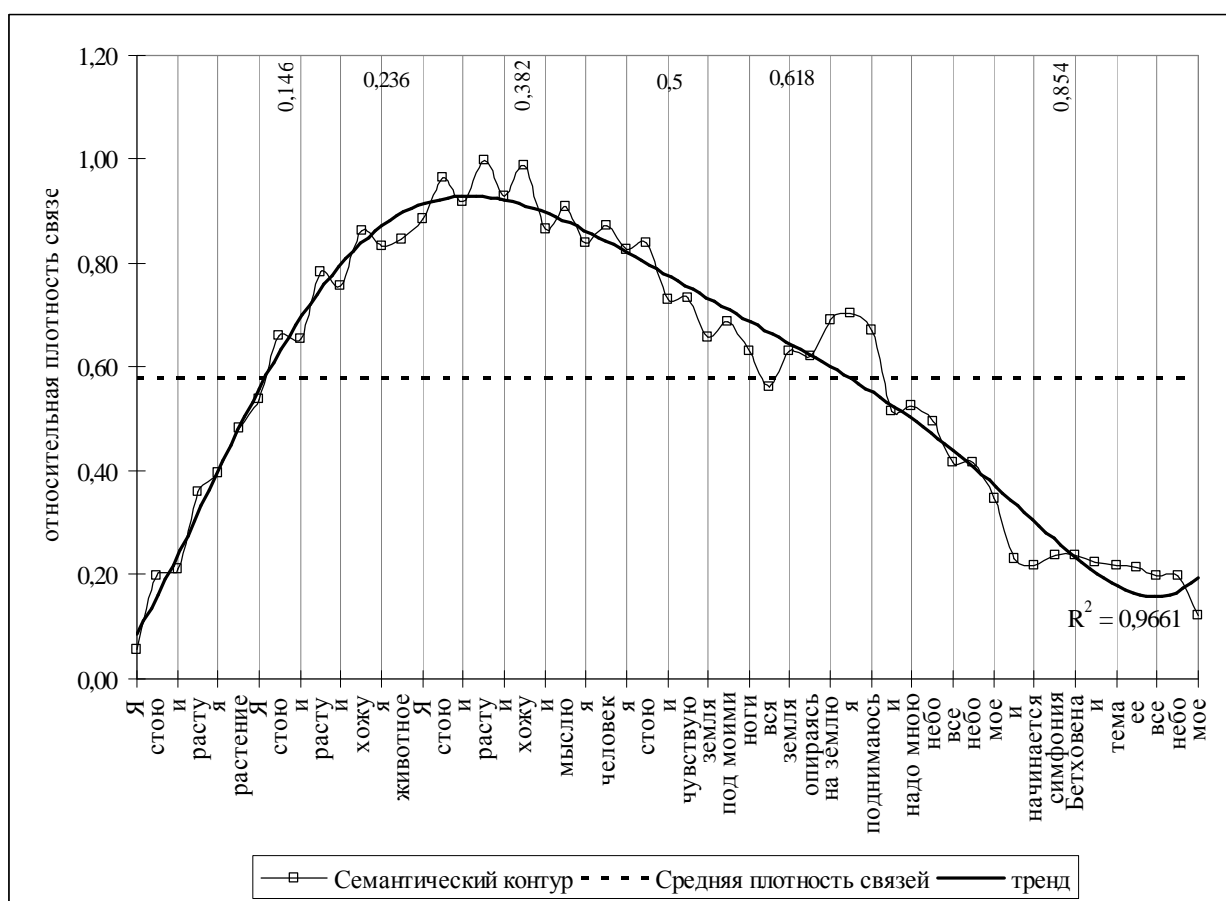

Рисунок 24. Семантический контур текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...*

Семантический контур анализируемого текста представляет собой типичную центростремительную восходяще-нисходящую модель, обладающую

как оптимальными, так и неоптимальными чертами. В качестве оптимальных отметим: 1) центростремительность, восходяще-нисходящая динамика; 2) интенсивность в ГЦ на уровне средних значений (с незначительной флуктуацией в сторону увеличения интенсивности); 3) интенсивность в АСП2 на уровне минимальных значений (и сильное падение интенсивности в ее окрестности); 4) расположение (хотя и частичное) креативного аттрактора в пред-ГЦ; 5) расположение многих системно-структурно значимых компонентов (*расту, хожу, мыслю*) в области креативного аттрактора. Наиболее значимыми компонентами являются: расту (18), поднимаюсь (40), растение (20), хожу (20), мыслю (20), чувствую (12).

Как неоптимальные выступают следующие параметры: 1) интенсивность контура в позиции Абс.К выше, чем в Абс.Н.; 2) максимум интенсивности в позиции АСП1; продленное состояние креативного аттрактора (в интервалах пред-ГЦ и пост-ГЦн); расположение наиболее системно-структурно значимого компонента (*поднимаюсь*) за пределами максимальной интенсивности процесса и в интервале пост-ГЦ.

Сложность семантической организации текста (и его объем) являются, на наш взгляд, основными причинами построения дискретизированного семантического пространства. На уровне графосемантической модели данное обстоятельство отражается в дроблении семантической системы на ряд автономных структур. В исследованном нами материале такого рода процессы нашли наибольшее отражение в семантическом картировании стихотворения И.А. Бунина *Слово*. В эксперименте участвовало 27 испытуемых. Стоит специально отметить, что в качестве информантов выступали студенты нефилологических специальностей (в данном случае проведенный эксперимент можно квалифицировать как эксперимент с научением, поскольку метод объяснялся информантам с демонстрацией его применения на других текстах). Графосемантическая модель текста И.А. Бунина приведена на рисунке 25, семантическая карта данного текста дана в таблице 19.

Слово

*Молчат гробницы, мумии и кости,-
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена!*

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь!*

На рисунке 25 видно, что семантическое пространство текста членится на три автономные структуры, из которых ни одну нельзя считать доминантной. Что касается наименьшей из трех структур (злоба, страданье, силы, беречь, в меру, умеете), то она вообще стремится к распаду, поскольку сила связей превышает только 25 % порог достоверности. Четко выраженного ядерного компонента в ней нет, так как и злоба, и страданье имеют зеркальные структурные связи, поэтому все компоненты данной структуры будем считать второстепенными.

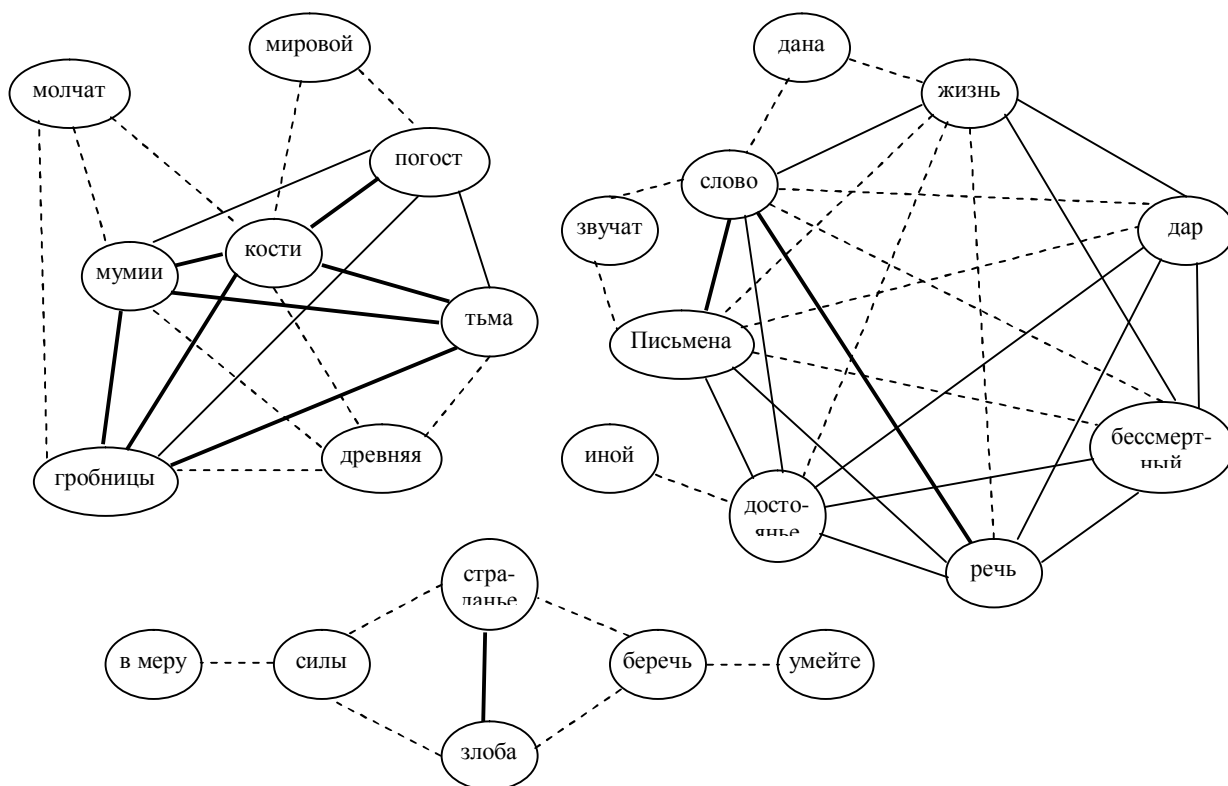

Рисунок 25. Семантический граф текста И.А. Бунина *Слово*

27 Ии.	Молчат	гробницы,	мумии	и	кости, -	Лишь	слову	жизнь	дана:	Из древней	тьмы,	на мировом	погосте,	Звучат	Письмена!	нет	у нас	иного	достоянья!	Умейте	же	беречь	Хоть	в меру	сил,	в дни	злости	страдания,	дар	бессмертный -	речь!
Молчат	1	8	8	4	8	1	2	1	1	4	6	2	4	4	1	1	0	0	0	2	1	3	0	0	0	0	2	2	1	0	1
гробницы,	8	0	24	4	24	1	1	2	2	8	18	6	16	0	3	1	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	3	4	1	2	0
мумии	8	24	0	4	23	1	1	2	2	8	18	6	16	0	3	1	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	3	4	1	2	0
и	4	4	4	0	4	2	2	2	2	3	4	2	2	1	1	3	3	3	3	2	1	2	1	2	2	3	5	4	2	2	2
кости, -	8	24	23	4	0	1	1	2	2	9	19	7	17	0	2	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	3	4	0	2	0
Лишь	1	1	1	2	1	0	5	4	4	0	0	0	0	3	3	3	2	2	2	0	0	0	1	1	1	0	0	0	2	1	2
слову	2	1	1	2	1	5	0	12	7	0	0	1	0	7	17	2	3	3	12	0	0	2	0	1	1	1	0	0	10	7	18
жизнь	1	2	2	2	2	4	12	0	9	0	0	1	1	5	7	2	2	2	8	1	1	3	0	1	2	1	2	2	11	13	10
дана:	1	2	2	2	2	4	7	9	0	0	0	1	1	6	4	2	3	2	4	2	1	2	0	1	1	1	1	1	5	5	4
Из древней	4	8	8	3	9	0	0	0	0	1	10	5	6	0	3	2	1	1	2	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
тьмы,	6	18	18	4	19	0	0	0	0	10	0	5	13	0	1	2	1	1	1	0	0	1	0	0	0	0	3	4	0	0	0
на мировом	2	6	6	2	7	0	1	1	1	5	5	0	7	1	2	0	1	0	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1	1	0	1
погосте,	4	16	16	2	17	0	0	1	1	6	13	7	0	1	3	0	1	0	2	1	0	4	0	2	2	2	4	5	0	2	1
Звучат	4	0	0	1	0	3	7	5	6	0	0	1	1	0	7	1	2	1	2	3	2	4	0	1	1	1	2	2	4	3	4
Письмена!	1	3	3	1	2	3	17	7	4	3	1	2	3	7	0	1	2	2	15	0	0	4	0	1	1	1	0	1	9	8	13
нет	1	1	1	3	1	3	2	2	2	2	2	0	0	1	1	0	5	5	5	0	0	0	1	1	1	0	0	0	4	3	4
у нас	0	0	0	3	0	2	3	2	3	1	1	1	1	2	2	5	0	6	6	2	1	2	0	1	1	1	1	1	6	5	6
иного	0	0	0	3	0	2	3	2	2	1	1	0	0	1	2	5	6	0	7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	4	5
достоянья!	0	2	2	3	1	2	12	8	4	2	1	1	2	2	15	5	6	7	1	1	0	6	0	1	2	2	2	2	14	12	13
Умейте	2	0	0	2	0	0	0	1	2	0	0	1	1	3	0	0	2	0	1	0	6	10	0	3	3	3	3	4	4	3	1
же	1	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	6	0	6	0	1	1	1	1	1	2	2	1
беречь	3	1	1	2	1	0	2	3	2	1	1	1	4	4	4	0	2	0	6	10	6	0	0	4	5	4	7	7	6	6	3
Хоть	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	2	1	1	1	0	0	0
в меру	0	0	0	2	0	1	1	1	1	0	0	1	2	1	1	1	1	0	1	3	1	4	2	0	9	6	6	6	2	0	2
сил,	0	0	0	2	0	1	1	2	1	0	0	1	2	1	1	1	1	0	2	3	1	5	2	9	0	6	8	8	3	0	2
в дни	0	0	0	3	0	0	1	1	1	1	0	1	2	1	1	0	1	0	2	3	1	4	1	6	6	0	6	6	3	1	2
злости	2	3	3	5	3	0	0	2	1	0	3	1	4	2	0	0	1	0	2	3	1	7	1	6	8	6	0	18	3	1	1
страдания,	2	4	4	4	4	0	0	2	1	0	4	1	5	2	1	0	1	0	2	4	1	7	1	6	8	6	18	0	3	1	1
дар	1	1	1	2	0	2	10	11	5	0	0	1	0	4	9	4	6	5	14	4	2	6	0	2	3	3	3	0	13	14	
бессмертный	0	2	2	2	2	1	7	13	5	0	0	0	2	3	8	3	5	4	12	3	2	6	0	0	0	1	1	1	13	0	10
речь!	1	0	0	2	0	2	18	10	4	0	0	1	1	4	13	4	6	5	13	1	1	3	0	2	2	2	1	1	14	10	1

Таблица 19. Семантическая карта текста И.А. Бунина *Слово*

В структуре, образованной такими компонентами, как *гробницы*, *мумии*, *кости*, *древняя*, *тьма*, *мировой*, *погост*, *молчат*, выделяется ядерный компонент – *кости*. Данный компонент соотнесен со всеми другими лексемами структуры и имеет наибольшее количество достоверных связей с ними, что, на наш взгляд, неслучайно. Сама структура благодаря семантике своих компонентов может быть определена как «пространство смерти». Из всех ее номинантов *кости* является наипростейшим (*мировой* → *погост* → *гробницы* → *мумии* → *кости*) и наиболее безликим (остальные компоненты, так или иначе, антропоморфичны). Тем самым, *кости* становится как бы первоэлементом «пространства смерти». В структуре, состоящей из компонентов: *слово*, *жизнь*, *дана*, *звучат*, *Письмена*, *достоянье*, *иной*, *речь*, *бессмертный*, *дар*, ядром является компонент *слово* (наибольшее число связей, в том числе и достоверных). Этот факт также не является случайным, поскольку этот компонент презентует тему (живого слова). Остальные компоненты в силу атомарности структуры имеют статус второстепенных. Определим системно-структурную значимость компонентов текста (см. таблица 20).

Таблица 20. Значимость лексем в структуре текста И.А. Бунина *Слово*

<i>Слово</i>	<i>Значимость</i>	<i>Слово</i>	<i>Значимость</i>
Молчат	6	у нас	0
гробницы	26	иного	1
мумии	26	достоянья	24
и	0	Умейте	1
кости	60	же	0
Лишь	0	беречь	6
слово	56	Хоть	0
жизнь	20	в меру	1
дана	4	сил	6
Из древней	8	в дни	0
тьмы	24	злобы	10
на мировом	4	страданья	10
погост	20	дар	20
Звучат	4	бессмертный	20
Письмена	26	речь	24
нет	0		

Из таблицы 20 видно, что максимальной системно-структурной значимостью обладает компонент *кости*; у второго ядра (*слово*), которое является

частью тематического компонента, вынесенного в заглавие, значимость все же меньше. Величина значимости остальных компонентов колеблется от 0 до 26. Значимость компонентов *гробницы*, *мумии*, *Письмена* и др., несмотря на разницу в значениях со структурными ядрами, все же довольно высока. Кроме того, обращает внимание, что десять компонентов всей системы имеют такие показатели (от 20 до 26), что, в свою очередь, свидетельствует о слабой структурированности (отсутствие иерархичности) семантического пространства текста. Обратимся к семантическому контуру анализируемого текста (см. рисунок 26).

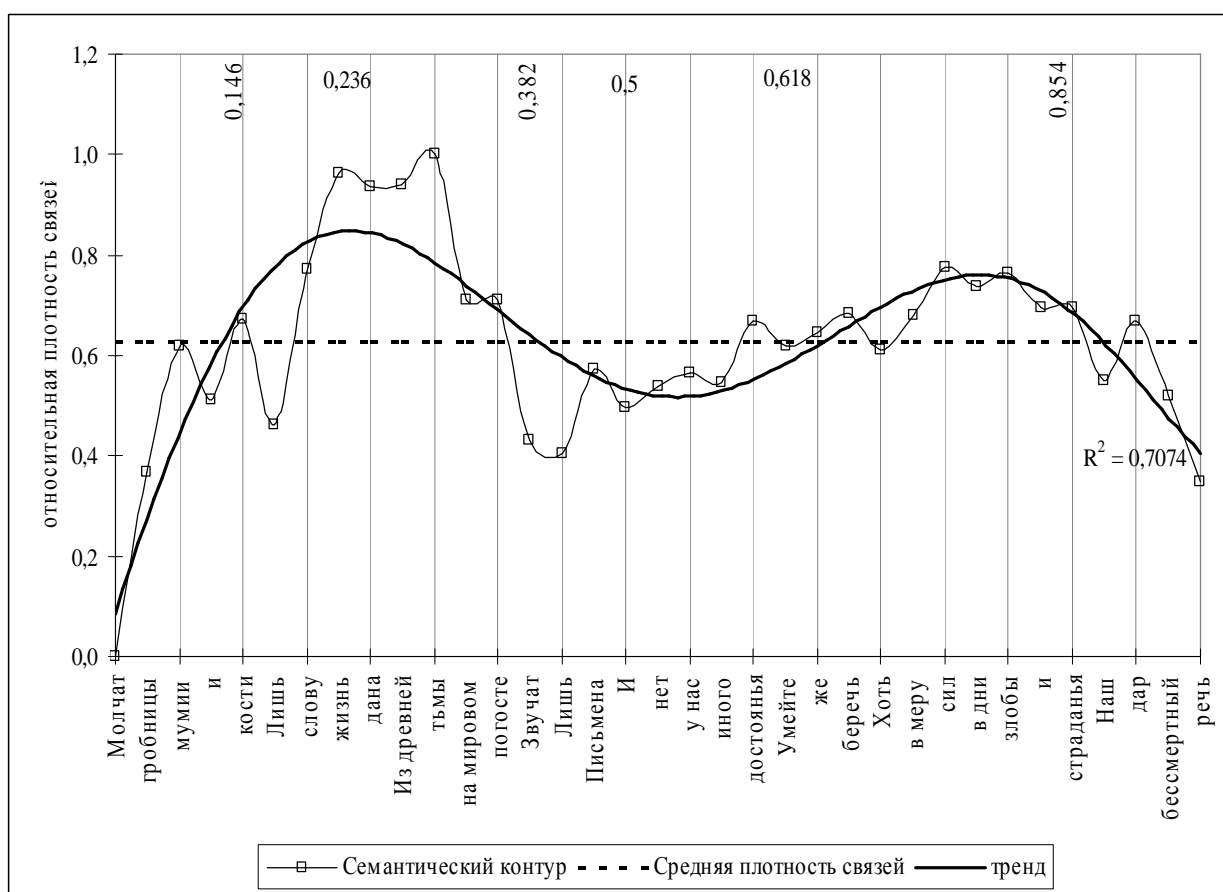

Рисунок 26. Семантический контур стихотворения И.А. Бунина *Слово*

На рисунке 26 видно, что семантический контур имеет двучленную организацию: 1) Абс.Н. – АСП1 (0 – 0,382) и АСП1 – Абс.К. (0,382 – 1). Членение структуры осуществляется в районе первой абсолютно слабой позиции, которая пролегает между зонами начала и гармонического центра текста. С позиции системно-структурной значимости ядерные и наиболее значимые компоненты расположены в зоне начала текста. Максимум плотности семан-

тических связей как раз приходится на этот участок линейной протяженности текста. Стоит отметить, что в данной области локализуются компоненты двух наиболее сильных структур («пространства смерти» и «живого слова»). Зона гармонического центра тоже имеет свой пик интенсивности, но расположен он далеко за ГЦ в интервале пост-ГЦ (здесь находятся компоненты самой слабой структуры (*злоба, страдание, силы, беречь, в меру, умеете*)).

В отношении позиционной оптимальности текста можно отметить, что двувершинная организация таковой не является; кроме того, интервал пред-ГЦ, наиболее оптимальный для размещения в нем значимых компонентов, имеет крайне слабую плотность связей, содержит большое количество незначимых компонентов и ни одного ядерного. В позициях ГЦ и ГЦн, АСП1, зачина, напротив, контур принимает оптимальные формы. В заключении отметим, описываемый пример интересен тем, что сложность формы текста позволила испытуемым выстроить его семантическое пространство только на уровне обнаружения структурных доминант (причем, одного статуса); дальше же интерпретация не продвинулась. Следствием стало дробление текста на три автономных структуры с очень слабой иерархичностью.

Таким образом, в рамках теории формообразования благодаря применению базового метода позиционного анализа, а также ряда специальных методов (семантического картирования, графосемантического моделирования и построения семантического контура) стало возможным моделирование сукцессивного становления симультанной целостности и оценки ее оптимальности с помощью введения трех независимых друг от друга осей (параметров): 1) позиционной локализации элементов; 2) интенсивности процессов семантической развертки и 3) системно-структурной значимости элементов текста. Трехмерное представление текстовых структур позволит в дальнейшем углубить методы анализа текста с помощью выхода на уровень модельного изучения процессов развертки текста.

3.2. МОДЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФОРМЫ ТЕКСТА

Метод построения семантического контура текста, направленный на реконструкцию интенсивности процессов семантической развертки текста, может быть углублен с помощью обращения к методу моделирования. Поскольку семантический контур существующего (авторского) текста всегда строится с помощью семантической карты, поэтому, в принципе, имеется возможность, используя одну и ту же семантическую карту, реконструировать семантический контур трансформированного текста, например, такого, в котором порядок следования предложений будет отличаться от исходного варианта. Говоря иначе, можно проводить модельное исследование сукцессивной структуры текста в зависимости от порядка следования фрагментов текста, реконструируя всю парадигму потенциальных вариантов трансформации. Такой подход напоминает известный лингвистический эксперимент Л.В. Щербы, в котором «создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая получающиеся при этом «смыслы», можно сделать несомненные выводы об этих «значениях» и даже об их относительной яркости» [Щерба-2004, с. 33].

Восстанавливая мысленно (а лингвистический эксперимент Л.В. Щербы является мысленным экспериментом) всю парадигму потенциальных форм, можно делать более обоснованные заключения об актуализированной форме. После реконструкции всей парадигмы (здесь мы уже предметно говорим о *парадигме сукцессивных реализаций симультанной целостности текста*), следует осуществить экспериментальную проверку предпочтений испытуемыми тех или иных вариантов сукцессивных структур. Таким образом, мысленный лингвистический эксперимент-моделирование, будет верифицироваться с помощью реального эксперимента. Таким экспериментом, направленным на оценку оптимальности различных сценариев развертывания семантического пространства текста, в нашем случае является «рассыпной текст» (см.: [Москальская-1981, с. 145; Сорокин-1985, с. 26]).

Гипотеза эксперимента: текст на уровне его восприятия представляет собой относительно подвижную систему, допускающую композиционные перестановки внутри себя. Существуют как оптимальные, так и пессимальные варианты композиции текста. Оптимальные варианты могут не совпадать с авторским.

Цель эксперимента: реконструировать парадигму композиционных вариантов текста и выявить вероятность их появления.

Экспериментальные задания. Авторский текст членится на составляющие его предложения; каждое предложение помещается на отдельную карточку. Информантам предъявляется полученный таким образом набор карточек с заданием составить из них текст и определить его тему. В качестве исходного выступает авторский текст, в котором порядок предложений принимается за 1234...n. Создаваемые реципиентами из отдельных предложений тексты, маркируются на основании порядка следования предложений в авторском тексте.

Условия эксперимента. Эксперимент выполняется каждым испытуемым индивидуально. Время проведения эксперимента не ограничивается. Желательно, чтобы текст состоял из предложений, связанных друг с другом параллельной связью, поскольку в данном случае и возможно появление любого варианта порядка следования предложений. Этому условию полностью удовлетворяет уже использованный в исследовании текст Н.И. Гнедича *Одни несчастные сострадательны...*

Аудитория. Эксперимент проводился со студентами-филологами Бийского педагогического государственного университета (178 человек) и студентами нефилологических специальностей Оренбургского государственного университета (169 человек)²⁹.

Результаты эксперимента представлены в таблице 18. Распределение реакций в полученных выборках сопоставлялось друг с другом с помощью корреляционных методов (коэффициента корреляции Пирсона). Было уста-

²⁹ Эксперимент со студентами БПГУ был проведен Г.Г. Москальчук.

новлено, что распределение значений двух выборок имеет корреляционную связь (коэффициент корреляции равен 0,51 при уровне статистической достоверности $p=0,012$).

Поскольку выборки составлены совершенно независимо друг от друга и при этом имеют общие параметры организации, то наличие корреляционной связи свидетельствует в пользу того, что выборки презентуют основные параметры генеральной совокупности. Выявленная общность выборок позволяет объединить их и получить статистически более достоверное распределение (в таблице 21 параметры объединенной выборки отражены в столбце «Общее количество»).

Таблица 21. Результаты эксперимента «рассыпной текст» с произведением Н.И. Гнедича *Одни несчастные сострадательны*

Модель	Испытуемые (ОГУ)	Испытуемые (БПГУ)	Общее количество
1234	5	11	16
1243	3	5	8
1324	1	7	8
1342	2	14	16
1423	0	8	8
1432	4	6	10
2134	1	7	8
2143	18	6	24
2341	8	3	11
2314	3	6	9
2413	36	13	49
2431	40	15	55
3124	2	5	7
3142	5	7	12
3214	2	6	8
3241	2	3	5
3412	0	6	6
3421	2	4	6
4123	4	12	16
4132	5	5	10
4213	5	12	17
4231	8	8	16
4312	8	3	11
4321	5	6	11
Всего	169	178	347

Из таблицы 21 видно, что вариант 1234 (авторский текст) из 24 возможных вариантов не является предпочитаемым. Это подтверждает выска-

занные ранее (см. 3.1.1.) предположения об относительной неоптимальности сукцессивной реализации симультанного семантического пространства авторского текста. Результаты проведенного эксперимента взяты нами за основу модельного исследования оптимальности / неоптимальности вариантов сукцессивных структур. Используя семантическую карту данного текста, мы провели реконструкцию семантических контуров текстов всей парадигмы, предпочитаемых и избегаемых вариантов (например, 1342, 2431 и 2341, 4312). Разберем подробно два случая 2431 и 4312 (см. рисунки 27 и 28).

Модель 2431 (55 реакций). Семантический контур модели представлен на рисунке 27.

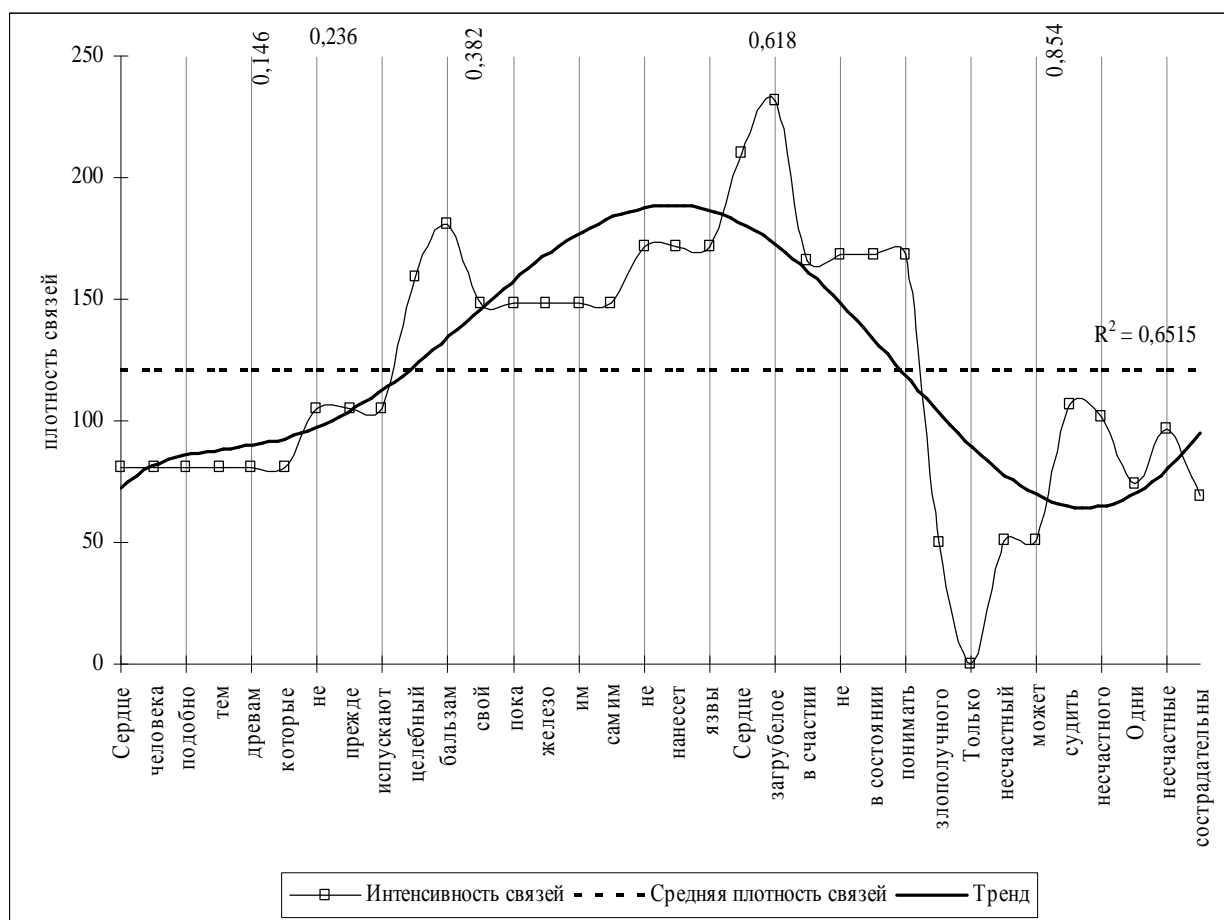

Рисунок 27. Семантический контур модифицированного текста Н. Гнедича (вариант 2431)

1. Расположение значимых элементов. На рисунке 27 видно, что область максимальной интенсивности семантических связей занимает фрагмент «целебный бальзам, пока железо им самим не нанесет язвы. Сердце загрубелое в счастья не в состоянии понимать». В этом фрагменте присутствуют

основные компоненты доминантной структуры *целебный, бальзам, железо, язвы*. Приведенный анализ графосемантической модели показал, что центральным компонентом всей системы является *сердце*. Таким образом, наиболее значимые компоненты располагаются в зоне максимальной интенсивности семантических связей.

2. Расположение максимумов волны. Зона максимума располагается выше средних значений в интервале (0,294; 0,735), включающего в себя наиболее оптимальный для восприятия интервал пред-ГЦ.

3. Протяженность зоны максимума (аттрактора). Несмотря на некоторое превышение протяженности интервала пред-ГЦ, зону максимума можно считать *локализованной*, так как она не включает в себя полностью другие интервалы. Особенно наглядно это обстоятельство заметно при рассмотрении линии тренда (уровень достоверности высокий и равен 0,65).

4. Характер динамики волны. Волна имеет четко выраженную центростремительную динамику: постепенный рост интенсивности к центру, максимум в области пред-ГЦ, спад интенсивности к концу текста. Динамика роста и падения интенсивности семантических связей ярко выражена.

5. Соотношение граничных условий. Показатели интенсивности волны в Абс. Н. и Абс. К. не имеют заметных отличий. Можно говорить о стабильности граничных условий. Такой вариант поведений волны не является ни оптимальным, ни пессимальным.

6. Динамика волны в ГЦ и ГЦн. В позиции ГЦн волна характеризуется устойчивым равновесием, показатель интенсивности близок к среднему значению. В позиции ГЦ наблюдается максимальное значение интенсивности волны. Такое поведение волны в позициях ГЦн и ГЦ является оптимальным.

7. Динамика волны в АСП₁ и АСП₂. В позиции АСП₁ – точка устойчивого равновесия (не оптимально для этой позиции), в позиции АСП₂ – заметный рост интенсивности между соседними показателями. Разрыв структуры на участке «злополучного – несчастный».

Характеристики 1-7 позволяют утверждать, что вариант 2431 является оптимальным с позиции взаимосогласования позиционной структуры и динамики сукцессивного развертывания семантической структуры, рассмотренной в двух аспектах: интенсивности семантических связей и композиционного размещения элементов разной структурной значимости.

Модель 4312 (11 реакций). Семантический контур модели представлен на рисунке 28.

1. Расположение значимых элементов. Компоненты доминантной структуры находятся в интервалах пост-ГЦ и конца. Интенсивность семантических связей имеет значения ниже среднего. Компонент *сердце* располагается в тех областях, значения которого приближены к средним значениям. В области максимальной интенсивности семантических связей помещаются компоненты периферийной структуры с низкими параметрами значимости.

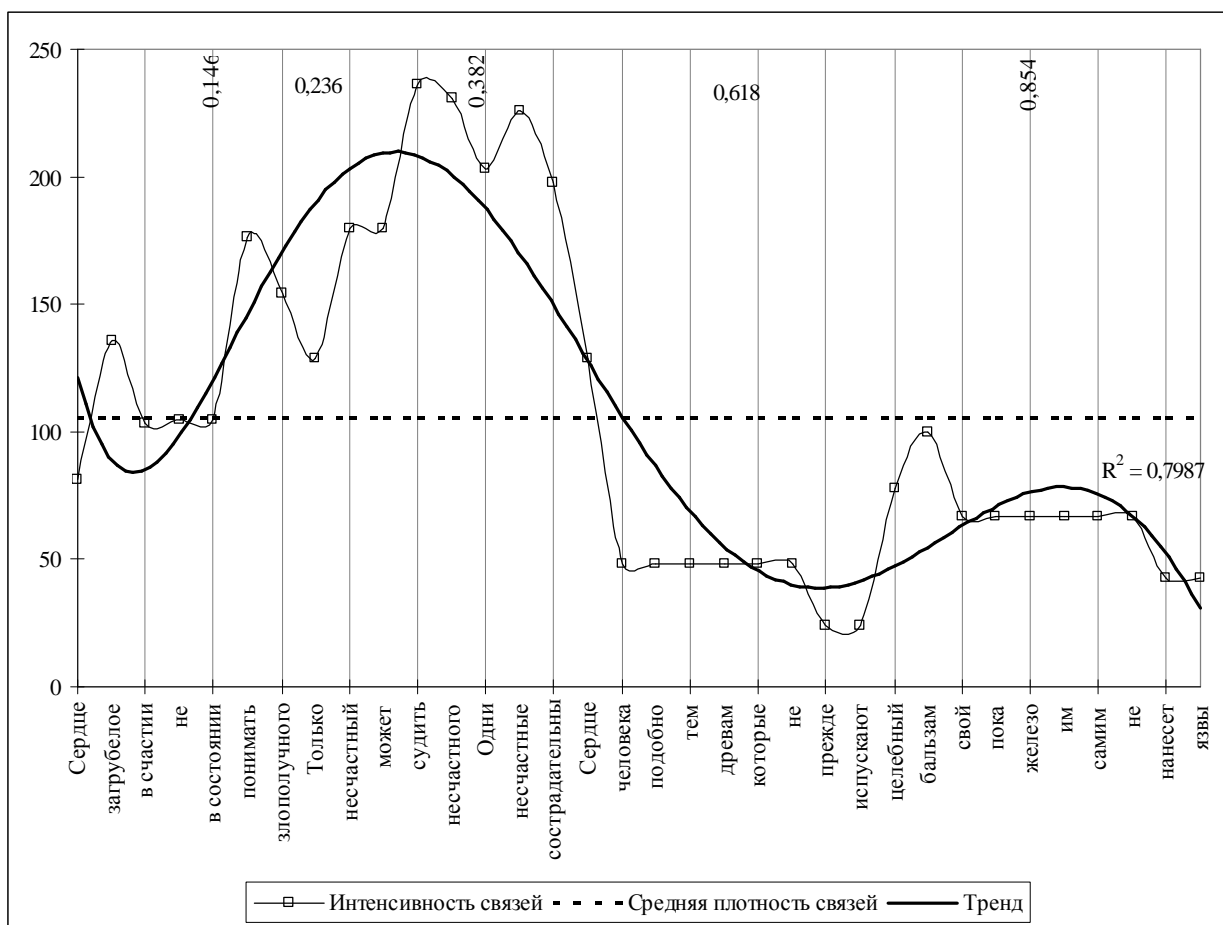

Рисунок 28. Семантический контур модифицированного текста Н. Гнедича (вариант 4312)

2. Расположение максимумов волны. Область максимальной амплитуды приходится, в основном, на интервал пост-ГЦн, в котором отмечается тенденция к нарастанию энтропийных тенденций к позиции АСП₁. Именно поэтому расположение здесь наиболее значимых компонентов структуры неоптимально.

3. Протяженность зоны максимума (аттрактора). Аттрактор можно считать локализованным.

4. Характер динамики волны. Волна имеет ярко выраженную началостремительную динамику.

5. Соотношение граничных условий. Показатели интенсивности волны в Абс. Н. заметно выше, нежели в Абс. К. Началостремительность является оптимальной характеристикой волновых процессов.

6. Динамика волны в ГЦ и ГЦн. В данных позициях волна характеризуется оптимальным состоянием устойчивого равновесия (особенно, в ГЦн). Однако в позиции гармонического центра текста показатели интенсивности семантических связей приближаются к точке минимума, что говорит о пессимальном сценарии развертывания волны.

7. Динамика волны в АСП₁ и АСП₂. В абсолютно слабых позициях также наблюдается устойчивое равновесие (особенно в АСП₁), что не является оптимальным. В целом, можно отметить, что вариант 4312 является одним из наименее благоприятных в аспекте согласования композиционного расположения языковых единиц, их системно-структурной значимости и интенсивности сукцессивного развертывания симультанной структуры текста.

Кратко охарактеризуем остальные потенциальные варианты сукцессивной реализации семантического пространства текста (см. рисунки 29-49). При описании семантических контуров будем использовать следующую методику:

1) определим параметры организации сукцессивной структуры, которая будет оцениваться как оптимальная / неоптимальная;

2) каждому оптимальному аспекту организации семантического контура будет присваиваться символ «1», неоптимальному – символ «-1», индифферентному – символ «0»;

3) в итоге будут получен ряд качественных характеристик контура и соответствующих им количественных значений, сумма которых станет оценкой оптимальности контура. Тем самым появится возможность оперативной оценки вариантов модификации исходного текста (в принципе, методика может быть использована во всех случаях анализа сукцессивных структур).

Модель 1243 (8 реакций).

Семантический контур модели представлен на рисунке 29.

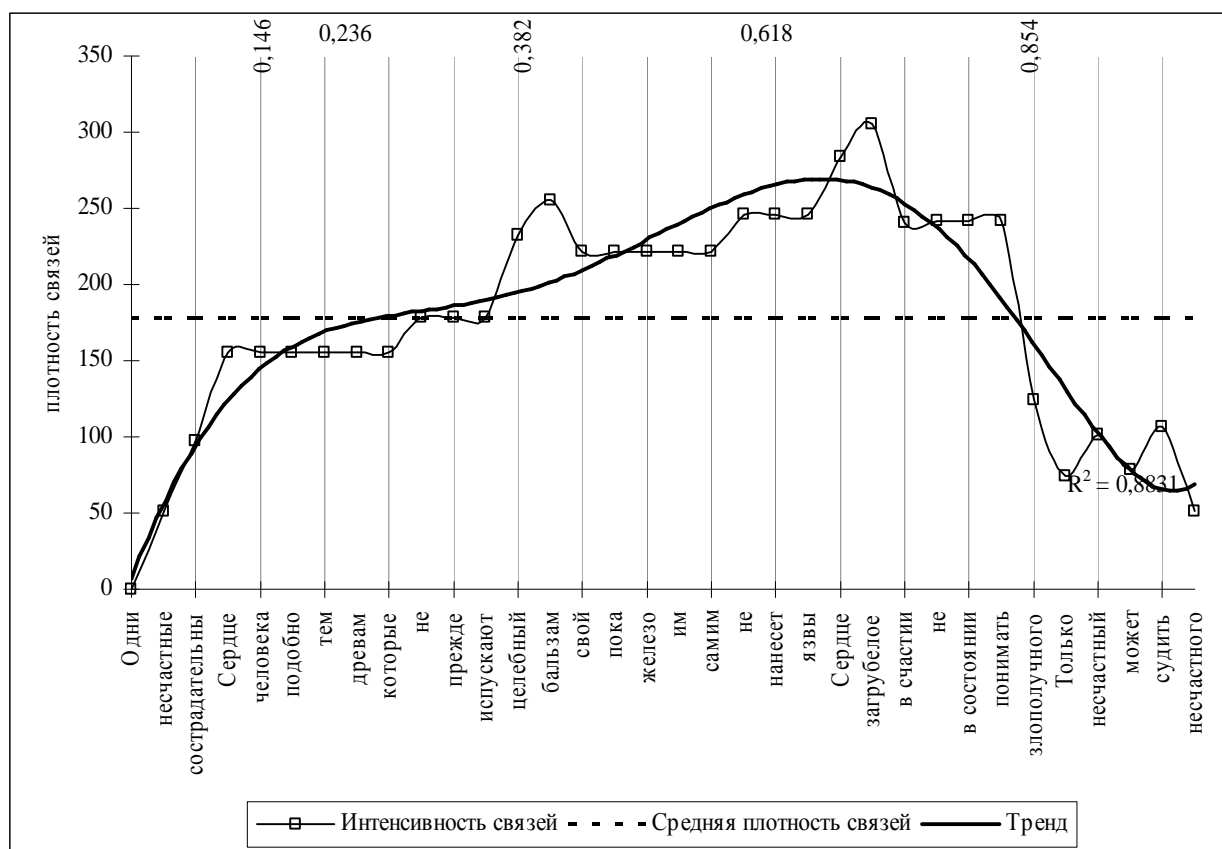
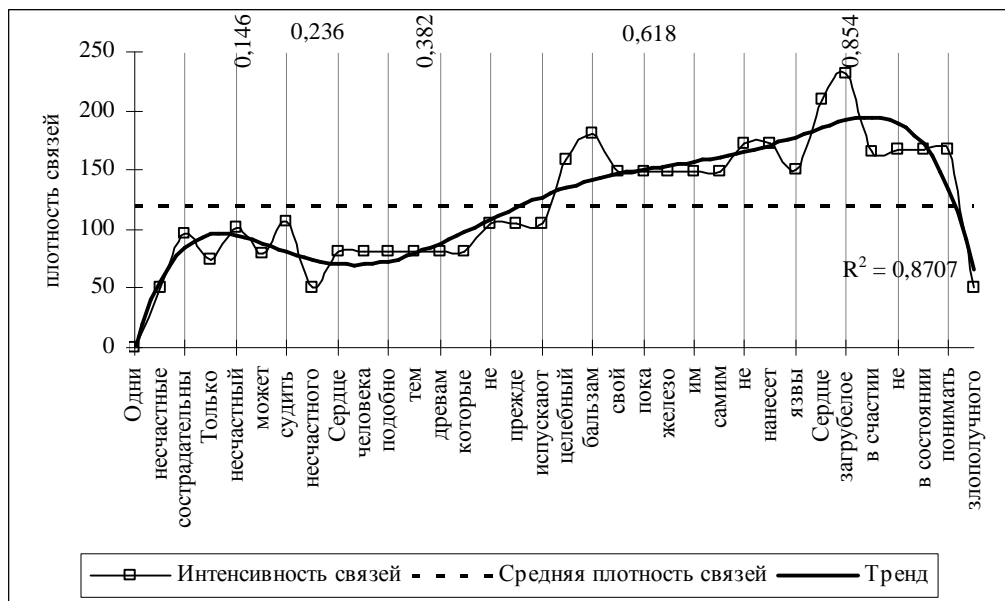

Рисунок 29. Семантический контур модифицированного текста Н. Гнедича (вариант 1243)

Восходяще-нисходящий сценарий	1
Центростремительный сценарий	1
Максимум интенсивности контура (креативный аттрактор ³⁰) в интервале пост-ГЦ.	0
Креативный аттрактор: продленный	-1
Граничные условия – концестремительность (интенсивность процессов в Абс.К. больше, чем в Абс. Н.).	-1
Расположение значимых компонентов: сердце ¹ (-1), сердце ² (1), бальзам (1) ³¹	1
Расположение значимых позиций:	
а) ГЦ – в зоне стабильности, выше средних значений	0
б) ГЦн – в зоне стабильности, но ниже средних значений	0, -1
в) АСП ₁ – пик интенсивности	1
г) АСП ₂ – резкое падение интенсивности	1
д) Зачин – стабилизация	0
Итого:	2

³⁰ Далее креативный аттрактор будет обозначаться как КА; а граничные условия как ГУ.

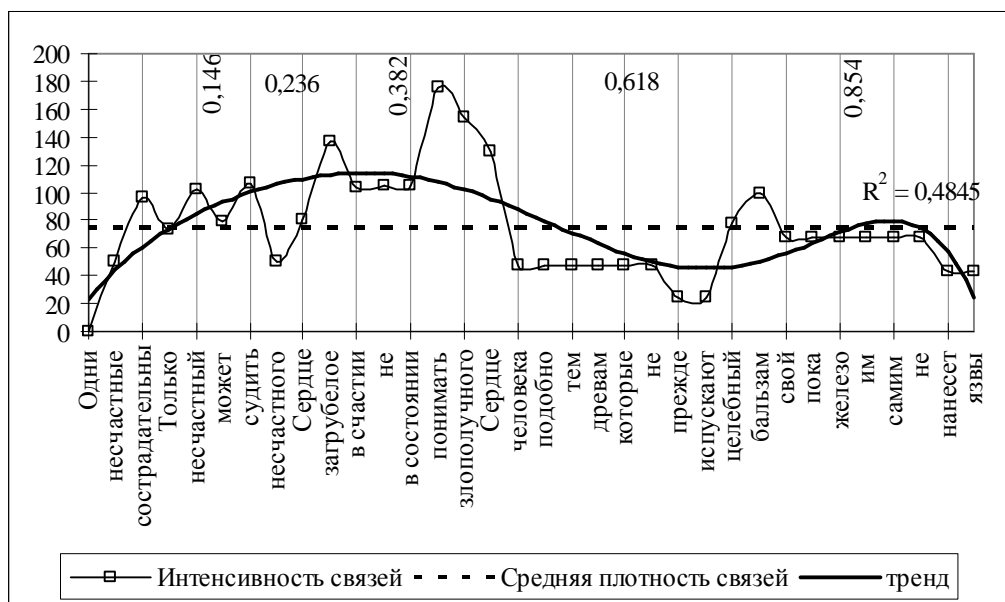
³¹ сердце¹ (лексема в контексте «сердце человека подобно тем деревьям»), сердце² (лексема в контексте «сердце загрубелое в счастье»).

Модель 1324 – 8 реакций.

Сценарий:

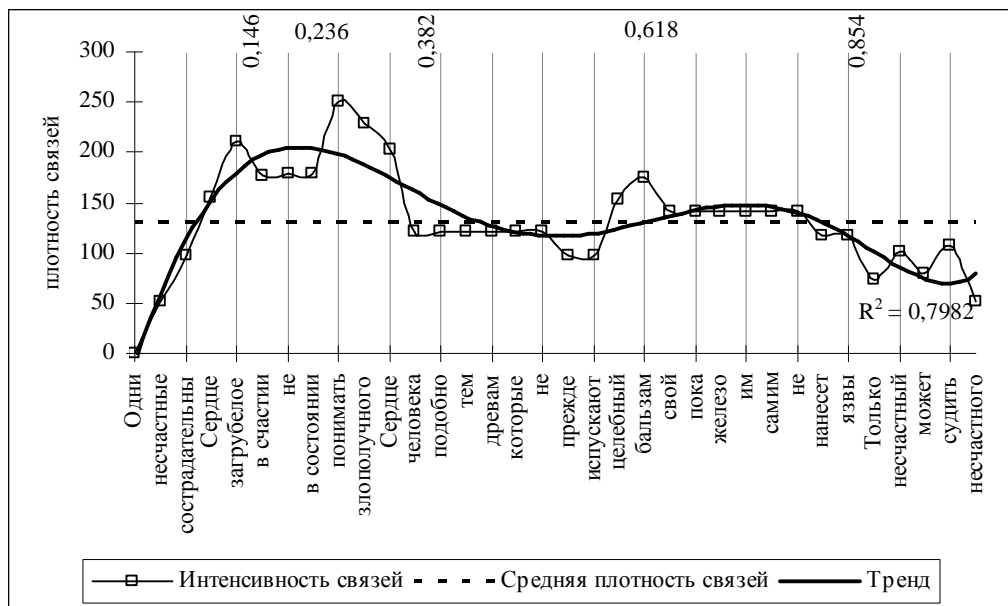
а) восходящий	0
б) концестремительный	-1
Расположение КА: в интервалах пост-ГЦ и конца	-1
Локализация КА: локализованный	1
Расположение значимых компонентов: сердце ¹ (1),	
сердце ² (-1), бальзам (1)	1
ГУ: концестремительность	-1
Расположение значимых позиций:	
а) Зачин – зона неустойчивости	1
б) ГЦн – устойчивое равновесие, ниже среднего	1, -1
в) ГЦ – стабильность, выше среднего	1, 0
г) АСП ₁ – стабильность	-1
д) АСП ₂ – резкое падение	1
Итого:	1

Модель 1342 – 16 реакций.

Сценарий:

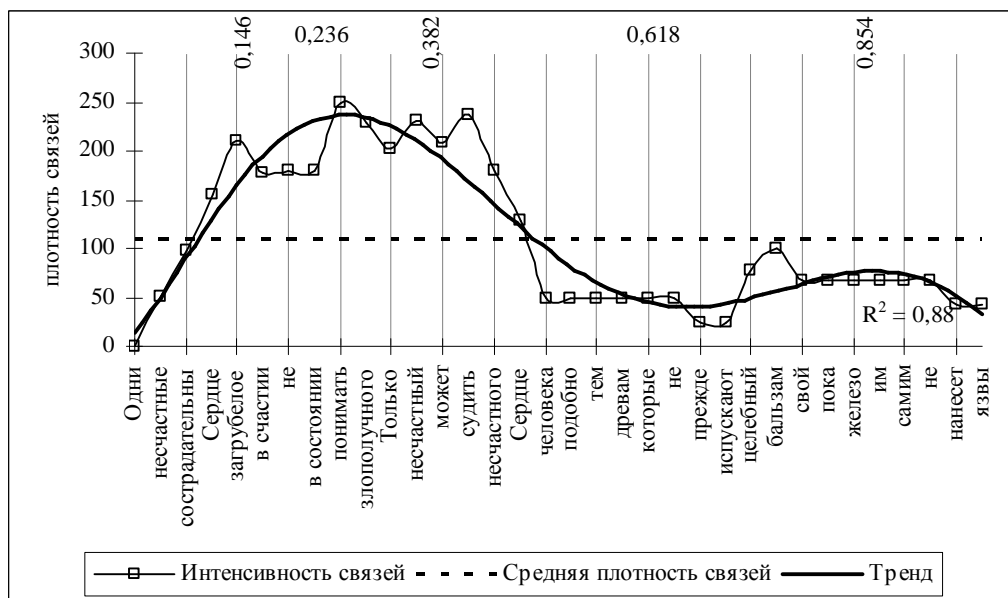
а) восходяще-нисходящий, двувёршинный	1, -1
б) началостремительный	1
Расположение КА: зона начала и пред-ГЦ	1
Локализация КА: локализованный	1
ГУ: концестремительность	0
Расположение значимых компонентов: сердце ¹ (1),	
сердце ² (1), бальзам (1)	3
Расположение значимых позиций:	
а) Зачин – зона неустойчивости	1
б) ГЦн – устойчивое равновесие, ниже среднего	1, -1
в) ГЦ – стабильность, ниже среднего	0, -1
г) АСП ₁ – зона стабильности	-1
д) АСП ₂ – зона стабильности	-1
Итого:	4

Модель 1423 – 8 реакций.

Сценарий:

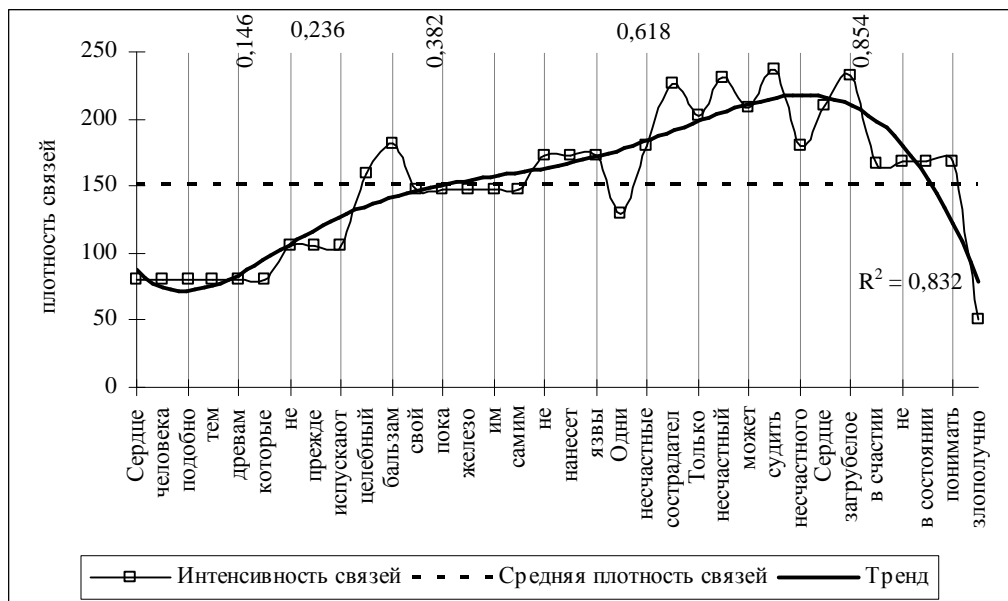
- а) восходяще-нисходящий, двuverшинный 1,-1
 - б) началостремительный 1
 - Расположение КА: зона начала 0
 - Локализация КА: продленный -1
 - Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), сердце² (1), бальзам (1) 3
 - ГУ: концестремительность -1
 - Расположение значимых позиций:
 - а) Зачин – смена режимов (рост → стабилизация) 1
 - б) ГЦн – устойчивое равновесие, выше среднего 1,0
 - в) ГЦ – пик интенсивности (не существенный) 0
 - г) АСП₁ – стабильность -1
 - д) АСП₂ – смена режимов (стабильность → падение) 1
- Итого: 4

Модель 1432 – 10 реакций.

Сценарий:

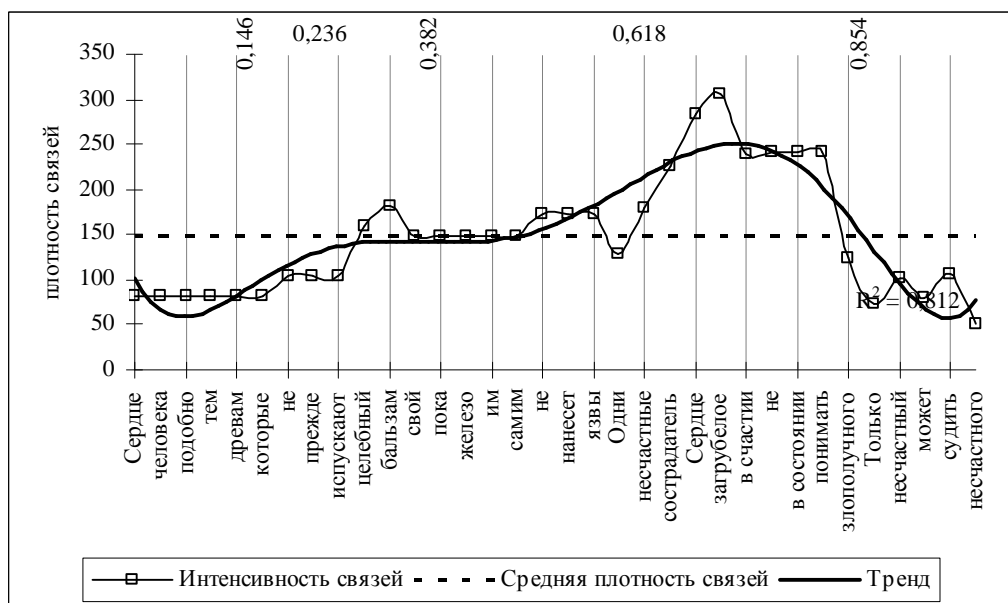
- а) восходяще-нисходящий, двuverшинный 1,-1
 - б) началостремительный 1
 - Расположение КА: зона начала, пред-ГЦ 0,1
 - Локализация КА: продленный -1
 - Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), сердце² (0), бальзам (1) 2
 - ГУ: концестремительность -1
 - Расположение значимых позиций:
 - а) Зачин – смена режимов (рост → стабилизация) 1
 - б) ГЦн – устойчивое равновесие, выше среднего 1,0
 - в) ГЦ – стабильность, ниже среднего 0,-1
 - г) АСП₁ – зона неустойчивости 1
 - д) АСП₂ – зона стабильности -1
- Итого: 4

Модель 2134 – 8 реакций.

Сценарий:

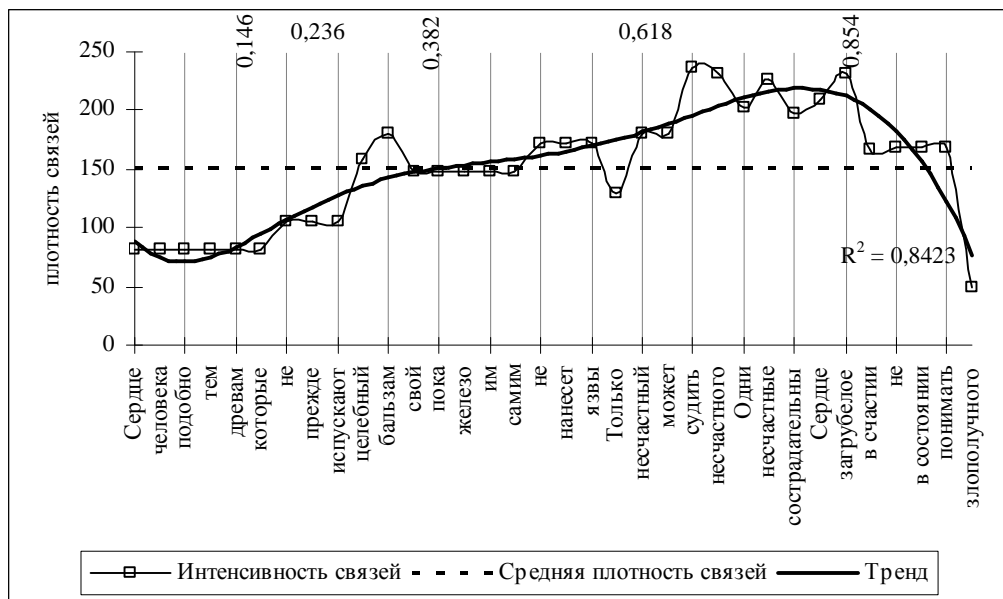
- а) восходящий 0
 - б) концестремительный -1
 - Расположение КА: пост-ГЦ, зона конца 0,-1
 - Локализация КА: продленный -1
 - Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), сердце² (1), бальзам (1) 1
 - ГУ: началостремительность 1
 - Расположение значимых позиций:
 - а) Зачин – стабилизация 0
 - б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 0,-1
 - в) ГЦ – рост интенсивности -1
 - г) АСП₁ – зона стабильности -1
 - д) АСП₂ – пик интенсивности и смена режимов 1
- Итого: -3

Модель 2143 – 24 реакции.

Сценарий:

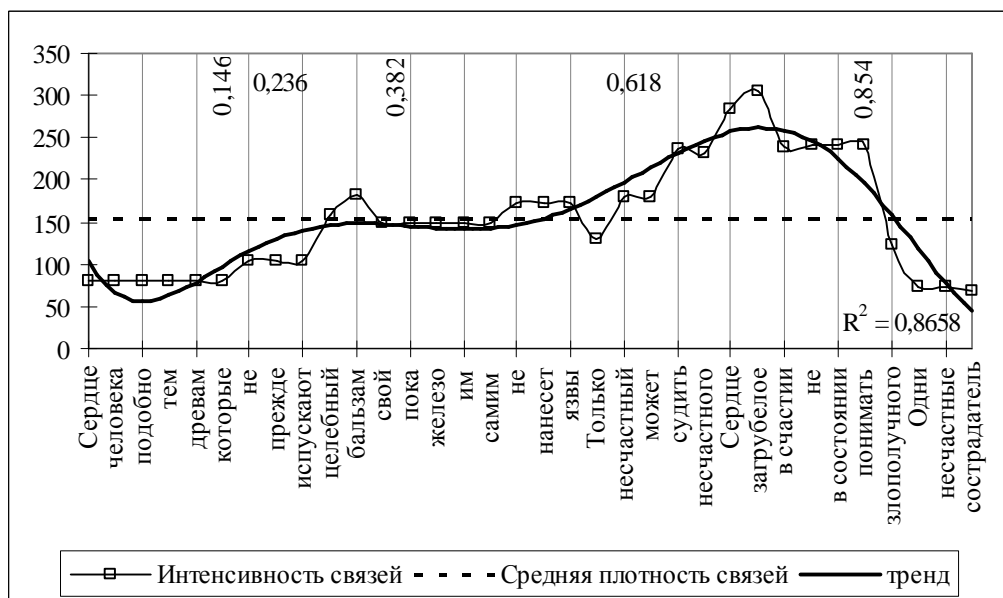
- а) восходяще-нисходящий 1
 - б) концестремительный -1
 - Расположение КА: пост-ГЦ 0
 - Локализация КА: локализованный 1
 - Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), сердце² (1), бальзам (1) 1
 - ГУ: началостремительность 1
 - Расположение значимых позиций:
 - а) Зачин – стабилизация 0
 - б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 1,-1
 - в) ГЦ – рост интенсивности -1
 - г) АСП₁ – зона стабильности -1
 - д) АСП₂ – падение интенсивности 1
- Итого: 2

Модель 2314 – 9 реакций.

Сценарий:

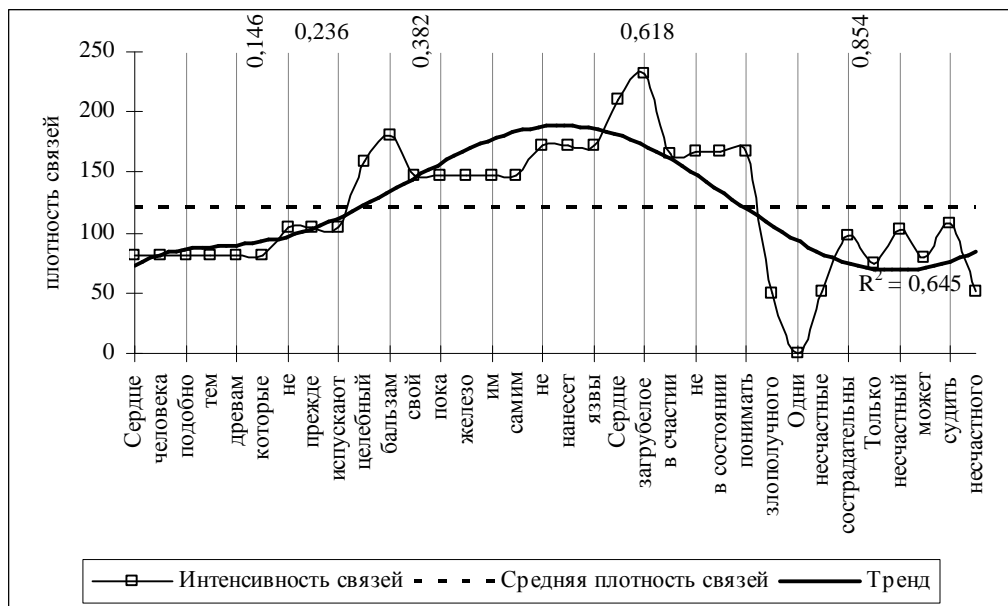
- а) восходящий 0
- б) концестремительный -1
- Расположение КА: пост-ГЦ, зона конца 0,-1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), 1
- сердце² (1), бальзам (1) 1
- ГУ: началостремительность 1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – стабилизация 0
- б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 0,-1
- в) ГЦ – рост интенсивности -1
- г) АСП₁ – зона стабильности -1
- д) АСП₂ – пик интенсивности и смена режимов 1
- Итого: -4

Модель 2341 – 11 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий 1
- б) концестремительный -1
- Расположение КА: пост-ГЦ, зона конца 0,-1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), 1
- сердце² (1), бальзам (1) 1
- ГУ: стабильность 0
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – стабилизация 0
- б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 0,-1
- в) ГЦ – рост интенсивности -1
- г) АСП₁ – зона стабильности -1
- д) АСП₂ – смена режимов (стабильность → падение) 1
- Итого: -3

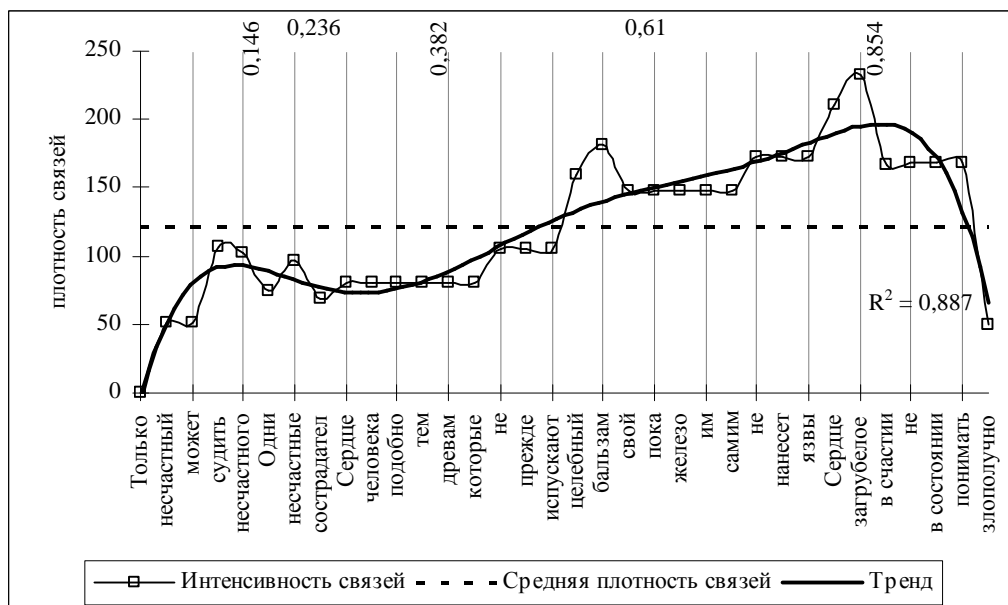

Модель 2413 – 49 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий 1
- б) центростремительный 1
- Расположение КА: пред-ГЦ и пост-ГЦ 1,0
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), сердце² (-1), бальзам (1) 1
- ГУ: началостремительность 1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – стабильность 0
- б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 1, -1
- в) ГЦ – максимум интенсивности 1
- г) АСП₁ – падение интенсивности 1
- д) АСП₂ – падение интенсивности 1

Итого: 7

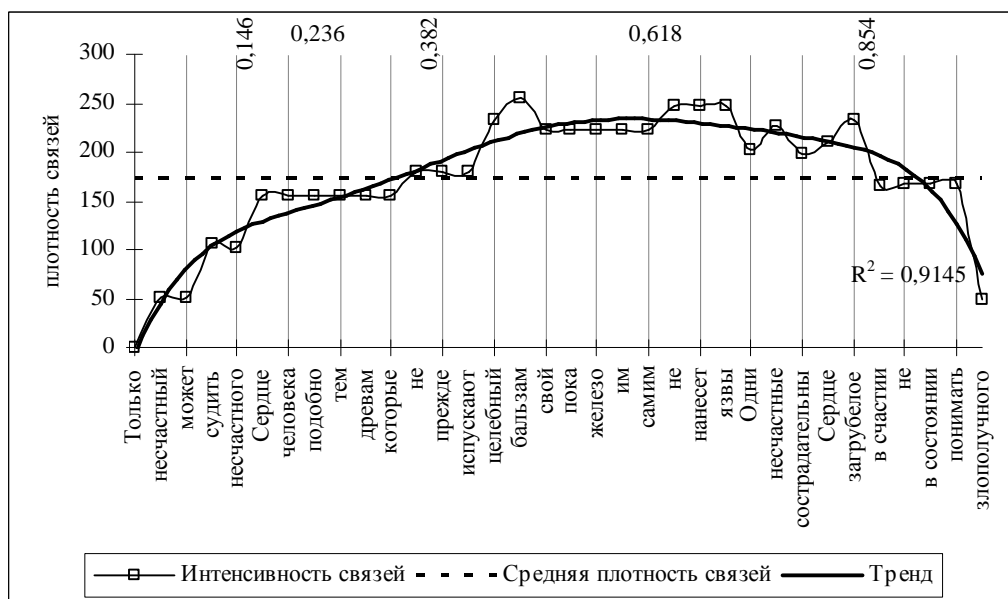
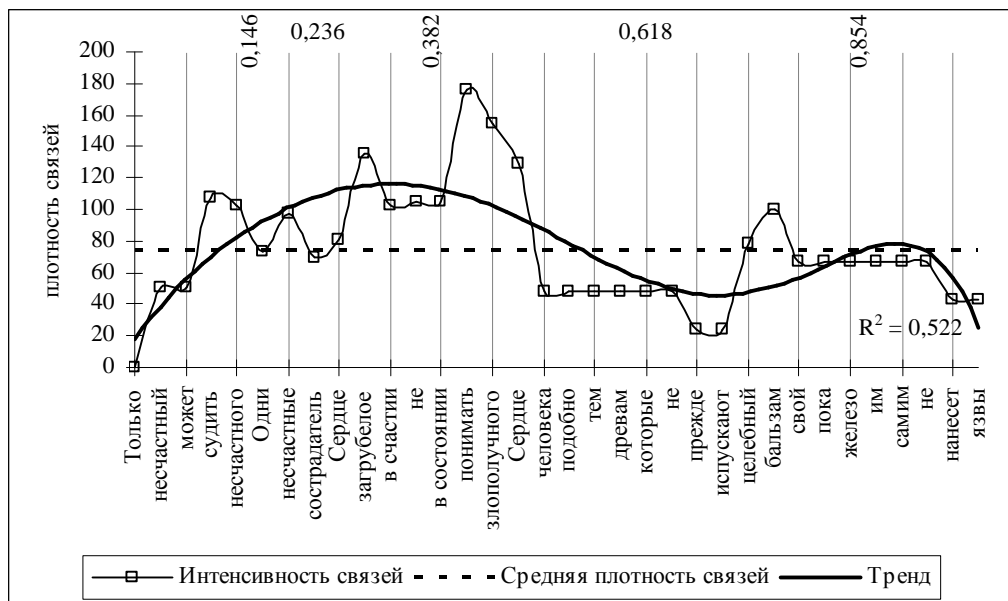

Модель 3124 – 7 реакций.

Сценарий:

- а) восходящий, двувршинный 0,-1
- б) концестремительный -1
- Расположение КА: пост-ГЦ, зона конца 0,-1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), сердце² (1), бальзам (1) 1
- ГУ: концестремительность -1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → стабилизация) 1
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, ниже среднего 1,-1
- в) ГЦ – стабильность, выше среднего 0,0
- г) АСП₁ – стабильность -1
- д) АСП₂ – пик интенсивности и падение 1

Итого: -3

Модель 3142 – 12 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий, двугорбый 1,-1
- б) начало-стремительный 1
- Расположение КА: зона начала, пред-ГЦ 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), сердце² (-1), бальзам (1) 1
- ГУ: концентраторность -1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → падение) 1
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, уровень среднего 1,1
- в) ГЦ – стабильность, ниже среднего 0,-1
- г) АСП₁ – стабильность -1
- д) АСП₂ – стабильность -1

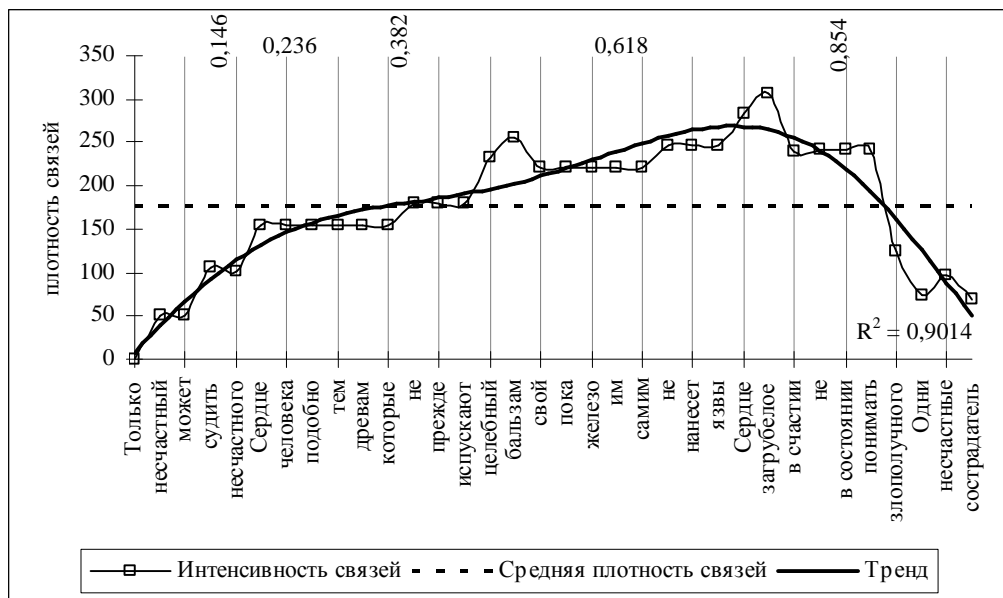
Итого: 1

Модель 3214 – 8 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий 1
- б) центростремительный 1
- Расположение КА: пред-ГЦ, пост-ГЦ, зона конца 1,-1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), сердце² (1), бальзам (1) 1
- ГУ: концентраторность -1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → стабилизация) 1
- б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 0,-1
- в) ГЦ – стабильность, выше среднего 0
- г) АСП₁ – стабильность -1
- д) АСП₂ – пик интенсивности и падение 1

Итого: 1

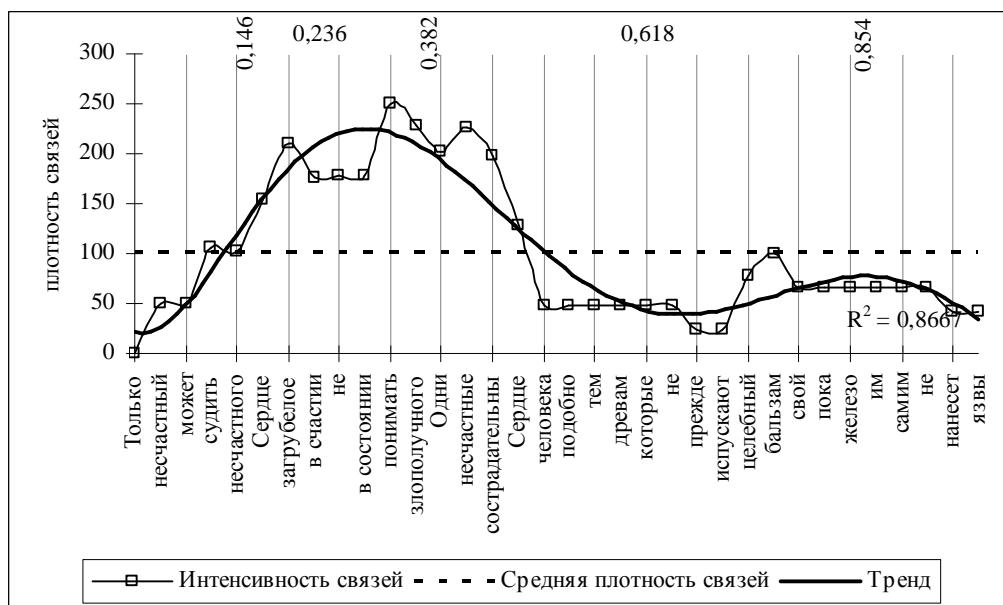

Модель 3241 – 5 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий 1
- б) концестремительный -1
- Расположение КА: пост-ГЦ, зона конца 1,-1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), 1
- сердце² (1), бальзам (1) -1
- ГУ: концестремительность -1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – режим роста 1
- б) ГЦн – стабильность, ниже среднего 0,-1
- в) ГЦ – стабильность, выше среднего 0
- г) АСП₁ – небольшой рост интенсивности 1
- д) АСП₂ – стабильность -1

Итого: -1

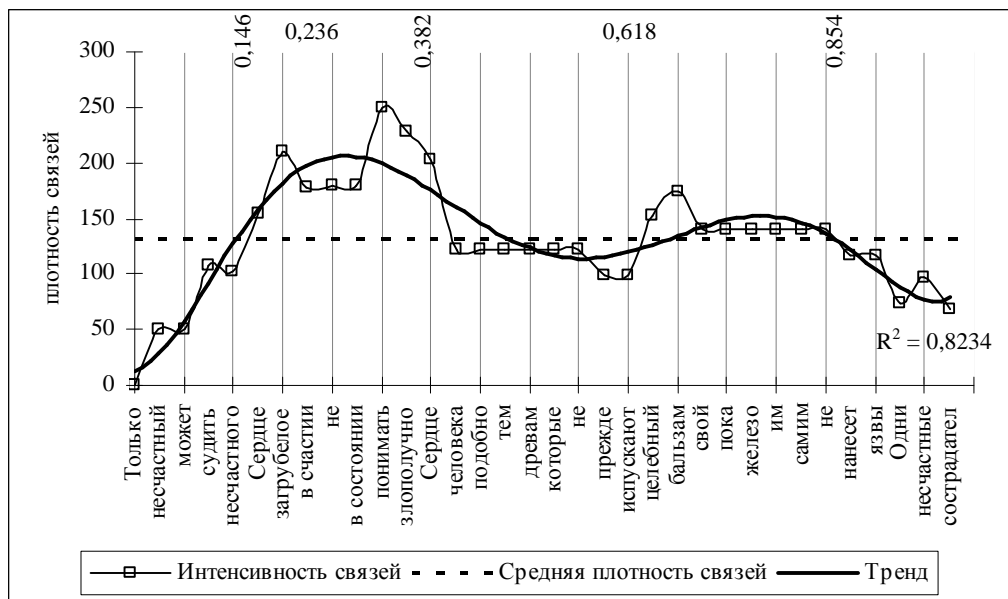

Модель 3412 – 6 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий, двувершинный 1,-1
- б) началостремительный 1
- Расположение КА: зона начала, пред-ГЦ 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), 3
- сердце² (1), бальзам (1) -1
- ГУ: концестремительность -1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → стабилизация) 1
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, выше среднего 1
- в) ГЦ – стабильность, ниже среднего 0,-1
- г) АСП₁ – устойчивое равновесие -1
- д) АСП₂ – стабильность -1

Итого: 2

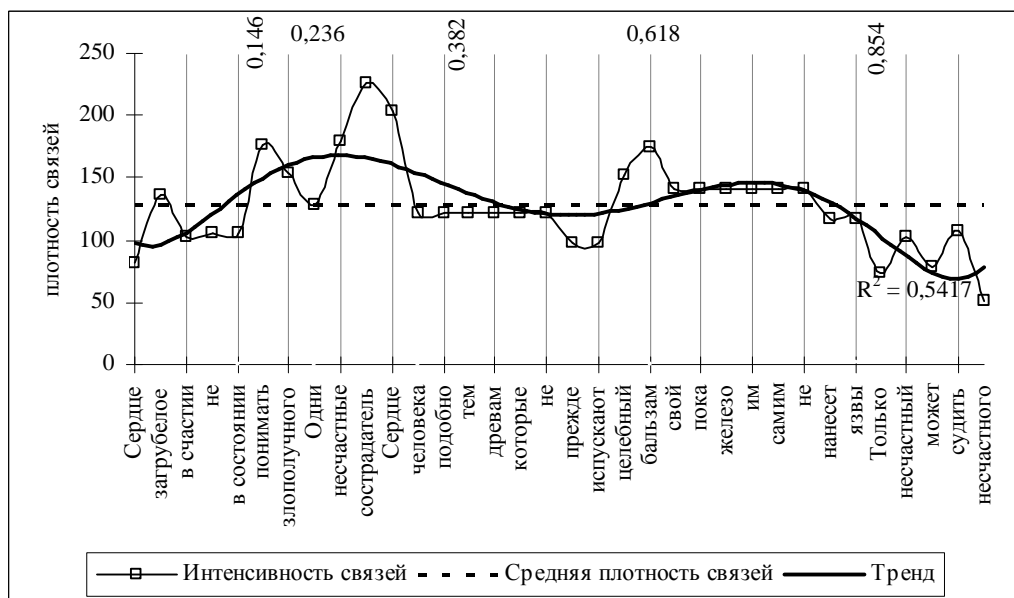

Модель 3421 – 6 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий, двувершинный 1,-1
- б) началостремительный 1
- Расположение КА: зона начала, пред-ГЦ 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), сердце² (1), бальзам (1) 3
- ГУ: концстремительность -1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – режим роста 0
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, выше среднего 1
- в) ГЦ – устойчивое равновесие, ниже среднего 1,-1
- г) АСП₁ – падение интенсивности 1
- д) АСП₂ – падение интенсивности 1

Итого: 6

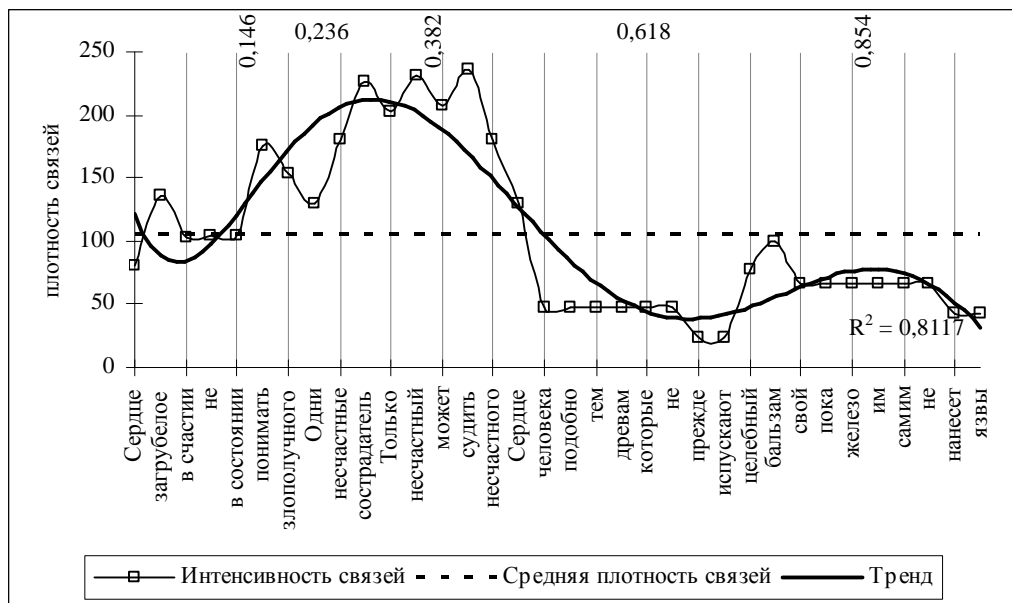

Модель 4123 – 16 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий, двувершинный 1,-1
- б) началостремительный 1
- Расположение КА: зона начала 1
- Локализация КА: локализованный 1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), сердце² (1), бальзам (1) 1
- ГУ: началостремительность 1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → падение) 1
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, уровень среднего 1,1
- в) ГЦ – пик интенсивности 1
- г) АСП₁ – стабильность -1
- д) АСП₂ – падение интенсивности 1

Итого: 9

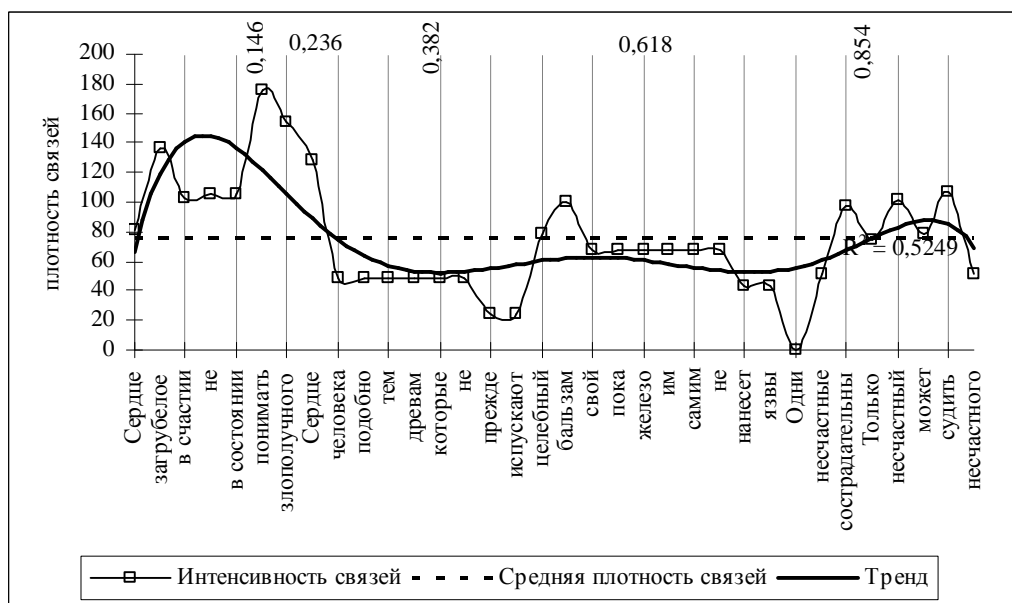

Модель 4132 – 10 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий, двuverшинный 1,-1
- б) началостремительный 1
- Расположение КА: зона начала, пред-ГЦ 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), 1
- сердце² (-1), бальзам (1) 1
- ГУ: началостремительность 1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → падение) 1
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, выше среднего 1
- в) ГЦ – стабильность, ниже среднего 0,-1
- г) АСП₁ – зона неустойчивости 1
- д) АСП₂ – стабильность -1

Итого: 4

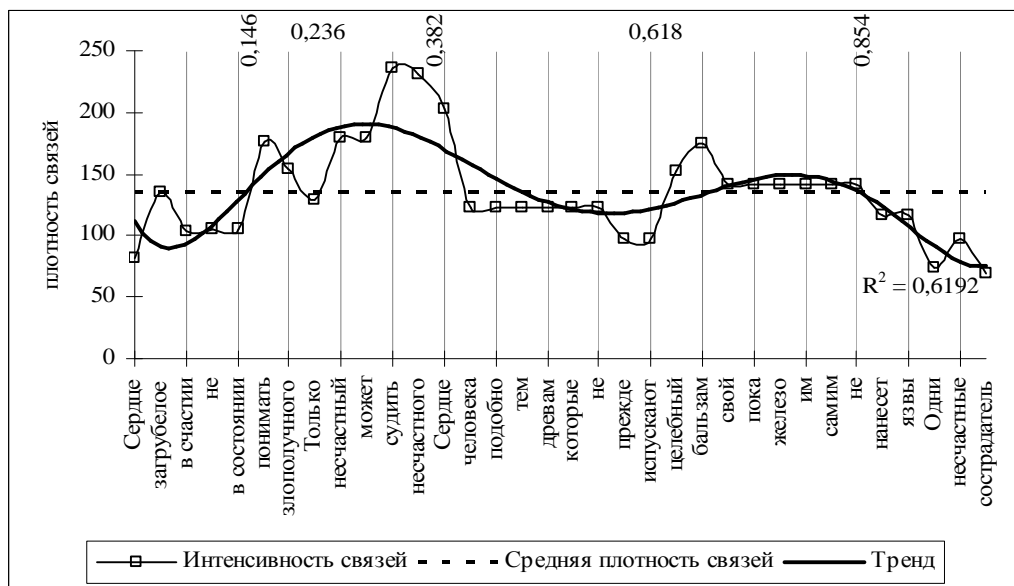
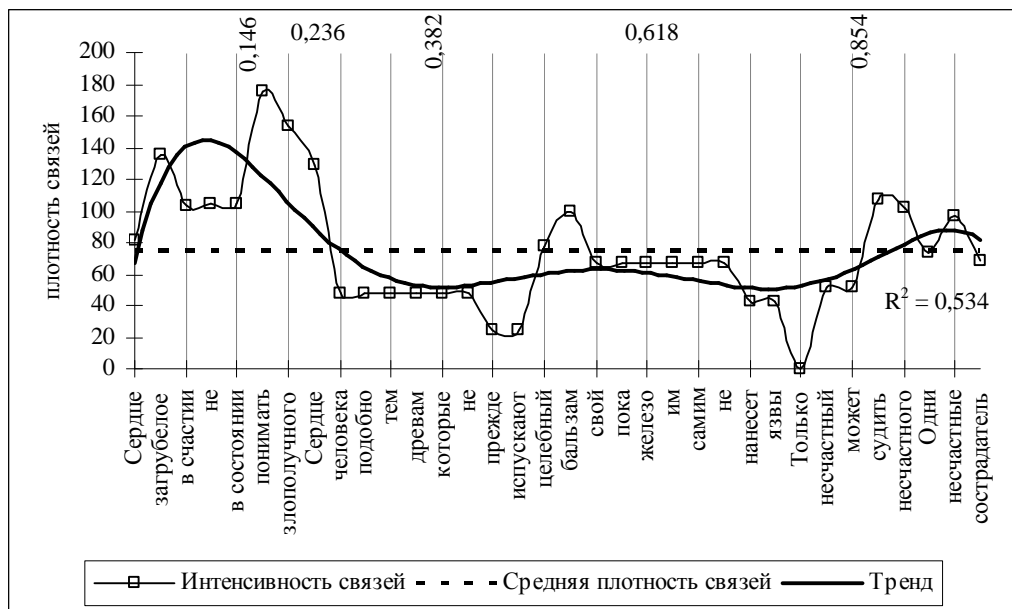

Модель 4213 – 17 реакций.

Сценарий:

- а) продленный, двuverшинный 1,-1
- б) стабильный 0
- Расположение КА: зона начала 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), 1
- сердце² (1), бальзам (1) 3
- ГУ: началостремительность 1
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (рост → падение) 1
- б) ГЦн – падение интенсивности -1
- в) ГЦ – стабильность, уровень среднего 0,1
- г) АСП₁ – стабильность -1
- д) АСП₂ – неустойчивый режим 1

Итого: 5

Модель 4231 – 16 реакций.

Сценарий:

- а) продленный, двuverшинный 1,-1
- б) стабильный 0
- Расположение КА: зона начала 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (1), 3
- сердце² (1), бальзам (1) 0
- ГУ: стабильность 0
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (стабильность → рост) 1
- б) ГЦн – падение интенсивности -1
- в) ГЦ – стабильность, уровень среднего 0,1
- г) АСП₁ – стабильность -1
- д) АСП₂ – рост интенсивности 1

Итого: 4

Модель 4321 – 11 реакций.

Сценарий:

- а) восходяще-нисходящий, двuverшинный 1,-1
- б) началостремительный 1
- Расположение КА: зона начала, пред-ГЦ 1
- Локализация КА: продленный -1
- Расположение значимых компонентов: сердце¹ (-1), 1
- сердце² (1), бальзам (1) 0
- ГУ: стабильность 0
- Расположение значимых позиций:
- а) Зачин – смена режимов (стабильность → рост) 1
- б) ГЦн – устойчивое равновесие, уровень среднего 1,1
- в) ГЦ – устойчивое равновесие, ниже среднего 1,-1
- г) АСП₁ – падение интенсивности 1
- д) АСП₂ – падение интенсивности 1

Итого: 6

Сопоставление вариантов сукцессивной реализации одного и того же семантического пространства в трех независимых друг от друга измерениях: пространственно-временной локализации, интенсивности семантических процессов и структурно-системной значимости единиц текста – позволяет проводить поиск наиболее оптимальной его формы. Эксперимент же служит средством верификации полученных оценок. В данном случае, можно утверждать, что оптимальные (с позиции проведенного моделирования и оценки) варианты развертки текста должны быть предпочитаемы и в ходе экспериментальной деятельности испытуемых. Каждой модели может быть приписано два значения: коэффициента ее оптимальности и количества реакций испытуемых, отдавших ей предпочтение. Поэтому в итоге мы можем сопоставить два распределения: 1) количества реакций испытуемых, избравших ту или иную модель, и 2) оценки оптимальности моделей, выявленные в ходе исследования (см. рисунок 50).

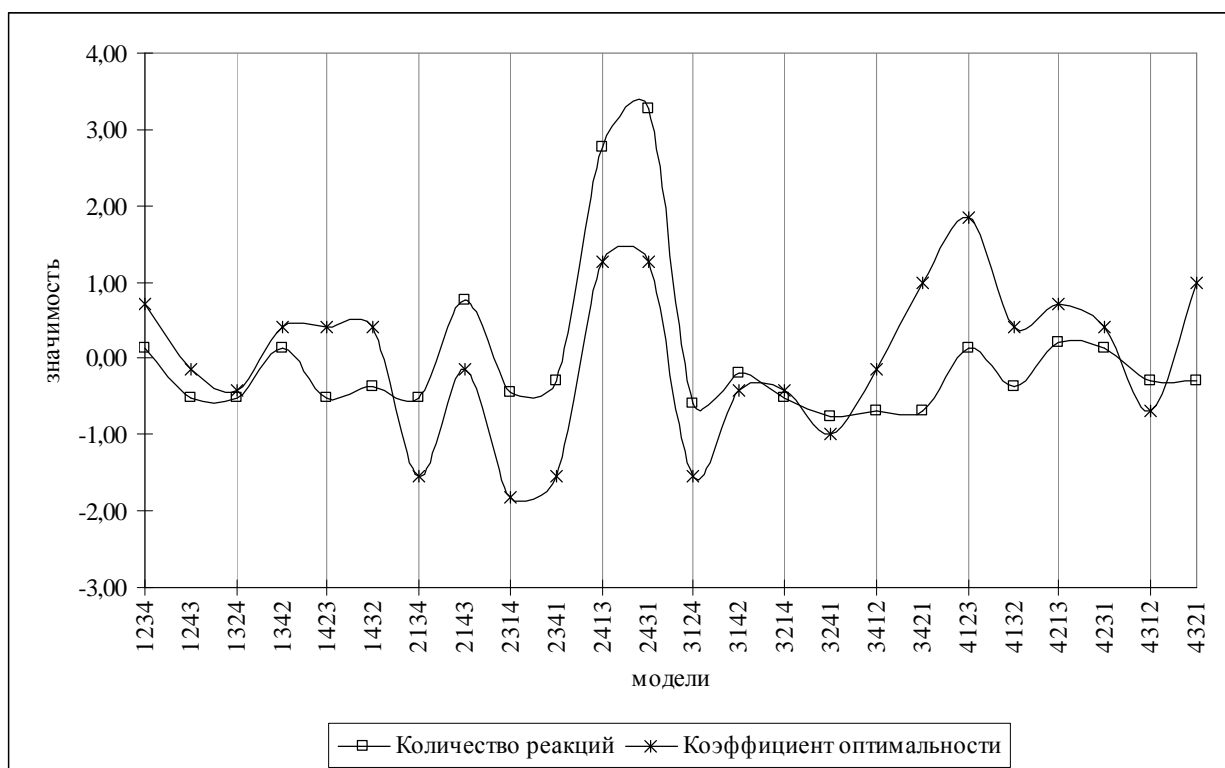

Рисунок 50. Сопоставление оптимальности и предпочитаемости для каждой модели выборки

Примечание. Абсолютные значения для сопоставительного анализа подвергнуты центрированию (средние показатели для каждой выборки расположены по оси ОУ на «нулевом уровне»).

На рисунке 50 видно, что параметры распределения выборок имеют общие черты организации (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,49 при уровне статистической достоверности $p=0,015$). Наличие корреляционной связи между результатами, полученными в ходе моделирования и в экспериментальном исследовании, говорит о достоверности созданного нами метода построения семантического контура и оценки его оптимальности. Таким образом, трехмерное представление (моделирование) сукцессивных текстовых структур имеет большой интерпретационный потенциал, верифицируемый посредством эксперимента (в данном случае «рассыпного текста»). Изменения формы текста, проведенные с помощью метода моделирования, выявили оптимальные / неоптимальные сценарии формообразования.

3.3. МЕТОД СИНХРОНИЗАЦИИ КОНТУРОВ КАК СИНТЕЗ РЕЗУЛЬТАТОВ МНОГОПРЕДМЕТНОГО ОПИСАНИЯ ТЕКСТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМЫ ТЕКСТА)

Системнодеятельностный подход, составляющий методологический базис теории формообразования, направлен, в частности, на поиск способов реконструкции формы текста. Тот факт, что в процессе анализа нам доступен не объект в его полном бытии, а только предметная область объекта, делает особенно актуальными проблемы синтеза результатов разнопредметных исследований. По отношению к интересующему нас фрагменту действительности полипредметный синтез предоставит возможность выйти на уровень описания самоё формы текста. Для осуществления же полипредметного синтеза необходимо, чтобы результаты описания отдельных предметных областей могли быть сопоставимыми. Для этого они должны, по меньшей мере, иметь количественную природу. Кроме того, желательно, чтобы набор параметров, по возможности, совпадал для всех предметных областей (проекций, пространств). В нашем случае реконструкция каждой предметной проекции может проводиться с опорой на предложенные выше независимые параметры (позиционная локализация, интенсивность процессов, системно-структурная значимость компонентов).

Универсальность позиционной шкалы является основой, позволяющей сопоставлять (синхронизировать) сценарии развертывания как разных текстов (что проводилось на самом разнообразном материале [Белоусов-2002а,б,-2004а,-2005в; Дорофеева-2004; Касаткина-2005; Корбут-1994,-2002,-2004,-2005а,б; Коржнева-2003; Москальчук-1990,-1998,-2002аб,-2003; Пушкина-2002; Солодянкина-2004 и др.]), так и разных аспектов (предметов) одного и того же текста (что впервые и было осуществлено в наших работах [Белоусов-2002б,-2005а,б,в]). Синхронизация результатов многоаспектного описания одного и того же текста производится с опорой на такое конститутивное его качество как его полионтологичность, которое связано с явлением кооперативной организации различных пространств текста в процессе его становления. Феномен кооперации текстовых пространств (точнее, их сукцессивных структур) есть не что иное, как действие механизмов самоорганизации на уровне текста.

Впервые проблема кооперативности взаимодействия систем была осознана в рамках физиологии [Анохин-1978,-1999; Берштейн-1997]. Созданная П.К. Анохиным модель функциональной системы, перестала быть монодисциплинарной; неслучайно сам ученый говорил о ее философских аспектах [Анохин-1978]. С точки зрения теории функциональных систем, деятельность той или иной функциональной системы всегда направлена на получение благоприятного приспособительного результата, а «если деятельность системы заканчивается полезным в каком-то отношении результатом, то «взаимодействие» компонентов данной системы всегда будет протекать по типу их взаимосодействия, направленного на получение результата» [Анохин-1978, с. 40]. Это «взаимодействие» носит не детерминистский характер, однако поведение системы регулируется ее целью (полезным результатом). В.Б. Швырков, развивая теорию функциональных систем, отмечает: «При осуществлении поведенческого акта – и только при осуществлении поведенческого акта – процессы в разумных структурах мозга приобретают общие черты организации <...> общие черты организации создаются общими

же для всех структур процессами, отличными от процессов, имеющих место в отдельных структурах в отсутствии *целостного* (курсив наш. – К.Б.) поведенческого акта» [Швырков-1978, с. 23].

В синергетике кооперативное взаимодействие компонентов системы объясняется через «действие нелинейных обратных связей в сложной системе» [Курдюмов-2000, с. 85], устанавливающих «объединение <...> развивающихся в разном темпе структур <...> через синхронизацию их темпа жизни, скорости развития», «общего темпа их эволюции» [Князева-2000, с. 247]. Достижение полезного результата функциональной системой связано с установлением единого темпоритма ее различных подсистем, образованием конгруэнтных друг другу топологически организованных паттернов. (Ср. «Синтез простых структур в одну сложную структуру происходит <...> посредством общего темпа их эволюции» [Князева-2002, с. 135].)

Таким образом, опираясь на представление о тексте как полионтологичном пространственно-временном функциональном языковом объекте, используя базовый метод теории формообразования – метод позиционного анализа, а также ряд специальных методов (реконструкции семантического, просодического и др. контуров), мы получаем возможность сопоставительного анализа сукцессивных структур разных предметных областей текста. Результатом такого исследования станет: 1) выявление механизмов кооперативного взаимодействия (в иных терминах – механизмов образования конгруэнтных темпоритмических паттернов) отдельных пространств текста, 2) реконструкция формы текста.

Заметим, что феномен кооперативности рассматривается нами не как исходное, а как искомое, поскольку сама функциональность текста должна быть выявлена и доказана. Изучение же механизмов взаимодействия компонентов (или подсистем), в результате которых достигается благоприятный результат для всей системы, остается вне проблемного поля исследований, посвященных функциональности текста, что переводит функциональность в разряд либо очередной языковедческой метафоры, либо словесной «добавки»

в тех случаях, когда говорится о целях коммуникации. Поэтому использование понятия функциональной системы по отношению к тексту не является априорным: теория формообразования направлена, в частности, на изучение механизмов взаимодействия текстовых пространств.

Реконструкция формы текста находится в прямой зависимости от реконструкции ее предметных проекций (семантического, просодического, эмоционального и др. пространств) и их последующего синтеза с помощью метода позиционного анализа, ряда специальных и корреляционных методов. Метод, благодаря которому осуществляется сопоставительный анализ сукцессивных структур (преломленных, в частности, в модели тех или иных контуров текста), был назван нами *методом синхронизации контуров*.

Заявленный подход дает возможность исследовать взаимодействие материальных и идеальных пространств текста с позиции их единства. Так, изучение просодической организации текста, проводимое нами с опорой на аппаратные методы записи и анализа акустической волны, позволяет сопоставить семантический контур текста с просодическим контуром (отражающим среднее значение силы звука при выразительном чтении того же текста группой информантов). Данный метод является более эффективным при рассмотрении проблем формообразования, нежели сопоставление интерпретаций, которые проведены на основе факторизации численно выраженных параметров семантического и просодического пространств (см. 2.1.3. и 2.2.1.). Рассмотрим применение метода контуров при сопоставительном анализе сукцессивных структур разных текстовых пространств на примере уже исследованных нами текстов. В таблице 22 отражены параметры семантического и просодического контуров текста В.П. Катаева *Лето...*

Результаты также представлены графически на рисунке 51. На рисунке 51 видно, что к позиции *зачина* (0,146) происходит синхронизация самостоятельных контуров, что можно интерпретировать как попытку обнаружения отдельными подсистемами единых темпоритмических параметров эволюции. С подобной функциональностью *зачина* мы сталкивались при сопоставлении

просодического и эмоционального контуров текста. Тогда был сделан вывод, что «зона зачина текста является пространством «схождения» путей эволюции отдельных систем к их дальнейшему кооперативному взаимодействию» [Белоусов-2002б, с. 7.]. Интересно, что интенсивность просодической организации на этом участке оказывается выше семантической. В позиции ГЦн интенсивности процессов впервые «выравниваются» и вплоть до АСП₁ имеют сходную динамику (ср. с аналогичными результатами [Там же, с. 7]).

Таблица 22. Параметры семантического и просодического контуров текста
В.П. Катаева *Лето...*

Словоформа	Локализация в тексте	Семантический контур	Просодический контур
Лето	0,048	0,33	1,00
умирает.	0,095	0,60	0,83
Осень	0,143	0,85	0,99
умирает.	0,190	0,82	0,76
Зима	0,238	0,77	0,81
сама	0,286	0,73	0,78
смерть.	0,333	0,73	0,70
А	0,381	0,60	0,68
весна	0,429	0,70	0,85
постоянна.	0,476	0,86	0,74
Она	0,524	0,83	0,98
живет	0,571	0,80	0,88
бесконечно	0,619	0,73	0,86
в недрах	0,667	0,85	0,92
вечно	0,714	0,90	0,74
изменяющейся	0,762	0,93	0,82
материи,	0,810	1,00	0,67
только	0,857	0,93	0,98
меняет	0,905	0,89	0,86
свои	0,952	0,79	0,72
формы	1,000	0,42	0,65

В АСП₁, которая является зоной минимума интенсивности семантического и просодического контуров, происходит изменение направления динамики – согласованный рост интенсивности акустических и семантических процессов, попытка их согласования на протяженном участке, включающем ГЦ. Доминирующее положение при этом занимает просодика: интенсивность процессов смыслообразования подстраивается под паттерны физической стороны процесса развертывания текста. Возможно, что такое взаимодействие может быть названо суггестией. Согласованное изменение интенсивности двух процессов, которое регистрируется на участке, окружающем ГЦ,

свидетельствует о гармонизации процессов, причем точка устойчивого равновесия (точка минимума) приходится на ГЦ.

В области креативного аттрактора (максимума интенсивности семантических связей) происходит самое заметное рассогласование с просодическим контуром. Выход на первый план семантической составляющей при существенном падении влияния просодики на процесс формообразования в данном случае можно понять как значимость когнитивных механизмов (в противопоставлении их эмотивным) для процесса самоорганизации данного текста. Интересно, что в область креативного аттрактора вошли лексемы с абстрактной семантикой *бесконечно, недра, вечно, изменяющийся, материя*, которые выдвигают на первый план рационально-логическое начало в структурировании целостности текста. Этот интервал текста, кроме того, имеет гораздо более сложную по сравнению с другими участками синтаксическую структуру. И, наконец, в позиции АСП2 происходит пересечение и наложение параметров интенсивности обоих процессов и дальнейшее совместное уменьшение их значений (свертка текста).

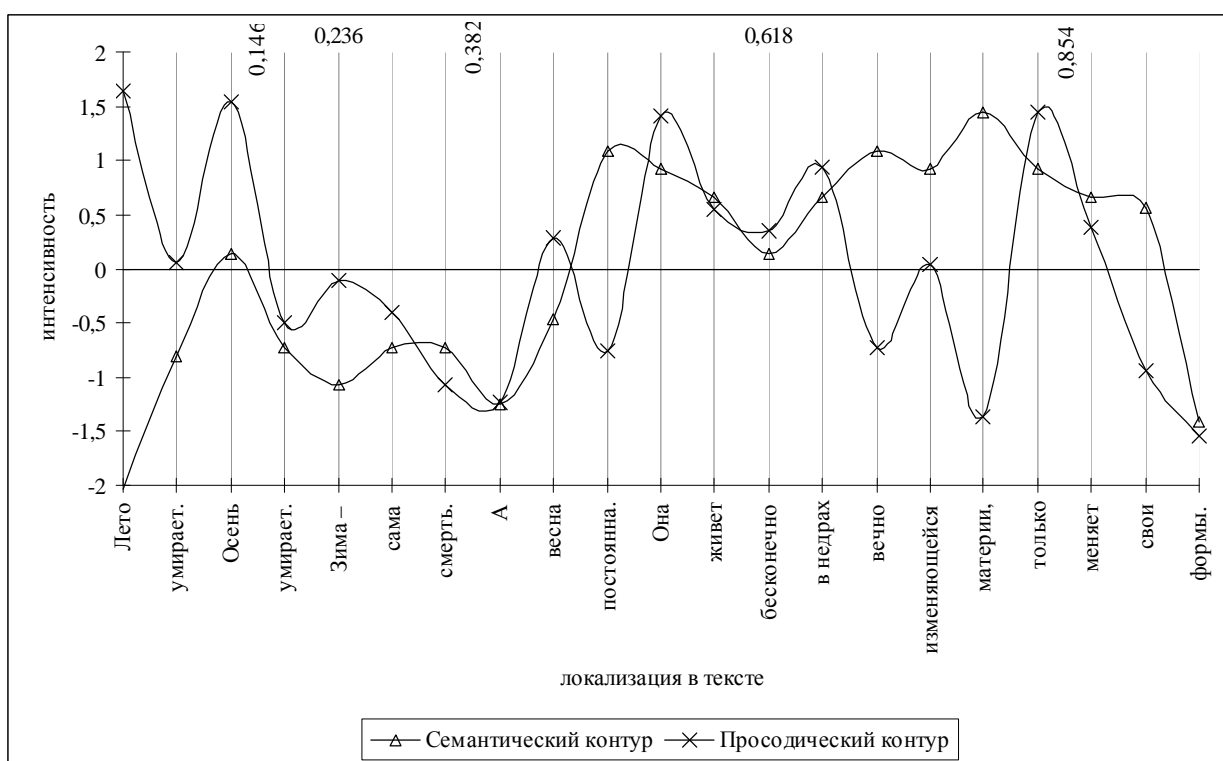

Рисунок 51. Взаимодействие семантического и просодического контуров текста *Лето...* в процессе его развертывания (данные центрированы)

Если обратиться к рассмотрению гармонических центров текста, то видно, что интенсивность семантических связей в них оказывается на уровне среднего. Такая «усредненность» гармонических центров отмечалась нами неоднократно при изучении других аспектов структуры текста. Здесь наши результаты не подтверждают сделанный Н.В. Черемисиной вывод о просодической значимости гармонического центра: «ГЦ оказывается... конструктивным и эмоциональным «стержнем», вокруг которого объединяются тяготеющие к нему эмоционально менее значимые синтагматическое и... фразовое ударения» [Черемисина-Ениколопова, с. 220].

Рассмотрим варианты синхронизации сукцессивных структур текстовых пространств на примере других текстов. В ходе изучения семантического и просодического пространств авторского текста *Осень...* (экспериментальный текст был создан с такими параметрами, благодаря которым можно было бы легко осуществлять композиционные перестановки внутри текста; данный текст использовался в качестве материала в работах [Белоусов-2002; Коржнева]) были получены результаты, представленные в таблице 23.

Осень, ночь, пустота. Видения уходящей жизни. Тихо накрапывает дождь. Музыка и видения, и печаль.

Таблица 23. Параметры семантического и просодического контуров текста *Осень...*

Словоформа	Локализация в тексте	Семантический контур	Просодический контур
осень	0,07	0,24	1,00
ночь	0,14	0,37	0,85
пустота	0,21	0,39	0,76
видения	0,29	0,64	0,96
уходящей	0,36	0,90	0,74
жизни	0,43	0,91	0,64
тихо	0,5	0,85	0,70
накрапывает	0,57	1,00	0,78
дождь	0,64	0,89	0,72
музыка	0,71	0,51	0,88
и	0,79	0,51	0,60
видения	0,86	0,64	0,66
и	0,93	0,39	0,51
печаль	1	0,39	0,66

Примечание. В таблице представлены относительные значения силы звука и плотности семантических связей между всеми лексемами в линейном развертывании текста.

Рисунок 52 хорошо иллюстрирует высказанные ранее положения об отличительности организаций разных предметов одного и того же объекта и, в то же самое время, их общности. В интервале (0,07; 0,21) интенсивность просодической и семантической организаций текста имеют противоположную динамику, но в интервале (0,14; 0,21) семантический контур начинает подстраиваться под просодический, а после точки (0,21) процессы синхронизируются. В окрестностях точки (0,21) наблюдается точка устойчивости не только семантического контура, но и просодического. В аспекте теории позиционного анализа текста данная точка имеет важное значение для текста как сукцессивно-симультанного образования – здесь находится гармонический центр зоны начала текста (ГЦн).

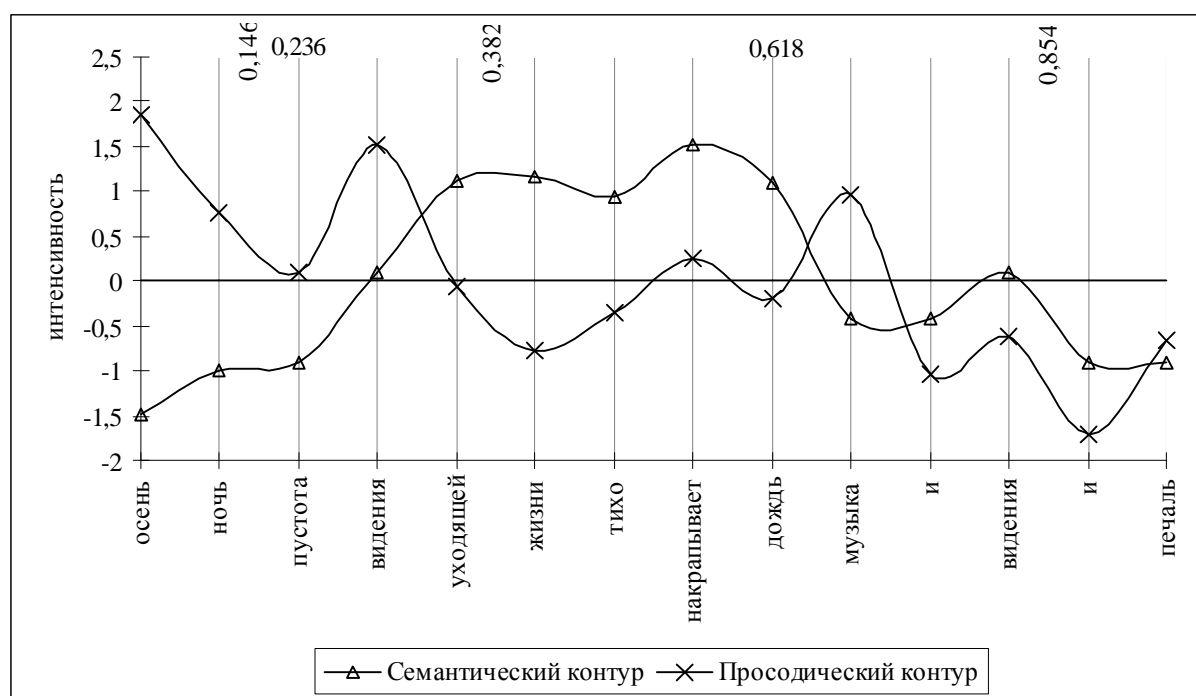

Рисунок 52. Взаимодействие семантического и просодического контуров текста *Осень...* в процессе его развертывания (данные центрированы)

Зона зачина текста (0; 0,146) является пространством «схождения» путей эволюции отдельных систем к их дальнейшему кооперативному взаимодействию. Позиция гармонического центра зоны начала есть первая кооперативная позиция в эволюции метасистемы – текста. Интересно, что просодический контур в этой точке очень близко подходит к оси ОХ (среднему значению интенсивности силы звука). Похожая ситуация для просодики на-

блюдается и в позиции ГЦ, также являющейся устойчивой («потенциальная яма»). Интервал зачина интересен и тем, что в нем, как правило, просодика доминирует над семантикой.

В исследуемом тексте семантика выдвигается на передний план только в точке (0,36) и сохраняет лидирующее положение вплоть до гармонического центра. Между точками (0,36) и (0,43) располагается АСП₁, в которой наблюдается рост элементов асимметрии, энтропийных тенденций. Поэтому вблизи АСП₁ (слева) происходит асинхронизация контуров, но после прохождения этой позиции кооперативность подсистем восстанавливается, однако, с доминированием уже новой моды – семантики. В интервале (АСП₁, ГЦ) режимы развития подсистем обретают единые темпо-ритмические характеристики. Поскольку этот интервал является наиболее оптимальным для восприятия текста, режимы эволюции подсистем синхронизируются. В интервале (АСП₁; ГЦ) часто расположен креативный аттрактор текста – такая зона текста, в которой представлена наиболее значимая информация (с позиции реципиента). Область аттрактора – это всегда область негэнтропийных тенденций, явлений гармонизации системы. Но после прохождения гармонического центра подсистемы вновь обнаруживают в себе некоторую автономность, процессы асинхронизируются, доминирующей становится просодика. Энтропийные тенденции возникают сразу же за позицией ГЦ, раньше второй абсолютно слабой позиции (АСП₂). Начиная с позиции (0,79) вплоть до конца текста, режимы снова синхронизируются с доминантой семантики. В точке (0,93) просодический и семантический контуры имеют точки устойчивости, что, видимо, говорит о целесообразности выделения этой позиции А.Ю. Корбут [Корбут-1995].

Синхронизация семантического и просодического контуров текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...* представлена на рисунке 53.

На рисунке 53 видно, что в интервале зачина (0, 0,146) доминирует просодика, начиная же с позиции зачина вплоть до гармонического центра (с некоторыми спорадическими возмущениями) преобладает семантика. После

ГЦ просодика вновь занимает лидирующее положение и сохраняет его вплоть до Абс.К. Несмотря на, казалось бы, полное рассогласование контуров, все же на участке (0,618; 1) можно отметить тенденцию синхронизации просодики и семантики. Эта тенденция будет особенно заметна, если построить аппроксимирующую кривую (тренд) для данного участка текста (случайные флуктуации при этом «сгладятся», и мы увидим некоторое подобие контуров).

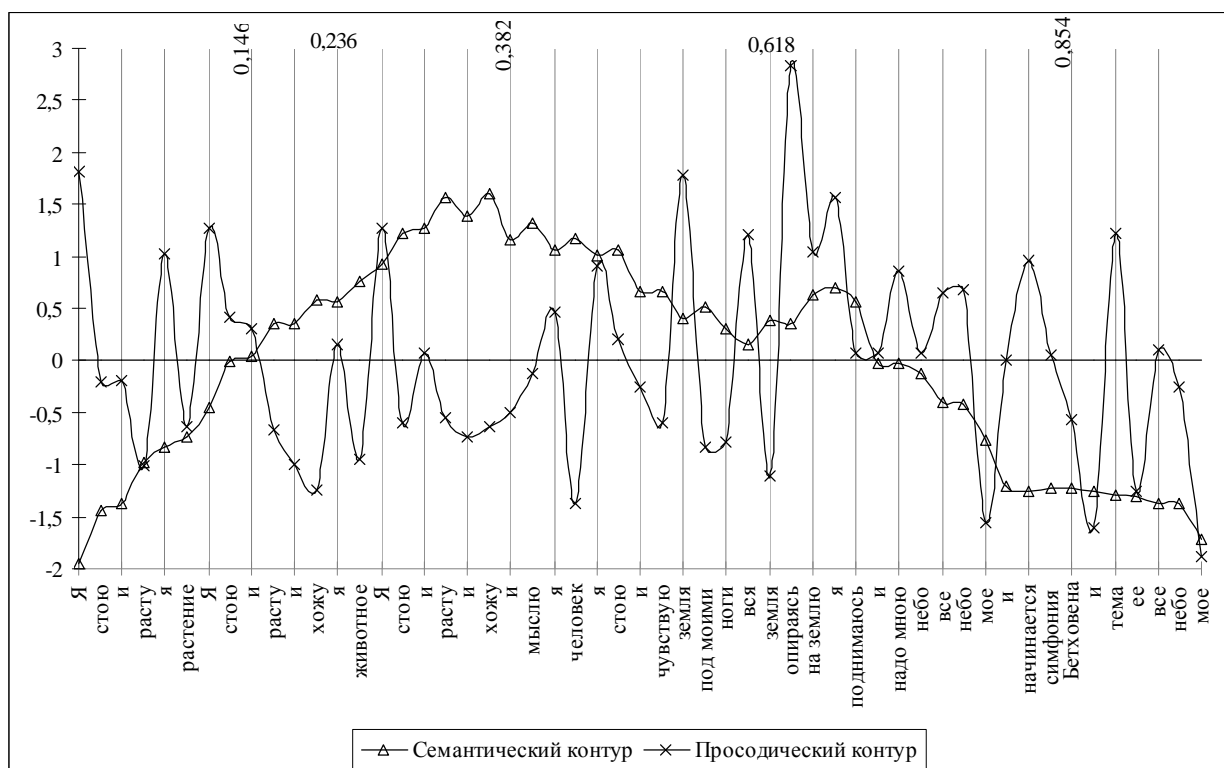

Рисунок 53. Взаимодействие семантического и просодического контуров текста М.М. Пришвина *Я стою и расту...* в процессе его развертывания (данные центрированы)

Обращает на себя внимание, что в позиции ГЦн значения интенсивности просодического контура находятся на отметке средних показателей, плотность же семантических связей незначительно превышает средний уровень. В позиции ГЦ интенсивность семантического контура тоже приближается к среднему уровню. Но, что особенно интересно, интенсивность просодических процессов в ГЦ имеет минимальные показатели, однако сразу же после ГЦ интенсивность волны достигает максимального значения по всему контуру.

В другом экспериментальном авторском тексте (*Я шел...*³²) также повторились многие из уже отмеченных явлений (синхронизация контуров приведена на рисунке 54).

На рисунке 54 видно, что в интервале зачина наблюдается заметное рассогласование контуров (разнонаправленная динамика) с явным доминированием просодики. В позиции ГЦн осуществляется первое пересечение (схождение) контуров, попытка установления единых темпоритмических параметров. Примечательно, что пересечение контуров в ГЦн происходит в районе средних (нулевых) значений. Второе пересечение контуров также осуществляется на уровне средних значений в позиции АСП₁.

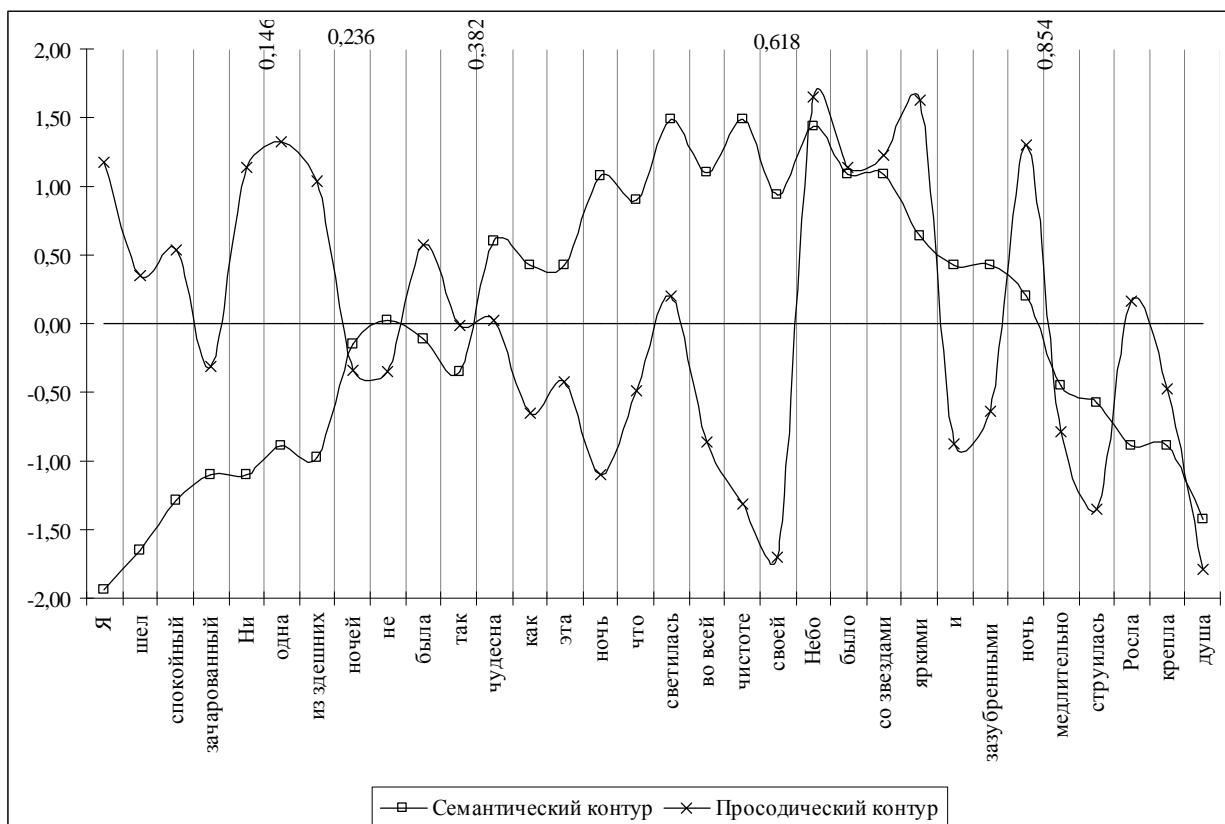

Рисунок 54. Взаимодействие семантического и просодического контуров текста *Я шел...* в процессе его развертывания (данные центрированы)

После прохождения этой позиции (которая стимулирует рост энтропийных тенденций) два контура начинают расходиться в противоположных

³² Я шел спокойный, зачарованный. Ни одна из здешних ночей не была так чудесна, как эта ночь, что светилась во всей чистоте своей. Небо было со звездами, яркими и зазубренными, ночь медлительно струилась. Росла, крепла душа.

направлениях. Однако заметим, что в процессе расхождения конфигурации контуров частично имеют общие черты. Просодический контур достигает минимальных показателей в позиции ГЦ, однако, как и предыдущем примере, после прохождения ГЦ наблюдается резкий рост силы звука и достижение максимума в соседней с ГЦ точке. После ГЦ текстовые пространства входят в режим «свертки», что отражается в схождении двух контуров (на рисунке 54 это обстоятельство отражается в скольжении просодического контура по семантическому с общим для двух контуров затуханием процессов). В позиции АСП₂ оба контура проходят область средних значений, двигаясь в сторону минимума интенсивности. Как и в предыдущем примере, в интервале пред-ГЦ наблюдается доминирование семантики (здесь расположен и креативный аттрактор текста), сопровождаемое значительным отрывом от просодики в показателях интенсивности.

Приведенные примеры показывают, что успешивные структуры разных текстовых пространств имеют общие паттерны организации, однако, отношения между ними не могут быть определены как изоморфные или гомоморфные, о чем мы уже говорили ранее. Механизмы взаимодействия текстовых пространств, подстройки их под общие ритмы эволюции (которые не даны априорно, а устанавливаются (обнаруживаются) самими пространствами в процессе их развертки) должны стать предметом специальных исследований в рамках теории формообразования. Конечно, исследование коэволюции текстовых пространств может проводиться и по отношению к другим предметным областям текста. Главное требование здесь состоит в возможности осуществить синхронизацию успешивных структур. Предложенный нами метод синхронизации контуров, возможно, не является единственным. В рамках же данного метода можно проводить синхронизацию сразу нескольких текстовых пространств, например, семантического, просодического и эмоционального.

Всякую человеческую деятельность «сопровождают» эмоции, они совместно с практической деятельностью и создают убежденность в том, что

наша речь не просто условность (цепочка замещающих предметы знаков), а что она действительна и действенна. Как отмечает С.Л. Рубинштейн: «Эмоциональная функция речи принадлежит к генетически первичным ее функциям» [Рубинштейн-1998, с. 386]. Само эмоциональное пространство человека есть проявление деятельностных мотивационных процессов (как считают многие исследователи, эмоциональность есть единственный репрезентант мотивационных процессов на уровне психического отражения), и, следовательно, его сложность является результатом сложности речевой деятельности [Афтанас-2000].

В силу значимости эмоций в процессе речемыслительной деятельности, эмоциональному пространству текста, категориям эмоциональности / эмотивности было уделено достаточно внимания в лингвистической литературе [Бабенко-2004; Баженова-2004; Болотнова; Матвеева-1990; Романов-2004; Рубакин-1977; Пищальникова-1999; Сорокин-1982,-1985; Шаховский-1998 и др.]. Эмотивность (эмоциональность) при этом полагалась одной из базовых категорий текста [Аспекты...; Матвеева; Романов-2004; Сорокин-1982,-1985; Шаховский-1998]. Даже обслуживая интересы официально-деловой и учебно-научной коммуникации, текст, поскольку он является процессом и результатом речемыслительной деятельности человека, запечатлевает в своей структуре ее пристрастный характер.

Подход к изучению эмоционального пространства текста с позиций равноправной коммуникации (автор – читатель) ставит ряд сложных теоретических и практических задач, решение которых может быть весьма полезным для оптимизации ряда массовых дискурсов. Так, в частности, проблема оптимизации учебного текста представляет собой, в конечном счете, обнаружение такой системы параметров текста, которые были бы психоконфортными, то есть приспособленными к психофизиологическим возможностям информанта (см., например, [Пушкина-2004]). Это сказывалось бы на индуцировании положительной модальности эмоционального пространства реципиента при работе с таким текстом.

Вследствие применения системнодеятельностного анализа под *эмоциональным пространством текста* мы будем понимать такую проекцию формы текста, структура которой состоит из компонентов, имеющих отношение к эмоциональной сфере жизнедеятельности человека. Эти компоненты могут относиться к разным онтологическим планам: «...эмоциональное содержание может быть эксплицировано в тексте по-разному: эмоции в нем могут описываться, выражаться, транслироваться...» [Шаховский-1998, с. 39]). Реципиент, обозначая (называя, фиксируя) ту или иную эмоцию средствами языка, отстраняется от нее. Эмоция, опредмеченная в языке, эмоцией не является.

Так, размышляя о выражении эмоций, Г.В. Колшанский отмечает: «Верно, конечно, что в языке выражаются эмоции, чувства, воля. Однако это выражение осуществляется через мысли, понятия. <...> Эмоции, воля и чувства находят свое выражение в языке, как и все объекты, включаемые в сферу психической жизни человека, только как осмысленные явления, ибо выражаемое в языке содержание будет всегда мыслительным содержанием» [Колшанский-1965, с. 17]. Об этом же говорит и В.И. Шаховский, противопоставляя эмотивные и эмоциогенные (вызывающие эмоции) тексты, вводя понятие эмотивного смысла, тона, плана и др.: «...концепция эмотивного текста основана на нашем понимании эмотивности как функционально-семантической категории, служащей для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для его эвокации у реципиента текста» [Шаховский-1998, с. 40] (ср. «Тональность, или эмоционально-экспрессивное содержание <...> понимается в настоящей работе как функционально-семантическая категория...» [Матвеева-1990, с. 27]).

Эмоциональное пространство текста имеет структурно-функциональную природу. Оно структурно, поскольку опредмечено в тексте в процессе его порождения. Оно функционально, так как является необходимым атрибутом коммуникации: продуцент опредмечивает свои эмоции в акустическом сигнале для воздействия, а реципиент распредмечивает эмоции и реагирует на коммуникативный акт продуцента на основе знания эмоций

продуцента и своего эмоционального отношения к этому знанию (от остальных сторон коммуникации мы абстрагируемся). Между тем, ответы информантов на вопрос о том, какая эмоция репрезентирована автором в тексте, свидетельствуют не об эмоциях, а о представлениях респондентов об авторских эмоциях. В случае же обращения реципиента к собственным эмоциям, последние репрезентируются в форме их обозначающего знака. Видно, что такие эмоции имеют другое онтологическое измерение, причем, здесь также возможны варианты. Например, в качестве ответов на задание: определите доминирующую эмоцию текста *Осень... (Осень, ночь, пустота. Видения уходящей жизни. Тихо накрапывает дождь. Музыка и видения, и печаль.)* – были получены, в частности, такие реакции: грусть, тоска, страх перед будущим и пр. (т.е. собственно текстовые эмоции); скукота, спать хочется, плохой текст (т.е. эмоциональный отклик информантов на текст, задание, ситуацию, экспериментатора); а также радость, тишина жизни, красота уходящего (т.е. эмоциональный отклик информантов, возникающий вследствие отброшенных проекций личностных смыслов на собственно текстовые эмоции).

Форма текста, как мы уже говорили, выступает базисом для образования предметных проекций. Одной из них является эмоциональность, отличие же ее от любых других сторон состоит в сложности ее фиксации объективными средствами. Так, в частности, в феноменальном эмоциональном пространстве рецепции все эмоциональные онтологии, видимо, существуют нерасчлененно в силу динамической континуальной природы самих эмоций. В процессе же реконструкции (моделирования) эмоционального пространства, опираясь на реакции испытуемых, исследователь имеет дело не с собственно эмоциями, а с означиванием представлений об эмоциях или обозначением собственно читательских эмоций. Суждения о большей субъективности эмоциональной стороны бытия текста по сравнению с семантической или просодической, на наш взгляд, неоправданны. Семантическая или просодическая стороны в не меньшей степени субъективны, но реконструкция этих предметных областей может быть проведена с использованием более *надежных*

методов (например, аппаратных при изучении просодики). Что же касается эмоциональной стороны текста, то ее анализ возможен с использованием психолингвистических методик, например, шкалирования. Проблема эмоциональности / эмотивности текста, по справедливому замечанию Ю.А. Со- рокина, является психолингвистической [Шаховский-1998, с. 20], требующей экспериментального подхода. Поэтому построение эмоционального контура текста для сопоставления его с просодическим и / или семантическим контурами того же текста основывалось на экспериментальном исследовании с помощью метода шкалирования.

Гипотеза, верифицируемая в эксперименте, состоит в том, что эмоциональное пространство текста можно представить как неоднородную структуру, распределенную во времени осуществления текста, т.е. как хроноструктуру.

Цель эксперимента: реконструировать эмоциональный контур текста.

Экспериментальные задания. Каждому информанту раздается карточка с текстом и ставится задача определить и выделить зоны текста, несущие различную эмоциональную модальность (положительная – «+», отрицательная – «-»). Предлагается также оценить степень проявления признака в условных единицах от 1 до 5 (0 баллов – отсутствие эмоций, 1 – очень слабая интенсивность, 2 – слабая интенсивность, 3 – средняя интенсивность, 4 – высокая интенсивность, 5 – очень высокая интенсивность).

Условия эксперимента. Время проведения эксперимента не ограничивается.

Аудитория. В эксперименте участвовали 54 студента-филолога.

Проиллюстрируем сказанное на материале текста *Осень...* Представим результаты шкалирования эмоционального пространства текста *Осень...* в сопоставлении с результатами описания интенсивности просодического и семантического пространств того же текста. Синхронизация эмоционального, просодического и семантического контуров отражена на рисунке 55.

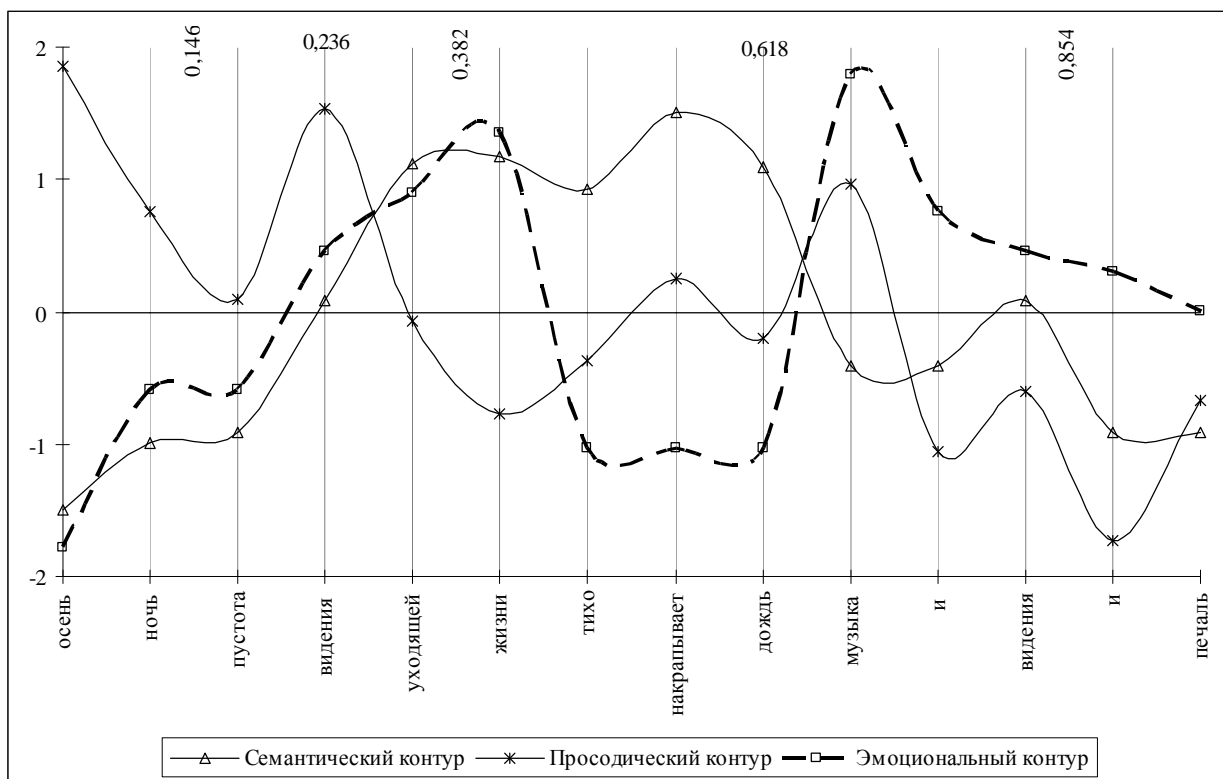

Рисунок 55. Взаимодействие семантического, просодического и эмоционального контуров текста *Осень...* в процессе его развертывания (данные центрированы)

На рисунке 55 видно, что контуры имеют схожую конфигурацию, причем эмоциональный контур имеет много общего, как с семантическим, так и с просодическим. Наблюдаемое в самом начале текста расхождение динамики эмоционального и просодического контуров свидетельствует об относительной независимости этих двух исследуемых «сторон» текста. На данном участке традиционно доминирует просодический контур. Интересно, что в зачине сближаются эмоциональный и семантический контуры. Наибольшее рассогласование контуров наблюдается в области АСП₁, что опять-таки свидетельствует об особой функции данной позиции, направленной на рассогласование единого темпоритма. Выдвижение на первый план семантики в интервале пред-ГЦ говорит о важности данного участка текста для расположения в нем единиц, структурно наиболее значимых. И, наконец, после позиции ГЦ начинает доминировать эмоциональный контур, что для данного текста, с весьма эксплицитной эмоциональностью не является случайным.

Представленные на рисунке 55 модели интенсивности эмоционального, семантического и просодического процессов, наглядно свидетельствуют в

пользу того, что отдельные системы (предметы), выделенные в объекте-тексте, имеют по отношению друг к другу единые темпо-ритмические параметры эволюции. Корреляция просодической и эмоциональной сторон бытия текста доказывает глубинную связь просодической стороны речи с интенциями говорящего. Достижение полезного результата системой (в случае с текстом это – цель коммуникации) связано с установлением единого темпо-ритма ее различных подсистем и с образованием конгруэнтных друг другу топологически организованных паттернов.

Между тем, сама структура эмоционального пространства текста, смоделированная в виде контура (в целях полипредметного синтеза), может быть также подвергнута более глубокому изучению. Анализ эмоционального пространства текста в данном случае базируется на экспериментальном методе *пошагового восприятия текста*.

Гипотеза, верифицируемая в эксперименте: эмоциональное пространство текста представляет собой функциональную систему и структурируется в результате взаимодействия групп эмоций.

Цель эксперимента: реконструировать эмоциональное пространство текста в процессе его развертки (моделируя его реальное осуществление – так называемый режим *on-lain* [New methods...-1984, с. 220]).

Экспериментальные задания. Перед реципиентами последовательно по одному слову (или небольшой группе слов) записывается на доске небольшой текст так, что в конце записи перед ними предстает целый текст. При этом предлагается на каждом шаге (после появления каждого нового слова или группы слов) отвечать письменно на четыре вопроса: а) определить, о чем текст; б) определить общий эмоциональный настрой текста (доминирующую эмоцию); в) о чем будет сообщаться дальше; а со второго шага вводился пункт г) что изменилось с появлением этих (новых) слов в ваших ожиданиях и представлениях, если проанализировать тему и эмоциональность текста. После записи всего текста реципиентам предлагалось обозначить их

представление о тексте в целом по вопросам а и б. (Здесь мы коснемся лишь эмоциональной стороны проблемы моделирования процессов понимания.)

Условия эксперимента. Если за сегментную единицу принимается слово, то текст может иметь объем, не превосходящий 20-25 слов. Если сегмент увеличивается (предложение, абзац и др.), объем текста также может быть увеличен.

Аудитория. В эксперименте приняли участие студенты-психологи 3-5 курсов, студенты-филологи 2-5 курсов, учащиеся 9-11 классов – 227 реакций на 3 предъявляемых текста.

В результате по каждому из текстов, используемых в качестве материала, были получены группы эмоциональных реакций, распределенные по пространственно-временному параметру (порядку следования слова или группы слов в тексте). То есть за каждой координатой линейного развертывания текста, обозначилась сложная структура эмоций, выделяемых реципиентами. Полученные данные были обработаны с помощью вероятностно-статистических методов, а также с использованием кластерного и факторного анализа. Сразу же обнаружилось, что *распределение* частотности эмоций по убыванию, благодаря чему становится возможной оценка «веса» той или иной эмоции в каждой точке текста, подчиняется закону Парето, согласно которому 20 % базовых категорий передают 80 % информации (в нашем случае общей частотности категорий) и являет собой нормальное распределение. То есть структура эмоциональных процессов речемыслительной деятельности имеет одну логику с природными и общественными явлениями.

Обнаружился также чрезвычайно широкий спектр наименований эмоций, включающий в себя собственно эмоции (грусть, страх, радость и др.), эмоциональные настроения (депрессия, беспокойство, лиричность и др.), а также аффективные личностные черты (любопытство, креативность, мизантропия и др.) (подробно см., например, [Афтанас-2000, с. 5-9]). В текстах с явно выраженной эмоциональной составляющей количество наименований тем больше, чем более амбивалентно эмоциональное пространство текста.

Так, в тексте В. Катаева «Лето // умирает. // Осень // умирает. // Зима // – сама // смерть. // А // весна // постоянна. // Она // живет // бесконечно // в недрах // вечно // изменяющейся // материи, // только // меняет // свои // формы» 64 реципиента выделили 142 эмоции (категории). (Символом // обозначено членение текста на последовательно предъявляемые участки.) Первой по частоте встречаемости в этом тексте оказывается эмоция радости (положительная), вторая – грусти (отрицательная).

В авторском тексте «Осень //, ночь //, пустота // . Видения // уходящей // жизни // . Тихо // накрапывает // дождь // . Музыка // и видения //, и печаль» реципиенты в количестве 85 человек выделили 121 категорию (эмоцию). При этом первой по частоте встречаемости оказывается эмоция грусти (отрицательная), вторая – страха (отрицательная). В текстах с явной нейтральной эмоциональной составляющей количество наименований снижается (что естественно), однако, является довольно значительным. В тексте Л.Н. Толстого «Одна курица несла каждый день по яичку. // Хозяйка подумала, // что, если больше давать корму, // курица вдвое будет нестись. Так и сделала. // А курица зажирела // и вовсе перестала нестись» 60 реципиентов выделили 45 категорий (наименований эмоций).

Обратимся к результатам исследования эмоционального пространства текста *Осень...*, полученным с помощью метода пошагового восприятия текста. В таблице 24 представлены наиболее частотные наименования эмоций (в сумме покрывающие 80 % всех реакций информантов), в порядке развертывания текста. Так как в реакциях реципиентов в качестве ответа на задание: определите доминантную эмоцию – часто указывалось два и более наименований (например, грусть, печаль, тоска), весь ответ принимался за единицу, а вес каждой его составляющей рассчитывался как доля от всего ответа. В приведенном случае, доля грусти (тоски, печали) равна 1/3. Затем показатели, полученные для той или иной эмоции в определенный момент развертки текста, суммировались (поэтому они выражены в рациональных, а не натуральных числах).

Прежде чем перейти к анализу структуры эмоционального пространства текста, обратимся непосредственно к самим наименованиям эмоций с позиции деятельностного подхода, подразумевающего учет разных эмоциональных онтологий. Выделенные информантами эмоции в любом типе (из исследованных нами) текстов можно дифференцировать на эмоции 1) непосредственно испытываемые реципиентами и 2) эмоции авторские, распределенные испытуемыми (не переживаемые непосредственно). Ко второму виду (доминирующему) относятся эмоции страха, грусти, печали, и др. эмоции с явной положительной или отрицательной модальностью и большой интенсивностью протекания. К первому виду – эмоциональные состояния, характеризующие сам процесс участия испытуемого в эксперименте (плохой текст, спать хочется, скукота и др.). Однако и этот тип не принадлежит исключительно эмоциональной сфере, он так же, как и второй тип, будучи включенный в сферу психической жизни человека, предстает как осмысленное явление, то есть имеет концептуальную природу, которая, однако, соприкасается с эмоциональной сферой бытия человека, поскольку в языковой форме выражает непосредственно переживаемое. К этому типу можно отнести и эмоцию «нейтральность» в текстах с явной авторской презентацией эмоциональных состояний, что наблюдалось в анализируемых текстах.

Выделенные различия в эмоциональных онтологиях ставят проблему типологии восприятия (и воспринимающих). На наш взгляд, всех информантов можно распределить в три группы. Первая группа состоит из реципиентов, выражающих собственное сиюминутное отношение к предъявляемому тексту (и к заданию в целом), вторую группу составляют испытуемые, выполняющие собственно задание (распредметить авторские эмоции). Третью группу образуют информанты, проецирующие собственные смыслы на эмоциональную плоскость текста. Для последней группы характерны, казалось бы, противоречивые реакции, например, авторская эмоция *грусти* вызывает реакцию *радости* и т.п.

Для того чтобы реконструировать структуру эмоционального пространства была произведена факторизация таблицы 24 по строкам (результаты факторного анализа представлены в таблице 25)³³.

Таблица 24. Динамика эмоционального пространства текста Осень (наиболее частотные эмоции) в процессе линейного развертывания текста

Эмоции / локализация в тексте	Осень	ночь	пустота	Видения	уходящей	жизни	Тихо	накрапывает	Дождь	Музыка	и видения	и печаль	Текст (в целом)
грусть	37,4	12,8	14,6	7,1	18,3	20,5	18,4	17,8	18,8	9,8	10,8	21,6	22,55
печаль	9,3	3,5	5,5	4	4,3	5,7	4,4	7,3	6,3	7,3	7,3	21,1	17,65
страх	0	12,6	11,1	22,2	3	8,8	8,8	4	4,5	1,5	7	1,5	5,4
тоска	3,1	2	2,5	3,3	3	5,35	2,55	3,8	2,3	1,5	1,5	1,6	6,9
спокойствие	0,8	5,8	4,3	2	1	3	1,03	4	3,5	4,5	2	0,5	2
тишина	0	5,1	3,3	2	1	1	2,8	1,5	2,5	3	1	1	1,4
скука	7,1	0	3	1	3	0	2	5	5,5	1	0	1	2
темнота	0,3	8,7	1,5	2	2	0	0,75	0,25	0,25	0,75	0,25	0,25	0,6
пустота	0	1	8,2	0,5	0	0,3	0,6	0,25	1,25	0,75	0,75	2,25	2,8
холод	2	3,8	2,5	0	1,3	0	0,5	1	2,5	0	0	0	0
радость	0,5	0,5	0	2,3	2	1	1	1	1	4,3	2,8	0	0
одиночество	0	0	5,3	0,5	0	0,6	1,6	0	0,5	1	0	0,5	0,5
уныние	0,8	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,55
плохое настроение	5	3	1	0	1	1,5	0	1	0	0	1	1	1,5
сонливость	1	5,5	1,5	0,5	1	1	0	1	1	0	0	0	0
воспоминание	1	0	0	2	4	2	1	0	0	0	0	0	1,1
красота	3,3	3,1	0	0	1	1	0	0	0	0,3	0	0	0,5
веселье	0,5	2	0	1	0	0	0	1	0	7	0	0	0
душевная боль	0	0	0	0,5	0,5	0,5	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25

Факторизация таблицы 24 выявила, что эмоциональное пространство текста *Осень...* структурируется под влиянием трех факторов. Первый фактор составляют эмоции тишины, темноты, холода, сонливости, душевной боли (с обратным знаком)³⁴. Этот фактор можно обозначить как фактор активности. Сонливость выражает крайне низкую активность субъекта и в этом отношении сближается с эмоцией холода (холод – замирание жизни, прекра-

³³ Но даже и без факторного анализа можно заметить, что, несмотря на некоторое доминирование *грусти* (см. таблица 24), на ряде участков она вытесняется другими эмоциями.

³⁴ Из перечисленных категорий ни одна, конечно, не является эмоцией в собственном смысле слова. Интерпретация этих субъективных наименований эмоций в терминах существующих подходов к эмоциональному пространству человека (информационного, деятельностного и др.) может быть предметом особого исследования.

щение движения, физиологически холод приводит к потере активности), темноты и тишины (также выражающими низкую активность субъекта). Эмоция душевной боли противопоставлена им, что, видимо, связано с пониманием этого эмоционального состояния как состояния, требующего от субъекта высокой активности (внутренней). К выделенной группе эмоций по факторной нагрузке, близкой к значимой, приближаются эмоции красоты (0,63) и спокойствия (0,67). Видно, что и эти эмоции могут войти в данный фактор «пассивности» (спокойствие уже выражает низкую активность, а красота подразумевает незаинтересованную созерцательность).

Таблица 25. Факторные структуры эмоционального пространства текста *Осень...*

Эмоция / Фактор	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
грусть	-0,04	-0,96	0,09
печаль	-0,37	-0,39	0,41
страх	0,25	0,46	-0,17
тоска	-0,22	-0,40	-0,09
спокойствие	0,67	0,49	0,05
тишина	0,72	0,60	0,09
скука	0,04	-0,59	0,21
темнота	0,83	0,20	-0,36
пустота	0,30	0,10	0,82
холод	0,88	-0,17	0,06
радость	-0,31	0,60	-0,43
одиночество	0,25	0,23	0,73
уныние	0,50	-0,59	-0,18
плохое настроение	0,48	-0,78	-0,20
сонливость	0,92	0,01	-0,27
воспоминание	-0,32	-0,21	-0,59
красота	0,63	-0,56	-0,47
веселье	0,14	0,49	-0,20
душевная боль	-0,70	0,26	-0,47

Примечание. В таблице выделены значимые проявления факторов

Ядро второго фактора (грусти) составили эмоции грусти и плохого настроения. Примыкают к ним (с тем же знаком) эмоции скуки (0,59), уныния (0,59), а также с обратным знаком эмоции тишины (-0,6), радости (-0,6) и красоты (-0,56). Здесь принцип группировки в фактор, очевидно, уже другой. Этот принцип, на наш взгляд, можно обозначить как плохое / хорошее состояние для субъекта (имеет оценочный смысл). Третий фактор составили эмоции пустоты (0,82) и одиночества (0,73); примыкает к ним эмоция воспо-

минания с обратным знаком (-0,59). Группировка эмоций в этот фактор, на наш взгляд, происходит по принципу экзистенциальной отдаленности (заброшенности) субъекта. Эмоция воспоминаний контрастирует с эмоциями пустоты и одиночества. Если последние есть факт настоящего, то воспоминание обращено к прошлому, в котором состояние отдаленности «снимается» противоположными по модальности событиями (отметим, что в прошлом находится детство, которое часто называют «золотым временем» человеческой жизни).

На следующем этапе исследования обнаруженные факторные структуры эмоционального пространства текста были рассмотрены с позиции сукцессивного становления текста. В роли компонентов эмоционального пространства теперь выступают найденные факторы, представленные в таблице 26 (см. также рисунок 56).

Таблица 26. Динамика эмоционального пространства текста *Осень...*

Последовательность словоформ в тексте	Эмоциональный фактор		
	Пассивность	Оценка	Экзистенциальная «заброшенность»
Осень	0,16	-0,85	-0,12
ночь	0,93	0,13	-0,36
пустота	0,40	0,12	0,77
Видения	-0,15	0,33	-0,33
уходящей	-0,18	-0,12	-0,45
жизни	-0,17	-0,08	-0,27
Тихо	-0,15	0,13	0,09
накрапывает	-0,08	-0,01	0,06
дождь	0,02	0,05	0,19
Музыка	-0,09	0,52	-0,07
и видения	-0,23	0,21	-0,03
и печаль	-0,28	-0,14	0,35
Текст (в целом)	-0,18	-0,30	0,18

Из таблицы 26 видно, что эмоциональное пространство текста представляет собой сложную динамическую систему, которая управляется не какой-то одной эмоцией (или даже группой эмоций). Доминирование выделенных факторов наблюдается только в области *зачина* текста (значения выделены), в дальнейшем же каждый фактор в отдельности не имеет четко выраженной функции в структурировании эмоционального пространства текста.

Доминирование той или иной эмоции / эмоций распространяется на отдельные области текста – в пределах же текста как целого происходит согласованное (кооперативное) взаимодействие всех значимых факторов, создающих подвижные, изменяющиеся во времени эмоционально-смысловые структуры. Отсюда, в частности, следует, что *фактор времени является крайне важным для понимания бытия текста и его эмоциональности.*

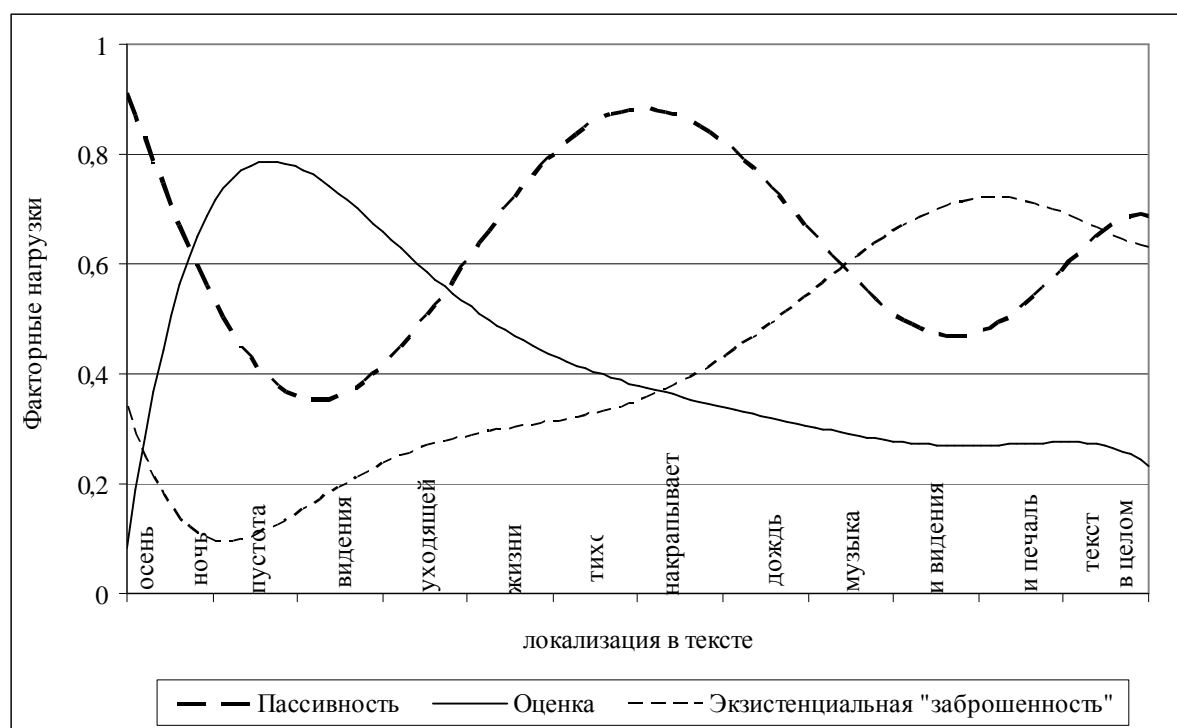

Рисунок 56. Эмоциональное пространство текста *Осень...*

Примечание. На рисунке приведены достоверные аппроксимирующие кривые (тренды)

Значимость временного (позиционного) фактора проявляется даже на уровне полных лексических повторов. Так, например, в анализируемом тексте слово *видения* встречается дважды, но факторные эмоциональные нагрузки, выявляемые в позициях, занимаемых этими лексемами, заметно отличаются друг от друга. Кроме того, на рисунке 56 видно, что доминантная эмоция *всего* текста, выявляемая реципиентами после прочтения целого (см. распределение факторов над обозначением «текст в целом»), *может не играть значительной роли в процессе его понимания.* Доминирующая эмоция (или же тот или иной фактор) – это доминирующая эмоция *отдельного участка* текста. Эмоциональное же пространство всего текста строится по

принципу функциональных систем, кооперации эмоций. Комплексы эмоций, индуцируемые отдельным словом, не имеют решающего значения в структуре эмоционального пространства.

В ходе дальнейших исследований представляется актуальным более подробное изучение эмоциональности текста в аспекте пространственно-временного его развертывания, а также связи эмоциональности с собственно смысловой сферой текста. Кроме того, появится возможность создания нормированной эмоциональной шкалы для оценки текстов, состоящей из инвариантных и наиболее частотных структур. Не менее интересной проблемой становится изучение принципов группировки эмоций, выявления устойчивых групп (заметим, что одна и та же эмоция может входить в разные группы) и т.д. В целом можно отметить, что, *динамический* подход к изучению эмоционального пространства текста является перспективным для моделирования процессов его восприятия и понимания, а значит, и управления этими процессами в самых разных пространствах коммуникации.

В процессе анализа мы намерено пытались отвлечься от лексической и грамматической семантики текстовых единиц, чтобы показать возможности представленной исследовательской программы. Между тем, процесс интерпретации может проводиться с опорой и на эти традиционные лингвистические предметы, что неоднократно осуществлялось нами ранее (см. 2.1.2 –3.1). Метод синхронизации контуров позволяет увидеть сложную, нелинейную метасистему – текст, рассмотреть процессы взаимодействия и взаимосодействия подсистем, например, эмоциональной, просодической, семантической и др. Реконструкция сукцессивной структуры семантического пространства текста открывает возможность управления восприятием текста, частным случаем которого видятся композиционные перестановки внутри целого. Сопоставительный анализ различных предметов одного и того же текста, смоделированных в виде «контуров», позволяет внести конкретику в рассуждения о структуре текста как эволюционирующем процессе. В поиске объяснительных механизмов схождения, расхождения, пересечения, наложения структур

различных текстовых пространств заключена основа понимания сложной материально-идеально-социальной природы текста, представления его как становящейся целостности.

Выводы по третьей главе

Сукцессивно-симультанная организация текста является (наряду с понятием текстового пространства) базовым компонентом теории формообразования. Поскольку в реальной речемыслительной деятельности текст существует в двух формах: статичной (мгновенной, симультанной) и процессуальной (длящейся, сукцессивной), поэтому моделирование процессов перехода целого, существующего в своей одновременности, в становящееся целое и обратно, является актуальной проблемой теории. Предметом исследования данной главы стали процессы сукцессивной реализации симультанного текстового пространства.

Изучение сукцессивных структур с помощью «контурных» методов (построение семантического контура, синхронизация контуров) проводилось в системе трех независимых параметров (осей): позиционной локализации компонента, интенсивности процесса становления текстового пространства и системно-структурной значимости компонента. Этот набор параметров позволил увидеть за процессом развертки пространства текста многообразие явлений самоорганизации. Так, интенсивность процессов имеет тенденцию осуществляться в соответствии с позиционной структурой текста, которая, в свою очередь, детерминируется действием универсальных механизмов формообразования в природе и искусстве.

Но не всегда выбор пути развертки текста соответствует оптимальным сценариям. Судить об истинных причинах предпочтения автором неоптимальной формы протекания процесса становления текста представляется делом сложным, практически неосуществимым. Между тем, сопоставление вариантов сукцессивной реализации одного и того же семантического пространства в трех независимых друг от друга измерениях: пространственно-

временной локализации, интенсивности семантических процессов и структурно-системной значимости единиц текста – позволяет проводить поиск наиболее оптимальной его формы. Оценка оптимальности / неоптимальности контура производилась на основе 11 параметров, включая сценарий развертки, характер граничных условий, расположение семантических максимумов / минимумов, значимых позиций текста, системно-структурную значимость компонентов и др. Эксперимент же служил средством верификации полученных оценок. В данном случае, можно утверждать, что оптимальные (с позиции проведенного моделирования и оценки) варианты развертки текста должны быть предпочитаемы и в ходе экспериментальной деятельности испытуемых. Наличие корреляционной связи между результатами, полученными в ходе моделирования и в экспериментальном исследовании, говорит о достоверности созданного нами метода построения семантического контура и оценки его оптимальности. Таким образом, как показывает наше экспериментально-модельное исследование, восприятие текста напрямую соотносится с выбором оптимальных сценариев формообразования.

Синтез результатов многопредметного описания текста осуществлялся с помощью специально разработанного метода синхронизации разнопредметных контуров. Сама синхронизация сукцессивных предметных структур проводилась с опорой на такое конститутивное качество текста как его *политологичность*. В результате синхронизации контуров было обнаружено, что взаимодействие сукцессивных разнопредметных структур в процессе их развертки происходит под действием *кооперативных сценариев*, являющихся формами самоорганизации на уровне текста. Кооперация сукцессивных структур, приводящая к единым темпоритмическим параметрам и сходным паттернам интенсивности процесса (возможно, при выборе наиболее оптимального распределения элементов максимальной системно-структурной значимости) в соответствии с позиционной организацией текста эксплицирует и механизмы взаимодействия разнопредметных текстовых пространств. Доминирование / подчинение того или иного пространства (в нашем случае,

семантического, просодического и эмоционального) на разных участках текста, свидетельствует об отсутствии изоморфизма или гомоморфизма между структурными организациями данных пространств.

Кроме того, данные результаты говорят и в пользу отрицания какого бы то ни было детерминизма в виде существования доминантной эмоции, смысла и пр., действующих на протяжении всего становления текста и определяющих его строение. С таким выводом соотносится и проведенное исследование развертывания эмоционального пространства текста, в ходе которого выявились факторы группировки эмоций, их доминирование / подчинение друг другу на определенных участках текста. Таким образом, представление текста как функциональной системы, в которой взаимодействие компонентов протекает в зависимости от позиционной структуры, интенсивности процессов и значимости компонентов в рамках целого, позволяет видеть в процессах формообразования действие универсальных механизмов самоорганизации, поиска оптимальных сценариев развития, повышения надежности систем и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста, созданию которой была посвящена наша работа, направлена на экспликацию формы текста, осуществляемую как процесс полипредметного (полиструктурного) синтеза. В результате синхронизации хроноструктур текстовых пространств на уровне *онтологии* текста, т.е. пространственно-временного осуществления, одновременного материального (физического) и идеального (семантического) бытия, сукцессивно-симультанной организации, функциональности и целостности, – появляется возможность целостного многомерного описания текста.

Теория формообразования в рамках общей теории текста исходит из специфического понимания своего объекта как языкового полионтологического, осуществляющегося в формах пространства и времени, имеющего качества целостности и функциональности. В свою очередь, форма текста представляет собой способ организации и саму организацию языкового субстрата в целостное образование – текст. Текст как объект имеет своими предметами текстовые пространства, форма текста – структуры этих пространств. Отсюда следует, что 1) структура – это проекция формы на предметную область и 2) форма текста как феномен может быть реконструирована на основе сопоставительного анализа нескольких сукцессивных разнопредметных структур.

Понимание текста, основанное на его онтологических качествах, выводит текст за пределы знаково-уровневой модели языка (текст не принадлежит языковой системе, что, конечно не означает того, что текст не принадлежит языку-феномену). В то же самое время, рассмотрение текста с позиции системнодеятельностного подхода в рамках актуальной для него оппозиции объекта / предмета (предметной области) также приводит к выводу о необходимости поиска другой (не знаково-уровневой) модели текста. Анализ возникших проблем показывает, что все они, в первую очередь, связаны с принятым

в рамках позиционного анализа пониманием формы текста как сочетания групп симметрии / асимметрии. Поэтому возникает задача сконструировать с помощью системнодеятельностной методологии базовый теоретический конструкт теории формообразования – *форму* текста, в которой было бы снято, в том числе и симметрологическое ее понимание.

Рассмотрение текста в рамках оппозиции «форма – материя», понимание текста как языковой материи, оформленной в некоторую целостность, позволяет по-новому рассмотреть материальную сторону текста. Ее постоянный и неизменный характер, являющийся основой для передачи, хранения и понимания сообщения (текста), в первую очередь, связан с формой текста. В материальной стороне текста в снятом виде присутствует и его идеальная (семантическая) сторона, поскольку материально-языковой субстрат, во-первых, является средством индуцирования семантики текста. Во-вторых, так как текст не может появиться сам по себе, но всегда имеет создателя, значит, структурируя материю текста в соответствии с замыслом сообщения и природой самой языковой материи, организация материального «уровня» оказывается исполненной семиотических потенций. В процессе же функционирования текста реципиентами осуществляется сканирование формы с помощью имеющихся у них знаниево-языковых структур и создание в ходе такого сканирования ментальных проекций текста. Поэтому форма текста как данность и неизменность становится основой для появления всего многообразия интерпретаций (проекций) текста.

Обращение к пространственной модели текста (взамен уровневой) вызывает ряд серьезных теоретико-методологических проблем, в первую очередь, – системного анализа текста. В рамках системнодеятельностного подхода становится очевидным невозможность системного выделения предметов текста, состоящего в обнаружении всех предметов и установлении между ними необходимых иерархических и других структурных отношений. Именно поэтому делается вывод о том, что хорошо структурируются только предметные области (пространства) текста, поскольку являются производными

исследовательской деятельности над объектом-феноменом. Знаково-уровневая модель текста является тому хорошим подтверждением.

Невозможность системного структурирования текстовых проекций заставляет искать другие пути их выделения, соотнесения и синтеза. Основой такого поиска, в первую очередь, становятся онтологические качества текста, системнодеятельностная методология и методы исследования. Так, понимание текста как полионтологического языкового объекта выделяет, по меньшей мере, две предметные области: физическую и семантическую. На изучение организаций данных пространств и их взаимосвязи (вспомним, что только на пересечении структур текстовых проекций осуществим выход на саму форму текста) ориентирован вектор исследования. Каждое из пространств, в соответствии с пространственно-временными параметрами своего бытия, может существовать в симультанной и сукцессивной форме, что определяет членение проблемного поля на четыре составляющие: физическое / семантическое, сукцессивное / симультанное.

Исследование первой оппозиции происходит при нейтрализации действия второй оппозиции: из двух возможных состояний отбирается более органичное для того или иного пространства. При этом текстовые пространства рассматриваются как уже ставшие, в своей законченности и целостности. Анализ ритмико-графического пространства текста выявил, что распределение размеров предложений в тексте подчиняется логике речемыслительной деятельности, характерной для производства каждого типа текста. Так, распределение длин предложений в ученических текстах (сочинения) соотносится с проблемным характером самой учебной деятельности, в которой происходит постепенное усложнение (известный принцип «от простого к сложному») структуры текста. Размер предложения, отражая степень сложности данной единицы, в ученических текстах имеет четко выраженную тенденцию роста к концу текста, что как раз и свидетельствует о корреляции распределения размера предложения в данных текстах с проблемным характером самой учебной деятельности.

Изучение распределения размера предложения в художественных произведениях также выявило неоднородность такого распределения, имеющего вид ярко выраженной тенденции. Интерпретация обнаруженной тенденции осуществлялась с помощью категорий дискретности / континуальности, соотношенных в данном случае с процессом становления художественной действительности в текстах. Тем самым, параметры физического пространства текста свидетельствуют о том, что форма текста определяется под влиянием своего деятельностного контекста. Данное обстоятельство говорит о пригодности теории формообразования для изучения спектра проблем *функционирования* текста. Применение вероятностно-статистических методов позволило реконструировать четыре основных сценария динамики размеров предложения и соотнести каждый из них со сценарием развертки семантического пространства. Обнаружение корреляции ритмической и семантической сторон текста, и опора на то, что в рамках ритмического пространства текста существует возможность разработки точных критериев отнесения текста к той или иной группе (при оценке статистической значимости каждой из групп!), делают актуальной проблему типологии текстов по данным критериям.

Исследование организации просодического пространства текста, осуществляемое с опорой на метод позиционного анализа и семантико-просодический анализ текста, выявило, что просодическое пространство текста структурируется в соответствии с рядом факторов: организацией семантического пространства самого текста, конвенциональными семантическими структурами и нормативно-логическими интонационными структурами. (В зависимости от сложности текста количество факторов увеличивается или уменьшается.) Тот факт, что структура просодического пространства одновременно связана с семантикой текста и с внетекстовой действительностью (культура, интертекст), говорит о способности физического пространства текста образовывать структуры, способные к индуцированию смыслов, выходящих за пределы собственно текстовой семантики. В этой связи статус

ритмико-графической и просодической структур физического пространства приобретает социальную значимость, преодолевая все индивидуальное и случайное, и отражает исторически выработанные способы (стратегии, тактики и др.) текстовой деятельности.

Семантическое пространство текста структурируется в процессе сканирования формы текста с помощью знаниево-языковых структур. Так как компонентами семантического пространства могут выступать разносубстратные единицы концептуальной системы индивида (значения, смыслы, ассоциации и пр.), анализ организации семантического пространства текста мы связали с выявлением в рамках целого текста системы отношений языковых единиц, принадлежащих только самому тексту. Тем самым, влияние субъективно-личностного и культурологического контекстов было минимизировано (чему способствовал и деятельностный характер задания эксперимента).

С помощью метода семантического картирования текста была реконструирована семантическая карта текста, в которой в снятой форме отражена когнитивная деятельность информантов, направленная на процесс понимания темы текста. Квантитативный характер семантической карты, эксплицирующий случайность / неслучайность семантических связей между словами в пределах всего интерпретационного пространства текста, позволяет уже на данном этапе видеть в семантической карте модель становящегося самоорганизующегося пространства. Тотальная семантическая связность всех компонентов этого пространства друг с другом имеет квазистабильный характер, поскольку одна часть связей случайна, нестабильна; другая часть устойчива, стабильна (наиболее частотно избираема информантами). И между той и другой частями располагается большая часть связей, которая стремится к стабилизации.

Кроме того, семантическое пространство текста может быть рассмотрено в аспекте теории самоорганизации, поскольку движение в сторону синтеза текста: слово → микротема → тема осуществляется одновременно по

нескольким конкурирующим сценариям, каждый из которых стремится во-
брать в себя максимальное количество компонентов текста. Данные сценарии
эксплицируются с помощью разных форм графического представления (сете-
вые, иерархические, пространственные модели). Каждая из моделей, как бы-
ло показано в работе, обладает своими возможностями и отчасти навязывает
исследователю представление об изучаемом феномене. Поэтому в целях ней-
трализации «агрессии модели» в процессе исследования желательно исполь-
зовать несколько типов моделей, что использовалось нами при обращении к
пространственным (факторным) и графосемантическим моделям.

Таким образом, модель семантического пространства текста отражает
реальные процессы самоорганизации, происходящие в концептуальной сис-
теме человека в процессе интерпретации текста.

Дальнейшее исследование семантического пространства текста прово-
дилось с опорой на метод факторного анализа, результаты которого сопос-
тавлялись с факторами просодического пространства. Соответствия между
факторными структурами семантического и просодического пространств не
имеют характера подобия, гомоморфизма или изоморфизма. Между тем, оп-
ределенная общность между факторными структурами была установлена, что
свидетельствует о присутствии скрытого от осознанного восприятия общего
для данных структур прообраза – формы текста. Применение метода графо-
семантического моделирования к семантической карте текста позволило
представить его целостное семантическое пространство в виде иерархиче-
ских структур и установить системно-структурную значимость каждого ком-
понента семантического пространства. Тем самым, с помощью графосеман-
тического моделирования осуществлялся переход от значимых / незначимых
связей между лексемами (семантическое картирование) к значимости самих
лексем.

Реконструкция семантического и физического пространств, осуществ-
ляемая со стороны их завершенности, выявила сложную проблему синтеза
разнопредметных структур. Модели симультанного состояния текстовых

пространств имеют очень незначительные возможности для полипредметного синтеза. Поэтому в развиваемой деятельностно-онтологической концепции формообразования синтез предметных областей оказался связан, в первую очередь, с сукцессивными моделями текстовых пространств. Кроме того, сукцессивные реализации симультанных пространств текста «включают» в процесс исследования временной фактор, имеющий сущностное значение для бытия текста.

Возникшие в ходе анализа сукцессивных структур теоретические конструкции, такие как просодический контур, семантический контур и др., позволили значительно упростить проблему многопредметного синтеза, а также разработать новые области исследования формообразования текста. Так, семантический контур, будучи моделью сукцессивной развертки семантического пространства текста, является средством изучения и оценки протекания данного процесса. Описание семантического контура текста проводится относительно трех независимых друг от друга параметров: позиционной локализации отрезка контура, интенсивности семантических процессов и системно-структурной значимости компонентов семантического пространства. Тот факт, что каждый фрагмент текста оценивается тремя независимыми показателями, делает проблему поиска оптимальных структур статистической проблемой. Рассмотрение всей парадигмы потенциальных сценариев развертки семантического пространства в аспекте оптимальности / пессимальности есть не что иное, как исследование процессов самоорганизации текста, избирающей одни пути эволюции и отвергающей другие. Корреляционная связь между оценкой оптимальности текста и его избираемостью реципиентами является тому хорошим подтверждением.

Дальнейшее изучение сукцессивных текстовых структур с помощью метода синхронизации контуров в наиболее отчетливой форме раскрыло процессы самоорганизации текстовых структур в едином эволюционном движении текста. Подстройка разнопредметных сукцессивных структур друг под друга, поиск и установление единого ритма их развертывания свидетель-

ствуют о функциональной природе текста, а значит, и о целостности (не отдельности, не автономности) текстовых пространств. Кроме того, сценарии подстройки текстовых пространств имеют высокую степень корреляции с метроритмической матрицей, позиции которой все более специфицируются. В том же контексте можно рассматривать и процессы развертки эмоционального пространства текста. Выявление того, что организация эмоционального пространства строится по принципу функциональной системы, привело к выводу об отсутствии эмоциональной доминанты, действующей на всем протяжении сукцессивной развертки текста, и утвердило в мыслях о необходимости поиска таких его моделей и методов исследования, которые бы основывались на понимании текста как становящегося феномена.

Теория формообразования текста строится как теоретико-методологическая система, обладающая гносеологическими и прогностическими функциями, с интенсивным путем развития. Интенсивность в данном случае означает широкое использование *теоретических конструктов, получаемых в ходе самого развития теории*, а не приложения теории к новому материалу (экстенсивный путь). Данное качество базируется, в первую очередь, на количественном характере методов теории и четкой деятельностной схеме их применения. Несомненным достоинством такого понимания теории формообразования является возможность воспроизведения результатов и использования их в любом другом исследовании.

Все сказанное позволяет наметить и три группы перспективных проблем теории формообразования. Первая группа проблем связана с дальнейшим интенсивным развитием теории. Несомненный интерес представляет более детальное исследование механизмов развертки симультанных структур. Так, например, используя графосемантическую модель симультанности текста, можно проследить сценарии ее развертки, при которой будут наблюдаться разрывы связей между компонентами модели (при переходе от одной подструктуры к другой). Уже предварительный анализ показывает, что происходит настолько дробное сегментирование семантического пространства,

что компоненты, относящиеся к одной подструктуре, редко образуют в сукцессивной развертке цепочки, превышающие два-три компонента. Актуальным также видится изучение оптимальной организации контура текста, что предполагает и увеличения объема параметров, и углубленный анализ каждого из них. В результате детального изучения параметров появится возможность более обоснованной оценки их значимости относительно друг друга, что будет способствовать структуризации параметров в некоторую систему.

Вторая группа проблем концентрируется вокруг необходимости включения в пространство теории обширного материала. Увеличение количества данных будет способствовать и тестированию теории, и потребует создания новых методов обработки и оценки данных. Переход от изучения единичных текстов к анализу выборочных совокупностей приведет к широкому применению моделирования и более сложным методам статистического анализа, что, в свою очередь, будет способствовать интенсивному развитию самой теории.

Третья группа проблем – области приложения теории. Здесь можно наметить два перспективных пути применения теории формообразования: 1) к новым предметным областям текста, 2) к функционированию текста в разных деятельностных контекстах. Данная группа проблем найдет свое отражение в концептуальной системе теории в виде отдельных частных теоретических блоков. Таким образом, в системе теории формообразования появятся «дочерние» структуры, соотнесенные с базовой теоретической схемой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони; отв. ред. В.М. Павлов. – Л.: Наука, 1988. – 240 с.
2. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М.: Высш. шк., 1990. – 168 с.
3. Андреева, Е.С. Диалектика текста. Опыт логико-лингвистического синтеза / Е.С. Андреева. – 2-е изд. доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 96 с.
4. Андрющенко, Т.Я. Структура текста как инструмент в исследовании смыслового восприятия речевого сообщения / Т.Я. Андрющенко // Общение. Текст. Высказывание / отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1989. – С. 122-129.
5. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избр. труды / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
6. Анохин, П.К. Полезный результат как организующий фактор системы / П.К. Анохин // Синергетика и психология. М.: ЯНУС-К, 1999. – Вып. 2: Социальные процессы. – С. 34-37.
7. Арапов, М.В. Квантитативная лингвистика / М.В. Арапов; отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – 184 с.
8. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – Т.1. – 552 с.
9. Арманд, А.Д. Науки о Земле. Время в географических науках // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени / под ред. Б.В. Гнеденко. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – Ч.1. Междисциплинарное исследование. – С. 201-233.
10. Арнольд, И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // Иностр. яз. в шк. – 1978. – № 4. – С. 23-31.

11. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева; под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
12. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев. – Л.: Музыка, Кн. 1 и 2., 1963. – 379 с.
13. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
14. Афтанас, Л.И. Эмоциональное пространство человека: психофизиологический анализ / Л.И. Афтанас. – Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 2000. – 126 с.
15. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 496 с.
16. Баевский, В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы / В.С. Баевский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 336 с.
17. Баженова, И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект): дис. ... докт. филол. наук / И.С. Баженова. – М., 2004. – 421 с.
18. Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Балаш. – Барнаул, 1999. – 20 с.
19. Барт, Р. Текстовый анализ / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика / сост., вступ. ст. И.Р. Гальперина. – М.: Прогресс, 1980. – С. 307-312.
20. Барт, Р. S/Z / Р. Барт; ред. и вступ. ст. Г.К. Косиков. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
21. Бахтин, М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин; ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили; коммент. С.Г. Бочаров [и др.]. – М.: Русские словари, 1997. – Т.5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – 732 с.

22. Белоусов, К.И. Фазовые пространства формы текста / К.И. Белоусов // Мир языка и межкультурная коммуникация: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 16-17 мая 2001 г., Барнаул / отв. ред. Э.Г. Курлянд. – Барнаул, 2001. – Ч. 1. – С. 21-26.
23. Белоусов, К.И. Внутреннее время текста / К.И. Белоусов // Языковая ситуация в России начала XXI века: материалы Междунар. науч. конф., 18-20 октября 2002 г., Кемерово: 2 т. / ред. Л.А. Араева [и др.]. – В 2-х тт. – Кемерово, 2002. – Т. 1. – С. 100-107.
24. Белоусов, К.И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.И. Белоусов. – Кемерово, 2002. – 20 с.
25. Белоусов, К.И. Динамическая модель эмоциональности текста / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова // Актуальные проблемы прикладной лингвистики: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Т.А. Румянцевой. – Пенза: ПГСХА, 2003. – С. 38-40.
26. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова; науч. ред. Г.Г. Москальчук. – Бийск: БГПУ, 2004. – 139 с.
27. Белоусов, К.И. О моделировании внутритекстовых пространств / К.И. Белоусов, Г.Г. Москальчук // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2004. – № 11. – С. 126-129.
28. Белоусов, К.И. Новые направления в изучении структуры текста / К.И. Белоусов, Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Бийский Вестник. – 2004. – № 4. – С. 136-141.
29. Белоусов, К.И. Моделирование взаимодействия внутритекстовых пространств / К.И. Белоусов // Квантитативная лингвистика: исследования и модели: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.А. Поликарпова [и др.]. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 73-93.

30. Белоусов, К.И. Форма текста и его структуры / К.И. Белоусов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2005. – Серия: филология и журналистика. – № 1. – С. 120-129.
31. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнава; науч. ред. Г.Г. Москальчук. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 136 с.
32. Белоусов, К.И. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации: труды X межвуз. науч. -практ. конф., Бийск, 16-17 мая 2005 г.: в 2-х частях / отв. ред. В.А. Акимов. – Ч. 1. – Бийск: РИО БПГУ, 2005. – С. 50-56.
33. Белоусов, К.И. Текст: пространство, время, темпоритм: монография / К.И. Белоусов; науч. ред. Г.Г. Москальчук. – Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – 248 с.
34. Белоусов, К.И., Концепт «водка» в современной России / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская, С.Д. Миронова // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – № 2. – С. 102-108.
35. Белянин, В.П. Введение в психолингвистику / В.П. Белянин. – Изд.2-е, испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2000. – 128 с.
36. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В.П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
37. Берштейн, Н.А. Биомеханика и физиология движений / Н.А. Бернштейн. – М.; Воронеж: Московский психолого-социальный институт: НПО МОДЕК, 1997. – 608 с.
38. Блазнава, Н.А. Точечные аттракторы в структуре текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Блазнава. – Кемерово, 2002. – 20 с.
39. Богин, Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности / Г.И. Богин // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы / общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 41-51.

40. Богин, Г.И. Типология понимания текста: учеб. пособие / Г.И. Богин // Психолингвистика: хрестоматия / сост. В.А. Пищальникова [и др.]. – М.: Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 29-74.
41. Болотнова, Н.С. Основы теории текста / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.
42. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – Ч. I: пособие для филологов. – 129 с.
43. Болотнова, Н.С. О границах информем в поэтическом тексте / Н.С. Болотнова // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). – 2002. – Вып. 1 (29). – С.3-9.
44. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста. / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. – Ч. IV: Методы исследования. – 119 с., ил.
45. Бондарко, Л.В. Исследование фонетики / Л.В. Бондарко, Л.Р. Зиндер // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 145-160.
46. Брушлинский, А.В. Субъект: мышление, учение, воображение / А.В. Брушлинский. – М.; Воронеж: Московский психолого-социальный институт: НПО МОДЕК, 1996. – 392 с.
47. Бургин, М.С. Введение в современную точную методологию науки: Структуры систем знания / М.С. Бургин, В.И. Кузнецов. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 304 с.
48. Бялоус, Н.И. Принцип фрактальности в структуре художественного текста / Н.И. Бялоус // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тез. докл. II Междунар. науч. -практ. конф. – Иркутск, 1997. – С. 77-78.
49. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

50. Васильева, В.В. Ритм текста в динамическом аспекте (на материале фонограмм русской прозаической речи): автореф. дис. канд. филол. наук / В.В. Васильева. – Свердловск, 1990. – 15 с.
51. Васильева, В.В. Русский прозаический ритм. Динамический аспект / В.В. Васильева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. – 120 с.
52. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации / В.В. Василькова. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.
53. Вашак, П. Длина слова и длина предложения в текстах одного автора / П. Вашак // Вопросы статистической стилистики. – Киев: Наукова Думка, 1974. – С. 314-328.
54. Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: Коллективная монография / Ж. Брейар, А.В. Венцов, В.С. Ефимова и др.; отв. ред. Т.Н. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 256 с.
55. Волков, А.М., Деятельность: структура и регуляция (психологический анализ) / А.М. Волков, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 216 с.
56. Волошинов, А.В. Математика и искусство / А.В. Волошинов. – М.: Просвещение, 2000. – 399 с.
57. Воронин С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин // Психолингвистика: хрестоматия / сост. В.А. Пищальникова [и др.]. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 75-87.
58. Воронова, Н.Г. Деятельностная модель интерпретации художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Воронова. – Барнаул, 2000. – 18 с.
59. Выготский, Л.С. Психология развития как феномен культуры. Избр. психологические труды / Л.С. Выготский; под ред. М.Г. Ярошевского. – М.; Воронеж: Изд-во Институт практической психологии: НПО МОДЕК, 1996. – 512 с.

60. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский; сост., предисл. М.Г. Ярошевского; коммент. В.В. Умрихина. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 480 с.
61. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
62. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
63. Гальперин, П.Я. Введение в психологию / П.Я. Гальперин; ред., предисл. и комм. А.И. Подольского. – М.: Университет, 1999. – 332 с.
64. Гаспаров, Б.М. Послесловие. Структура текста и культурный контекст / Б.М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – С. 274-303.
65. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
66. Гаспаров, М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
67. Гаспаров, М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти / М.Л. Гаспаров. – М., 1999. – 289 с.
68. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М., «Мысль», 1975. – Т.1. Наука логики. – 454 с.
69. Герман, И.А. Речевая деятельность как самоорганизующаяся система: к становлению лингвосинергетической парадигмы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Герман. – Барнаул, 1999. – 22 с.
70. Герман, И.А. Введение в лингвосинергетику. Монография / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 129 с.
71. Гивишвили, Г.В. Принцип дополнительности и эволюция природы / Г.В. Гивишвили // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 72-86.
72. Головин, Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.

73. Гласс, Дж. Статистические методы в педагогике и психологии / Дж. Гласс, Дж. Стэнли. – М.: Прогресс, 1976. – 496 с.
74. Горшков, А.И. Русская стилистика: учеб. пособие / А.И. Горшков. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 367 с.
75. Готтсданкер, Р. Основы психологического эксперимента / Р. Готтсданкер. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 464 с.
76. Гринбаум, О.Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении (на материале «Онегинской строфы» и русского сонета) / О.Н. Гринбаум. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 160 с.
77. Губин, В.Б. Физические модели и реальность. Проблема согласования термодинамики и механики / В.Б. Губин. – Алматы, 1993. – 231 с., ил.
78. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
79. Гусев, С.С. Проблема понимания в философии: Филос.-гносеол. анализ / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
80. Деев, А.Н. Введение в теорию гармонии / А.Н. Деев. – Новосибирск, 2001. – 295 с.
81. Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. – М.: НИИОП АПН СССР, 1990. – 180 с.
82. Джурюк, Т.В. Размер предложения как один из параметров характеристики индивидуально-авторского стиля немецкоязычных писателей начала XX столетия (на материале произведений Ф. Кафки, И. Койн, Т. Манна, К. Тухольского) / Т.В. Джурюк // Квантитативная лингвистика: исследования и модели: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.А. Поликарпова [и др.]. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – С. 182-194.
83. Диалектическая логика: Общие вопросы. Категории сферы непосредственного / под ред. Ж.М. Абдильдина; предисл. Ж.М. Абдильдина. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 400 с.

84. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – 270 с.
85. Доронина, Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Доронина. – Барнаул, 1999. – 23 с.
86. Дорофеева, В.А. Структурно-информационная устойчивость текста к деформациям его объема: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Дорофеева. – Кемерово, 2004. – 23 с.
87. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. / М.Я. Дымарский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
88. Евзлин, М. Космогония и ритуал / М. Евзлин, предисл. В.Н. Топоров. – М.: Радикс, 1993. – 344 с.
89. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика / общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 2002. – Вып. 1. – С. 131-256.
90. Ерчак, Н.Т. Особенности понимания художественного текста взрослыми и детьми // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 82-87.
91. Жинкин, Н.И. Развитие письменной речи учащихся 3-7 классов / Н.И. Жинкин // Психология усвоения грамматики, орфографии и развития письменной речи: труды ин-та психологии. – М.: Изд-во АПН, 1956. – С. 141-250.
92. Жинкин, Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды) / Н.И. Жинкин; сост., науч. ред. С.И. Гиндина. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
93. Жолковский, А.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов; предисл. М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

94. Жоль, К.К. Проблема понимания как предмет гносеологического и семантического анализов / К.К. Жоль // Понимание как логико-гносеологическая проблема. – Киев: Наукова Думка, 1982. – 272 с.
95. Журавлев, А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1981. – 160 с.
96. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с. -
97. Залевская, А.А. Текст и его понимание: Монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
98. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. -248 с.
99. Зелянская, Н.Л. Филологическая рецепция литературного факта: экспериментальное изучение и моделирование / Н.Л. Зелянская // Квантитативная лингвистика: исследования и модели: материалы Всерос. науч. - практ. конф. / под ред. А.А. Поликарпова [и др.]. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 61-72.
100. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.; Воронеж: Московский психолого-социальный институт: НПО МОДЕК, 2001. – 432 с.
101. Зимняя, И.А. Речевая деятельность и психология речи / И.И. Зимняя // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 64-72.
102. Зиндер, Л.Р. Реальный поток речи и «реконструкция» фонемного состава слова / Л.Р. Зиндер // Теория языка. Методы его исследования и преподавания: к 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы / отв. ред. Р.И. Аванесов. – Л.: Наука, 1981. – С. 102-106.
103. Зиновьев, А.А. Логика науки / А.А. Зиновьев. – М.: Мысль, 1971. – 279 с.
104. Зинченко, В.П. Образ и деятельность / В.П. Зинченко. – М.; Воронеж: Изд-во Институт практической психологии: НПО МОДЕК, 1997. – 608 с.

105. Зубкова, Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания: учеб. пособие / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 237 с.
106. Зобов, Р.А. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства / Р.А. Зобов, А.М. Мостепаненко // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 11-25.
107. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова; отв. ред. Ю.В. Рождественский. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
108. Иванников, В.А. Подходы к анализу деятельности / В.А. Иванников // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. – М., 1999. – С. 38-47.
109. Иванова-Лукьянова, Г.Н. Функциональный подход к изучению суперсегментной фонетики / Г.Н. Иванова-Лукьянова // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1989. – 389 с.
110. Иванова-Лукьянова, Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм / Г.Н. Иванова-Лукьянова. – М.: Флинта; Наука, 2000. – 200 с.
111. Ильенко, С.Г. О семантическом «радиусе действия» предложения в тексте / С.Г. Ильенко // Теория языка, методы его исследования и преподавания / отв. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Наука, 1981. – С. 129-135.
112. Ильенко, С.Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц / С.Г. Ильенко // Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц. – Л., 1988. – С. 7-22.
113. Ионова, М.Б. Абсолютно слабые позиции текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Б. Ионова. – Кемерово, 2003. – 23 с.
114. Каган, М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
115. Каган, М.С. К вопросу о соотношении симметрии и асимметрии как способов самоорганизации бытия // Языки науки – языки искусства / общ. ред. З.Е. Журавлевой, В.А. Копцика, Г.Ю. Ризниченко. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 55-60.

116. Кайда, Л.Г. Композиционный анализ художественного текста: Теория. Методология. Алгоритмы обратной связи / Л.Г. Кайда. – М.: Флинта, 2000. – 152 с.
117. Казарин, Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов / Ю.В. Казарин; общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.; Екатеринбург: Академический Проект: Деловая книга, 2004. – С. 432.
118. Казарян, В.П. Системное представление феномена времени. Анализ психологических и культурологических моделей / В.П. Казарян, Л.Н. Любинская // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1992-1994. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – С. 343-359.
119. Кантер, Л.А. Системный анализ речевой интонации: учеб. пособие / Л.А. Кантер. – М.: Высш. шк., 1988. – 128 с.
120. Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Р. Карнап. – М.: Прогресс, 1971. – 392 с.
121. Караулов, Ю.Н. Вторичные размышления об эксперименте в языкознании / Ю.Н. Караулов // Теория языка, методы его исследования и преподавания / отв. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Наука, 1981. – С. 135-140.
122. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.
123. Каримова, Р.А. Типы языкового сознания и их реализация в тексте / Р.А. Каримова // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации / под ред. Е.Ф. Тарасова. – М., 2000. – С.110-111.
124. Карпов, В.А. Язык как система / В.А. Карпов; предисл. Ю.А. Урманцева. – 2-е изд. испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
125. Касаткина, О.Н. Соотношение глубинного и поверхностного уровней текста Евангелий Нового Завета: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Касаткина. – Барнаул, 2005. – 20 с.
126. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 300 с.

127. Квантитативная лингвистика: исследования и модели: материалы Всерос. науч. -практ. конф. / под ред. А.А. Поликарпова [и др.]. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – 371 с.
128. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Сов. энциклоп., 1966. – 376 с.
129. Кинцель, А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Кинцель. – Барнаул, 1998. – 20 с.
130. Кинцель, А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: Монография / А.В. Кинцель. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 152 с.
131. Князева, Е.Н. Синергетический вызов культуре / Е.Н. Князева // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов /отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 243-261.
132. Князева, Е.Н. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.
133. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
134. Ковалев, Ф.В. Золотое сечение в живописи / Ф.В. Ковалев. – Киев: Выща шк., 1989. – 143 с., ил.
135. Колшанский, Г.В. Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Высш. шк., 1965. – 240 с.
136. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова [и др.]; под. ред. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 331 с.

137. Корбут, А.Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии): дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Корбут. – Иркутск, 1994. – 139 с.
138. Корбут, А.Ю. К вопросу психолингвистической сущности текстового инварианта / А.Ю. Корбут // Интерпретация художественного текста / отв. ред. В.А. Акимов. – Бийск, 1998. – С. 42-44.
139. Корбут, А.Ю. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие / А.Ю. Корбут; науч. ред. Г.Г. Москальчук. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – 78 с.
140. Корбут, А.Ю. Формообразование в фольклорном тексте / А.Ю. Корбут, О.Б. Лихачева, Г.Г. Москальчук // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста. Бийск, 2002. – Вып. 7, ч. 2: Лингвистический аспект. – С. 83-94.
141. Корбут, А.Ю. Текстосимметрика: Монография. / А.Ю. Корбут; науч. ред. Г.Г. Москальчук. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2004. – 200 с.
142. Корбут, А.Ю. Текстосимметрика как раздел общей теории текста: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / А.Ю. Корбут. – Барнаул, 2005. – 33 с.
143. Корбут, А.Ю. Принцип симметрии в классификации элементов текста и его объясняющая сила / А.Ю. Корбут, Г.Г. Москальчук // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – № 2, прил.: Гуманитарные науки. – С. 64-70.
144. Корженский, Я. Прагматический компонент и вопросы теории текста // Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – С. 68-77.
145. Коржнева, Е.А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Коржнева. – Кемерово, 2003. – 187 с.
146. Коробко, В.И. Золотая пропорция и проблемы гармонии систем / В.И. Коробко. – М.: Ассоциации строительных вузов СНГ, 1998. – 373 с.: ил.
147. Коробко, В.И. Золотая пропорция: некоторые философские аспекты гармонии / В.И. Коробко. – М.: Ассоциации строительных вузов; Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2000. – 204 с.: ил.

148. Костюк, В.Н. Системное пространство-время / В.Н. Костюк // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1989-1990. – М.: Наука, 1991. – С. 238-250.
149. Крейцер, А.В. Синергетические аспекты анализа нечеткой информации / А.В. Крейцер, А.М. Спиваковский // Синергетика и методы науки. СПб., Наука, 1998. – 439 с.
150. Кубрякова, Е.С. Введение / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – С. 4-20.
151. Кубрякова, Е.С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – С. 21-81.
152. Кубрякова, Е.С. Текст и его понимание / Е.С. Кубрякова. // Русский текст. – 1994. – №2. – С. 18-27.
153. Кузнецов, А.М. О семантической неопределенности языковых единиц в составе текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – С. 41-50.
154. Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов; отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1986. – 128 с.
155. Купина, Н.А. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие / Н.А. Купина. – М.: Просвещение, 1980. – 78 с.
156. Кухаренко, В.А. Индивидуально художественный стиль и его исследование / В.А. Кухаренко. – Киев; Одесса, 1980. – 168 с.
157. Курдюмов, С.П. Синергетическое расширение антропного принципа / С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 80-106.
158. Кэмпбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл; сост. и общ. ред. М.И. Бобневой;

- вступ. ст. Г.М. Андреевой. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 391 с.
159. Кэррол, Д.Б. Факторный анализ стилевых характеристик прозы // Д.Б. Кэрролл // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – С. 183-197.
160. Лакин, Г.Ф. Биометрия / Г.Ф. Лакин. – М.: Высш. шк., 1980. – 293 с.
161. Ласло, Э. Основания трансдисциплинарной единой теории / Э. Ласло; пер. Ю.А. Данилова // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 326-333.
162. Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Основные итоги / В.В. Левицкий. – Черновцы, 1998. – 130 с.
163. Левич, А.П. Введение. Мотивы и задачи изучения времени / А.П. Левич // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени / под ред. Б.В. Гнеденко. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – Ч.1. Междисциплинарное исследование. – С. 9-27.
164. Левич, А.П. Теория систем / А.П. Левич // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени / под ред. Б.В. Гнеденко. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – Ч.1. Междисциплинарное исследование. – С. 235-288.
165. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1989. – 508 с.
166. Леонтьев, А.А. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 21-28.
167. Леонтьев, А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев. // Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – С. 18-36.
168. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.

169. Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избр. психологические труды / А.А. Леонтьев. – М.; Воронеж: Московский психолого-социальный институт: НПО МОДЭК, 2001. – 448 с.
170. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
171. Леонтьев, А.Н. Общее понятие о деятельности / А.А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 5-20.
172. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
173. Леонтьев, Д.А. Субъективная семантика и смыслообразование / Д.А. Леонтьев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1990. – № 3. – С. 33-42.
174. Лескис, Г.А. О зависимости между размером предложения и характером текста / Г.А. Лескис // Вопросы языкознания. – 1963. – Т.12. – № 3. – С. 92-112.
175. Лингвистический анализ художественного текста: материалы для самостоятельной работы над курсом / О.Н. Панченко [и др.]; отв. ред. О.Н. Панченко. – М.: Просвещение, 1988. – 111 с.
176. Лосев, А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы / А.Ф. Лосев // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. – С. 5-92.
177. Лосев, А.Ф. Проблема художественного стиля / А.Ф. Лосев; сост. А.А. Тахо-Годи. – К.: Collegium: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. – 288 с.
178. Лосев, А.Ф. Самое само: Сочинения / А.Ф. Лосев; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
179. Лосев, А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф. Лосев; под ред. И.А. Василенко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.

180. Лосева, Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева; под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с.
181. Лоскутов, А.Ю. Синергетика и нелинейная динамика: новые подходы к старым проблемам // Синергетика: материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы, перспективы». – М.: Изд-во МГУ, 2000. – Т. 3. – 268 с.
182. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. – М.: Гнозис, 1994. – 560 с.
183. Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман; сост. Р.Г. Григорьев, М.Ю. Лотман; вступ. ст. Р.Г. Григорьев, С.М. Даниэль СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с., ил.
184. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
185. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – Ростов н/Д.: Изд-во Феникс, 1998. – 416 с.
186. Майнцер, К. Сложность и самоорганизация / К. Майнцер // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 48-62.
187. Манаков, Н.А. Текст как природный объект / Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Педагог: Наука, технология, практика. – 1999. – № 2 (7). – С. 58-62.
188. Манаков, Н.А. Лингвосинергетика: первые результаты, проблемы и перспективы / Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы / общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 107-113.
189. Манаков, Н.А. К основаниям текстосимметрии / Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. / общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001. – С. 57-63.

190. Манаков, Н.А. Конструкция и содержание текста: проблема соответствия / Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Мир языка и межкультурная коммуникация: материалы Междунар. науч. -практ. конф.. В 2-х ч. / отв. ред. Э.Г. Курлянд. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – Ч.2. – С. 12-18.
191. Манаков, Н.А. К вопросу о синтезе материальных и идеальных характеристик текста / Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Художественный текст: варианты интерпретации: материалы IX межвузовской науч. -практ. конф., 20-21 мая 2004 г. / отв. ред. В.А. Акимов. – Вып. 9. – Бийск: БПГУ, 2004. – С. 243-249.
192. Манаков, Н.А. Текст с точки зрения системного подхода / Н.А. Манаков, Г.Г. Москальчук // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы II Междунар. науч. -практ. конф., Бийск 22 – 24 сент 2004 г. – Бийск, 2004. – Т. 1. – С. 235-241.
193. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т.В. Матвеева; науч. ред. Н.А. Купина. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
194. Мельничук, А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. М., 1981. – С. 76-79.
195. Микиша, А.М. Толковый математический словарь. Основные термины / А.М. Микиша, В.Б. Орлов. – М.: Русс. яз., 1989. – 244 с., ил.
196. Миллер, Дж. А. Некоторые пролегомены к психолингвистике // Психолингвистика за рубежом. М., 1972. – С. 31-44.
197. Мильман, В.Э. Цель как способ проектирования деятельности / В.Э. Мильман // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1986. – М.: Наука, 1987. – С. 102-123.
198. Минералов, Ю.М. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность) / Ю.М. Минералов. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.
199. Митина, О.В. Факторный анализ для психологов / О.В. Митина, И.Б. Михайловская. – М.: Психология, 2001. – 169 с.

200. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М.: Высш. шк., 1981. – 183 с.
201. Москальчук, Г.Г. Фразовый повтор в диалектной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Москальчук. – М., 1990. – 16 с.
202. Москальчук, Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста: Монография / Г.Г. Москальчук; ред. и вступ. ст. В.А. Пищальниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 240 с.
203. Москальчук, Г.Г. Объемная симметрия текста: «Подражания Корану» А.С. Пушкина / Г.Г. Москальчук // Русский национальный язык и его функционирование на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XX века. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 121-126.
204. Москальчук, Г.Г. Категория разрывности в тексте / Г.Г. Москальчук // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих Филологических чтений, Новосибирск, 28-29 ноября 2002 г. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. Т. 1: Лингвистика. – С. 219-224.
205. Москальчук, Г.Г. Теория формообразования текста / Г.Г. Москальчук // Язык. Время. Личность: материалы Междунар. науч. конф., 3-5 декабря 2002 г., Омск / под ред. Л.О. Бутаковой. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – С. 517-524.
206. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
207. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
208. Мурзин, Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика / Л.Н. Мурзин // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: Кол. монография / под. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 238-248.

209. Николаева, Т.М. Теория текста / Т.М. Николаева // Языкознание: большой энциклоп. сл. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энциклоп., 1998. – С. 508.
210. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
211. Николис, Дж. Хаотическая динамика лингвистических процессов и образование паттернов в поведении человека // Вопросы философии. 1997. – № 3. – С. 85-90.
212. Новиков, А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – С. 10-22.
213. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
214. Новиков, А.И. Знание в системах общения / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ. – М., 1989. – С. 58-103.
215. Новиков, А.И. Семантические расстояния в языке и тексте / А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
216. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / ред. Н.Т. Беляева; вступ. ст. Т.Н. Николаева. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с.
217. Общение. Текст. Высказывание / отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1989. – 175 с.
218. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов; отв. ред. А.И. Горшков. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
219. Осгуд, Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Осгуд, Дж. Суси, П. Танненбаум // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – С. 278-297.
220. Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

221. Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р.Г. Котов. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
222. Основы теории текста: учеб. пособие / Ю.Н. Земская [и др.]; под общ. ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 181 с.
223. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
224. Папина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
225. Паршин, А.Н. Размышления над теоремой Геделя / А.Н. Паршин // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 92-109.
226. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики: учеб. пособие / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 400 с.
227. Петренко, В.Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики / В.Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р.Г. Котов. – М., 1990. – С. 18-31.
228. Пиотровский, Р.Г. О лингвистической синергетике / Р.Г. Пиотровский // НТИ. – 1996. – № 12. – Сер.2. – С. 1-12.
229. Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. – М., 1977. – 384 с.
230. Пищальникова, В.А. Психопоэтика: Монография / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 176 с.
231. Плотников, Б.А. О форме и содержании в языке / Б.А. Плотников. – Мн.: Высш. шк., 1989. – 254 с.
232. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
233. Потапова, А.А. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. – С.199-210.
234. Потенбня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потенбня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

235. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; общ. ред. и послесл. В.И. Аршинова [и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 312 с.
236. Психология. Словарь / сост. Л.А. Карпенко; общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
237. Пушкина, Е.С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Пушкина. – Кемерово, 2002. – 24 с.
238. Пыж, Е.М. Интонация и значение (К проблеме языковой экономии и избыточности) / Е.М. Пыж // Вопросы стилистики. Функционально-стилевая дифференциация языка. – Саратов, 1981. – С. 85-95.
239. Разумовский, О.С. Оптимология / О.С. Разумовский; отв. ред. А.Л. Симанов. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. – Ч.1. Общенаучные и философско-методологические основы. – 285 с.
240. Ревзин, И.И. Модели языка / И.И. Ревзин. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 192 с.
241. Резник, Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология / Ю.М. Резник. – М.: Наука, 2003. – 525 с.
242. Реферовская, Е.А. Лингвистические исследования структуры текста / Е.А. Реферовская. – Л., 1983. – 216 с.
243. Радионова, Т.Н. Роль интонации в художественной коммуникации / Т.Н. Радионова, В.П. Фомин // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная коммуникация и семиотика / отв. ред. Ю.Б. Боров. – М.: Наука, 1986. – С. 184-202.
244. Розанова, Н.Н. Фонетика разговорной речи. Взаимодействие сегментных и суперсегментных единиц / Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Уровни языка / отв. ред. Д.Н. Шмелев, М.Я. Гловинская. – М.: Наука, 1996. – С. 23-53.

245. Розенов, Э.К. Закон золотого сечения в поэзии и музыке / Э.К. Розенов // Статьи о музыке. Избранное / Э.К. Розенов; сост., вст.ст., коммент. Н.Н. Соколова; общ.ред. В.В. Протопопова. – М.: Музыка, 1982. – С. 119-157.
246. Розин, В.М. Семиотические исследования / В.М. Розин. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 256 с.
247. Романов, Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка): дис. ... докт. филол. наук / Д.А. Романов. – Тула, 2004. – 496 с.
248. Рубакин, Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию / Н.А.Рубакин. – М.: Изд-во Книга, 1977. – 264 с.
249. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком., 1998. – 688 с.
250. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 317 с.
251. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с.
252. Рылова, Е.В. Символ как креативный аттрактор речевого произведения (на материале текстов О.Э. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Рылова. – Горно-Алтайск, 2000. – 18 с.
253. Сагатовский, В.Н. М.С. Каган и будущее нашей философии / В.Н. Сагатовский // В диапазоне гуманитарного знания. К 80-летию профессора М.С. Кагана. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 7-21.
254. Садовский, В.Н. Принцип системности, системный подход и общая теория систем / В.Н. Садовский // Системные исследования. Ежегодник. – М., 1978. – С. 7-25.
255. Сапего, И.Г. Предмет и форма: Роль восприятия материальной среды художником в создании пластической формы / И.Г. Сапего. – М.: Советский художник, 1984. – 304 с.

256. Сарычев, В.М. Время как характеристика действительности // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени / под ред. Б.В. Гнеденко. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – Ч.1. Междисциплинарное исследование. – С. 289-302.
257. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
258. Сахарный, Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л.В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – С. 221-237.
259. Сахарный, Л.В. Человек и текст: две грамматики текста / Л.В. Сахарный // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 7-59.
260. Секун, В.И. Регуляция деятельности как фактор структурной организации черт личности. автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Киев, 1989. – 41 с.
261. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
262. Серкин, В.П. Психосемантика: на пути к моделированию / В.П. Серкин, В.Е. Сиротский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1990. – № 3. – С. 28-33.
263. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности / Е.В. Сидоров; отв ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1987. – 140 с.
264. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2002. – 350 с., ил.
265. Синергетика и психология: Тексты / под ред. И.Н. Трофимовой. – М.: Изд-во МГСУ Союз, 1997. Вып. 1. Методологические вопросы. – 361 с.
266. Синергетика и психология. Тексты / под ред. И.Н. Трофимовой. – М.: Янус-К, 1999. – Вып.2. Социальные процессы. – 272 с.
267. Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов /отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 536 с.: ил.

268. Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – 368 с.
269. Система. Симметрия. Гармония / под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – 315 с.
270. Сичивица, О.М. Методы и формы научного познания / О.М. Сичивица. – М.: Высш. шк., 1972. – 96 с.
271. Слюсарева, Н.А. Лингвистика речи и лингвистика текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – С. 22-41.
272. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое) / Г.Я. Солганик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1991. – 182 с.
273. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
274. Солодянкина, Н.В. Целостность текста в аспекте согласования его формальной и смысловой структур: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Солодянкина. – Кемерово, 2004. – 24 с.
275. Сорокин, Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина (критический очерк) / Ю.А. Сорокин // Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию / Н.А. Рубакин; вступ. ст. Ю.А. Сорокин. – М.: Изд-во Книга, 1977. – С. 6-15.
276. Сорокин, Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность / Ю.А. Сорокин // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – С. 61-74.
277. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин; отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
278. Сорокин, Ю.А. Общение и текст / Ю.А. Сорокин, Е.Б. Левченко // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ / отв. ред. Ю.Н. Марчук. – М.: Наука, 1989. – С. 34-49.
279. Сорокин, Ю.А. Психонарративика и психопоэтика: фрагменты концептуального аппарата и интерпретативных процедур / Ю.А. Сорокин //

- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 131-209.
280. Сороко, Э.М. Структурная гармония систем / Э.М. Сороко. – Минск: Наука и техника, 1984. – 264 с.
281. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
282. Степанов, Ю.С. Семиотика концептов / Ю.С. Степанов // Семиотика. Антология / сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 603-612.
283. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
284. Степин, В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
285. Стеценко, А.П. О роли принципа предметности в теории деятельности (критика «извне» и критика «изнутри») / А.П. Стеценко // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. – М.: НИИОП АПН СССР, 1990. – С. 20-33.
286. Судаков, К.В. Общая теория функциональных систем / К.В. Судаков. – М.: Медицина, 1984. – 224 с.
287. Сулименко, Н.Е. Мир хаоса в его преломлении лексической структурой текста / Н.Е. Сулименко // Текст. Узоры ковра: сб. ст. науч. -метод. семинара «TEXTUS» / под ред. К.Э. Штайн. – СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 14-19.
288. Сулименко, Н.Е. Уровни психической активности сознания как неравновесные системы в их текстовом обнаружении / Н.Е. Сулименко // Текст. Узоры ковра: сб. ст. науч. -метод. семинара «TEXTUS» / под ред. К.Э. Штайн. – СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 123-128.
289. Суходольский, Г.В. Введение в математико-психологическую теорию деятельности / Г.В. Суходольский. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 220 с.

290. Сухотин, Б.В. Исследование грамматики числовыми методами / Б.В. Сухотин; отв. ред. А.А. Зализняк. – М.: Наука, 1990. – 176 с.
291. Тарановский, К.О поэзии и поэтике / К. Тарановский; сост. М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.
292. Тарасенко, В.В. Фрактальная геометрия природы: социокультурное измерение / В.В. Тарасенко // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 191-214.
293. Тарасов, Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов; отв. ред. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1987. – 168 с.
294. Тарасов, Е.Ф. Проблематика изучения, описания и моделирования речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ / отв ред. Ю.Н. Марчук. – М.: Наука, 1989. – С. 5-34.
295. Тарасов, Е.Ф. Проблемы анализа речевого общения // Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука, 1989. – С. 7-40.
296. Теория функциональных систем в физиологии и психологии. М.: Наука, 1978. – 384 с.
297. Тураева, З.Я. Лингвистика текста. (Текст: структура и семантика) / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
298. Тюхтин, В.С. Актуальные вопросы разработки общей теории систем // Система. Симметрия. Гармония / под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 10-38.
299. Урманцев, Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. Философские и естественнонаучные аспекты / Ю.А. Урманцев. – М.: Мысль, 1974. – 229 с.
300. Урманцев, Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония / под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 38-130.

301. Федоров, В.И. Классификация управляющих систем организма. Дополнение к теории функциональной системы П.К. Анохина / В.И. Федоров // Успехи современной биологии. – 2000. – Т. 120. – № 1. – С. 3-11.
302. Федоров, В.К. Хаос и неопределенность в нелинейных системах / В.К. Федоров // Омск. научн. вестник. – 1998. – Вып. 3 (июнь). – С. 12-14.
303. Филиппов, К.А. Лингвистика текста. Курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.
304. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энциклоп., 1983. – 840 с.
305. Халина, Н.В. Феноменологический анализ текста Василия Шукшина: монография / Н.В. Халина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 134 с.
306. Халина, Н.В. Трансцендентный детерминизм как форма языкового самосо осуществления человека: языковой материализм и языковой реализм, или физический и трансцендентный типы детерминизма / Н.В. Халина // Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка: кол. монография / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. – С. 169-183.
307. Хартунг, В. Деятельностный подход в лингвистике: результаты, границы, перспективы / В. Хартунг // Общение. Текст. Высказывание / отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1989. – С. 41-55.
308. Херрманн, Фр.-В. фон. Фундаментальная онтология языка / Фр.-В. фон. Херрманн; науч. ред. А.А. Михайлов; пер. с нем. И.Н. Инишев. – Минск: Изд-во ЕГУ, 2001. – 168 с.
309. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 122 с.
310. Черемисина, Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи / Н.В. Черемисина. – Киев: Наукова думка, 1981. – 240 с.
311. Черемисина-Ениколопова, Н.В. Законы и правила русской интонации: учеб. пособие / Н.В. Черемисина-Ениколопова. – М.: Флинта; Наука, 1999. – 520 с.

312. Чернавский, Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации / Д.С. Чернавский; послесл. Г.Г. Малинецкого. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.
313. Чернова, М.М. Ритмомелодическая структура как компонент процесса самоорганизации текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Чернова. – Горно-Алтайск, 2002. – 22 с.
314. Чернышева, Н.Ю. Ритм художественного текста как смыслообразующий фактор его понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Чернышева. – Барнаул, 2002. – 16 с.
315. Чувакин, А.А. К проблеме деривационной текстологии / А.А. Чувакин, Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2000. – С. 5-28.
316. Шабес, В.Я. Событие и текст: монография / В.Я. Шабес. – М.: Высш. шк., 1989. – 175 с.: ил.
317. Шанский, Н.М. Филологический анализ художественного текста / Н.М. Шанский, Ш.А. Махмудов. – СПб.: Специальная литература, 1999. – 319 с.
318. Шафрановский, И.И. Симметрия в природе / И.И. Шафрановский. – 2-е изд., перераб. – Л.: Недра, 1985. – 168 с., ил.
319. Шаховский, В.И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвозекология) / В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева; науч. ред. А.М. Шахнарович. – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с.
320. Швырков, В.Б. Теория функциональных систем в психофизиологии / В.Б. Швырков // Теория функциональных систем в физиологии и психологии. – М., 1978. – С. 11-46.
321. Шевелев, И.Ш. Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии / И.Ш. Шевелев, М.А. Марутаев, И.П. Шмелев. – М.: Стройиздат, 1990. – 343 с.; ил.

322. Шевченко, Н.В. Основы лингвистики текста: учеб. пособие / Н.В. Шевченко. – М.: Приор-издат, 2003. – 160 с.
323. Шмелев, А.Г. Семантический код и возможности матричной психодиагностики / А.Г. Шмелев // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14: Психология. – 1990. – № 3. – С. 23-28.
324. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта) / Г.Г. Шпет. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.
325. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М.; Л.: Наука, 1966. – 304 с.
326. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий; ред. и сост. А.А. Пископфель, Л.П. Щедровицкий. – М.: Шк.Культ.Полит.,1995. – 800 с.
327. Щедровицкий, Г.П. Программирование научных исследований и разработок / Из архива Г.П. Щедровицкого / Г.П. Щедровицкий. – Т. 1. – М.: Путь, 1999. – 288 с.
328. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба; ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; предисл. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
329. Юдин, Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 449 с.
330. Языкознание: большой энциклоп. сл. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энциклоп., 1998. – 685 с.: ил.
331. Ярхо, Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) <отрывки> / Б.И. Ярхо // О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 456-477.
332. Coirier, P. Psycholinguistique textuelle. Une approche cognitive de la compréhension et de la production des textes / P. Coirier, D. Gaonac'h, J.-M. Passerault. – Paris: Armand Colin, 1996. – 297 p.

333. Cornman, J.W. Language and Ontology / J.W. Cornman // The Linguistic Turn. Recent essays in Philosophical method // Edited by R. Rorty. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 393 p.
334. Garner, R. Children's knowledge of structural properties of expository text / R. Garner, P. Alexander, W. Slater, V. Chou Hare, T. Smith, R. Reis // Journal of Experimental Psychology. – 1986. – № 78. – C. 411-416.
335. Greetham, D.C. Theories of the Text / D.C. Greetham. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 592 p.
336. Halliday, M.A.K. Cohesion in English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – 374 p.
337. Grigely, J. Textuality: art, theory and textual criticism / J. Grigely. – University of Michigan Press, 1995. – 208 p.
338. Hilberg, W. The unexpected fundamental influence of mathematics upon language / W. Hilberg // Glottometrics. – 2002. – № 5. – p. 29-50.
339. Hrebicek, L. The elements of symmetry in text structures / L. Hrebicek // Glottometrics. – 2002. – № 2. – p. 17-33.
340. New methods in reading comprehension research / Eds. D.N. Kieras, M.A. Just. – NY: Lawrence Erlbaum, 1984.
341. Le Ny, J.F. La sémantique psychologique / J.F. Le Ny. – Paris: Presses Universitaires de France, 1979.
342. Meyer, P. Laws and theories in quantitative linguistics / P. Meyer // Glottometrics. – 2002. – № 5. – p. 62-80.
343. Miall, D.S. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response / D.S. Miall, D. Kuiken // Discourse Processes. – 1994. – № 17. – p. 337-352.
344. Ziegler, A. A contribution to text spectra / A. Ziegler, K.-H. Best, G. Altmann // Glottometrics – 2001. – № 1. – p. 97-108.